

Николай Энгельгардт

Окровавленный трон

Сядьте, лорды,
Со мной на землю, поведемте речь
О бедных королях.
Взгляните, сколько
Их свергнуто с престолов, пало в битвах,
Измучено явленьем страшных теней...
Смерть царствует в короне королей!
Там, там она, смеясь и скаля зубы,
Насмешливо дарит ничтожный миг
Им почестей и славы, и безумцы
Грозят с своих престолов...
Шекспир.

Король Ричард Второй. Действ. II. Сц. II

Предисловие

- Ah! monsieur l'auteur, quelle belle occasion vous avez là de taire des portraits! Et quels portraits! Vous allez nous mener au chateau de Madrid, au milieu de la cour. Et quelle court..
- Hélas! monsieur le lecteur, que me demandez -- vous là?.. Ye voudrais bien avoir le talent d'écrire une Histoire de France; je ne terais pas de contes...
- Ah! je le m'apercois que je ne trouverai pas dans votre roman ce que j'y cherchais.
- Je le crains.
- Prosper Mérimée*

(-- Ах, г. автор, какой прекрасный повод дать ряд портретов! И каких еще! Вы поведете нас в испанский замок, ко двору. И какому!..

-- Ах, г. читатель, что вам от меня угодно?.. У меня, кажется, способности написать историю Франции, но я не умею рассказывать сказки...

-- Ах! Кажется, я не найду в вашем романе того, что ищу.

-- Боюсь, что не найдете.

Проспер Мериме. Хроника царствования Карла IX. Гл. VIII. Разговор между читателем и автором).

За последние два года явилась возможность обнародовать многие документы, проливающие яркий свет на трагическую личность императора Павла Петровича, его двор и роковые мартовские события, завершившие краткое царствование "коронованного Гамлета". До сих пор сокрытое под спудом цензурного запрета стало достоянием научной критики. Но уже в капитальном труде покойного Шильдера, истинного художника исторической монографии, возникла необыкновенно сложная и противоречивая фигура монарха, до тех пор в ходячих анекдотах и

пошлых эпиграммах слывшего вульгарным тираном и ограниченным полубезумным деспотом, Оказалось, что в личности Павла I художник может найти неиссякаемый материал черт высоких, рыцарски благородных, политического гения, самой утонченной образованности, самой нежной чуткости и, рядом с этим, дикие взрывы необузданного гнева, тиранства, слепого самовластия, и все это, переплетенное трагическим юмором и буффонадою, достойно, быть может, родителя его, Петра III. Художник, взглядываясь в павловскую эпоху, найдет в ней все элементы великой трагедии, самую романтическую обстановку, он признает, что Павел и окружавшие его исторические личности достойны только шекспировской хроники. В Павле -- скопление всех противоречий, искривлений, несуразностей петербургского периода русской истории. Он был наследником всех кровавых переворотов XVIII века; но в роковых мартовских днях -- исток и всех переворотов XIX-го. "Освободители", наполнившие спальню Михайловского замка в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., были, несомненно, прадедами всех последующих "освободителей".

Прагматическая нить истории XVIII столетия увидит в Павле I логическое последствие трагической смерти несчастного царевича Алексея и, в свою очередь, именно ночь 11 марта является клубком прагматической нити истории XIX века и даже наших дней. Декабристы, первое марта и современное "освободительное движение" -- все это зародилось там, в мрачном замке-крепости, по плану укреплений Вобана, со рвами, подъемными мостами, потайными ходами, люками бездонных колодцев, лабиринтом дворов, лестниц, коридоров, с намерзшим инеем и льдом по стенам сказочно роскошных зал, с плесенью, поедающей драгоценную живопись, гобелены, бархат, с туманом от непросыхающей сырости. Отсюда и весь мрак, весь ужас русской революции, совершающейся рядом взрывов у ступеней окровавленного трона уже два века. Кровь царевича Алексея повела к крови несчастного Иоанна Антоновича, Петра III, Павла Петровича. Кровь Павла Петровича отозвалась кровью 14 декабря и 1 марта, и ныне всходит кровавым посевом "конституционного" 1906 года. Кровь рождает кровь. Страшный посев рукою Петра Великого, начавшего казнями стрельцов и кончившего пытками и умерщвлением родного сына, по сей день кровавой жатвой растет по Руси. Преступление на троне падает на весь народ. Таковы роковые законы истории, такова ее кровавая прагматика.

Центральное положение фигуры Павла I на пороге двух столетий давно бросалось в глаза авторам мемуаров того времени. Перешагнув одиннадцатое марта, оставив за собой обезображенное тело с разбитым виском, под осеняющей огромной треугольной шляпой, на торжественном катафалке, антично-прекрасный златокудрый юноша, император Александр не стряхнул, однако, с плеч своих груза преступлений XVIII столетия и, вступая в Успенский собор, за шлейфом горностаевой мантии влек целую свиту потрясающих фигур усердных "слуг" своих предшественников.

Но, изучая двор самого Павла I, мы находим в нем обломки всех революционных переворотов, потрясших Европу с 1789 г. Тут и французские эмигранты, и принц Конде, и развенчанный польский король, тут мальтийские рыцари, тут масоны и якобинцы под благочестивыми масками, тут и Адам Чарторыйский, и немецкие принцы, и наследники политики герцога Иоганна Бирона -- курляндские лисицы с сердцами тигров! Тут и иезуиты, и улыбающиеся итальянцы! Какая разнообразная смесь эпох, верований, понятий!

И над всем этим пестрым людским фараоном -- монарх от головы до ног, гроссмейстер мальтийского ордена, угадавший значение первого консула Наполеона Бонапарта и провидевший в нем, если и не короля, то кого-то не ниже в отношении искусства самовластия, в византийском злато-алом далматике, с перевязью, на коей вышиты Страсти Христовы, в трехрогой шляпе и ботфортах, с гневом на челе, с прекрасной грустью, искаженного природой, гения в больших глазах, со змеящейся улыбкой буфона на устах, -- сам Павел Петрович, самодержец всероссийский! Дело истории произнести беспристрастный и окончательный суд над нравственной личностью и делами его. Тем более, что краткому царствованию Павла предшествовал многолетний подготовительный "гатчинский" период, мало изученный и давший начало целой системе, гражданской и военной, сохранявшейся в два следующие царствования. Прошло время пошло-либерального, короткоумного и верхоглядного высмеивания Павла Петровича, вертевшегося на обвинениях его... в перемене екатерининского обмундирования гвардии на старопрусские кафтаны, косички и букли!.. Мы знаем, что армия и простой народ любили Павла. Мы знаем, что развращенность и изнеженность гвардейцев в последние годы царствования Екатерины превосходили всякое вероятие. Мы уже с иных точек смотрим на многое в царствование Павла I, и в особенности, на "пьяных режиссеров", "освободителей" ночи одиннадцатого марта. Конечно, весы истории еще долго будут колебаться, склоняясь то вправо, то влево. Еще долго будут спорить, решая загадку Павлова царствования. Но художника, но беллетриста, но драматурга будет всегда привлекать романтическая фигура духовидца, рыцаря и Гамлета Российской империи, дающая для пера и кисти, для искусства актера самые яркие и благодарные контрасты.

Если мы сказали, что личность Павла и вся его эпоха, люди, его окружавшие, трагедия, совершившаяся в Михайловском замке, под силу шекспировской хронике, то этим определили всю скромность той задачи, которой хотели достигнуть в нашем труде. Воскресить, хотя несколько в более наглядных картинах, в более живописных портретах, чем те, которые дают исторические монографии, отодвинутую от нас столетием эпоху -- вот все, чего мы хотели достигнуть. Предмет еще нов под пером беллетриста. И наш первый абрис средствами художественного слова даст удовлетворение первому свежему любопытству читателей. Но мы не сомневаемся, что личность Павла скоро станет в ряду излюбленных романов, драмой сюжетов из нашей истории, и тогда более сильное перо

даст образам ту шекспировскую силу, о которой не дано мечтать обыкновенным способностям беллетриста. Определим труд словами остроумного автора "Chronique du règne de Charles IX", которого так любил Пушкин и отрывок из довольно неучливой пикировки которого с читателем мы поставили эпиграфом этого предисловия: "Je venais de lire un assez grand nombre de mémoires... J'a voulu faire un extrait de mes lectures, et cet extrait, le voici", -- то есть: "я прочел довольно большое число воспоминаний... Я задумал составить экстракт из прочитанного мною: и этот экстракт перед вами".

*Николай Энгельгардт
19 октября 1906 г.*

Часть 1

Que de choses dans un menuet! Recommencez votre révérence, et que vos titres de noblesse vous accompagnent dans vos moindres actions, madame!

Marcel, danseur (mort en 1759)

...Тут тихо, тихо, словно из далека,
Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит осока,
Или, когда вечерний меркнет свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета
И вьолончеля звуки и фагота.
И вот, держась за руки едва,
В приличном друг от друга расстояньи,
Под музыку мы двинулись...
Гр. А. К. Толстой. Портрет

1. Старая фаворитка и "бриллиантовый" князь

-- Ах, дорогой князь, не говорите мне ничего в пользу вашего друга. Я могу чувствовать склонность только к благородному сердцу, и все поступки, ему чуждые, внушают мне неодолимое отвращение!

Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова сказала эти слова давнему приятелю, "бриллиантовому" князю Александру Борисовичу Куракину.

Они сидели в небольшой гостиной покоев верхнего этажа Смольного монастыря, куда уже не раз удалялась от двора Екатерина Ивановна, теперь, видимо, навсегда утратившая фавор. Император Павел Петрович был увлечен новой привязанностью.

Окно было открыто. Жаркий июльский день только еще начинался. Свежее дыхание вод и растений увлажняло воздух. Испещренный цветами зеленый ковер муравы спускался с прихотливой сетью узких дорожек от самых стен белого квадратного здания до Невы. Посредине

луга помещались мраморные солнечные часы и прелестная группа: Амур, с крылышками бабочки, как бы летящий за тенью квадранта, но связанный по рукам и ногам цепями, конец которых держит Разум. На часах была надпись: "L'amour rèduit à la raison".

-- Вы знаете нашего друга, -- мягко возразил князь Куракин, -- вы знаете, что когда новое чувство овладевает его сердцем, оно, вместе с тем, господствует над всеми его помыслами. Тогда все то, что раньше имело для него значение, все, что было для него полезно, дорого, приятно, перестает существовать для него. Но и новое -- стареется. Время излечит нашего друга от увлечения и основные чувства возьмут верх. Но только о том говорю, дорогая, что вы имеете еще достаточно власти над императором, чтобы смягчить опалу, постигающую ваших друзей. Душа у него прекраснейшая, честнейшая, великодушная и невиннейшая, знающая зло лишь с дурной стороны!

-- Сердце! -- с горестной восторженностью воскликнула сорокалетняя смолянка, -- сердце Павла! О, кто же лучше меня может знать все возвышенное благородство этого сердца! Но... слуга Iwan, отвратительный Iwan! Знаете, князь, Иван Кутайсов поклялся перед людьми, которых считает своими клеветами, и сказал точно в этих выражениях, что он сумеет дать чувствам своего господина какое будет угодно ему направление.

-- Негодяи бывают болтливыми, -- заметил Куракин. -- Это, может быть, благодетельное природы, снабдившей и ядовитых змей погремушками.

Нелидова не слышала остроумного сравнения князя. Негодование увлекло ее. Она говорила:

-- Слуга заронил и укрепил мысль завести связи совсем иные, чем те, которые его господин имел со мной. Стремится воспалить воображение господина порочным удовольствием, он нашел сообщников в этой девушке и ее услужливом отце. Я удаляюсь с их пути. Что же еще вы хотите от меня?

-- Я уже это объяснял вам, -- сказал Куракин. -- Посещение Смольного императором в день тезоименитства государыни дает возможность вам видеть его.

-- Почему вы хотите, чтобы я виделась с ним? -- с досадой сказала Нелидова. -- Встреча с ним возбудила бы во мне только неприятные чувства. В его поступках проявилась низость, -- да, не спорьте князь, низость -- la bassesse.

И, как будто это французское слово имело особую силу доказательности, фрейлина умолкла и с решительным видом поднесла к слегка вздернутому носику флакончик с солью.

В небольшой гостиной, заставленной прихотливой мелкой мебелью, ширмами, фарфоровыми фигурками, миниатюрная Нелидова сама казалась фарфоровой маркизой, с крошечными ножками в башмачках с высокими красными каблучками, с ручками ребенка, со старомодной прической поднятых высоко пудренных волос.

"Бриллиантовый" князь получил это название в екатеринины дни, когда являлся в кафтанах, усыпанных бриллиантами: с бриллиантами на башмаках, шпаге, табакерке. Павел заставил вельможу скрыть свои роскошные вкусы. Не широкого охвата ум, не старый, опытный придворный, -- изяществом полной фигуры, движениями и словами поддерживавший славу екатерининского двора, при котором воспитался, он был чужд утонченностям чувств, свойственным старой смолянке, представлявшей невиданное еще в истории дворов Европы явление -- платонической фаворитки монарха! Только рыцарственная фантазия Павла могла годами питаться такой эфемерной связью. Совершенный эгоист, высокий ценитель благ тленных, гастроном, любитель роскоши, драгоценных камней, искусств, прекрасных женщин, в застольной мужской беседе циник, князь Куракин понимал, что именно в этой отвлеченности и бесплотности уз, связывающих императора и фрейлину -- основание того, что и он сам и все лица, связанные с ним и Нелидовой, в сущности, держались при дворе на тончайших паутинах... Дунул знойный ветер чувственности, и эти паутины оборвались.

"Иван", из брадобреев шагнувший в обер-гардеробмейстеры, наконец, и в обер-штальмейстеры, рассчитал верно, противопоставив стареющей Дульцинее государя меланхолическую чувственность знаменитой московской красавицы девицы Лопухиной.

Положение князя Куракина было чрезвычайно трудное. Он просил отставку. Император со странным хохотом и непонятными жестами сказал, что он сам знает, когда князь ему более не понадобится. Но брат князя, генерал-прокурор Алексей Куракин уже был отставлен. Финансовые операции, вспомогательная касса для дворянства, им задуманная, и различные предложения, настоящими авторами которых были Сперанский, молодой, даровитый попович, выдвинутый князем Алексеем и числившийся в его канцелярии, и прожектор Роберт Вуд, комиссионер голландского банкира Гопа, настроили против генерал-прокурора, канцлера Безбородко и государственного казначея графа Васильева -- лиц, пользовавшихся чрезвычайным доверием государя. По мнению Безбородко и Васильева, генерал-прокурор садится не в свои сани и подал планы неудобные и корыстолюбивые.

Князь Алексей Куракин был смещен, а место его занял отец новой фаворитки князь Лопухин.

Отставлены были одновременно барон Бугсгевден и генерал Ховен, женатые на интимных институтских подругах Нелидовой. Мало того, опала обрушилась и на барона Гейкинга, президента юстиц-коллегии, женатого на дочери престарелой начальницы Смольного, статс-дамы Делафон, прозванной всеми воспитанницами монастыря "Guten Mama".

Князь Александр Борисович Куракин рассчитывал на содействие близких к Нелидовой французских эмигрантов. Этих лиц он ожидал сегодня к определенному часу в гостиной Нелидовой, к которой приехал заранее, чтобы приготовить ее к предположенному совещанию. Но более чем когда он нашел старую монастырку полной восторженно-

благородных чувств, совсем не отзывчивую к практическим планам придворного. Тем не менее он терпеливо продолжал обработку почвы в нужном ему направлении. В день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, 22 июля, император с приближенными вельможами должен был пожаловать в Смольный на "полдник" и увеселения воспитанниц. В эти посещения Павел Петрович проявлял все обаятельнейшие стороны противоречивого характера своего, как будто общество прелестных малюток и целомудренных девушек-детей отгоняло от него мрачные фантомы больного воображения. Это была лучшая минута для объяснения Екатерины Ивановны со своим прежним коронованным рыцарем-поклонником.

Екатерина Ивановна была слишком умна, чтобы не понимать намерений "бриллиантового" князя. Но гордость ее была возмущена.

-- Quelle bassesse! Quelle bassesse! -- с горечью повторяла она про себя любимившееся слово.

-- Не возмущайте моего уединения! -- в то же время говорила она. -- Здесь, в милом монастыре, я найду себе тысячу радостей в жизни с людьми, которые меня воспитали.

-- Но мадам Делафон чрезвычайно стара, и едва ли долго может служить вам охраной, -- попытался возразить Куракин.

-- Меня переживут некоторые из дам здешнего чрезвычайно приятного общества!

-- Монастырь -- все же монастырь. Ядовитые жала престарелых ос оттачивает скука.

-- У меня прекрасная библиотека, у меня моя арфа, мои карандаши, -- все предметы, которые так хорошо служили мне развлечением в моменты, когда, мне приходилось страдать. У меня, милостью моего императора, достаточные средства, чтобы благотворить зябнувшей, нагой и голодной нищете, которая находит тропинку в эти монастырские стены. Какое наслаждение в милосердии к страждущим человечества, неистощимое наслаждение! И, наконец, главное, -- вера, утешение религии, ничем не развлекаемых размышлений о величии Божества, о ничтожестве и суете всего земного. Посмотрите, князь, -- поднимаясь на красных каблучках и грациозно протягивая ручку к окну, продолжала Нелидова, -- посмотрите, на той стороне Невы -- тихое пристанище. Там, в тени плакучих берез, я найду последнее убежище, так близко от родного монастыря, где я была так счастлива, так бесконечно счастлива!..

Князь посмотрел в направлении, в котором простирала ручку Екатерина Ивановна, и на другом, Охтенском берегу, с большим неудовольствием увидел между кудрявыми березами мелькающие кресты кладбища.

"Бриллиантовый" князь, преданный тленным прелестям красоты рисованной и красоты живой, честолюбию и утонченностям стола, терпеть не мог напоминаний о смертном часе.

Он не сказал ни слова, только крякнул и понюхал табуку из драгоценной табакерки, которую держал в руках.

Лукавый блеск мелькнул в умных глазах миниатюрной фаворитки, но сейчас же погас.

Она опустилаь опять в кресло, безнадежно бросив ручки на пестренькое свое платье.

-- Мне не должно его видеть, нет, не должно! -- по-детски складывая плаксиво губки, прошептала она. -- Его счастье будет всегда одним из предметов самых горячих моих молитв. Но это все, чем я могу и хочу ему содействовать.

-- Нунций его святейшества, граф Литта! -- возвестил, появляясь, лакей. -- Ее высочество, принцесса Тарант и его сиятельство, граф Шуазель-Гуфье.

II. Обломки королевской Франции

Брат чрезвычайного посла Мальтийского ордена, нунций Литта, высокий молодой человек, с идеально правильным итальянским лицом, в черной сутане и башмаках с пряжками, как духовная особа, входил первым, но в дверях он посторонился и с глубоким поклоном пропустил в гостиную престарелую принцессу, шедшую под руку с Шуазелем.

Бывшая статс-дама несчастной королевы Марии-Антуанетты, пережившая ужасы революций, принцесса являлась живой реликвией старого Версальского двора и былой славы королевской Франции. Она была одета так же, как и в дни величия Людовиков, но голова ее, отягощенная высокой пудреной прической, постоянно дрожала, так что принцесса, чтобы скрыть это сколь возможно, подносила руку с кружевным платком и незаметно поддерживала Подбородок.

Граф Шуазель-Бопре, принявший имя Шуазель-Гуфье после женитьбы на последней из фамилии Гуфье, происходившей от славного адмирала эпохи Франциска I, был посланником в Константинополе, когда разразилась революция. Он нашел убежище в России, обласканный Екатериной в Царском Селе как автор прелестного сочинения "Voyage pittoresque de la Grèce". Императрица даже хотела назначить графа президентом Академии на место Дашковой, но его смешные увлечения одной известной кокеткой высокого полета заставили ее отменить это решение. Императрица лишь купила замечательные серебряные сервизы графа. Император Павел покровительствовал графу. Он был допущен в интимный круг императора как знаток, действительно несравненный, искусств, назначен был президентом Академии художеств, -- пост, который привлекал и русских знатоков, и покровителей искусств, и, прежде всего, графа Александра Сергеевича Строганова. Мало того, император доверил Шуазелю знаменитую библиотеку Варшавы и пожаловал обширные земли в Самогитии.

Маленького роста, с громадными черными бровями, с носом попугая, с красным цветом лица, причесанный с буклями и косой, как требовала "гатчинская" мода, введенная Павлом Петровичем, в долгополом

старопрусском кафтане, он носил только маленький крест Людовика в бутоньерке.

Нелидова встала и пошла навстречу гостям. Три низких реверанса, которыми она приветствовала принцессу, вызвали ответный реверанс принцессы Тарант, после чего они взяли друг друга за руки и с безмолвным умилением посмотрели взаимно друг на друга.

-- Принцесса, при каких обстоятельствах мы видимся с вами! -- сказала Нелидова. -- Как еще недавно кажется то время, когда мы впервые узнали друг друга! Как свежо воспоминание о путешествии графа и графини Северных! Тысяча семьсот восемьдесят первый год!

Голова принцессы Тарант задрожала от внутреннего волнения еще заметнее, так что она изо всей силы схватила себя за подбородок, сиюсь поддержать ее.

-- Весь мир изменился с тех пор в немного лет, дорогая mademoiselle, весь мир! Гнев Божий постиг Францию и потряс престолы королей Европы. Безумие народов готовит им гибель. Но какие прекрасные дни напомнили вы мне, какие прекрасные дни!

Принцесса усаживалась в кресло. Улыбка восхищения порхала возле ее тонких губ, озаряя отцветшее, но нарумяненное лицо.

-- Прелестные воспоминания! Счастливые времена! -- отозвался граф Шуазель.

-- Помните, князь, наше путешествие? -- обращаясь к Куракину, оживленно заговорила Екатерина Ивановна. -- Вы ведь были тогда в свите великого князя... Ах, он был тогда еще великий князь! Помните Вишневец, где нас принимал польский король Станислав-Август? И он уже не король... А потом -- Вена, Неаполь, Рим, древности, художества, самая приятная погода, и этот милый, добрейший папа Пий Шестой! И потом Милан, Турин и, наконец, Париж -- водоворот людей, вещей и событий, как сказал тогда его высочество!

На всех, бывших в гостиной, кроме нунция Литты, нахлынули, видимо, такие волнующие воспоминания, что несколько мгновений длилось молчание. В умах собеседников быстро сверкающей вереницей прошли картины недавних еще, но безвозвратно былых приемов, празднеств, балов в Версале, Трианоне, Шантильи, которыми чествовали Людовик XVI и Мария-Антуанетта русских гостей -- сына северной Астреи с прекрасной супругой, incognito объезжавших дворы Европы. Действительно, старая французская монархия представлялась тогда цесаревичу Павлу во всем блеске своего величия, невыразимой прелести, утонченной роскоши, нравов, обхождения, просвещения.

-- Павел Петрович очаровал французское общество. В Версале, да, -- в Версале он производил впечатление, что знает французский двор, как свой собственный, -- сказал князь Куракин.

-- А в мастерских наших художников, -- заметил граф Шуазель, -- он обнаружил такое знание искусств, которое могло только сделать его похвалу более ценной для художников. Я могу это засвидетельствовать, потому что король... -- он внезапно остановился и, закрыв руками лицо,

прошептал: -- ах! То был король Людовик XVI! -- повелел мне сопровождать графа Северного в его посещениях мастерских, -- закончил, открывая лицо, граф. -- В особенности, он осмотрел с величайшим вниманием мастерские Греза и Гудона.

-- В наших лицах, академиях, -- сказала принцесса Тарант, -- своими похвалами и вопросами Павел Петрович доказал, что не было ни одного рода таланта и работы, который не возбуждал бы его внимания, и что он равно знал всех людей, знания или добродетели которых делали честь их веку и их стране. Его беседы и все слова, которые остались в памяти, обнаружили не только весьма проницательный, образованный ум, но и утонченное понимание всех оттенков нашего языка. Это было общее мнение.

-- Во время придворного бала в Версале, -- в свою очередь рассказал князь Куракин, -- толпа придворных окружила короля. Тут же находился цесаревич, и на замечание Людовика XVI что их теснят, великий князь сказал: "Извините, ваше величество, я в эту минуту считал себя за одного из подданных ваших и, подобно им, находил, что, чем ближе к вам, тем лучше".

Улыбка восхищения появилась на устах старых куртизанов, так был в стиле Версаля этот утонченный образец лести, напомненный Куракиным.

Опять помолчали, погруженные в сладкие воспоминания.

"Бриллиантовый" князь воспользовался минутой, чтобы перевести беседу на события дня. Лица всех выразили крайнюю озабоченность.

-- Знаете ли вы, князь, -- сказал Шуазель, -- кому, собственно, ваш брат обязан немилостью? Граф Федор Головкин сумел представить планы Роберта Вуда своекорыстными...

-- Граф Федор? Якобинец? Приятель Платона Зубова? А!.. -- слегка вскрикнул пораженный князь. -- Да, да, -- обращаясь к нунцию, продолжал он, -- все Головкины -- якобинцы. Но неужели вы не могли бы разъяснить вашему брату Юлию, приобретающему столь сильное влияние на императора, что наше общее дело -- борьба с якобинством и восстановление потрясенных революцией основ общества -- может пострадать, если происки таких лиц, как Федор, увенчаются успехом?

Молчавший до сих пор нунций пожал плечами.

-- Мое влияние на брата ограничено, -- сказал он. -- Тем более, что он всецело поглощен орденом и своей женитьбой на вдове Скавронской.

-- Он женится на Скавронской? На племяннице покойного Потемкина? И государь соглашается на этот брак?

-- На днях графиня Скавронская, невеста моего брата, будет принята при дворе и даже включена в число особ высочайшей фамилии.

-- Невероятно! -- изумился князь Куракин. -- Все, что связано с именем Потемкина, до сих пор было ненавистно императору! Графине пришлось покинуть столицу... А теперь!..

Нунций не сказал ничего на последнее восклицание князя, при всей придворной опытности сбитого с толку на этот раз неожиданностью события.

-- Вы забыли, князь, -- тихо напомнила Нелидова, -- что покойный супруг графини Екатерины Васильевны -- внучатый брат Петра III.

-- Я должен вам сообщить нечто еще более важное, -- сказал граф Шуазель. -- Граф Бугсгевден ссылается в его эстляндский замок Лоде.

Зловещее молчание охватило всех сидевших в гостиной.

Екатерина Ивановна вдруг; решительно поднялась на красные каблучки. Тонкие брови ее свела глубокая морщинка.

-- Теперь, когда честный Бугсгевден удаляется в изгнание, я знаю свой долг, -- сказала она решительно. -- Я должна разделить это изгнание с ним и с его женой, моей дорогой подругой. Да, князь, я согласна видеть вашего друга завтра на нашем монастырском празднике, но лишь для того, чтобы высказать ему мою уверенность, что он не воспользуется своей властью воспрепятствовать мне последовать за своей добродетельной подругой в ссылку, куда он ее отправляет!

-- Но моя милая Екатерина Ивановна, -- заговорил растерянно "бриллиантовый" князь, -- такое заявление может вызвать крайний гнев государя. А вы знаете, что в припадках гнева он забывает все и... и вы напрасно кладете голову в пасть льва!

-- Вы забыли, князь, что император -- рыцарь, -- сказала маленькая фаворитка. -- Еще не было примера, чтобы он обошелся хотя бы только невежливо с дамой!

-- Как? А его поступок с г-жей Жеребцовой? -- возразил Куракин. -- Говорят, она написала письмо к государю на другой день по восшествии его на престол. Письмо было прелестно. И что же? Император распечатал его, плюнул на бумагу и велел Кутайсову так отдать ей.

Нунций и граф Шуазель улыбнулись.

-- Фуй, князь, как вам не стыдно передавать такую низкую сплетню! -- в негодовании сказала Нелидова. -- Возможно ли, чтобы император поступил так с письмом женщины, хотя бы это и была низкая куртизанка и сестра Платона Зубова!

-- Однако Жеребцова сама рассказывала это летом и прибавляла, что не простит государю такого поступка с ней, -- настаивал Куракин, озлобленный на то, что фантастическое решение старой, монастырки губило все его надежды на завтрашний день.

-- Если это сделал, то, вероятно, слуга, а не господин. Этот презренный Iwan способен именно на такую лакейскую выходку! Но... довольно об этом, князь! Мое решение вам известно, оно неизменно. Ибо это -- мой долг. Дорогой граф, -- обратилась она к Шуазелю, -- вы хотели посмотреть мои рисунки, чтобы исправить погрешности вашим несравненным карандашом...

III. Сердце фрейлины Нелидовой

-- Дорогая mademoiselle, -- сказала, поднимаясь, принцесса Тарант. -- Теперь я оставлю вас. Князь, -- обратилась она к Куракину. -- Вы не откажетесь проводить меня к г-же Делафон?

-- О, да, принцесса, я должен засвидетельствовать свое почтение высокой начальнице и воспитательнице прелестных монастырок! -- отвечал князь.

Начались взаимные реверансы и поклоны.

-- Идемте, князь; припомним былое прекрасное время с г-жей Делафон!

С этими словами старая статс-дама Марии-Антуанетты удалилась из покоев фрейлины Нелидовой.

Екатерина Ивановна, между, тем, передвигаясь быстро и неслышно на высоких каблучках, собрала рисунки и карандаши и все это представила на суд Шуазеля.

Это были виды различных мест: Павловска, Гатчины, Петергофа и Царского Села, пасторальные сцены к идиллиям французских поэтов и несколько изображений императора Павла Петровича в домашней обстановке.

Шуазель рассматривал с улыбкой неизменного восхищения рисунки и рассыпался в самых утонченных комплиментах.

Нелидова предлагала ему карандаши, но Шуазель отстранял их, уверяя с полной искренностью, как казалось, что поправлять в этих прелестных рисунках решительно нечего.

Он передавал рисунки нунцию; который с самыми разнообразными ужимками немой адорации на подвижном лице, каждый раз, взглянув на бумагу, кланялся художнице.

Это привело Екатерину Ивановну в детский восторг. Забыв все горести, она весело улыбалась.

Один из рисунков особенно заинтересовал графа.

Он изображал лунную ночь, стремительно текущие воды реки, темные деревья над ней и обломленную колонну на берегу. В то время, как другие рисунки с тщательной тушовкой и вырисовкой всех мелочей, казалось, были начерчены перышком беззаботной колибри, в этом изображении проявилась неожиданная сила скорбного выражения и движения.

-- Это прекрасно! -- сказал нунций.

Но Екатерина Ивановна поспешно взяла из его рук рисунок. Брови ее свелись и опять набежала морщинка между ними.

-- Ах, как попал сюда этот рисунок! -- сказала она. -- Это изображение ужасного призрака моего несчастного детства! *Ses eaux si dien ombragées d'arbre toufus qui effrayaient mon enfance!*.. Это река в смоленском селе, нашем, Климьятнине, с глубокими, черными стремительными водами, с мрачными старыми, тенистыми деревьями. Мне рассказали о духах, живущих в черной воде... Как это? Водяники, седые, злые старики и девушки с зелеными волосами, которые увлекают прохожих и топят их... И там была еще одна несчастная -- крестьянская девушка, лишившаяся рассудка от жестокого обращения своих господ. Она часто бродила в речных тростниках, плакала и хохотала... Ах! И теперь часто мне снится все это и я просыпаюсь с бьющимся сердцем, в слезах!..

Екатерина Ивановна взяла рисунок и поспешно заперла его в один из пузатых, с инкрустациями и толпою фарфоровых фигурок на верхней крышке, шкафчиков на ножках, теснившихся среди другой прихотливой мебели гостиной.

-- Дорогой граф, лучше оцените вот эти рисунки, -- продолжала она, отбирая несколько листков. -- Государыня императрица Мария Федоровна дала мне мысль для них -- стих Люцилия: "Где можно чувствовать себя лучше, как не в недрах собственной своей семьи?" Я полагаю поднести эти рисунки высоким гостям нашего монастырского праздника.

Она задумалась на мгновение и сидела, подперши пудреную головку. Граф и нунций с особенным выражением рассматривали идиллические семейные сцены, поднесение которых Павлу Петровичу теперь имело значение весьма ясного намека.

-- Гнев Юпитера есть гнев вселенной, -- сказала маленькая фаворитка. -- Когда он улыбается -- вся природа радостно блещет, щебечут птицы, сверкают ручейки, цветы умильно раскрывают венчики и благоухают, люди согласно, мирно предаются трудам и заботам. Но, когда отец богов и людей в гневе -- сверкают молнии, ревут ветры, клубятся тучи, природа в смятении и ужасе, столетние дубы падают, вырванные с корнями, подавляя при падении гнезда птичек с их малютками, и в сердцах людских бушуют дикие страсти, зависть и вражда, все нестройно, все несчастно!.. Ужели не высокая заслуга, -- найдя путь к сердцу владыки, охранять в нем безмятежный мир и тем самым благодетельствовать всей вселенной?.. Павел улыбается -- и ликуют подвластные ему бесчисленные народы, Павел в гневе -- все трепещет и ужасается. Что говорю! Разве вся Европа не отражает малейшее движение русского царя? Единая опора чести, порядка, законной власти, тронов всей Европы -- Павел!.. Хранительница сердца Павлова, смирительница бурь, в нем зреющих, есть хранительница и блага народов, блага всей Европы! Вот высокий жребий, с которым ничто не может сравниться. Что же будет теперь, когда сердце Павла в руках низкой куртизанки, направляемой своекорыстными интриганами, пробудившими в нем желания чувственных удовольствий?.. Но будет об этом! Скажите, граф, вы еще не окончили ваше живописное путешествие в Грецию? Как восхитительны были последние отрывки, прочтенные вами. Императрица была чрезвычайно ими заинтересована.

-- Моя работа подвигается постепенно. Надеюсь, что она будет окончена, -- скромно отвечал граф Шуазель. -- Во всяком случае, возможность окончания этого труда в моих руках. Но безумный вихрь революции, развратные правила и буйственное воспаление рассудка, поправшие закон Божий и повиновение установленным властям, лишив лучших людей Франции их отечества, изгнали и меня. Вместе с тем я лишен возможности кончить мой прекрасный дом в Париже -- pavilion d'Idalia dans l'avenue de Neuilly. Поверите ли, mademoiselle, там все было сработано по античным образцам древних Афин с совершенной точностью, изяществом, высоким искусством!..

И граф с увлечением пустился в подробное описание павильона Идалии.

Нунций, уже не раз слышавший эти описания, вежливо скучал, терпеливо ожидая их окончания.

Нелидова вставляла свои замечания, показывавшие, что она обладает значительными сведениями в искусстве и жизни античной древности.

IV. Сердце виконта Талейрана

-- Садись в мою карету, нунций, -- говорил граф Шуазель, выходя из Смольного. -- Я тебя довезу до палаццо Юлия. А дорогой мы поговорим о многом.

Теперь он особенно походил на злого попугая, со своим крючковатым носом, насмешливыми глазами и едкой улыбкой на губах, маленький и быстрый в движениях.

Он впрыгнул в карету, как птица в клетку, за ним нунций занес свой квадратный епископский башмак.

Граф приказал опустить занавески окон и ехать медленно, как будто карета была пустая.

-- Кажется, можно считать несомненным, нунций, что эта роза, в приятном обществе которой мы только что были, отцвела и увяла навсегда. В ней нет благоухания, и замок Лоде будет для нее гербарием. Видел ли свет что-либо подобное? -- со злой усмешкой продолжал Шуазель. -- Старая дева -- платоническая фаворитка императора... С этим покончено, и навсегда! Черные глаза Лопухиной, ее двадцать один год и свежесть беленького личика, по законам природы не могли не возобладать над сорока годами и чувственным прекрасодушием, этим -- как говорят тяжелые немцы -- *Schönseeligkeit* нашей приятельницы. Что делает теперь граф Юлий? -- спросил Шуазель нунция.

-- Брат устраивает свои дела. Вдова Скавронская обладает двумя миллионами ежегодного дохода, -- отвечал нунций, -- она еще прекрасна; как вдова внучатого брата Петра Третьего, отца императора, она в фантазии его заняла место родственницы и будет считаться принадлежащей к высочайшей фамилии. Приготовляя все для торжества бракосочетания, брат запирается с художником и поэтом Тончи и они вместе сочиняют торжественную кантату, -- *cantata a eseguirsi all'occasione delle faustissime nozze di sua eccellenza la signora contessa con sua eccellenza il signor conte*, -- переходя с французского на итальянский язык, с улыбкой говорил нунций.

-- Когда же будет свадьба?

-- Осенью, в октябре.

-- А как же с обетом безбрачия бальи и командора ордена?

-- Применение к обстоятельствам! -- пожал плечами нунций. -- Два командорства приносят брату 300 тысяч франков дохода. К тому же, сам будущий гроссмейстер ордена, император Павел, не исполняет обета. Разве что ему захотелось бы избавиться от опеки прекрасной супруги.

-- Когда примет гроссмейстерство государь? -- спросил граф.

-- Не знаю. Во всяком случае, скоро. Мальтийский, орден, вмещающая в себя древнейшие дворянские роды всей Европы, является оплотом против якобинства и безбожия, потрясающих монархии. Но, кроме того, святейший отец возлагает большие надежды, что когда император-схизматик станет во главе ордена, подчиненного римскому престолу, когда, таким образом, и сам он подчинится его святейшеству, то это будет шагом к соединению церквей -- событие радостное и давно ожидаемое всем христианством. Святейший отец готов даже переселиться на Мальту, под охрану русского отряда, и предпринять паломничество в Петербург для личной беседы с императором. Над этой особой задачей работает аббат Губер, столь счастливо излечивший мучительную зубную боль императрицы Марии Федоровны, перед которой оставалось бессильным искусство придворных врачей.

-- Аббат Губер! Иезуит! -- изумился Шуазель. -- Но ведь он в сношениях с первым консулом Наполеоном Бонапартом, якобинским исчадием адского заговора, погубившего престол Капетов.

-- Послушайте, граф, -- сказал нунций, взяв его за руку. -- Ты ведь знавал когда-то виконта Талейрана?

-- Талейран! -- вскричал Шуазель. -- О, это товарищ моего детства, интимный друг юности и первых шагов моих при дворе! Но ведь то было давно. Я еще знавал епископа Талейрана. С тех пор он, увлеченный вихрем революции...

-- Был последовательно министром иностранных дел Конвента, Директории, и, наконец, первого консула Бонапарта. Милый друг, я видел его в Вене и виконт Август Талейран-Перигор шлет тебе со мной дружеский привет и напоминает о нежных чувствах былых дней. Они живы в сердце виконта!

-- Очень рад, но... орудие Бонапарта! Я -- легитимист, приверженец монархии Капетов, имея законного короля Людовика XVIII...

-- В Митаве, -- подсказал, улыбаясь, нунций.

-- Пока -- в Митаве, -- строго сказал Шуазель. -- Но мощное покровительство императора Павла, коалиции монархов Европы и золото Англии скоро возвратят несчастному отечеству законный порядок, а трону Франции и Наварры наследника Святого Людовика.

-- И я первый буду приветствовать это счастливое событие, -- сказал с важностью молодой нунций.

-- Но Бонапарт и виконт Талейран?..

-- Конечно, они не станут работать на осуществление планов коалиции. Виконт Талейран занят иной идеей -- видеть Наполеона Бонапарта императором французов. Это величайшая тайна, величайшая! -- прошептал нунций онемевшему от изумления Шуазелю.

-- Виконт Талейран напоминает поэтому о юношеских днях и узах дружбы графу Шуазелю-Гуфье! -- сладко улыбаясь, вкрадчивым шепотом сказал нунций на ухо своему спутнику.

Красное от природы лицо графа стало пламенным.

-- Как же согласить с дружбой Талейрана, дело, которому я предан? -- спросил граф.

-- Очень просто, -- беззаботно отвечал нунций: -- поднявшись на высоту святого престола, на холмы Рима и Ватикана. С этой всемирной высоты все примирится и объединится! Благое дело -- преклонение выи императора-схизматика и с ним миллионов диких руссов под иго единой спасающей церкви, под власть первосвященника Рима и вселенной! Благое дело -- коалиция монархов против масонов и якобинцев и адского духа времени, потрясающего и разрушающего основы европейских обществ! Благое дело и реставрация монархии Капетов! Но благим же делом с высоты святого престола явится и то, что чистейшие руки святейшего отца папы Пия VII возложат корону на императора французов, ныне первого консула Наполеона Бонапарта и, с тем вместе, возвратят клирикам Франции их права и имущество!

Нунций торжественно умолк. И граф несколько мгновений хранил молчание, пораженный грандиозностью планов, развернутых перед его воображением нунцием.

Вдруг попугай тряхнул клювом, острый пламень соображения озарил его круглые глазки, и, с жаром пожав руку нунция, он сказал:

-- Проезжая через Вену, передай виконту Талейрану выражения самых пламенных дружеских чувств от товарища невинных игр детства графа Шуазеля-Гуфье! Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Леса, поля прекрасной Франции! Приют Невинности и мира! О, моя мать! О, невинность! Прелестные, прелестные воспоминания! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений! Благоговею перед вами!

V. Монастырский праздник

22 июля, в день ангела державной покровительницы императрицы Марии Федоровны, с раннего утра Смольный кипел жизнью. Хотя уже накануне все было заготовлено, а обдуманно за целые месяцы раньше, хотя императорская чета и августейшие гости должны были прибыть только к монастырскому полднику, а солнце еще не высоко поднялось над вершинами парка, все, начиная с начальницы, Софии Ивановны Делафон, до последней воспитанницы из "мелюзги коричневой" самого младшего возраста, хлопотали, волновались, суетились, оглашая дортуары и длинные галереи монастырского здания щебетом французского языка.

За месяц до празднества вышел императорский указ, позволяющий дамам обеих столиц и в провинции от известного чина носить платья, сшитые по новейшей французской моде, и София Ивановна спешно заказала праздничные платья монастырок модного покроя. Было известно, что разрешение дано императором в угоду и по просьбе новой фаворитки Лопухиной. Многочисленные роялисты французской эмиграции увидели в этом опасный для их планов политический шаг императора. Якобинская мода узурпаторов власти древнего престола Франции получала права гражданства в монархической России! Мало этого, император, опять-таки

по просьбе Лопухиной, разрешил танцевать вальс, до сих пор ненавистный ему танец революционного мещанства. Это были как бы первые признаки какого-то нового курса, входившего с новой фавориткой и стоявшей за ней партией, Правда, французские эмигранты Петербурга не встретили в опасениях своих сочувствия среди дам и любовниц, находивших, что политика -- политикой, а мода -- модой. Дамы приняли с восторгом разрешение, благословляли императора, и Лопухина сразу приобрела среди них сочувствие. Ее фавор принес дамам освобождение от старых, ужасных мод. Если главной причиной недовольства среди мужского населения было введение мундиров и кафтанов старопрусского образца, смешных косичек-гарбейтелей и безобразных буклей, если и для мужчин было Несносно одеваться старомодно, то что же чувствовали дамы?

Начальница Смольного собрала, совет из воспитательниц, едва был обнародован указ. На совете присутствовала и Екатерина Ивановна Нелидова. Она со всей силой и жаром присущего ей красноречия восстала против мысли шить праздничные платья по новой моде и поспешно обучить, сколько можно за короткий срок, вальсу воспитанниц старшего возраста. Нелидова находила, что указ не может касаться Смольного, где девицы должны одеваться по форме, а не по моде. Однако, кроме двух-трех преданных Нелидовой старых воспитательниц, она ни в ком не нашла сочувствия. Все хором восстали, указывая, что цвета лент останутся установленные, а в этом и все; покрой же платьев надо новый, так как императрица, великие княгини, княжны и все дамы, которые придут с ними, будут одеты в эти чудные, прелестные, восхитительные греческие хитоны и блестящие "эшарпы". Что касается вальса, то большинство воспитанниц и учить не нужно, так как они сами как-то давно успели ему научиться.

София Ивановна Делафон колебалась. Она знала, что на праздник придёт и Лопухина со своим, отцом, только что получившим княжеский титул. Она знала, что исполнение указа будет приятно императору, и при долгом обсуждении решила против Нелидовой.

Екатерина Ивановна ужасно рассердилась, топнула ножкой и заявила, что, хотя бы весь свет шел за новой модой, она не наденет неприличного хитона и не станет танцевать еще более непристойной пляски немецких мещанок с деревенских ярмарок и базаров. Она будет одета по-старому. С этим Нелидова вышла. Многие насмешливо посмотрели вслед развенчанной фаворитке, понимая ее состояние. Особенно не любившие ее, подумали про себя: "Ну и будь выражена чучелой гороховой, если тебе этого хочется!"

Почтенная начальница Смольного заявила, что так как она и более преклонных лет дамы явятся, конечно, в старинном наряде, приличном их возрасту, то Екатерина Ивановна будет не одна. Это замечание еще более порадовало враждебных "маленькому монстру", как они прозывали Нелидову, воспитательниц.

Приготовления были уже закончены, когда во всех соборах и церквах зазвонили и торжественный красный звон понесся над широким лоном Невы. Звонили и в Смольном. Парадно одетые девицы всех возрастов, прелестные в легких, новых платьях и лентах, отслушали богослужение в монастырском храме.

Вскоре начался и съезд вельмож, приглашенных на празднество. Одни в каретах прибывали со стороны Невской перспективы, но большинство причаливало с Невы к пристани монастырского парка на гребных судах и шлюпках.

Между тем, воспитанницы по возрастам выстроились в тени подстриженных деревьев широкой аллеи, осененной темной зеленью мощных ветвей. В руках их были корзины с цветами. Впереди, у самой пристани, поместились: начальница, воспитательницы, девицы с арфами, долженствовавшие составлять аккомпанемент хоровому пению всеми тремястами воспитанницами приветственного гимна державной покровительнице. Среди арф находилась и лучшая арфистка института, Екатерина Ивановна, выделявшаяся пудреной головкой, старомодным платьем, шнуровкой и башмачками на красных каблучках. Но она была нимало не смешна и напоминала фарфоровую куколку времен Версаля и Трианона, грациозная, исполненная скромного достоинства. Странное смешение глубокой печали, чувства и задорного улыбающегося ума в ее личике делало его замечательным даже Среди юных, прелестных, цветущих девушек, греческие хитоны которых вольными струящимися складками и как бы облачными узлами подобранные разноцветными лентами выгодно выставляли стройный стан и всю прелесть девственно круглившейся груди и обнаженных рук.

Среди вельмож и дам, толпившихся на мраморной, украшенной статуями и цветущими померанцевыми деревьями пристани, находился и поэт Державин. Подойдя к госпоже Делафон, он высказал восхищение собранием стольких благородных и благовоспитанных девиц и сравнивал их с стаей белых птиц, весной собирающихся на берегах Волги. Загрохотал императорский салют над Невой. Вельможи и дамы разделились на две группы по бокам пристани. Госпожа Делафон орлиным взглядом полководца, готового к сражению, окинула ряды воспитанниц. Девицы с арфами попробовали еще раз строй инструментов и дрожащие звуки струн, словно испуганные, пролепетали и умолкли. Воспитательницы в последний раз обошли ряды, оправляя волосы и ленты девиц. Старичок-итальянец, отставной сопрано папской капеллы, преподаватель пения, встал на ступеньке пьедестала мраморного фавна, дувшего в семиствольную флейту, под тенью дуплистой, живописной липы, и поднял руку, готовясь дать знак хору и арфисткам. Все затаились. В каждой груди колотилось и замирало сердце. Глаза всех были устремлены на пристань и широкое лоно реки, все горевшее ослепительными искрами отраженного в нем июльского солнца. Одна из воспитанниц зажгла курение на двух античных треножниках по углам пристани и серебристый дымок, поднявшись облачками, стал ароматными

струйками разноситься чуть веявшим теплым ветерком. Но это курение было напрасно. И так весь сад благоухал. Благоухали роскошные цветники партеров, цветущие деревья. Благоухали и рои прелестных девушек всех возрастов от 12 до 17, а может быть и выше, судя по формам, так как точность в сообщении лет поступавших воспитанниц не соблюдалась. Благоухали их корзинки с цветами. Благоухала и толпа вельмож и дам на пристани.

Салют грохотал.

Императорский катер вдруг выдвинулся среди речного плеса и стал заворачивать к пристани. Весла гребцов, сверкая, поднимались и опускались и, казалось, катер налетит на мраморные ступени. Но он вдруг подошел плавно бортом.

VI. Венценосные гости

Невысокая, но стройная и величественная фигура императора Павла Петровича в шляпе с трех рогах, украшенной страусовым плюмажем и бриллиантовой розеткой, обрисовалась в группе августейшей фамилии и приближенных вельмож.

Император, как всегда при посещении Смольного, был в самом лучшем расположении духа. Большие, прекрасные глаза его сияли "Фебовым лучом" ума, юмора и невыразимой благосклонности, скрадывая негармоничность и некрасивость прочих черт в высшей степени странного, подвижного лица. Опираясь на руку государя, рядом стояла императрица Мария Федоровна в блеске полного расцвета строгой красоты. Великие княгини, Елизавета и Анна, как ни были прелестны, затмевались классической красотой императрицы; античное тело ее, обвитое блестящей тканью хитона, блистало бриллиантовыми уборами; но открытые руки, плечи, грудь соперничали с блеском камней, а зубы улыбающихся уст -- с перлами ожерелья.

Великие князья были в пурпурных мундирах мальтийского ордена и Александр казался застенчивой девушкой, переодетой рыцарем. Нежное, правильное его лицо в рамке золотых локонов осенял легкий, блестящий шлем; только свойственная ему манера слегка горбиться портила высокий, стройный стан великого князя. Павла, по странному выбору этого властителя, всегда окружали вельможи противоположного возраста -- почти мальчики и седые старцы. Так, тут был барон Унгерн-Штернберг, приверженец Петра III, замогильное видение, седой, глухой, дрожащий, огромный и костлявый немец-генерал, истый Харон причалившего судна. Противоположность ему составлял граф Ливен, юноша двадцати двух лет, но уже военный министр. В свите императора находились: развенчанный польский король Станислав-Август Понятовский, на выходах, однако, всегда шедший сзади царской фамилии под золотою порфирию на горностае; принц Конде, недавно прибывший в Россию с целым корпусом аристократов французской эмиграции; фельдмаршал Суворов, вызванный императором из деревенского изгнания; рядом с птичьей физиономией

фельдмаршала выделялась низенькая, сухопарая и скорченная фигура остряка, тонкого знатока и покровителя искусств, екатерининского вельможи, графа Александра Сергеевича Строганова; а высокий, в пурпурном мальтийском мундире, с белым тупеем и турецким носом, брадобрей императора, граф Кутайсов смотрел совершенным попугаем. Был на катере и новопожалованный князь Петр Васильевич Лопухин, отец фаворитки, которую Павел считал необходимым иметь в силу этикета, подражая Франциску I, Генриху IV и Людовику XIV.

Свиту императрицы составляли только мать военного министра, гофмейстерина графиня Шарлотта Карловна Ливен, подруга детства императрицы, баронесса фон Бенкендорф, рожденная Шиллинг фон Копштадт и новая фрейлина, юная княжна Анна Петровна Лопухина, украшенная шифром и звездой -- невиданная для столь юной придворной особы почеть!..

Среди прислуги катера выделялся седой старик с горбатыми лопатками, давно бритой щетиной на провалившихся губах и острым подбородке, в пестром наряде, в колпаке с бубенчиками, с пронизательным и замечательно умным, смеющимся взглядом блестящих, живых, бегающих, плутовских глазок, новопожалованный шут императора, привезенный Лопухиным, известный всей боярской Москве, Иванушка.

Едва император сошел с катера и вступил на мрамор пристани, на ковер-дорожку из искусно расположенных в сложный узор живых цветов, как стоявшие на ней дамы, вельможи, престарелая начальница Смольного, воспитательницы и строй воспитанниц в аллее преклонили колена.

Гармоничные, кристальные звуки понеслись с больших арф, из-под быстрых рук склонившихся над ними девушек, а все воспитанницы запели гимн в честь высоких гостей:

Вступи, царица, в дом приятный,
Царя-отца введи под кров,
Чрез луг тропюю ароматной
Средь роз, цветущих без шипов.
Ты наш разум озарила!
Ты украсила наш нрав!
Всем искусствам научила,
Вместо матери нам став.
О, царица благодатна!
Сколь жизнь подданных приятна,
Где так царствуют цари!
Дев днесь благодарность зри.
О, Боже, зри
Мольбы сердечны --
С высот простри
Дни счастья вечны,
Укрой от зол,

Пролей отраду,
Царя, престол,
Прими в ограду
И нас храни --
Дай светлы дни...

Император, сняв шляпу, кланялся с улыбкой чрезвычайной благосклонности всему собранию. Мария Федоровна под звуки гимна приблизилась к престарелой начальнице, Софии Ивановне Делафон, склоненной в низком реверансе, подняла ее и, облобызав старуху, сказала, что искренне рада видеть в полном здравии почтенную и милую guten Mama, а всю семью ее -- в вожделенном благополучии.

-- Как я счастлива провести время в милом Смольном, -- продолжала императрица, протягивая руки для поцелуев воспитательницам, -- как я счастлива вновь поклониться мелюзге коричневой, приласкать малюток голубых, поцеловать серых сестер и обвиться руками вокруг шеи пилигримок белых, моих старых приятельниц!

Император предложил руку начальнице и повел ее по аллее, раскланиваясь с воспитанницами, восторженно бросавшими под ноги Павла Петровича цветы из корзин.

Императрица, между тем, похвалила игру арф, подошла к Екатерине Ивановне Нелидовой, с нежностью обняла ее талию и увлекла с собою. Но эта чрезвычайная милость не покорила отставную фаворитку. Она приняла ее с полным достоинством, хотя и с признательным смирением. Великие княгини, княжны, великие князья Александр и Константин, все вельможи, дамы, следуя примеру императрицы, вмешались в рой прелестных девушек-детей. Воспитанницы целовали руки, колени, платье императрицы, теснясь к ней, а маленькие с детской непосредственностью тянулись обнимать и целовать ее и великих княгинь в губы, так что им приходилось низко наклоняться к девочкам. Вельможи взяли под каждую руку по обнаженной ручке и сыпали утонченные комплименты. Молодой военный министр, граф Ливен, отыскал четырнадцатилетнюю прелестную невесту свою Дашеньку Бенкендорф -- союз, опробованный и матерью его, и государем, и императрицей, -- и девочка шла, гордая и алая от смущения. В белой колоннаде, на широкой террасе были поставлены столы. Там монастырки должны были угощать высоких гостей полдником. Но еще на этих столах ничего не было. По обычаю, воспитанницы все должны были делать сами, без какой-либо помощи прислуги. От колоннады расстилались партером цветники, изумрудные луговины с широкими дорожками. Внизу били каскады по уступам горок из ноздреватого туфа. Здесь часть воспитанниц заняла разбившихся на группы гостей, показывая свои изделия.

Для императрицы и великих княгинь были принесены монастырские кресла. Они показывали свои рисунки, шитье, токарные изделия. Между тем, другие принесли скатерти и покрыли столы в прохладной колоннаде, принесли в корзинах, в прорезном фарфоре, в разноцветных кувшинах, на

золоченых и серебряных блюдах сочные, багровые и желтые, вкусные и спелые плоды, ягоды, холодные, сладкие напитки в хрустальных кувшинах с плавающими искрометными льдами, всевозможные печенья, торты, конфеты, -- все свои изделия. Накрыв полдник, монастырки повели за стол гостей. За каждым стулом стояло по девице с зелеными ветками березы, чтобы обмахивать от жары и июльских мух. Другие подавали напитки и яства. Старшие и особенно привлекательные воспитанницы в легких, как облака, подобранных в узлы разноцветными лентами платьях сановито и спокойно ходили вокруг гостей, подходя к каждому, с благородной улыбкой склонив отягченную локонами головку, милой, свободной поступью и потчевали. Между тем, гостей услаждали концертом, танцами, пением, веселыми прыжками, играми "мелюзги коричневой"

VII. Иезуитский шоколад

Полная непринужденность, казалось, была в этом обществе. Император полдничал как бы в семейном кругу. Синеватые тени наполняли белую колоннаду. Казалось, олимпийцы сошли на землю и пировали в рое прелестных девушек и детей. Императрица, действительно, походила на Афину-Палладу, а великая княгиня Елизавета, в белом простеньком платье, с золотыми, рассыпающимися из-под повязки локонами напоминала Гебу. Великий князь Александр, в пурпуре, снявший теперь шлем, как Феб, юный и прекрасный, застенчиво принимал ухаживания монастырок, особенно неотступно толпившихся около него, угощая, поднося напитки, плоды, конфеты. Вельможи славного екатерининского века составляли каждый картину. Между тем, цветники и луг перед колоннадой кипели жизнью Среди цветов, сами похожие на розы и лилии, девушки вились гирляндой, изображая древнегреческие танцы, девушки-подростки, златовласые и чернокудрые малютки играли, оглашая сад визгом. А между тем напряженное внимание старших, императрицы, князей и княгинь, вельмож к малейшему слову, жесту, изменению лица императора не ослабевало ни на мгновение. Всякий ждал грома и бури из ясного неба, зная характер властителя. Всякий знал, что может и не вернуться сегодня домой, а через какой-нибудь час уже нестись на тележке с фельдъегерем в страны, отдаленнейшие от столицы. И если бы можно было заглянуть в сердца этих изящных, беспечных, обаятельно остроумных и любезных царедворцев, изумительная была бы противоположность сияющей светлости и угрюмого, холодного ужаса, замирающего страха и подозрительной внутренней тоски. Но самая эта противоположность с особою полнотою заставляла ощущать полножизненное мгновение. Скользя по краю черной бездны, ежеминутно готовой поглотить, смеялось, пело, дрожало всею прелестью бытия чудное мгновение. И каждый жил удесятеренной жизнью. И впивал истинную беззаботность ничего не ожидавших, ни о чем не ведавших, наивных, невинных, восторженных девушек-детей. Монастырский сад

был как бы древним парадизом-садом сладости, куда еще не вошел черный грех, где не ведали страданий, темноты и скуки земной. А между тем самые сложные политические интриги, заговоры, комплоты разнообразно связывали гостей, самые черные, неукротимые страсти кипели в их груди.

Император веселился искренне. Общество монастырок всегда отгоняло от него мрачных демонов. Среди детей, которым он мог доверять, он сам становился ребенком. Истомленная многолетней подозрительностью, душа отдыхала, как бы расправляла крылья и вырывалась из темницы невыразимых терзаний расстроенного и потрясенного существа властителя. Мария Федоровна хорошо знала это действие Смольного на царственного супруга, но все же не могла быть совершенно уверенной в следующей минуте. Император говорил утонченнейшие любезности девицам, шутил и дурачился с необыкновенной грацией и чувством меры. Но порой им овладевал как бы припадок громкого, странного хохота. Он подмигивал сидевшему против него аббату Губеру, произносил непонятные фразы, потирал руки, переставлял стоявшие перед ним предметы и опять успокаивался; гримасничавшее лицо его озарялось лучистым взором прекраснейших больших глаз и он становился изящен, как принц старого Версаля... Простодушные девушки и, особенно, малютки, поминутно просовывавшие кудрявые головки свои под руки императора, который их отечески с нежностью гладил, смеялись этим выходкам Павла Петровича, думая, что он шалит. Но императрица, августейшие особы и царедворцы знали, что такие странные выходки, хотя еще и не грозили опасностью, но часто являлись предвестием страшного состояния беспричинного неудержимого гнева.

Император с особой благосклонностью беседовал с аббатом Губером, вспоминая свое посещение Рима и Италии и покойного папу. Лукавый иезуит незаметно наводил императора на идею соединения церквей, распространяясь о неверии, развратившем век и бывшем причиной столь ужасных потрясений и преступлений. Мальтийский орден, во главе которого становится русский император, повелитель миллионов, в то же время осенен благословением святейшего отца. Пусть же древнее разделение сменится любовью и через императора и папу все христиане Европы соединятся для отстаивания алтарей и престолов.

Император подмигнул аббату и захохотал.

-- Иезуитский шоколад, -- вдруг крикнул он и, обернувшись к императрице, крепко схватил ее за руку, пристально глядя в ее величаво-спокойное прекрасное лицо.

-- Иезуитский шоколад! -- с новым взрывом хохота повторил император.

-- Его величество вспоминает, полагать должно, -- сказала императрица, -- тот особый шоколад, которым нас угощали отцы иезуиты при посещении нами коллегии в Вильне на обратном пути нашем; то был неподражаемый напиток!

-- Именно, именно! -- в совершенном восторге от догадливости супруги вскричал Павел Петрович, несколько раз с благодарностью пожимая ей

руку. -- Неподражаемый напиток! Какой аромат! И пена какая! Я нигде не пивал такого и тщетно наши кафешенки с Кутайсовым пытались приготовить что-либо подобное.

-- Если ваше величество прикажут, -- скромно сказал аббат Губер, -- то я могу приготовить даже сейчас настоящий шоколад отцов иезуитов.

-- Аббат! -- закричал император в восторге. -- Ты умеешь готовить настоящий иезуитский шоколад? Рымникский! -- подмигнул он фельдмаршалу Суворову, сидевшему недалеко от Губера, -- обними аббата за меня. Мне далеко тянуться до него через стол.

Фельдмаршал Суворов, в свою очередь, подмигнул императору и, потирая руки, с ужимками выскочил из-за стола и обнял аббата, обхватив его руками сзади и крича:

-- Виват, Лойола!

Император замахал руками и прыснул со смеху, увлекая и обступивших его девочек, тоже звонко рассмеявшихся.

-- Если ваше величество прикажут... -- сказал, с достоинством поднимаясь, аббат Губер.

-- Вари, брат, ха, ха! Вари, вари! Ха! Ха! -- хохотал император.

Все вельможи почли необходимым последовать примеру императора и тоже захохотали. Смех заразил монастырок и стал беззаботными серебрястыми волнами перекатываться по саду.

И под этот смех аббат Губер, не теряя достоинства, но показывая, что понимает милую шутку, с пристойной духовной особе важностью отправился на монастырскую кухню варить шоколад.

Еще смех продолжал звенеть в группах резвившихся в цветниках девушек, а виновник его, совершенно успокоившись, завел беседу о живописи Рафаэля с королем Августом, поражая даже такого знатока, каким в Европе считался Понятовский, глубиной суждений. Аббат Губер возвратился через полчаса, с важностью неся на золоченом подносе серебряный шоколадник, из носика которого распространялся ароматический пар. За ним сама почтенная начальница, София Ивановна Делафон, несла подносик с двумя севрскими чудной работы чашками и горкой бриошей. Она понимала всю значимость взятой на себя аббатом задачи попотчевать императора настоящим иезуитским шоколадом. Что, если император будет не удовлетворен и разгневется на хвастовство аббата? Что будет с ним? Еще хорошо, что он вышлет его на запад, а если на восток? И что станет с обширными планами, основания которым уже положены аббатом?

Но аббат нес свой шоколад с горделивой уверенностью.

-- Сварил? -- крикнул Павел Петрович опять раздражаясь смехом. -- Давай, давай сюда! Посмотрим!

-- Извольте попробовать, государь сказал аббат.

София Ивановна поставила поднос с чашками перед императором, аббат же с ловкостью опытного кафешенка, высоко поднял шоколадник, тонкой стружкой напенил темную, ароматную жидкость в обе чашки.

-- Извольте попробовать, государь, -- повторил он, почтительно склоняя голову с тонзурой прикрытой фиолетовой шапочкой.

-- Постой, -- сказал император серьезно -- выпей сначала сам чашечку.

-- Если прикажете, государь...

Аббат взял чашечку и приложился к ней.

-- До дна, аббат, до дна, -- строго сказал император, пристально глядя в лицо иезуита.

Аббат выпил, обжигая губы и язык пламенной жидкостью, с стоическим терпением чашку до дна и низко поклонился императору.

Среди общего молчаливого внимания Павел Петрович поднес другую чашку к устам, отведал и тоже поклонился аббату.

-- Господин аббат Губер, -- торжественно сказал император, -- ваш шоколад есть точно настоящий иезуитский шоколад. Marie, отведай! -- обратился он к императрице, подавая чашку.

Государыня пригубила шоколад и поспешила сказать, что напиток превосходен и совершенно такой, каким их угощали виленские отцы.

-- Господин аббат Губер, -- повторил с прежней торжественностью низко кланявшемуся иезуиту император, -- жалею вас мальтийским крестом и командорством, кроме того, имеете вы получить от трезорьера нашего шестьсот шестьдесят шесть душ и табакерку, бриллиантами украшенную, с портретом нашим, и впредь имеете доступ в кабинет наш во всякое время без особого доклада. Есмь вам благосклонным!

VIII. Горелки

Полдник кончился. Император, императрица и все августейшие и высокие гости сошли в цветники. Было уже пять часов и дневной жар несколько спал. Напоенный благоуханием цветов воздух освежали брызги каскадов. Из аллей, боскетов, куртин и рощиц обширного парка веяло тенью и свежестью. Вельможи окружили сияющего аббата Губера, поздравляли с монаршей милостью, и умоляли сообщить им секрет варки иезуитского шоколада.

-- О, это совсем просто, господа, совсем просто! -- уклоняясь, с любезностью отвечал лукавый иезуит.

Тень опасения и недовольства легла на лица некоторых из французских роялистов. Принц Конде, видимо, был расстроен, но это не помешало ему взять аббата под руку и, прогуливаясь, развить перед ним идеи спасения алтарей и престолов единением всех людей доброй воли, преданных богоучрежденным порядкам. Будучи недалеко от императора, принц громко сказал:

-- *La cause du roi de France est celle de tous les rois! (Дело французского короля есть дело всех королей!)*

Но император не обратил внимания на фразу принца. Он направился к тесной группе монастырок. Они окружили придворного шута Иванушку. Шут гремел бубенчиками. Звонкий девичий смех сопровождал остроумные ответы шута на обычный вопрос: "Что от кого родится?"

Иванушка был бритый, плешивый, маленький старичок; узкие глазки его сверкали замечательным умом.

Павел Петрович приблизился. Цветник смеющихся монастырок расступился. Вельможи следовали за государем. Под приятными улыбками у врагов лопухинской партии скрывалась уже зародившаяся ненависть к злему и остроумному лопухинскому шуту, знавшему слабости и причуды каждого и всю скандальную хронику двора и обеих столиц. Милость к Лопухиной озаряла всех, с ней связанных, даже шута Иванушку. Придворная челядь завидовала быстрой карьере старикашки. Вельможи видели в нем лопухинского шпиона. Сторонники Лопухиных, наоборот, сладко, заигрывающе хихикали, подмигивая приятельски дураку.

-- Господа, -- обратился император к окружавшим его, -- не пренебрегайте Иванушкой. В доброе старое время голова под колпаком с бубенчиками нередко видела дальше головы, осененной венцом!

-- Что от меня родится, Иванушка? -- желая угодить монарху, спросил и "бриллиантовый" князь Куракин.

-- От тебя: обеды, ужины, бутылки, рюмки, браслеты, запонки, манжеты, табакерки, корсеты, подвязки! -- отвечал шут.

Император и все вельможи улыбались. И Куракин снисходительной миной старался скрыть досаду.

-- А что от меня родится, шут? -- спросил фельдмаршал Суворов.

-- Правда, честь, походы, победы, слава, слава, слава! -- отвечал шут и, сняв колпак с бубенчиками, подбросил его и подхватил неловко опять на свою острую, плешивую голову.

-- А еще что? -- сказал Павел Петрович.

-- Ревность, женины дрязги, салоны, туфли, рога, рожки!

-- Лови! -- крикнул Суворов, бросая шуту червонец.

Все знали нелады и ревность великого полководца к жене, ему изменявшей, несколько раз уже затевавшего с ней развод и вновь мирившегося.

-- А от меня? -- сказал король Август Понятовский.

-- Старое венгерское, векселя, польские фляки, подагра, паутина!

-- Дерзкий шут! -- покраснев и надувшись, сказал развенчанный король и отошел.

Государь потирал руки от удовольствия. Вельможи улыбались.

-- Ну, а вот от этого? -- спросил государь, указывая на поэта и сенатора Державина.

-- Оды, лесть, ябеды, кляузы, рифмы, стопы, реестры, мемории, тропы, фигуры, наказания, указы, синекдохи, гиперболы, архивная моль!

-- Что от меня родится, Иванушка? -- спросила хорошенькая, белокурая монастырка с родинкой на щеке.

-- Капризы, стрекозы, лилии, розаны, леденчики, пастила, тряпки, башмаки, бантики!

-- А от меня? -- спросила другая смуглянка с огненными глазами.

-- Яд, ревность, кинжалы, змеи, драконы, черные маски, червонцы!

-- А от меня, Иванушка? -- спросила полная, высокая девица.

-- Варенье, соленье, печенье, пряженье, четырнадцать котят!

-- Ну, Иван, теперь и мне скажи, что от меня родится? -- сказал, наконец, и государь.

Все с интересом ожидали ответа шута. А он сморщился, подперши одной рукой голову, а другой растирая под ложечкой:

-- Ой! Ой! Живот болит! -- взвыл, наконец, шут.

-- Говори! Говори, брат! -- требовал император. -- Назвался груздем -- полезай в кузов.

Шут повесил на сторону голову и плачевным тоном забормотал:

-- От тебя, государь, родятся: чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторги, кнуты!

Услышав такой дерзкий ответ государю, придворные помертвели от ужаса, ожидая грозы, в то же время одни радуясь, другие горюя, что вызвал ее именно шут временщика Лопухина и его дочери. И гроза уже приближалась. Император стал пыхтеть, отдуваться, откидывать голову назад, лицо его потемнело и перекошилось судорогой... Еще мгновение и страшный припадок слепого гнева уничтожил бы смелого шута да и тех, может быть, кто подвернулся бы при этом. Но, к счастью, четырнадцатилетняя прелестная Дашенька Бенкендорф и несколько других монастырок подошли к государю и с низким реверансом просили его пожаловать на луг, посмотреть игру в горелки. Мгновенно настроение императора изменилось. Он расцвел улыбкой и, предложив руку Дашеньке, пошел на обширный луг, где уже игра была в полном разгаре и монастырки, со звонкими криками и смехом, неслись, словно античные нимфы, ловя друг друга.

Император пожелал принять участие в игре с некоторыми особами. По жребию гореть пришлось фельдмаршалу Суворову. В паре за ним стали Понятовский и принц Конде. Далее стал государь и Дашенька Бенкендорф [*В своих записках Д. Х. Ливен рассказывает, что Павел I "нередко наезжал" в Смольный; "его забавляли игрою маленьких девочек, и он охотно сам даже принимал в них участие". Ливен вспоминает, что играла в жмурки с императором, Понятовским, Конде и Суворовым. Допустимо, что играли и в горелки -- Примеч. автора*]. В третьей паре были граф Ливен и поэт Державин. Становясь в пару, Державин с улыбкой прочитал начало одной из своих од:

На скользком ипподроме света

Все люди -- бегатели суть.

По данному знаку, Понятовский и Конде побежали, настигаемые Суворовым.

-- Тот, кто взял Варшаву, неужели не пленит польского короля! -- сказал император.

Но Понятовского нечего было и ловить. С изрядным брюшком, с подагрой в ногах, он семенил, виляя из стороны в сторону и испуская легкие вскрики "Ах! Ах!"

Суворов с самыми потешными ужимками стал гоняться за ним, подражая жестам старой птичницы, ловящей квохчущую курицу. Он делал вид, что не может поймать Августа. Сцена была так комична, что общий смех распространился на лугу. Игра в других горелках остановилась. Все смотрели на покорителя Варшавы, Суворова, ловящего последнего развенчанного польского короля. Принц Конде остановился и тоже с улыбкой наблюдал суету. Вдруг фельдмаршал, как барс, сделал огромный, достойный лучшего гимнаста, прыжок в сторону принца Конде. Увертливый француз успел, однако, отскочить и помчался от Суворова. Но тот не отставал и наседавал по пятам француза.

-- Ату его, ату! -- закричал, хлопая в ладоши, государь. -- Русак ли не подобьет француза.

-- Ахиллес преследует Гектора, -- заметил поэт Державин.

Между тем, король Станислав-Август возвращался, задыхаясь, охая и прихрамывая. Императрица приняла живейшее участие в его печальном положении, велела принести для короля кресло и какого-нибудь прохладительного напитка. Монастырки побежали, но вместо кресла притащили несколько диванных подушек. Короля усадили на зыбкое седалище. Принесен был малиновый, пенистый квас и девицы поили старого короля, отирали платочками пот с чела его и обмахивали веерами. Король сыпал комплиментами, восхищаясь прелестными проказницами.

Между тем, бег Суворова и принца Конде продолжался. Как ни ловок был француз, но фельдмаршал настиг его и с торжеством повел пленника.

-- Быть пленником великого Суворова почетно! -- любезно сказал Конде, подойдя к императору.

-- Виват, Конде! -- закричал фельдмаршал, махая шляпой.

-- Виват, Суворов! -- отвечали государь и принц Конде.

Принц должен был гореть.

Теперь из-за его спины прянули, как две стрелы из тугого лука, Дашенька Бенкендорф и Павел Петрович.

Дашенька неслась, как пушинка, гонимая ветром. Император, звонко поражая землю ногами, бежал с изумительным искусством. Казалось, упругий мячик, подскакивая на неровностях, катится по лугу.

Император Павел Петрович был одним из лучших наездников своего времени, с раннего возраста отличался на каруселях и артистически изучил все роды физических игр. Поймать такого ристателя было нелегко. Пренебрегая девочкой, принц все усилия употребил пленить государя, настигал его несколько раз, но тот уносился и ускользал в сторону и, наконец, подал руку подбежавшей раскрасневшейся Дашеньке.

Принц Конде отвешивал низкие реверансы императору, а все бывшие на лугу аплодисментами и восторженными криками приветствовали доблестного ристателя. Императрица попросила принести две сосновые веточки и увенчала державного супруга, переплетя их с цветами, на символическом языке выразившими победу, верность, сердечное восхищение и семейное благополучие.

IX. Последний менуэт

Жаркий день клонился к закату. Оживление в счастливых монастырских садах еще увеличилось, так как ожидали танцев и прибыли кавалеры -- гвардейская молодежь и воспитанники шляхетского корпуса. Составлялись пары. Завязывались и продолжались романы под тенистыми, старыми, пахнувшими сладко медом, в полном цвету, липами, в уединенных, зеленых боскетах, аллеях и среди цветущих куртин. Взгляды, неуловимые рукопожатия заставляли шибко, шибко биться не одно сердечко.

Между тем, уже золотые стрелы Феба, как выразился на риторическом языке поэт Державин, скользили, прядая по глубинам волнуемой потянувшим свежим ветерком Невы. Уже вечер набрасывал туманную дымку и потемнял села Охтенского берега, в то время как окна палат на островах пламенели.

Император подал руку начальнице г-же Делафон и открыл шествие в белый мраморный зал монастыря. Придворный оркестр встретил бесконечной лентой двинувшиеся из садов пары торжественными звуками.

Пламя заката, врываясь в огромные окна залы и в верхние круглые окошки, странно мешалось с бледными огнями сотен восковых свечей в люстрах и стенных канделябрах. При таком смещении искусственного света с закатным все краски менялись, лиловато-пепельные тени двоились, все принимало странный, призрачный вид. Прелестные, оживленные личики девиц попадали то в пучок лучей, бросаемых огнями, отраженными тысячекратно в венецианских огромных простеночных зеркалах, то в столбы небесного зарева, разгоравшегося за окнами. Разнообразные цвета мундиров у кавалеров, особенно мальтийский пурпур, составляли необыкновенные сочетания и красочные пятна. Пары обходили кругом залу, у стройных коринфских колонн, со статуями богов и героев в промежутках, и потом строились в две линии с широким проходом посредине. Овальной формы куполообразный потолок украшен был цветочными гирляндами, которые держали извивающиеся хороводом нимфы, между тем как посредине, окруженный богами и богинями, сам Аполлон играл на лире, на облачных холмах Парнаса Чудная живопись плафона, казалось, была оживлена и одухотворена. Пламенное вечернее небо за громадными окнами залы в два света над стройными купами деревьев сада ежеминутно изменялось. А вместе с тем менялись и передвигались краски лучи, тени, отражения в зале и на живописном плафоне.

Император сказал двадцатилетнему поручику конной гвардии Николаю Александровичу Саблукову отмеченному им за неподкупное благородство:

-- Пригласи Екатерину Ивановну.

-- Слушаю государь, -- отвечал Саблуков, -- на какой танец прикажете?

-- Mon cher, -- сказал Павел Петрович, -- faites danser quelque chose de joli!

"Что можно протанцевать красивого, кроме гавота или менуэта", -- подумал Саблуков, подходя к Нелидовой.

Самый старомодно-изящный наряд ее возбуждал мысль об этих утонченных танцах цветущей поры Версаля и екатерининского Эрмитажа.

Пригласив Екатерину Ивановну с низкими реверансами, Саблуков побежал предупредить оркестр, в первой скрипке которого находился сам знаменитый Диц.

И вот раздались вступительные звуки менуэта и Нелидова с Саблуковым начали танец под пристальными взорами императора и сотен внимательных глаз. Все было неподвижно в зале. Танцевала только эта пара. Нелидова знала, что это последний танец ее пред окончательным удалением от света и двора. В странном смещении алого заката и бесчисленных искусственных огней, в тоскующий час прощанья отходящего дня с пышущей зноем цветущей землей, в последний раз в поле зрения монарха платонического любовника ее, танцевала маленькая фаворитка в старомодном наряде, изящная, как фарфоровая маркиза, под изящные старомодные звуки Казалось, она в это мгновение воплощала все прошлое века Фридриха, последних Людовиков, Екатерины. Принц Конде, граф Шуазель и другие французские эмигранты с невольным умилением и трепетом сердца внимали звукам прекрасного танца и любовались танцорами. Нелидова превзошла себя и все, что было пленительного в старой жизни, воплотилось в ее танце.

Что за грацию выказала она, как прелестно выделявала "pas" и повороты, какая плавность была во всех движениях прелестной крошки, несмотря на ее высокие каблуки!

И старые екатерининские вельможи, улыбаясь, сочувственно покачивали головами, вспоминая былое.

-- Точь-в-точь знаменитая балерина Сантини, бывшая ее учительница! -- говорили они.

И Саблуков не позабыл уроков Джузеппе Канциони, балетмейстера и танцора эрмитажного театра при Екатерине. И при его "Гатчинском" кафтане à la Frédéric le Grand, оба точь-в-точь имели вид двух старых портретов, вышедших из рам.

Но это-то и восхищало императора Павла Петровича, идеалом которого были Версаль и Сан-Суси. В полном восторге, с разнообразными движениями, следя за танцами Нелидовой и Саблукова, во все время менуэта он поощрял их восклицаниями:

-- C'est charmant! C'est superbe! C'est délicieux!

И со свойственной ему неистощимой энциклопедичностью самых разнообразных сведений Павел Петрович стал рассказывать близстоящим вельможам историю менуэта, из сельского танца крестьян в Пуату превращенного в танец королей Версаля, самого Короля-Солнца!

-- Это Пекур, господа, -- объяснял Павел Петрович, -- знаменитый оперный актер придал менуэту всю ту грацию, которой этот танец ныне отличается, переменив форму "эс" (S), которая была главной фигурой танца, на форму "зет" (Z).

Император сам то становился в позицию S, то в позицию Z, искусно показывая разницу.

Оркестр играл знаменитый менуэт d'Ехаудет и Павел Петрович сиповатым своим голосом стал подпевать слова:

Cet étang
Qui s'éteng
Dans la plaine,
Répéte au sei'n de ses eaux
Les verdoyants armeaux,
OЗ le lampre s'enchainé
Un ciel pur,
Un azur
Sans nuage,
Vivement s'y réfléchit,
Le tableaux s'enrichit
D'ima-a-a-age [*]

[*] - *Этот пруд, который ширится в долине, повторяет в лоне своих вод зеленеющие шипы, оцепленные виноградными лозами. Чистое небо, лазурь безоблачная там живо отражаются, обогащая картину изображения.*

Император сделал низкий реверанс на последнем слове вельможам, которые, расплываясь в улыбках, подхватили нестройными, старческими голосами припев, случайно имевший как бы прямое указание на опасность постоянной перемены настроения властелина:

Mais, tandis que l'on admire
Cette onde oЗ le ciel se mire,
Un zéphyr
Vient ternir,
Sa surface
D'un souffle il confond les traits,
L'eclat de tant d'objets
S'effa-a-a-ce [*]

[*] - *Но в то время, когда удивляются этой волне, в которую глядится небо, зефир летит и омрачает ее поверхность Единым дыханием он смешивает черты и блеск стольких предметов и исчезает.*

К старым голосам вельмож присоединились молодые -- прелестных монастырок -- и следующую строфу за императором напевала, улыбаясь, вся зала:

Un désir

Un soupir,
O, ma tille,
Peut aussi troublez un coeur
OЗ se peiut la candeur,
OЗ a sagesse brille
Le repos,
Sur ces eaux,
Peut renaitre,
Mats il se perd sans retour
Dans un coeur dont l'amour
Est mai-ai-aitre...[*]

[*] - *Желание, вздох, о моя дочь, может также взволновать сердце, где начертана скромность, где блистает мудрость. Спокойствие на этих водах может возродиться; но оно безвозвратно теряется в сердце, в котором любовь стала господином.*

Вся зала разнообразно присела в глубоком реверансе вместе с императором.

И выражение лица и замечания императора передавались придворным и они восторгались, в то время тайно предаваясь разнообразным чувствам: одни -- опасениям, другие -- надеждам. Восхищение императора не может ли стать возвращением фавора? Тем более, что, казалось бы, Нелидовой, если платонизм отношений ее к государю не выдуман, нечего и делить с новой фавориткой... Так думали, конечно, те, кто не знал характера Екатерины Ивановны.

Сторонники Лопухиной, как сенсуалисты, не переставали питать уверенность, что двадцать лет всегда возьмут верх над сорока годами. Однако они не могли не отдать должного маленькой фаворитке. Нельзя было заметить лет в оживленном огне вдохновения личике ее и в движениях стройного, маленького тела. Она влекла к быстрым ножкам своим восхищение зрителей. Что же, если мгновенная прихоть причудливого властелина опять переменит положение шахмат и сложившиеся уже сочетания придворных партий!.. Менуэт принимал неожиданно политическое, даже европейское значение...

Императрица сияла, обрадованная успехом Екатерины Ивановны, так как фавор ее не отнимал Павла Петровича у семьи. Граф Кутайсов и граф Ростопчин с трудом скрывали неудовольствие.

Невольно взоры всех с танцующей пары переходили на новую фаворитку, ее отца и мачеху. Но князь Лопухин, казалось, не замечал происходящего и беседовал со своими старыми друзьями, Гагариным и Долгоруковым, которых он с семьями побудил переселиться из Москвы в дома, стоявшие рядом с его, на набережной.

Княжна Анна Петровна в белом воздушном хитоне стояла у пьедестала статуи какого-то античного героя, остановив рассеянно-задумчивый взгляд глубоких, выразительных глаз на изменчивой картине вечернего

неба в противоположном окне. Возле нее рассыпался с французскою живостью в болтовне конногвардеец, шестнадцатилетний хорошенький мальчик, граф Александр Иванович Рибопьер. Красота Лопухиной носила кроткий, меланхолический характер. Выросшая в Москве, чуждая двору и свету в эту минуту Анна Петровна была далеко от великолепной залы. Вспоминались ей родные липы московской усадьбы, игры детства и товарищ этих игр бывший в эту минуту далеко при армии, начинавшей свой марш по Европе.

Х. Первый вальс

Император выразил Екатерине Ивановне восхищение, когда танец был окончен. Затем он сказал несколько слов графу Кутайсову, который с довольным видом направился к оркестру, а потом подошел к графу Рибопьеру и что-то ему передал.

Рибопьер сейчас же с глубоким поклоном пригласил княжну Анну Петровну Лопухину на ее любимый танец -- вальс.

Шепот легким шелестом пробежал по рядам придворных. Теперь опять настроение переменилось. Те, кто было уныли -- просияли, другим стало понятно, что всегда рыцарственный в отношении женщин император Павел хотел выказать тонкую учтивость к отставной фаворитке, но не более. Дамы были взволнованы. В первый раз в присутствии августейших особ должен был исполняться модный танец. Этим окончательно снимался запрет с вальса, что составляло само по себе событие большой важности.

Диц повел по струнам волшебным смычком своим и запел сладко и воздушно льющуюся мелодию постепенно вступали прочие инструменты и мелодия росла, усложнялась, вновь слабела и вновь гремела, и упоительное кружение звуков подняло и покорило все сердца.

Уже полный вечер стоял в садах и небеса гасли и белели с каждым мгновением. Золотой полоской блеснули вершины деревьев, блеск сошел с них, и сады погрузились в тень. В огромные открытые окна теплые волны душистого воздуха почти не вливали освежения. Но звезды не проступали на небе. Белая, северная, болезненно-загадочная ночь ложилась на стогна столицы, молочным морем окутывая Смольный и удвояясь в беломраморном зале. Еще страннее теперь сияли огни бесчисленных свеч. Они придавали какой-то мертвенный оттенок лицам. Старческие черты проваливались синеватыми пятнами теней и казались ослабленными черепами. Но и молодые цветущие лица поблекли и призрачно изменились. Чудесно изменилась и княжна Лопухина, но изменилась к лучшему. Ее матовая бледность стала сверкающей белизной слоновой кости. Подхваченная ловким кавалером, она понеслась по окружности зала в свободном его пространстве, и ее черные кудри развевались как змеи, ее черные печальные глаза стали бездонно глубоки, она вся была страсть и упоение и, казалось, упав на руки юноши, переносилась волшебной силой вдохновения.

Смычок Дица то рыдал, то замирал упоительно, то молил, то грозил, то смеялся и в растущей мелодии появлялось что-то сатанинское. И тогда казалось, что это не девушка танцует, а чародейка в ночные часы совершает чарования, носясь волшебными кругами.

-- Да, это не менуэт! -- шептали пораженные и плененные зрители.

Новая сила, новая власть, новая жизнь входили с этими звуками, с этим танцем, и как наивны теперь казались поклоны и грациозные повороты и все ухищрения старого танца, последнего менуэта отходящего прошлого!..

Екатерина Ивановна Нелидова вздрогнула при первых звуках ненавистного ей вальса и затем уже не могла отвести глаз от соперницы. Сначала ей все казалось только неприличным и безобразным в этом грубом мещанском танце и близость кавалера к даме, дерзко обнимающего ее талию, и эти сплетшиеся их руки, и однообразные па и повороты. На что тут было смотреть? Чем любоваться? Где искусство? Пристойно ли исполнить перед очами императора низкую пляску грубых немецких ярмарок и базаров! Все чувства ее были оскорблены.

-- *Quelle bassesse! Quelle bassesse!* -- шептала она с горечью.

И что сделалось с Дицем? Что такое он играет? Краска залила под румянами щечки маленькой фаворитки. Звуки скрипки первого скрипача его величества казались ей крайне неприличными, даже дерзкими. С живостью перевела она взгляд с танцующей пары на императора. К величайшему своему удовлетворению, она заметила, что император, во всяком случае, доволен не был. В самом деле, при первых звуках вальса, при первых кружениях пары император Павел Петрович характерным жестом вздернул голову и лицо его выразило удивление и почти неудовольствие. Но, увы! Это было недолго! Вдруг ноздри его стали раздуваться, глаза засверкали насмешливым огнем, щеки втянулись и губы искривила гримаса, он стал потирать руки, переступать с ноги на ногу и, поворачиваясь в разные стороны, подмигивать окружающим придворным. Те, в свою очередь, подхватывали и повторяли ужимки императора, как верное зеркало, и скоро зала представляла интересную сцену многих вельмож и генералов, в допотопных мундирах, с буклями и косичками, подпрыгивающих, потирая руки, и так резко помахивающих головами, что косички летали в разные стороны. Екатерина Ивановна отлично знала и ненавидела это странное, почти шутовское состояние Павла Петровича, этот полуискренний, полупритворный насмешливый восторг. В эти минуты сказывалась в нем, быть может, кровь его отца, Петра Третьего, в таком виде, с трубкой в зубах и со стаканом пунша в руке выходившего на балкон, кобенившегося и кривлявшегося там на соблазн народу, как паяц в ярмарочном балагане.

-- *Quelle bassesse! Quelle bassesse!* -- с горечью повторяла Екатерина Ивановна.

Но скоро звуки и кружение ненавистной соперницы стали внушать ей чувство гнетущей тоски и ужаса. Прыжки и повороты императора становились все резче, все нелепее, а вслед за ними и повторявших их

придворных, отлично знавших, что нельзя было больше угодить императору, как делая вид, что совершенно понимаешь все его жесты и непостижимые восклицания. Звуки скрипки Дица принимали все более томительно-страстный, волшебнo-заклинающий характер, одуряющая власть кружения охватывала Нелидову, всю свою ненависть соединившую на кружившейся в прозрачном белом хитоне со змеями -- черными кудрями -- дьяволице.

Голова старой фрейлины стала кружиться. Ей было душно, тошно. И вдруг ужасный, с детских дней мучивший ее сон наяву представился ей. Представился ей глубокий, крутящийся черный омут стремительной реки, осененный старыми, мрачными мшистыми деревьями и над ним безумная, хохочущая и рыдающая девушка, а из омута тянется и простирает к ней руки полурыба-полуженщина и манит к себе. Омут вращается и затягивает, и в пучинах его страшные, уродливые существа движутся и скалят зубы... С ужасом отшатнулась Екатерина Ивановна от омута и, может быть, упала бы, если бы ее незаметно для других не поддержали дружественные руки престарелой принцессы Тарант.

-- Дорогая, вам дурно! -- шептала она. -- Обопритесь на мою руку! Выйдемте из душного многолюдства в сад... Вы освежитесь!

И принцесса, одной рукой поддерживая трясущуюся челюсть, а другой ослабевшую Екатерину Ивановну, проскользнула к выходу и вывела ее в сумрачную колоннаду, а оттуда в цветники.

XI. Высочайшая прогулка

Никто не заметил удаления из зала Екатерины Ивановны, так все были увлечены зрелищем первого вальса в высочайшем присутствии. Но это не укрылось от острого взгляда императора Павла Петровича.

Он вдруг прекратил свои чудаческие жесты. Тонкая улыбка понимания появилась у него на губах. Взгляд стал прекрасен, задумчив и мягок.

Он выразил желание, чтобы танцы продолжались и, подойдя к княжне Лопухиной и Рибопьеру при приближении императора искусно закончивших тур и обменивающихся взаимными глубокими реверансами, милостиво выразил похвалу искусству танцоров:

-- Танец сей не весьма приличен, -- заметил, однако, Павел Петрович, -- и довольно волен. Но ты, Рибопьер, не выходишь из границ благопристойности, а княжна все обращает в прелесть, до чего коснется, - с любезнейшей улыбкой говорил император.

Княжна Лопухина низко присела.

Император отвечал классическим версальским поклоном. На лицах всех присутствующих изобразилось восхищение.

-- Да, ты отлично танцевал, -- продолжал Павел, кладя руку на плечо Рибопьера, который стал, повернув голову, целовать эту монаршую руку, как руку любовницы. Мальчик отлично знал, чем рисковал, пустившись вальсировать с фавориткой императора, хотя и по его желанию. Внешне сияя радостью, в юношеском, но искушенном с детских лет придворной

жизнью еще при покойной монархине сердце он испытывал во время беспечного порхания своего по огромной зале смертный холод крайней опасности. Теперь он отдохнул и от восторга не знал, где находится -- на земле или на небе.

-- Танцуй, братец, всегда с княжной вальс! -- продолжал император. -- Доколе очам ее угоден Только, пожалуйста, не по этой новейшей моде, ухватя за стан обеими руками, причем дама кладет руки на плечи кавалеру и оба смотрят друг другу в глаза. Это, братец, непристойно, скверно! Чтоб этого, вообще, не допускалось на балах! -- сказал он, поворачиваясь к графу Кутайсову, незаметно очутившемуся в сфере зрения государя. -- Составь в этом смысле приказ и представь завтра к подписанию нашему!

И дав жестом знак продолжать танцы, император направился к выходу в сад. Там он увидел графа Ростопчина.

-- Пойдем, Ростопчин, -- сказал он графу, -- погуляем по саду инкогнито!

Все знали, что это значит: с этой минуты не должно было узнавать государя и намеренно встречаться с ним. Император, сопровождаемый графом, вышел в цветник. Взор его блуждал, кого-то отыскивая.

Заметив вдали на мраморной скамейке Екатерину Ивановну, которой принцесса Тарант давала нюхать флакон с солями и мочила ей виски "водой венгерского короля", император велел графу дожидаться в цветнике, а сам направился туда *privatamente*.

Екатерина Ивановна уже совершенно оправилась, и, когда император подошел к ней, с достоинством поднялась ему навстречу.

-- Я заметил, -- сказал с чарующей ласковостью Павел Петрович, -- мгновенный недуг ваш, конечно приключившийся от духоты многолюдства, и удаление ваше. Не угодно ли будет вам освежиться в сей тенистой и прохладной перспективе, -- предложил император руку фрейлине. -- А вас, принцесса, -- сказал он принцессе Тарант, -- прошу следовать за нами на приличном расстоянии.

Принцесса отвечала глубочайшим реверансом опустив скромно глаза, с выражением понимания возлагаемой на нее обязанности. Екатерина Ивановна оперлась на руку государя и он повел ее в длинную, крытую аллею, завитую сплошь диким виноградом и каприфолью, так что в ней было совершенно сумрачно даже в эту белую ночь. У входа в аллею император обернулся и глазами дал знак графу Ростопчину, прогуливавшемуся в отдалении что надо встать у входа аллеи на карауле.

Принцесса Тарант дождалась, когда пара скрылась в глубине аллеи, и потом двинулась сама, переживая вновь сцену былого версальских садов королевской придворной жизни, с благородной осанкой дуэньи августейшего свидания и с трепетом наслаждения от нахлынувших воспоминаний. Придерживая одной рукой высокие воланы старинного наряда, а другой -- трясущуюся челюсть, переступая на высоких каблучках старческой, колеблющейся походкой, углубилась она в сквозные тени таинственного хода.

Пустынные сады, окутанные молочным сумраком северной ночи, молчали, курясь ароматом спящих цветов. Призрачно мелькали статуи на лужайках. Из сиявшего здания Смольного лились нежные звуки.

Едва старая принцесса исчезла в аллее, граф Ростопчин, нахмуренный, встревоженный, злой, саркастически кривя губы, встал на часах у ее входа, пробормотав любимую поговорку:

-- Без дела и без скуки стою, сложивши руки!..

Принадлежа к партии Кутайсова и Лопухиных, он испытывал весьма понятное беспокойство. Что могла принести эта таинственная прогулка в крытой аллее Павла Петровича с экс-фавориткой? Предугадать было нелегко.

ХII. Счастье императора Павла

-- Екатерина Ивановна, -- сказал Павел Петрович Нелидовой, когда они вступили в сумрачный ход под зыбким сводом листвы, -- ваши чувства мне понятны. Они прямо благородны, это мне известно. Но я не вижу причины вашего удаления от двора. Скажите!

-- Государь, -- отвечала маленькая фаворитка, -- прибывание мое при дворе теперь излишне. Высокая честь делить досуги государыни для меня сопряжена с опасностями. Могу ли не заметить перемены в расположении нашего общего друга, всегда бывшего единой нашей мыслью, единой заботой! Ах, та прекрасная цель, к которой мы обе всегда стремились, удалась от нас на расстояние недостижимое!

-- Значит, была цель? -- переспросил император.

-- Цель была одна.

-- Какая?

-- Счастье Павла!

-- Счастье Павла!.. -- с горечью повторил император. -- Где оно? Павел родился для несчастья. Оно недостижимо для него. И если оно когда-либо ему улыбалось, то невозвратно.

-- Наши дружеские заговоры направлены были к тому, чтобы вернуть его Павлу.

-- Заговор, хотя бы и дружеский, все же -- заговор. Испорченная природа человека в самом добре себя проявляет, -- сказал грустно Павел Петрович.

-- О, государь! В этих подозрениях ваших, в их возможности, не лучшее ли доказательство того, что время удаления моего и навсегда пришло? -- с огорчением сказала Нелидова.

-- Павел родился для несчастья, -- повторил император. -- Это показано и в гороскопе, составленном знатнейшими математиками для меня. Несчастный правнук великого прадеда, я взшел на оскверненный и окровавленный трон. И я несчастен и друзья мои сострадают со мною. Тяжелое влияние недоброй планеты тяготеет на мне. Прадед мой... Кажется, я его вижу! -- загадочно сказал император, устремив взор в глубину аллеи, где белый сумрак северной ночи сгустился.

-- Все страждущие имеют право на мое сочувствие, -- сказала Нелидова. -- Но когда страдает Павел, с ним страдает Россия и вся Европа. Как же высок жребий облегчать это страдание! Вот что единственно я имела в виду, приближаясь к трону.

-- Благородный друг мой, люди не понимают благородства. По подлости чувств и намерений своих они и о других заключают. С людьми следует обращаться, как с собаками, но они хуже собак. Так и наши отношения в их глазах приняли значение низменной связи.

-- Разве я когда-либо смотрела на вас, как на мужчину? -- вскричала Нелидова. -- Клянусь вам, что я не замечала этого с того времени, как к вам привязана. Мне казалось, что вы -- моя сестра!

-- Души не имеют пола, -- сочувственно отозвался Павел.

-- Я не становилась между императором и супругой его! -- горячо продолжала фаворитка, волнуясь. -- Я искала одного титула -- титула друга императора Павла и друга страждущих. Я познала великую, прекрасную душу Павла сквозь туманы злых снов его и тучи мрачных подозрений. Я нашла к душе его дорогу и хотела всем показывать путь к ней! Вспомните всю мою жизнь: не была ли она исключительно посвящена тому, чтобы любить вас и заставлять других вас любить? Вспомните, что по вступлении вашем на трон я искала только одного: остаться покойной и быть забытой в своем мирном уединении. Где найдете вы доказательства или даже проявления моих честолюбивых чувств и расчетов?

-- Чего же вы хотите от меня, друг мой? -- спросил Павел.

-- Честный Бугсгевден с супругой удаляются в замок Доде, -- сказала Нелидова. -- Не воспользуйтесь, государь, своей властью для того, чтобы воспрепятствовать мне последовать за моей добродетельной подругой в ссылку, куда вы ее отправляете!

Император принял руку, на которую опиралась Нелидова, и, отступив, сделал ей почтительный поклон. Екатерина Ивановна отвечала глубоким реверансом. В глубине аллеи показалась принцесса Тарант. Император сделал ей знак приблизиться.

-- Mademoiselle утомлена и желает удалиться к себе, -- сказал он. -- Прошу вас сопровождать ее!

И, повернувшись, Павел Петрович быстро пошел назад по аллее.

Ростопчин, карауля у входа в нее, с нетерпением ожидал развязки свидания, когда император появился, двигаясь большими шагами. В сумраке белой ночи нахмуренное лицо его приняло странный, мертвенный цвет. Подойдя к Ростопчину, он остановился и произнес торжественно:

-- Граф Ростопчин, заметь, что скажу сейчас. Свет судит по себе и собственно подлостью чернит чужие характеры. И я видел, как злоба выставляла себя и хотела дать Ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между Нелидовой и мною! Относительно этой связи клянусь тем Судилищем, перед которым мы все должны явиться, что предстанем перед ним с совестью, свободною от всякого упрека, как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценой

своей крови! Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог!

ХIII. Служение в храме Весты

Когда император возвратился в залу, где шли одушевленные танцы, начальник Смольного госпожа Делафон почтительнейше просила разрешения воспитанницам преподнести царственной имениннице заготовленный сюрприз.

Император разрешил и вслед за тем открылось шествие под звуки оркестра роговой музыки в монастырские сады. Роговая музыка была скрыта в куртинах, и нежная гармония, казалось, сама рождалась в бледных сумраках благовонной ночи.

По спутанным тропам между пригорками, лужайками, цветущими кустами, вереница пар двинулась к кедровой роще. Император вел императрицу впереди шествия.

В кедровой роще открылся перед царственной четой сверкающий огнями храм Весты. Сквозная круглая колоннада была увита гирляндами цветов. Между столбами ряли на незримых подвесках разноцветные кристальные лампы с огнями внутри. Посередине храма на пьедестале высилось скульптурное изображение в образе Весты самой Марии Федоровны. Перед ним на треножнике курился ароматический дым.

Вдруг из-за темных могучих кедров вышел сонм девиц в белых хитонах. Головы их были покрыты прозрачными фатами. В руках они держали цветы. Обойдя вокруг жертвенника и павши на колени перед статуей богини, они запели под аккомпанемент арф:

О, счастливым земнородным
Благостна, прекрасна мать!
Если взором благосклонным
Соизволишь презирать
Дев, тобою воскормленных,
И прошенью внемлешь их:
То внуши молитв усердных
Глас воспитанниц твоих
И даруй, да под покровом
Матерней руки твоей,
Благонравья в блеске новом,
Непорочности стезей
Вслед мы ходим за тобою
И достойными тебя
Будем жизнью святою,
Добродетель ввек любя.

Затем девицы возложили цветы на курящийся треножник.

Императрица Мария Федоровна была глубоко тронута преданностью смолянок. Тут выступило прелестное дитя лет шести с русыми кудрями, обрамлявшими ее ангельское личико; видимо, робея, устремив большие глаза на царственную чету, ребенок произнес на французском языке следующее приветствие:

-- Chers objets de vos vœux, vous êtes nos divinités; oui, je vois. Minerve, déesse de la sagesse, des sciences et des arts; Phébus, dieu de la lumière, et Hèbè, ornement de l'empire: vous quittez l'Olympe pour embellir ces lieux; vous nous inspirez cette extase divine et cette joie céleste, que les dieux seuls ont le pouvoir de produire! (*Дорогие; предметы наших стремлений, вы, наши божества; да, я вижу Минерву -- богиню мудрости, наук и искусств; Феба -- бога света; Гебу -- украшение власти. Вы оставили Олимп, чтобы пленить эти места; вы внушили нам этот божественный восторг и эту небесную радость, которые могут производить одни только боги!*)

Императрица привлекла к себе прелестную малютку и расцеловала ее. Затем она в теплых и милостивых выражениях благодарила начальницу Смольного, воспитательниц и благородных девушек.

Между тем, в садах, в крытых аллеях, в рощах, в боскетах и куртинах всюду зажглись разноцветные огни. Парочки искали уединения. Везде мелькали ленты и воздушные хитоны монастырок и возле них яркие мундиры юных служителей Марса.

Поэт Державин, взирая на влюбленную юность, сказал стихами о монастырках, что они:

Здесь, с невинностью питая
Хлад бесстрастия в крови,
Забавляются, не зная
Сладостных зараз любви, --
И сокрывшись в листья, в гроты,
И облекшись в бледную ночь,
Метят тщетно в них Эроты
И летят с досадой прочь!

Но Эроты не летели прочь с досадой и прелестные пустыножительницы вовсе не отличались таким бесстрастием. Горячей волной приливали кровь к пылающим сердечкам, не одна ручка трепетала и отвечала на тайное пожатие, не одна головка невольно приближалась к плечу стройного рыцаря и, пользуясь сумраком и таинственным зеленым уголком боскета или рощи, алые уста сливались в первом блаженном поцелуе...

Между тем, ночь быстро проходила и алый свет заструился, постепенно заливая сады. Огни иллюминации потонули и побледнели в пламени наступавшего утра. Сады дымились легким туманом под перлами и бриллиантами росы. Высочайшие гости отбывали на яхте и на главной аллее опять собрались монастырки. Они провожали отбывающую чету

радостными криками. Затем, выстроенные воспитательницами в стройные когорты, они были отведены в дортуары. Не одна вздыхала, проходя, опустив смиренно глаза, мимо кавалеров. Начался разъезд утомленных гостей.

Лопухина возвращалась в экипаже родителя и юный Рибопьер, усаживая ее, имел удовольствие слышать из уст красавицы:

-- Непременно приходите к Долгоруковым танцевать вальс! Вы слышали, что император приказал вам всегда танцевать вальс со мной!..

Часть 2

Нимфа, стой! Если агница от волка лань от льва и трепетная голубка
убегает от когтей орла, то каждая остерегается своего врага. Но меня
любовь заставляет тебя преследовать.

Метаморфозы Овидия

В моем несчастье -- мое оправдание; одинокая запертая, преследуемая
отвратительным человеком ужели я совершаю преступление, пытаюсь
избавиться от рабства?

Бомарше. Севильский брадобрей

I. В золотых сетях

-- Милая Анета, прелесть моя, поздравляю с успехом свыше меры! Ты была ужась как мила! -- сказала по-русски мачеха княжны Анны Петровны Лопухиной, не по летам ярко одетая и всячески подновлявшая дебелые прелести, тщеславная и суетная московская боярыня Екатерина Николаевна, рожденная Шетнева, влезая вслед за падчерицей в обширную семейную карету.

Заняв собой большую часть широкого сиденья и прижав княжну к углу кареты, наполненной пурпурным сиянием разгоравшейся зари, Екатерина Николаевна бурно отдувалась и обмахивалась веером.

-- Феденька -- полковник! Какая радость! -- продолжала она. -- Да, да! Уже переведен в лейб-гвардии Конный.

Она говорила о своем возлюбленном Федоре Петровиче Уварове, который по настоянию ее был переведен чином выше из Москвы. Девушка молчала. Между тем, и отец ее, поддерживаемый гайдуком, вошел в карету и величественно поместился на противоположном сиденье. Карета тронулась. Княжна закрыла глаза и предалась обычным своим грустным мечтаниям, между тем как родители ее обсуждали все необычайные обстоятельства дня.

Карета неслась по бесконечной Невской перспективе, в веренице других экипажей и всадников. В открытое окно врвался свежий утренний ветерок, и стук колес не мог заглушить воодушевленных птичьих хоров.

Солнце всходило и заливало горячим светом окрестность, сады и загородные усадьбы.

Княжну не радовали ее успехи. Посещения императора Павла Петровича в определенный час *incognito*, днем, дома ее родителей на набережной Невы внушали девушке только безотчетный, стихийный страх, хотя никто не мог быть столь рыцарски учтив и более любезен, как царственный поклонник княжны Анны. Она не могла привыкнуть к Петербургу. Свет и двор, где осыпали ее лестью и утомляли низкопоклонством, под которым скрывались всевозможные своекорыстные расчеты, были ей чужды, и она чувствовала себя одинокой и затерянной в этом человеческом лесу. От природы имея доброе, отзывчивое и простое сердце, чрезвычайное влияние на государя она решалась употреблять только на благотворение. А между тем, и ее отец, и ее мачеха, и домочадцы уже вели обширную торговлю этим влиянием и всячески побуждали несчастную княжну выпрашивать милости у императора. Эти милости различным особам отплачивались благодарностью их отцу и домашним княжны. Если же она противилась настояниям, если природная деликатность возмущалась в ней, то отец гневался, мачеха делала ей грубые сцены, а *madame Gerber, dame de compagnie* фаворитки, и *mademoiselle Goscoygne*, дочь англичанина, придворного доктора, любовница князя Лопухина, преследовали ее тонкими шпильками. Княжна не могла понять при полной неопытности своей, тех сложнейших интриг и комplotов, в центре которых находилась. Она только чувствовала себя игрушкой чужой воли, чужих низких расчетов и была несчастна, как пташка в тесной клетке. Вельможи, посещавшие ее отца, граф Кутайсов, Ростопчин, осыпали ее любезностями, подарками, устраивали для нее всевозможные забавы, но их-то всего более она и ненавидела. Они казались ей злыми пауками, огромной паутиной окинувшими двор и свет, а она была несчастной мошкой, запутавшейся в нитях злой сети. Но, кроме этой, еще были три причины неисцелимой грусти княжны Анны. У нее не было, в сущности, родной семьи и родного дома. Отец ее -- холодный эгоист, открыто имел связь с наглой и дерзкой англичанкой. Мачеха так же откровенно жила с Уваровым, и в то же время оба, и мачеха, и отец, следуя развращенным нравам века, срывали поздние цветы плотских удовольствий без всякого стеснения, где только выпадал подходящий случай. Тщеславная мачеха теперь, когда фавор падчерицы пролил поток милостей на Лопухина, когда все пресмыкалось и искало не только у самого князя, но и у последнего служителя их дворни, не знали уже пределов спеси и удержу страстям своим. Только воспоминание о покойной матери светлым лучом озаряло угрюмый холод одиночества бедной фаворитки, счастьем которой завидовал теперь весь Петербург.

Второй причиной грусти и, вместе с тем, постоянного страха княжны была давняя привязанность ее к товарищу детских игр в Москве. Что, если император узнает об этих отношениях? Что будет с ней, и особенно, что будет с ним!.. Неудовлетворенная потребность в любви и ласке

томила ее, а возможность соединить судьбу свою с любимым человеком с каждым, днем становилась неосуществимее. Необходимость лгать перед государем, которого она смертельно боялась, но в то же время глубоко уважала, томила княжну и при нем она теряла всю живость и казалась мраморной статуей, воплощающей задумчивую грусть. Ответы ее были односложны, движения неловки. А между тем не было существа от природы более беззаботного и способного всей душой по-детски отдаваться невинным играм и забавам.

Третьей причиной неисцелимой грусти княжны Анны было переселение в Невскую столицу из родной Москвы, где она провела всю жизнь. Там все было близко, дорого! Там осталась их обширная усадьба, целое поместье с садами, огородами, парками, с множеством старых, преданных слуг и сенных девушек. Там остались знакомые, многочисленная родня. Большой тесовый дом, старинное произведение искусных плотников, с чердаками, переходами, перилами, светлицами, воздвигнутое из необыкновенной толщины матерых бревен еще в конце XVII столетия и пощаженное огнем непрерывных московских пожаров; сараи с берлинами, гуслист, бандурист, содом шутов и дур, приживалки, бедные дворяне, и даже две ручные болтливые сороки, вместе с крикливыми поселениями грачей на старых деревьях -- все это вместе с воспоминаниями детства осталось там. Правда, часть прислуги прибыла в Питер и между ними шут Иванушка, столь отличившийся уже на придворной службе, но быстро, кроме девушек, камер-юнгфер, которых она отстояла, эти близкие, привычные, верные люди были заменены новыми интриганами и соглядатаями; им нельзя было довериться, с ними не о чем было вспомнить и перед ними должно было скрывать всякое движение сердца, бояться обронить лишнее слово.

Отдыхом для княжны были только часы, ежедневно проводимые ею в доме московского приятеля ее отца, князя Юрия Владимировича Долгорукова, переехавшего вслед за Лопухиным в столицу. Семейство Долгоруковых занимало дом на Дворцовой набережной бок о бок с домом, который занимали Лопухины. В брандмауерах пробили дверь, и таким образом оба дома соединились в один. Тщеславная мачеха наполнила великолепным убранством огромные покои лопухинского дворца с безмерно высокими потолками. Она учредила утомительный этикет и своей московской вульгарностью сама нарушала его поминутно, но связывала им каждый шаг падчерицы, постоянно ей внушая, что она теперь как бы на положении августейшей. А в доме Долгоруковых все было по-московски и по-деревенски: множество маленьких комнат, переходы и чуланы, антресоли, московская старинная обстановка, привезенная на множестве подвод, московские слуги и вольный, веселый, безалаберный быт, с не сходящей со стола едой, с толпой обоего пола молодежи, устраивавшей игры, певшей и танцевавшей во все часы дня и ночи. А, главное, сюда не досягал взор и скрипучий голос мачехи, которая была на ножах с хозяйкой. Здесь княжна была безопасна и от наблюдений домашних шпионов. Никто бы не узнал в ней грустную, бледную

красавицу торжественных выходов Простая, милая, веселая, беспечная девушка резвилась, хохотала, танцевала. Юный Рибопьер с товарищами по полку довольно часто посещали радушный дом Долгоруковых. Приятный, бесконечно веселый, истинно французский характер Рибопьера пленил всех, и с княжной Анной Петровной он был в самых приятельских отношениях.

II. По рекомендации Вольтера

Рибопьер принадлежал к младшей швейцарской линии древней рыцарской фамилии, владевшей обширными землями и замками в Лотарингии. Король-Солнце Людовик XIV упрочил все наследие дома Рибопьеров за дочерью графа Иоганна Рибопьера, Екатериною-Агатою, бывшей в замужестве за Христианом III, графом палатином Рейнским и Биркенфельдским, из Бишвейлерской отрасли Баварского дома.

Сия Екатерина-Агата была прабабкой, по прямой линии первого баварского короля Максимилиана, внесшего в полный королевский титул наименование *Herzog zu Rappolstein*, или по-французски, -- *Sire de Ribaupierre*.

Дед графа Александра Ивановича владел имением Ла-Лигиер на берегу Женевского озера. Он был в тесной дружбе с Вольтером, и в имении имелся особый домик, "вольтеровский павильон", где не раз гостил мудрец. Там находилась часть его библиотеки. Великолепные дубы украшали старинный сад, и там, под их приятной сенью, созерцая дивные ландшафты озера и окружающих его гор, великий писатель беседовал с избранным приятельским кружком. Эту связь с Вольтером поддерживал отец юноши, вальсировавшего с Лопухиной, Иван Рибопьер. Именно в Фернее у Вольтера он наслушался восторженных рассказов о мудрости, славе, блеске двора великой русской монархини, "Семирамиды севера", открывшей в гиперборейской стране "золотой век Астреи", в своем "Наказе" преподававшей подданным великие истины, добытые философами века. Впрочем, о России и Екатерине он много слышал и раньше от князя Юсупова и графа Апраксина, с которыми подружился в Тюбингенском университете. Отец добыл было ему патент на чин лейтенанта в швейцарский полк, который находился на службе у Голландских Соединенных штатов и был под командой близкого родственника Рибопьеров, барона Раля. Но похвалы Вольтера, газетные известия, рассказы русских друзей вскружили голову молодому швейцарцу. Что ему был патент и скучная служба у голландских торгашей, когда в России красивому, смелому, талантливому и образованному человеку открыто было чрезвычайное поприще, и милости государыни осыпали счастливец рекой чинов, золота, почестей и славы! С рекомендательным письмом Вольтера в кармане молодой Рибопьер отправился в Петербург и, действительно милостиво принятый монархиней, был назначен офицером, а затем взят в адъютанты к светлейшему князю Потемкину. Женитьба на дочери знаменитого Бибикова породнила Рибопьера с

лучшими фамилиями империи, дружба с фаворитом Мамоновым открыла ему доступ в интимный кружок императрицы, в "малый эрмитаж", и все вечера он проводил во внутренних покоях дворца. Природный дар придворного открылся в нем и чрезвычайная сдержанность Рибопьера подала повод государыне дать ему название "dieu du Silence" (бог молчания). И, правда, Рибопьер умел молчать приятно, мудро и даже интересно. От брака с Аграфеною Александровною Бибиковой родились у Ивана Степановича три дочери: Анастасия, Елизавета, Екатерина, и сын Александр. Он родился 20 апреля 1781 года и восприемником его был маленький великий князь Александр Павлович. Ребенок был необыкновенно красив и с прелестным нравом, и когда подрос, все его любили и ласкали. Мудрый "dieu du Silence" часто водил своего мальчика к фавориту Мамонову, а затем его пожелала видеть и сама государыня. Для этого стоило только снести ребенка по внутренней витой лестнице, соединявшей комнаты, обычно занимаемые по очереди фаворитами, с покоем "Семирамиды севера".

Государыня засыпала ласками прелестного Сашу, как она с тех пор звала мальчика, и вскоре так привыкла к ребенку, что постоянно посылала за ним и держала при себе в рабочем кабинете. Если являлись вельможи с докладами, монархиня отсылала Сашу играть с великими княжнами. Она сама вырезала ему лошадок с кучером и санками из бумаги, подолгу с ним разговаривала, любясь золотым сердцем и острым, быстрым умишком мальчика. Великолепны были игрушки, которые дарила ему императрица. Подарила охоту за оленями. Игрушку заводили, и олень бежал, собаки лаяли и гнались за ним, егеря скакали на лошадях, трубил рог. Когда Саше Рибопьеру пошел пятый год, государыня пожаловала его офицером в конную гвардию, что по армии давало ребенку чин ротмистра. Такой милостью в долгое царствование Екатерины воспользовались лишь десять мальчиков: внуки "великолепного князя Тавриды", три Голицына и Браницкий, приходившиеся двоюродными братьями Саше Рибопьеру, два сына фельдмаршала Салтыкова, граф Шувалов и граф Валентин Эстергази.

Когда возник вопрос о том, кого пригласить воспитателем любимого внука императрицы, великого князя Александра Павловича, Иван Степанович Рибопьер указал друга своего детства в Швейцарии, женецкого гражданина Цезаря Лагарпа, который и получил почетное предложение монархини. Глубокую признательность хранил к семейству Рибопьеров благородный женевец. С воцарением императора Павла, впрочем, его уважавшего, Лагарп удалился на родину. Он испытал там превратности политического поприща и все тернии "народоправия" как диктатор Гельветической республики. Лагарп находился в постоянной переписке с Иваном Степановичем.

Матушка Саши Рибопьера была фрейлиной Екатерины. Честь необыкновенная, ибо тогда фрейлин было только двенадцать. Вообще число придворных великой монархини было очень немногочисленно, ибо для того потребно было иметь выдающиеся качества ума, породы,

воспитания. Нелегко было попасть в славную стаю екатерининских орлов и орлиц. Кроме же первых и вторых чинов двора, было лишь двенадцать действительных камергеров в чине генерал-майоров и двенадцать камер-юнкеров в чине бригадиров или статских советников. Они постоянно дежурили при государыне и наследнике, составляя их ежедневное общество и представляли высшую школу и рассадник государственных людей [*При императоре Николае Павловиче было уже 324 камергера и камер-юнкера и 180 фрейлин*].

В кругу избранных людей Екатерины рос "маленький Рибопьер", как его называли, постоянно приглашаемый подростком и на "большие" эрмидажи, на которых бывал обыкновенно бал с ужином, иногда же маскарады, и число приглашенных доходило до 200 человек, и на "средние"; эти начинались театральным представлением, пением, танцами артистов императрицы, чтением и ее произведений и русских прославленных авторов, а продолжались разными играми: в играх, встав после карт, для отдохновения занемевших от сидения членов, принимала участие и сама императрица. Тут "маленький" Саша Рибопьер проявлял всю грацию, ловкость, ему врожденные, и бесконечную откровенную веселость. На "средних" эрмидажах бывало не более 50-60 гостей. Но Саша был свой и в теснейшем кружке "малого" эрмидажа.

Беспредельная любовь и благоговение к великой монархине воспитались в сердце Саши Рибопьера с младенческих лет. Государыня подарила Саше свой большой поясной портрет, и это изображение он хранил и чтит, как святыню. Сияние гения Екатерины озаряло годы наступающей юности его и навеки пленило его сердце! Двор ее был не только величав и великолепен. Он был еще образцом хорошего вкуса и самого изысканного тона. Это было беспрестанное излияние царского величия, не терявшего никогда своего достоинства, и беспредельной благодати, а со стороны подданных такой же беспредельной любви. Так мнилось мальчику. Из любимцев Екатерины он знал Мамонова, роскошного красавца Зорича. В восемь лет он очень испугался, когда его вдруг поднял во дворце могучими руками Потемкин, богатырь ростом и осанкой, одетый в широкий шлафрок, с голою грудью, поросшей волосами.

Царствование Павла Петровича показалось юноше угрюмым облаком, тенью нашедшим на блестящий двор неподражаемой царицы, эпикурейцев-вельмож и ее преторианцев. Суровый дух Павла Петровича, рыцарский и мистический его характер были непонятны и даже ненавистны воспитанникам скептического прихода французской энциклопедии "Маленький" Саша Рибопьер видел, прежде всего что император облек в старомодные мундиры, ботфорты, плоские треуголки с косицами не одних военных, но и всех придворных, которые до сих пор облекались в изящнейшее и богатейшее платье по своему усмотрению. Исчезли эти сочетания нежных цветов, эти потоки бриллиантов, кружева, дивные табакерки...

Император снял фасон шитья для полной парадной формы гвардейского мундира со старого бироновского кафтана. А кафтан этот увидел он на Ненчини, певце-буффе итальянской оперы...

III. Деловое утро князя Лопухина

Передние комнаты в доме князя Петра Васильевича Лопухина наполнялись просителями с самого утра. Терпеливо стояли и сидели здесь люди, перешептываясь, вздыхая и провожая завистливыми глазами тех немногих счастливых, которые, едва появившись, сейчас же почему-то получали доступ во внутренние покои. А между тем, часто это были просто длиннородые купцы в длиннополых кафтанах или евреи с огромными пейсами в традиционных лапсердаках. Секретарь князя и два его помощника то и дело появлялись в передних и, опытным взглядом окинув собрание, к одним подходили и что-то шептали им на ухо, после чего лица последних вытягивались, и они, вздыхая и сторбившись, удалялись. Других постоянно тщательно обходили, несмотря на умоляющие взгляды.

Время шло. Кареты вельмож одна за другой подкатывались к парадному подъезду, загроможда набережную. В гостиных происходило другое собрание. Там прохаживались военные и штатские, сидели, ведя приятное "козри", разодетые дамы. Но и там одни немедленно получали доступ к князю, другие ждали его выхода, третьи не знали, удостоит ли он заметить их и подойти.

Князь в это время сидел в уборной перед трехстворчатым большим зеркалом, завешанный пудромантелом. В то время как парикмахер чесал его волосы, устраивал "гарбейтель" и укреплял по обеим сторонам его шишковатого объемистого черепа искусственные крупные букли на проволочных каркасах, секретарь докладывал дела ожидавших просителей, и именно этот доклад определял их дальнейшую судьбу. В то же время поминутно камердинер князя, итальянец в белоснежном жабо и малиновом кафтане -- мальтийский цвет был дан самим императором князю для ливрей -- докладывал о прибывших вельможах и дамах. Одних князь просил немедленно пожаловать, других -- подождать. Перед князем сменялись униженные, низко кланяющиеся фигуры допущенных к нему просителей и полные достоинства, с разной, однако, степенью независимости, разодетые фигуры вельможных посетителей, садившихся с табакеркой в одной руке и надушенным платком в другой в кресла около князя и сообщающих новости двора и света. Некоторых князь встречал легким криком и поднимался и шел им навстречу, причем вокруг головы его носилось белое облако пудры, и так же приветливо провожал. Другим только кланялся в зеркало.

Принимая дам, князь рассыпался в извинениях за домашний костюм, целовал их ручки, а нередко и уста, порой увлекая для интимной беседы в маленький, смежный с уборной кабинетик, убранный зеркалами и

картинами игривой французской школы, с мягкой, прихотливо изогнутой мебелью.

Через несколько дней после монастырского праздника князь на утреннем приеме волновался и сердился. К нему привели дурака Иванушку, дерзким поведением навлекшего гнев императора и уже лишенного своеобразного придворного звания.

-- Дурак, болван! -- кричал князь, потрясая сжатыми кулаками перед носом старичишки, однако, не смея его ударить. Княжна Анна Петровна покровительствовала старому шуту и просила за него самого государя. Только это избавило Иванушку от более чувствительного наказания.

-- Как смел ты столь дерзко говорить перед лицом монаршим! -- кричал Лопухин.

-- А зачем же вы мне, дураку, поручали перед ним говорить! -- дерзко ответил старый шут.

-- Молчать! С глаз моих долой! Отошлю в Москву с обозом в собачей клетке! -- кричал князь.

-- Что ж, псам-то у бар лучше житье, нежели людям! -- сказал шут.

-- Вон! -- завопил князь.

Шут поклонился и вышел, не торопясь.

-- Какова дерзость, -- отдуваясь, сказал князь секретарю.

-- Дураки и сумасшедшие у всех народов находились всегда на особливом положении, ваше сиятельство, -- почтительно заметил секретарь, бледный молодой человек из духовного звания.

-- Да, это так! Для дураков закон не писан, хотя бывало в истории, что и дураки законы писывали, а умные должны были их исполнять. Ха, ха! -- сам своей остроте засмеялся князь.

Секретарь тоже засмеялся тоненьким голоском, выразив восхищение остроумным замечанием князя на бледном лице.

-- К тому же мы, ученые... *Nous autres savants*, -- любимой поговоркой князя были слова -- "мы, ученые...". Он считал себя ученым, потому что имел богатое книгохранилище, каталог коего составил собственноручно.

-- Мы, ученые, -- продолжал он, -- должны показывать пример снисходительности к лишенным просвещения. Ах, любезнейший, -- продолжал князь важно и в нос, -- философу тяжела суета дворской жизни. Я не знаю счастья выше, как уйти в мою библиотеку, зарыться в фолианты... Эти приемы, празднества, выходы, выезды! Эти надутые вельможи! Сколь питательнее для ума и сердца беседа с ученым мужем, хотя бы и простого звания. *Bonheur d'aller couler des jours paisibles et consacrés aux Muses, á l'ombre du laurier de Virgile!* Да, да! Счастье в том, чтобы дни текли в тиши, посвященные музам, под тенью Виргилиева лавра!. Но, докучная суета стучится в дверь! Много у нас дел решенных и подписанных? -- озабоченным тоном спросил князь.

-- Есть-таки достаточно-с! -- отвечал секретарь.

-- Вылеживаются?

-- Так точно, ваше сиятельство, вылеживаются.

-- Ах, братец, что же ни одно не вылежалось, что ли? Как бы не зачичкали! А мне, братец, необходимо... Ну... понимаешь!..

-- Точно так, ваше сиятельство, понимаю. Но дела решены, подписаны и просители по ним уже вызывались мной и побывали в передних вашего сиятельства.

-- Так зачем же дело стало? Ведь знают, что без подорожной не отпущу от себя, хоть три года ходи. Что же не представляют подорожные?

-- Сейчас многим представил дела для просмотра. Надо думать, ваше сиятельство, снабдили подорожными, -- невозмутимо сказал секретарь и достал из папки кипу дел. Он подавал их одно за другим князю, который встряхивал их за корешок, причем из листов дождем сыпались крупные ассигнации и кредитивы и скоро кругом князя весь пол был ими усыпан.

-- Постой, постой, -- отстраняя оставшиеся в руках секретаря дела, сказал князь. -- Мне пришла в голову счастливая мысль... Мы, ученые... *Nous autres savants...* воспитанные на образцах классической поэзии... Помнишь, как Юпитер сошел к прелестной смертной золотым дождем? Вот и мне, глядя на эти "подорожные", пришла в голову удачная мысль... Сними пудромантель и подай мне шлафрок, -- приказал князь парикмахеру. -- Да поднимите же эти листочки! -- небрежно носком узорной туфли отпихнув несколько кредитивов, валявшихся на полу, продолжал он.

Парикмахер, секретарь и камердинер бросились поднимать "подорожные". Собрав их, они совокупили пачку довольно толщины. Секретарь выколотил из нее приставшую пудру и с низким поклоном подал князю.

Лопухин небрежно сунул пачку за подкладку шлафрока.

-- Теперь эти дела можешь отправить просителям без замедления, -- приказал он секретарю. -- А эти подай мне.

И, взяв пачку дел под мышку, князь удалился из уборной, пощелкивая туфлями.

Секретарь, парикмахер и камердинер-итальянец посмотрели ему вслед и многозначительно переглянулись.

IV. Новый Юпитер

Любовница князя, юная красавица-англичанка, была дочерью старого англичанина, придворного медика, состоявшего и постоянным врачом английского посланника лорда Уитворда. Муж госпожи Госконь, родом шотландец, был директором Олонецких заводов и занимал значительное масонское положение. Из Шотландии он вывез не только металлургические тайны, но и важные секреты своего ордена.

Госпожа Госконь занимала отдельные роскошно обставленные покои в близком соседстве с кабинетом и спальней старого князя. Пройдя узким коридорчиком через скрытую в стене маленькую дверь, князь вошел в обширную уборную красавицы. Лай собачек, крик попугая, визг обезьяны

на длинной золотой цепочке, прикрепленной к поясу, бегавшей в углу, возвестили его появление.

-- Кто там? -- раздался гармоничный голос из спальни. -- Мистер Френсис, посмотрите, кто там?

-- Это я, моя прелесть, это я! -- подобострастно сказал князь, запахивая шлафрок и держа кипу дел под локтем.

В уборную вышел человек, одетый с необычайной роскошью в кафтан французского покроя, пуговицы которого были залиты драгоценными камнями, с бриллиантами на пряжках башмаков, в тончайших кружевах. Башмачки были на высочайших красных каблучках, а детская головка карлика, впрочем, сложенного совершенно правильно и пропорционально, венчалась высоким париком. Все старания крохотного человечка увеличить свой рост и до последней степени надменная манера себя держать не достигали цели. Карлик казался оживленной фарфоровой куколкой. Он почти неотлучно состоял при госпоже Госконь, как паж, поверенный всех ее тайн, чтец и забавник, льстец и сплетник. Вместе с собачками, мартышкой, попугаем и князем Лопухиным мистер Френсис был необходимой подробностью ее жизни. Тоже англичанин родом, он начал карьеру при австрийском дворе и служил Георгу III, великому гастроному и любителю благ мира сего, особливо красивых женщин. Король подарил карлика с богатым гардеробом и пенсией своей любовнице, знаменитой красавице и фрейлине Екатерины Великой, блиставшей и при дворе Людовика XVI, пока революция не изгнала ее из Парижа, *esprit fort*, знавшей творения энциклопедистов, особливо Вольтера, наизусть, сестре Платона Зубова Ольге Александровне Жеребцовой. Она и привезла в Россию мистера Френсиса, уже затем в Петербурге перешедшего со своим значительно здесь увеличившимся гардеробом к прелестной соотечественнице. Мистер Френсис был очень богат и ссужал под хорошие проценты легкомысленных щеголей, сыновей знатных родителей.

Теперь крошка надменно стоял перед князем, решительно протянутой ручкой заграждая ему вход в спальню красавицы.

-- Madame еще в постели, князь! -- говорил он по-французски.

-- Ну, что ж из того! -- возразил заискивающе Лопухин. -- Я пришел к ней с сюрпризом! -- громко прибавил он.

-- Сюрприз?! Что у него такое, мистер Френсис? -- спросил голос красавицы из спальни.

-- Я ничего не вижу, кроме кипы пыльных дел в руках князя, -- отвечал карлик.

-- Юлия, позвольте мне войти, -- воскликнул князь. -- Вы не раскаетесь!

-- Ну, хорошо, войдите, несносный! Пойдите! Пойдите!

Любопытство заставило Юлию покинуть постель и она едва, успела прыгнуть обратно в роскошное ложе под балдахином, украшенным страусовыми перьями, и закрыться одеялом, с такой стремительностью старый князь воспользовался милостивым разрешением.

Это была действительно прелестная женщина, с белокурыми локонами, огромными голубыми глазами, лебединой шеей и перловой грудью -- истинный образец английской красоты.

Князь почтительно приблизился к ложу и, склонив одно колено, осыпал поцелуями протянутые ему ручки англичанки.

-- Что это вы принесли? Купчие на те земли, которые обещались мне купить из конфискованных императором? -- спросила англичанка.

-- *Nous autres savants...* -- сказал князь любимую поговорку. -- Вы помните, прелестная Юлия, как в древности Юпитер сошел к красавице золотым дождем?..

И князь, вдруг вскочив, простер руку с кипой дел над ложем госпожи Госконь и потряс их. Ассигнации и кредитивы, действительно, дождем посыпались. Но князь не предусмотрел одного обстоятельства. Бумаги дел были засыпаны песком, и этот перепачканный песок посыпался на красавицу, черня лицо, шею, плечи и обнаженные руки.

-- Вы сошли с ума, князь! Что вы делаете! -- в величайшем гневе и испуге закричала Юлия. -- Френсис! Френсис!

Совершенно ошеломленный неожиданным следствием мифологического сюрприза, подражатель Юпитера стоял неподвижно, держа в руках дела, из которых продолжал сыпаться песок уже на него самого. В спальню вбежал карлик и несколько болонки; и карлик и болонки вцепились в шлафрок князя из великолепной бухарской шали и тащили его от кровати, на которой стояла в одной прозрачной рубашке красавица, продолжая кричать в испуге и совершенно уверенная, что престарелый любовник ее помешался.

Если она действительно напоминала в эту минуту античную статую, слегка очерненную пылью веков, то князь Лопухин имел весьма отдаленное сходство с Юпитером.

-- Боже мой, Юлия! Что я сделал! -- наконец взмолился он. -- Успокойтесь, я в здравом уме и полной памяти. Простите мою неловкость, мою несообразительность! Я никак не ожидал, что золотой дождь сопровождается будет песочным!.. Мистер Френсис, перестаньте меня терзать за шлафрок и уймите собачек. Их острые зубки дают мне себя чувствовать.

-- Э, -- сказал мистер Френсис, оставляя в покое князя и при помощи скамеечки влезая на кресло, стоявшее рядом с ложем прелестной госпожи.

-- Да это в самом деле золотой дождь! Это кредитивы, -- продолжал карлик, взяв несколько бумажек и рассматривая их. -- И с самыми благонадежными подписями. Это целое состояние!

Такое известие благотворно подействовало на госпожу Госконь. Поняв, в чем дело, она разразилась неудержимым хохотом. Радостно засмеялся и князь, захихикал карлик, а собачки, увидев перемену общего настроения, залились уже ликующим лаем, прыгая кругом великолепной кровати.

Красавица спрыгнула с нее и подбежала к огромному зеркалу, в котором отражалась с головы до ног.

-- Что вы со мной сделали, князь! -- сказала она со смехом. -- Вы превратили меня в негритянку. Это достойно, в самом деле, "Метаморфоз" Овидия.

-- *Nous autres savants...* -- пробормотал князь, радуясь, что все кончилось благополучно.

-- Что ж, золото обычно находят смешанным с песком, -- сказал карлик, собирая ассигнации и кредитивы в увесистую пачку. -- Ого! -- продолжал он, видно, что это руда из государственного богатейшего рудника.

Князь поспешно взял стоявшее на пузатом комодике серебряное блюдо и, положив на него пачку собранную карликом, поднес ее красавице, преклонив колено.

-- Тут в самом деле много, -- сказала та беспечно. -- Спасибо, милый князь. А мне так нужно. Я видела чудное ожерелье... И мне так хотелось его купить, чтобы быть в нем сегодня вечером у г-жи Шевалье. Вы знаете, князь, что сегодня вечером она ожидает вас? Будут еще. Жеребцова, лорд Уитборд, граф Кутайсов и фон дер Пален. Шевалье наденет свои серьги, подарок государя. А я... это ожерелье!

И, подняв князя, она поцеловала его в лоб. Затем оттолкнула.

-- Я должна смыть следы вашего золотого дождя. Да и вы, мой милый Юпитер, изрядно перепачкались. Что скажут ваши домочадцы, если встретят вас в таком неблагоприятном виде! Идите и приведите себя в порядок в моей умывальной. Я помогу вам.

И Юлия, как быстроногая нимфа, по толстому ковру, устилавшему ее спальню, побежала в умывальную. Там стоял огромный сосуд, полный водой высеченный из монолита, где красавица купалась каждое утро.

Стены здесь были сплошь зеркальные. Потолок расписан животворящей кистью одного из корифеев французской школы. Мягкие, широкие и низкие диваны стояли по сторонам. Мраморный пол был из плит, вывезенных из Рима, из развалин дворцов. Некогда стопы Нерона и Калигулы попирали эти мраморы...

V. Родимые пятна госпожи Шевалье

Дом первой певицы и актрисы придворного театра, как и дом Долгоруковых, стоял рядом, стена к стене, с домом князя Лопухина на Невской набережной и также был соединен внутренним ходом. По тесным связям обитателей все три дома эти составляли одно целое, и всегда в одной части было известно, что готовится или что происходит в другой.

Актриса Шевалье, высокая, величественная женщина, несравненной красоты брюнетка, с божественным голосом, прибыла в Россию по приглашению его высокопревосходительства господина обер-гофмаршала, над зрелищами и музыкой главного директора, разных орденов кавалера Александра Львовича Нарышкина, и во французском контракте ее значилось: "*Que madame Chevalier est engagée pouer jouer sans distinction tous les rôles, qui lui conviendront dans l'opera francais*".

(Госпожа Шевалье ангажирована, чтобы играть без различия все роли, какие к ней подойдут во французской опере). Жалованье ей положено было 7000 рублей и разъездных 300. Муж красавицы, пронырливый, алчный французик, скоро занял важное положение балетмейстера, так как знаменитый Ле-Пик, ставивший танцы еще на празднестве великолепного князя Тавриды, был стар уже при матушке государыне, а теперь совершенно одряхлел. Скоро высочайшим указом муж прекрасной Шевалье назначен отныне впредь навсегда быть сочинителем балетов. Это важное назначение находилось в связи с ролью, которая не прописана была в контракте, быстро занятой красавицей-певицей. Затмив соперницу свою певицу Вальвиль, новая примадонна вступила в интимную связь с обер-гардеробмейстером и брадобреем императора графом Кутайсовым. Страстный и ревнивый турок держал себя, как верховный визирь. Сераль его был обширен и постоянно полон прелестницами. Но госпожа Шевалье одна занимала царственное положение в сердце графа, и для нее отделан был дворец рядом с домом князя Лопухина, сказочная роскошь коего достойна была воображения Шахеразады. Шевалье сама отличалась беспечным и благородным характером, но алчность ее супруга не имела пределов, и он, искусно пользуясь влиянием красавицы на Кутайсова, проводил через нее дела не менее важные, чем те, которые снабжались "подорожными" для отсылки от князя Лопухина к просителям.

Огромные доходы давало балетмейстеру влияние супруги, но этим не ограничивалась его деятельность. Тайны величайшей важности были ему известны. Якобинец и масон, балетмейстер явился в Россию по вызову тайных, могущественных покровителей. Живой связью между отцом фаворитки князем Лопухиным и актрисой Шевалье являлась госпожа Госконь. Именно ее покои и даже самая спальня были соединены потайной дверью и лазейкой через брандмауеры домов с покоями и спальней Шевалье... Император благосклонно относился к интимности своего брадобрея и певицы. Лукавый ту рок сумел придать чувственной связи возвышенный романтический характер такого же рыцарского, платонического обожания, какое пока питал Павел Петрович к княжне Анне. Брадобрей уверял, что добродетель певицы тверже алмаза и что часы, проводимые им в ее доме, проходят в самых чистых мечтаниях и поэтических беседах.

-- Если свет судит иначе об сем, то его величество знают цену людскому мнению и пристрастному подлому суду людскому! Будь чист, как ангел, клевета тебя сделает чернее демона!.. -- эти слова Кутайсова встречали полное доверие и сочувствие императора Павла, на себе испытавшего, как далек свет от понимания всего утонченного и чистого. Так и возвышенные отношения императора к Нелидовой дали повод придворной и светской толпе к гнусной клевете! Людская толпа о всем судит по своим грязным побуждениям и величие душ избранных ей непонятно.

Почти ежедневно, в определенный час дня, государь садился с графом Кутайсовым в карету, обыкновенную, не придворную, с прислугой,

одетой в мальтийского цвета малиновые ливреи, и ехал incognito на свидание с княжной Анной. Полиция и все встречные обязаны были не узнавать императора и Кутайсова под страхом жесточайшего наказания. Дорогой государь обыкновенно развивал свои обширные планы о восстановлении мальтийского рыцарства и о возрождении при его помощи дворянства всех наций, долженствующего стать на защиту христианства и монархического принципа в Европе. Государь развивал в пламенных картинах быстрого воображения своего, как возродится опять культ высокой рыцарской чести и платонического обожания женщины, через что очистятся и умягчатся нравы и российского шляхетства, погрязшего в маелностях своих в грубое, темное прохождение времени среди грязных оргий с крепостными женщинами, в пьянстве, в травлях русаков. Российское шляхетство вступит в ряды европейского рыцарства и облагородится. Отсюда начинались пламенные картины воображения его величества, как меркнет навсегда блеск полумесяца, восстанавливается крест на св. Софии, св. гроб Господень освобождается, и престол Палеологов занимает гроссмейстером мальтийского ордена.

Себя и Кутайсова государь почитал служителями рыцарского культа платонического обожания женщины. Он сперва завозил Кутайсова к Шевалье, а затем уже подъезжал к дому Лопухиной. Но по двойственности и противоречивости загадочной природы своей Павел Петрович часто среди самых возвышенных рассуждений вдруг впадал в буффонство и пускался в довольно рискованные расспросы о расположении родимых пятен на прелестном теле Шевалье, руки, шея и грудь которой были украшены самыми очаровательными родинками. Император, как всегда блистая неистощимой энциклопедичностью сведений из самых разнообразных областей, оказывался тонким знатоком галантной науки угадывания по родинкам на открытых частях тела женщины количества и расположения их на сокрытых прелестях. Граф Кутайсов должен был признаться, что государь или обладал глубокими познаниями в этой науке, или получил откуда-либо сведения о самых интимных особенностях певицы. Во всяком случае, было очевидно, что в сущности Павел Петрович не верит сам платонизму отношений Кутайсова и Шевалье, отлично знает о вечерах актрисы, куда дамы являлись в столь открытых и прозрачных платьях, что и без научных выкладок можно было узнать все особенности их сложений. Но Павел Петрович так увлекся благородными фантазиями своими, что хотел, чтобы было так и в суровой действительности.

Император Павел Петрович был человек добродетельный и ненавидел распутство. Но 28 января 1798 года рождение великого князя Михаила положило начало роковому отчуждению императора от державной его супруги.

Беременность государыни и разрешение ее сопровождалась чрезвычайно опасными предуведомлениями. Полагали, что причиной была привычка Марии Федоровны затягиваться при интересном положении для сохранения стройности талии. В самом деле, императрица

в годы полной зрелости чудесно обладала станом олимпийской богини. Но корсет будто бы отозвался губельно на ее организме. Хотя течение последней беременности государыни не показывало чего-либо особенного, как и во время девяти предыдущих, однако приглашен был акушер из Геттингена; ученый профессор заявил, что основания его науки и правила его искусства несомненно его удостоверяют, что при дальнейшем супружеском сожителъстве и плодovitости императрицы следующая беременность грозит ей смертью.

Император с ужасом выслушал заключение профессора, предъявленное им на латинском языке, и объявил, что жизнь императрицы для него бесконечно драгоценна, долг любви заставляет его поэтому внять голосу науки, принимая к тому же во внимание, что Небо послало ему многочисленное потомство и с этой стороны государство обеспечено Императрица, преданная супружеским обязанностям как все добродетельные женщины, проявила отвращение к сему решению и назвала немецкого профессора невеждой и наглецом. Тем не менее профессор возвратился в отечество, осыпанный золотом и подарками, а с этого самого дня император стал опочивать в особой спальне.

VI. Уши госпожи Шевалье

Тесный кружок собрался вечером в салонах актрисы. Ряд комнат отделанных с изумительным вкусом и роскошью, с полами розового и иных драгоценных дерев, с росписью потолков и стен, над которой трудились великие артисты в лучших мастерских Парижа и которая, произведенная на каких-то хрупких материалах, затем несена была на руках нарочито до самого Петербурга, причем на сие от границы Российской империи употреблены были крепостные крестьяне огромных имений Кутайсова, и затем с величайшим искусством прикреплена на свое место! И мебель, статуи, вазы, люстры и канделябры, библиотека драматических авторов и музыкальных сочинений, драгоценные арфы и клавесины! А посуда, фарфор, серебро и самые напитки и яства ужинов актрисы! Но в этот вечер наиболее ценным и роскошным предметом салонов красавицы, привлекавшим все внимание и изумление гостей, были изящные, маленькие ушки хозяйки, или, точнее, те бриллианты-солитеры, которые переливались, дивными огнями и несравненным малиновым "мальтийским" цветом, подвешенные к сим очаровательным ушкам!

Мужчины были уже в сборе. На дивном кресле, представлявшем раковину, обитую бархатом, подражавшим розоватому перламутру, и вполне достойным принять Афродиту в мгновение ее чудесного рождения из пены морской, покоилась сама хозяйка. Была ли она одета, или раздета? Чудесные волосы ее искусно заплел в корону артист-парикмахер. Прозрачные ткани только оттеняли ее дивное тело, с желтоватым колоритом кожи. Драгоценный пояс, свитый из золотых нитей и перлов, охватывал ее стан. И, тихо покачиваясь, горели на ушах бриллианты,

подарок императора, надеваемые красавицей лишь в исключительных случаях и положительно не имевшие цены. У ног ее на скамеечке сидела одетая фригийским пастушком, в красном колпачке *une virago courtisane*, молоденькая актриса Сюзет, похожая более на хорошенького, курчавого, с вздернутым носиком и ямочкой на круглом подбородке, мальчика. Она не спускала влюбленных глаз с Шевалье и порой благоговейно целовала ее розовые ноги, тонувшие в волнах тончайших, драгоценных кружев.

Сюзет была ближайшей подругой куртизанки и спала около ее ложа на полу, на тьюфяке, обитом мехом чернобурых лисиц. Шевалье спала беспокойно. Ее преследовали видения из трагических французских пьес, которые она играла, и Сюзет ухаживала за ней во время ночной тревоги и внезапных пробуждений с воплями и плачем. Из женщин кружка Шевалье была еще Ольга Александровна Жеребцова. Зрелая, чисто русская красота ее была так же почти лишена покровов, как и прелести самой хозяйки.

Из мужчин все обычные посетители ужинов куртизанки были налицо: красивая неополитанская лисица из адмиралтейства де Рибас, английский посланник лорд Уитворд, меланхоличный, невысокий и скромный князь Платон Зубов, граф Кутайсов в пурпуре и с белым хохлом, обычно напоминавший какаду, лейб-медик императора и постоянный доктор Ливенов, вхожий в теснейший кружок императрицы и великого князя Александра Павловича, англичанин мистер Бек, князь Лопухин, поминутно покушавшийся вести с Бекком ученый *colloquium*, начиная неизменной присказкой -- "*nous autres savants*". Около хозяйки сидел только что возвращенный государем из Курляндии, куда он был выслан по отставлению от службы, и получивший вновь с милостью государя важнейшее назначение на пост петербургского генерал-губернатора фон дер Пален. Уста его змеились тончайшей улыбкой, а глаза поражали умом. Он сыпал анекдотами, каламбурами и смешил хозяйку. В искусстве забавлять женщин Пален не имел соперников, и обыкновенно они встречали его как самого милого, беспечного, доброго весельчака. Но, быть может, не одна из светских его приятельниц упала бы в обморок, если бы взглянула в мрачные ущелья души этого интригана, холодно совершавшего преступления самые вопиющие, раз требовалось расчистить путь для ненасытного его честолюбия. На столике перед Паленом стоял неизменный графин с лафитом пополам с водой. Жажда постоянно мучила Палена и в этом отношении он сравнивал себя с древним Танталом. Это непрестанное питье воды с лафитом, эта палящая жажда была как бы единственным проявлением тайных страстей, пожиравших внутренности этого человека, сквозь ледяную маску притворного благодушия.

Известно было, что всем, кого постигала немилость Павла Петровича, если они являлись, дрожащие, бледные, умоляющие о помощи, к Палену и сообщали о ссылке их самих, их семьи, родителей, знакомых, родных, конфискации имущества, курляндец неизменно говорил:

-- Вот так история! Не хотите ли стакан лафита?..

Ждали появления госпожи Госконь. А между тем беседа вертелась около солитеров, горевших в ушах Шевалье. Она рассказывала, как страшилась ехать в Россию, где круглый год, как ей говорили, идет снег, обитатели ходят в звериных шкурах и едят сальные свечи по воскресеньям как праздничное блюдо, в городах по улицам бегают волки и медведи, а окрестности обросли дремучими лесами клюквы и брусники... Ей говорили, что при покойной императрице Петербург и Царское Село действительно превращены в оазис, где жизнь текла совершенно подобно Парижу, Версалю и Трианону. Но что будто бы новый государь превратил свою столицу в скучный прусский городок, в кордегардию, где пахнет одними солдатами...

-- Вам говорили истину, признаться должно! -- проговорил сквозь зубы, глядя на ногти, князь Платон Зубов в этом месте рассказа.

Шевалье продолжала. Петербург, куда они прибыли с мужем осенью, показался ей таким угрюмым, неприветливым. На каждой улице полосатые будки и заставы с рогатками черно-желто-красного цвета... К тому же один из артистов перед дебютом уверял ее, что если пение не понравится императору, то он не задумается, как восточный деспот, отрубить уши певице!..

-- И не задумался бы, вам сказали правду! -- опять пробормотал, лоща ногти, князь Платон Зубов.

Дебют сошел так удачно, что император в восторге не знал, чем одарить артистку...

-- Вот тут я и рассказал императору, -- перебил хозяйку Кутайсов, -- страхи нашей богини! Его величество хохотал полчаса, услышав историю с ушами. Признаюсь, я весьма опасался за исход, ибо негодный актеришка, навравший диве, поспешил послать в иностранные газеты, как о совершившемся. И всюду стали печатать, что, рассердившись на певицу, император Российской империи приказал отрубить ей уши. Газеты ужасались варварству восточного деспотизма. Видя милостивое настроение его величества, я и о сем донес. Что ж, веселости не было конца!

-- Как не веселиться! Анекдот для нас выдуман! -- прошептала Жеребцова, повела роскошными плечами, словно ей было холодно, и обнаженную грудь ее взволновал глубокий вздох.

-- Веселости не было конца! -- блестя глазами, повторил граф Кутайсов. -- Государь сейчас же велел принести эти серьги с солитерами, игрой которых мы, однако, менее в эту минуту любуемся, чем живым огнем очей их обладательницы, -- ввернул комплимент Кутайсов, за что и был награжден улыбкой куртизанки, -- и, передавая мне, изволил приказать: "Вези сейчас эту безделицу Шевальевне и скажи, чтобы вечером на спектакле во дворце в моих сережках была. Полагаю, что тогда Европа рассмотрит, целы у ней уши, или нет!"

Все мужчины захохотали при этом: громко, грубо, злобно и насмешливо. Но госпожа Шевалье недовольным жестом остановила их хохот.

-- Государь так был с тех пор милостив ко мне! Это -- рыцарь. И как он учен. Он знает все мои роли из Расини наизусть и столько рассказывает мне из истории, что я начинаю понимать многое такое в монологах, о чем раньше и не подозревала. Государь -- мой благодетель. И если бы он подарил мне не эти солитеры, а простые стекла, я носила бы их с таким же восторгом!

Мужчины кусали насмешливо губы и опускали глаза при этих словах куртизанки.

-- Но что же долго нет нашей божественной Юлии, князь? -- спросила актриса у Лопухина.

Прежде, чем старый князь успел ответить, в покой вошла госпожа Госконь в сопровождении своего карлика.

VII. Золотой осел

Легкий крик удивления и восторга мужчин встретил любовницу старого князя. Все сознались, что истинной Афродитой или соблазненной и соблазняющей праматерью золотокудрой Евой должно назвать Юлию. Хитон, прорезанный с боков, воздушной радужной ткани струился по ее плечам, то скрывая, то выдавая все изгибы и формы тела, как отражающая пурпур зари морская волна. Ножки ее охватывали сплетенные из тисненых ремешков, усыпанные изумрудами, рубинами и яхонтами, ажурные, сквозные, хитроузорные парфянские сапожки. Драгоценный эшарп мягким ослабленным кольцом охватывал ее бедра и скреплен был аграфом из крупных бриллиантов. Но взоры всех приковывало к себе жемчужное ожерелье красавицы, покоившееся на ее груди. Огромные зерна, перлов положительно не уступали солитерам Шевалье. Облачко завистливой досады омрачило на мгновение чело куртизанки, но вслед за тем она рассмеялась и, поднявшись навстречу Юлии, заключила ее в объятия и звонко поцеловала.

-- Откуда это у тебя? Какая прелесть! Сам бог морей Нептун не мог бы сыскать лучших перлов в пучине морской! -- сказала актриса.

-- Изумительно! Прелестно! Восхитительно! -- слышались изъявления восторга мужчин.

-- Это подарок не бога морей, но... -- красавица указала на сиявшего гордостью Лопухина, -- вот его!

-- Виват, князь! Виват! Виват! -- закричали все, рукоплеща. -- Ему быть сегодня золотым ослом, ему! Он вполне этого достоин!

Князь низко поклонился.

В ту же минуту курчавый фригийский пастушок Сюзет выбежала из комнаты и сейчас же возвратилась, неся вызолоченную маску ослиной головы с большими ушами и при общих знаках одобрения надела ее на голову Лопухина. Золотой осел важно кивнул, причем уши пришли в движение, и сказал:

-- Поклоняюсь тебе, Афродита бессмертная, из пены рожденная, властительница утех любви чистейших, зажигающая сим огнем чистейшие неги сердца земнородных смертных!

Он опустил на колени перед Юлией, простер руки и положил ослиную голову на ковер.

Юлия поставила свою сверкающую ножку на покорную спину золотого осла.

-- Поклоняемся тебе, Афродита бессмертная! -- хором воскликнули все мужчины и упали на колени.

Сюзет поднесла Афродите на золотой тарелочке румяное яблоко. Афродита закусила его и сказала:

-- Верные служители златой Афродиты! Вкусите сей сладкий плод тайного древа, дар мудрого змия, и познайте пламень чистейшей Любви!

Служители Афродиты поднялись, кроме золотого осла, все лежавшего под стопой богини, и она каждому дала откусить от яблока.

Затем она сняла ногу со спины поверженного, и поднявшись, золотой осел вновь возгласил:

-- Поклоняюсь тебе, Изида бессмертная, из бездны рожденная, властительница истины, светом коей озаряешь умы верных поклонников земнородных смертных!

И вновь повергся, простирая руки, уже перед черноокой Шевалье.

-- Поклоняемся тебе, Изида бессмертная! -- хором воскликнули все мужчины и упали на колени. Изида поставила ногу на спину золотого осла. Фригийский пастух поднес ей ручную кадьницу из которой шел ароматический дым.

-- Верные служители тайнохранительной Изиды! Примите дыхание великой Истины, дар мудрейшего змия, и познайте разрешение оков ума вашего.

И она подула дымом на всех поднявшихся с колен служителей своих. Золотой осел вновь восстал из-под стопы второй богини и вновь возгласил, обращаясь к Жеребцовой:

-- Поклоняюсь тебе, Великая Мать, источник жизни, питающая от сосцов своих всех земнородных вином чистейшим свободы! Освободи нас, Великая Мать, освободи нас!

Золотой осел в третий раз повергся долу, простирая руки. Жеребцова поставила на его спину полную свою ногу.

-- Поклоняемся тебе, Великая Мать! Освободи нас, Великая Мать, освободи нас! -- воскликнули, падая на колени, служители.

Поднесена была ей золотая чаша с вином, и Великая Мать сказала:

-- Вкусите вина бессмертной Свободы и примите силы на брань! Сокрушите оковы народов, цепи рабства разорвите, повергните тиранов с престолов их и преторгните дыхание притеснителей!

И Великая Мать, отпив из чаши, поила по очереди всех служителей своих.

-- Розы! Розы! Розы! -- вдруг, взявшись за руки, сказали три богини.

-- Розы алые Любви чистейшие! -- сказала Афродита.

-- Розы белые Истины чистейшие! -- сказала Изида.

-- Розы черные Свободы чистейшие! -- сказала Великая Мать.

И фригийский пастушок подал три венка из роз алых, белых и черных. Едва богини коснулись этими венками ушастой головы золотого осла, как он сбросил с себя маску и, возвратив себе человеческий образ, швырнул ее на пол и раздавил каблуком.

Вслед за тем мистерия окончилась. Богини подхватили возрожденного, освобожденного и просвещенного нового человека под руки и повели его ужинать. Стол сверкал хрусталем, золотой и серебряной посудой, отягченный плодами, напитками и тончайшими яствами, и весь пол был усыпан белыми, алыми и черными розами... И обычный *petit souper fin*, с обильным возлиянием, вольными речами и свободным обхождением длился за полночь.

VIII. Dieu du Silence

Отец "маленького" Саша Рибопьера, мудрый Dieu du Silence, удалясь от двора в новое царствование, занимался воспитанием трех дочерей своих; искусно направлял он и сына, охраняя его судьбу от подводных камней и мелей, столь многочисленных в изменчивом фарватере двора и света. Переписка с женевскими друзьями и занятия наукой в богатом книгохранилище дома на Моховой замечательной архитектуры, который был им куплен у герцога Вюртембергского, занимали его досуги. Близкий к великому князю Александру Павловичу, он теперь укрепил особенно положение свое, когда графиня Скавронская, приходившаяся теткой Саше, вновь приобрела чрезвычайное расположение государя и готовилась к бракосочетанию с "балыи" ордена Иоанна Иерусалимского графом Литтой.

Иногда в книгохранилище, большие окна которого выходили в расположенный за домом изящный сад, собиралось небольшое избранное общество друзей хозяина.

Саша намеревался ехать к Долгоруковым, от которых получил записку, извещавшую, что княжна Анна, в нетерпении исполнить приказание его величества всегда танцевать вальс с Рибопьером, ждет его. Он зашел к отцу в библиотеку, по обыкновению, чтобы сообщить, где проведет вечер, и застал гостей.

Тут находился барон Николаи, библиотекарь государя и его преподаватель логики, славившийся погребом тончайших вин, который он составил за тридцатилетнее пребывание при российском дворе, собирая те приходившиеся на его долю бутылки, которые на четыре дня приносили в каждую из комнат, занятую особами свиты. А приносили каждому по две бутылки всех существующих сортов столового вина, по две -- всевозможных ликеров, что в общей сложности составляло до 60 бутылок, не считая различных сортов английского пива, меда, минеральных вод и т. д. Коллекционируя все это, барон Николаи создал

богатейший погреб в империи, сам не принимая внутрь ничего, кроме кофе и жиденского пива.

Кроме Николаи, в приюте мудрого Dieu du Silence находились: Граф Федор Головкин, граф Шуазель, Лев Александрович Нарышкин, живописец, поэт и музыкант Тончи, граф Юлий Помпеевич Литта, граф Строганов. Граф Федор Головкин рассказывал события семейной хроники своей фамилии. Судьба Головкиных в самом деле была замечательна. Через Наталью Кирилловну Нарышкину, мать Петра I, Головкины имели с царем общего предка. Гаврила Головкин, граф Святой Римской империи, а в 1709 году первый русский граф, великий канцлер Петра Великого, держал на стене громадный белокурый парик, привезенный из чужих краев, который он, "по бедности", никогда не надевал; высокий, худой, бедно одетый в старый кафтан цвета соли с перцем, скупой сам, а жена еще скупее, он отправлял старые обычаи немецких кабаков, введенные царем-преобразователем на... свои всешутейшие и всепьянейшие соборы.

-- Можете ли поверить, *messieurs*, -- рассказывал улыбающимся слушателям граф Федор, -- что две всепьяные игуменьи брали большое золотое блюдо, на которое великий канцлер -- как бы вам это объяснить? - - *posait les attributs nécessaires* и шел так вокруг стола при пении соответственных гимнов и орошая бога садов Приапа хмельным, густым и сладким медом!

Все улыбнулись.

-- Кажется, у канцлера было три сына? -- спросил граф Литта.

-- Три. Алексей Гаврилович, Александр Гаврилович и Михаил Гаврилович, -- отвечал граф Федор. И он стал рассказывать о трагической судьбе Михаила Головкина. Он был женат на дочери князя-кесаря Ромодановского Екатерине Ивановне, матерью же ее была Салтыкова, сестра Салтыковой -- жены Ивана Алексеевича, отца императрицы Анны. При свержении младенца-императора Иоанна Антоновича 26 ноября 1741 года Елизаветой, Головкин с женой был отправлен в Сибирь, где и умер. Тело его сибирские инородцы искусно набальзамировали и засушили, и жена хранила его в хижине много лет. Екатерина Вторая, взойдя на престол, возвратила из ссылки Головкину, и она привезла с собой труп супруга, который и предала честному погребению в родной земле. Она жила до девяноста лет, поселясь в старом дворце кесаря, отца своего, слепой старухой. И когда ее спрашивали, по какому случаю она ослепла, она отвечала: "Я плакала в течение трех лет!"

На Новый год, на Пасху весь свет собирался у нее. Она помнила хорошо еще Людовика XIV. Она разговаривала с *Roi Soleil* и с *m-me de Maintenon*, гуляя с ними в садах Версаля.

Эта подробность, видимо, поразила графа Шуазеля.

-- Беседовала с самим Людовиком и *m-me de Maintenon*! -- повторил он. Недавняя слава королевской Франции представилась ему. Он вздохнул. И русские вельможи предавались воспоминаниям. Недавнее величие униженных голштинскими выходцами природных боярских родов,

даривших цариц русскому народу, представлялось им. Русь, прежняя, свободная, могучая, чудилась и отзывалась. И Нарышкин и Строганов задумчиво обменивались взорами и качали головами, понимая друг друга без слов.

-- Александр Гаврилович Головкин, -- продолжал граф Федор, -- родоначальник ветви так называемых заграничных Головкиных. Колокола святой Москвы убаюкивали его детство и никто из тех, кто видел Сашу, играющего со своими сверстниками в тени кремлевских стен и фантастических куполов, не думал, конечно, что этот *bambin moscovite* некогда будет отцом и дедом многочисленных голландских, прусских и швейцарских отрождений фамилии и ревностным сыном реформатской церкви. Александр Гаврилович был отправлен в Берлин, где и провел юность, обучаясь в Академии, основанной королем Фридрихом I. Петр Великий отметил его и 22 лет назначил чрезвычайным посланником при берлинском дворе. В 1715 г. он женился на графине Екатерине Дона. Дело было так. Будучи в Стральзунде, Петр Первый просил прусского короля найти в своих государствах богатую и знатную девицу для его посланника. Фридрих, желая угодить царю, выбрал графиню Екатерину-Генриетту де Дона, наследницу бурграва Доны, имевшую связи через свою мать со всеми северными дворами и через бабушку, Эсперанцу дю Пюи маркизу де Монтбрюн, со всеми значительными домами Франции. Замешанный в деле царевича Алексея Петровича, Александр Гаврилович уже не вернулся в Россию. Тем невозможнее это стало после воцарения императрицы Елизаветы и опалы его брата.

Имя несчастного царевича Алексея опять заставило русских вельмож отдаться нахлынувшим на них историческим воспоминаниям. Ужасная гибель царевича от руки отца передала окровавленный трон российской державы в руки иноземцев, поднявших борьбу за власть на его ступенях. Кровь царевича Алексея до сего дня вопиет к небу. Преступление не остается одиноким, но рождает новые и новые преступления. Царевич Алексей погиб, и трон достается дебелой курляндке Екатерине. Потом конюх Бирон! Кровь Иоанна Антоновича! Кровь Петра Третьего! Без всяких прав ангальтская принцесса занимает трон, и вот долгие годы скрывавший в Гатчине униженное и оскорбленное право вознесся Павел Петрович... Вельможи задумались.

И граф Александр Сергеевич Строганов, улыбаясь, стал читать строфы недавно написанной в честь императора оды:

Он поднял скипетр -- и пробежала
Струя с небес во мрак темниц;
Цепь звучно с узников упала,
И процвела их бледность лиц.
Он принял меч -- и луч горящий
В руке его увидел враг;
Пронесся дух животворящий,
В градах, домах, в полках, в судах.

-- В градах, домах, в полках, в судах, -- повторил за ним Нарышкин. Какой пиндарический огонь! Какой пиитический беспорядок!

Граф Федор заговорил о графе Александре Александровиче Головкине.

-- Ах, Головкин, *le philosophe*! -- воскликнул Строганов. -- Дорогая и незабвенная тень, прими приношение чистых и прекрасных воспоминаний тебя знавших, с тобой обращавшихся! Дом графа Александра Александровича в Париже был очагом ума, вкуса, образованности; у него бывала вся французская знать. Обожатель Руссо, сего мизантропа, любви исполненного, особенно занимался он воспитанием дочери своей. До обеда она сопровождала отца в костюме молодого человека, а потом являлась девушкой. Могу ли забыть дни, проведенные у милого философа во время нашего путешествия с Катишь!

Строганов вздохнул о второй своей жене Екатерине Петровне, рожденной княжне Трубецкой, давно жившей с ним розно.

-- То были дивные дни! -- продолжал Строганов. -- Век Людовика XV закатывался. Начиналось, и как счастливо, при каких сияющих надеждах, царствование его внука Людовика XVI. Начиналось при полном блеске версальского двора, философов, театра, наук, искусств! Мы ожидали золотого века... Но мы не знали будущего, и благо смертным, что будущее всегда скрыто от глаз их...

-- В Фернее мы навестили тогда великого старца. Дряхлый, больной, Вольтер редко уже выходил на воздух и однажды после прогулки в солнечный день он, встретя у порога своего дома со мною Катю, дышавшую юностью и красотой, приветствовал ее словами: "*Ah, madame, quel beau jour pour moi -- j'ai vu le soleil et vous*". (Ах, сударыня, какой счастливый день для меня -- я вижу солнце и вас!).

Восторг изобразился на лицах вельмож. Граф Шуазель повторил несколько раз, видимо, впивая всю прелесть оборота речи:

-- *Le soleil et vous! Le soleil et vous!*

И солнце, навеки закатившееся солнце королевской Франции словно засияло ему, бессмертное, из воскресшего в воспоминаниях мадригала фернейского старца!

IX. Golovkine le philosophe

-- *Golovkine le philosophe*! -- задумчиво сказал Строганов. -- Когда я звал его в Россию, представляя цветущую в стране безопасность под златым скипетром премудрой Астреи, он всегда говорил, что тогда вернется, когда отменены будут на святой Руси поговорки "без вины виноваты", "все Божие и государево", "бит, да доволен". Он переводил эти поговорки по-французски: *je suis coupable, sans avoir pêchè; tout est à Dieu et au souverain; être battu et content...*

-- Но что сказал бы он, -- возразил Шуазель, -- что бы он сказал; если бы дожил до кровавых дней изрыгнутых адом на Францию чудовищ Конвента!

-- На ком был женат граф Александр? -- спросил Литта.

-- На дочери профессора Иоанна Лоренца фон Мосхейм, dont l'erudition profonde, l'éloquence élégante et la fécondité littéraire avaient illustré pendant de longues années les chaires de theologie de Soettingue (глубокая начитанность, блестящее красноречие и литературная производительность в течение долгих лет украшали кафедры богословия Геттингена).

-- Sa veuve comtesse Golovkine, née von Mosheim, -- воскликнул Шуазель.
-- Трагическая судьба изгнанников королевской Франции так глубоко тронула чувствительное сердце этой прекрасной и просвещенной женщины, что она стала ангелом-хранителем славнейшего и несчастнейшего из них! Это Жан-Поль-Франсуа, герцог де Ноайль, мать, жена и дочь которого погибли в один день 4 термидора II года эры дьяволов, спущенных с адских цепей из тартара, чтобы истребить все прекрасное Франции! Погибли под ножом гильотины!.. Герцог де Нодиль уже второй год как женат на вдове Головкина и укрылся с нею в скромное поместье, предаваясь наукам и искусствам.

Строганов отдался воспоминаниям о покойном графе Александре Александровиче.

Окончив курс наук в Голландии, он с ужасом вдруг увидел, что ничего не знает, хотя оказывал довольные успехи. "Время моего обучения прошло, -- сказал себе Головкин, -- а я ничего не знаю! Вина ли это моих наставников? Нет. Эти почтенные люди проявили столько же усердий, сколько и познаний. Виной ли в этом книги, которые я изучил? Неужели вся Европа в течение веков ошибалась в их выборе? Можно ли придти к единодушному убеждению, что до сих пор вручали юности книги, которые ничему ее не научили? Это немыслимо. Если же я ничего не знаю, то это единственно моя собственная вина. В таком случае начнем что-либо лучшее!" И вот, без всякой чужой помощи, один, запершись в своей келье долгие часы ежедневно, Головкин стал вновь изучать уже пройденные книги, предаваясь глубоким размышлениям. "Если я что-нибудь знаю, -- говорил потом граф Александр, -- то обязан только этому второму курсу, который меня убедил в том, что мы знаем лишь только то, что сами изучили, без всякой сторонней помощи" Большую часть года философ проводил в поместье около Лозанны. Сельский домик, окруженный старыми кедрами, некогда был обитанием Вольтера, потом принца Людвиг Вюртембергского и, наконец, друга принца, графа Головкина.

Окрестности Лозанны живописны. Пленительные места, где озеро радостно сияет дивной лазурью, деревни рассыпаны в тени столетних орехов, древние монастыри!.. Это были прекраснейшие дни Лозанны. Столица земледельческой страны привлекала сельскую аристократию. Звучные имена сеньоров напоминали героические времена отдаленной эпохи, но их возделанный ум, возвышенные чувствования, утонченное в полной простоте обхождение принадлежали лучшему веку Людовика, Фридриха, Екатерины. Прелесть общества, очаровательность женщин

соперничали с красотами волшебной природы. В раме зеленых виноградников *la pittoresque silhouette du vieux Lausanne* вызывал удивление плененного путешественника, равно как грандиозные вершины Савойских гор и поросшие соснами берега Лемана. Все эти преимущества производили магическое влияние на развитых иностранцев. Они прибывали со всех сторон и останавливались в Лозанне. Так перебивали здесь Гиббон, Вольтер, маркиз де Лангарьери, Разумовский, принц Людвиг Вюртембергский, брат императрицы Марии Федоровны, и множество других, между которыми философ Головкин занимал место, достойное его происхождения и блестящих познаний. Все там свободно отдавалось осмысленному покою, забавам, занятиям по склонностям. Гиббон писал историю Византии, Вольтер -- трагедии, Разумовский изучал натуральную историю -- Юры, а принц Вюртембергский основал "Нравственное общество Лозанны", издававшее свой журнал "Аристид или Гражданин" (*Aristide ou le Citoyen*)...

-- Но ведь Головкин потом был вызван в Берлин? -- спросил граф Литта.

-- Да, -- отвечал Строганов, -- место "директора спектаклей" стало вакантным, и Фридрих Великий предложил его нашему философу.

-- Должно помнить, -- сказал граф Федор Головкин, -- что у графа Александра было две сестры, вышедших замуж за прусских аристократов. Одна из них, тетушка графини Камек, пользовалась особым уважением великого короля.

-- Во всяком случае, положение было не из легких, -- сказал Строганов, -- и он занимал его всего два года. "Директор спектаклей" ежедневно должен был иметь доклад у монарха, стремление которого беречь государственную казну, развившееся со времени Семилетней войны, достигло, наконец, степени скупости. А вы знаете расходы театра!

-- Фридрих Великий страстно любил музыку, -- возразил Нарышкин, -- первым делом его царствования было возведение величественного здания оперы, которое и ныне украшает бульвар "Unter den Linden" в Берлине. Когда этот храм муз был окончен, король поручил их: культ достаточному числу актеров и актрис. Танцы тоже имели своих жриц. Берлин мог гордиться знаменитой Барбариной.

-- Ах, Барбарина! -- воскликнул граф Шуазель. -- Вы знаете, что ее ангажемент послужил тогда к дипломатическим переговорам между Пруссией и Венецианской республикой! Уже подписав контракт с администрацией берлинской оперы, прекрасная танцовщица увлеклась юным лордом Макензи Стюартом и объявила, что не желает ехать в Берлин! Ее принудили к тому силой, разлучив с любовником!

-- Именно во время директорства моего отца в Берлине, -- рассказывал граф Федор Головкин, -- царствующий государь, тогда великий князь, Павел Петрович совершал свое путешествие в Берлин.

-- Это был триумф, -- сказал Нарышкин, -- король употребил все старания, чтобы пленить и привлечь наследника российского престола. При свидании с Фридрихом Павел Петрович выразил восхищение, что ему довелось видеть величайшего героя, удивление нашего века и

удивление потомства! Король на это пригорюнился и сказал: "Я только бедный, хворый, седовласый старец, обрадованный приездом сына лучшего своего друга, великой Екатерины!" В свите великого князя тогда были, -- со светлой улыбкой вспоминал Нарышкин, -- фельдмаршал граф Румянцов-Задунайский, граф Николай Иванович Салтыков, князь Александр Борисович Куракин, барон Николаи, доктор Бек и я. Поэты и музыканты Берлина соединились тогда, чтобы сочинить достойный случая пролог. В конце пролога гении России и Пруссии бросаются в объятия друг друга, соединяя голоса в дуэт. Mais le hasard voulut que le génie de la Russie fût chatif, tandis que celui de la Prusse était représenté par un acteur de formes puissantes! (Но по случаю гений России был тощий, тогда как гения Пруссии изображал актер с мощными формами). Великий князь это заметил и был недоволен.

Х. Аннинская лента

Княжна Анна сидела на постели, обняв бледными ручками колени. Черные волосы ее рассыпались и покрыли хрупкое, нежное тело девушки, как плащ. В окна спальни тускло глядело больное, мглистое осеннее утро. Пора давно было вставать, и камер-юнгферы княжны несколько раз уже входили с предложением услуг, но фаворитка гнала их от себя.

На столике перед ней лежала толстая книга в коже, с закладками, благоухавшая кипарисовым маслом, ветхая, с потемневшими краями страниц -- печорского издания XVII века собрание молитв и акафистов, -- по которой молилась еще бабка ее. Книга была раскрыта на акафисте великомученице Варваре, на стихах:

"Странное и страшное святые Варвары страдание видящи, благоверная в женах Иулиания удивися зело: како млада отроковица в юности ем телеси таковыя мужественно за Христа терпит муки; та же слезного исполнившись умиления, благодарственно и та возопи Христу Богу: Аллилуйа".

На миниатюре заставки изображена была Иулиания, стоящая под окном темницы, за решеткой которой, окруженный сиянием, таинственно являлся вдохновенный образ великомученицы. Кругом холмы, леса, здания в ночной тени и лунном сиянии искусно изобразил старинный гравер.

"Како млада отроковица, -- шептали губы княжны, -- таковыя мужественно за Христа терпит муки!.."

И княжна шептала давно наизусть известные слова следующего икоса:

"Весь сладчайший Иисус сладость, весь желания тебе бысть, святая Варваро: сладце бо его ради горькия терпела еси муки, глаголющи: чашу страданий, юже даде ми возлюбленный мой жених, не имам ли пити?.. Тем же и сама показалася еси чаша, сладость чудесных исцелений изливающая". Сердце княжны трепетало сладкой мукой и жаждало молитвы, уединения, подвига... Ах, уйти бы от суеты мирской, из этого дома, от двора, от почестей и лести! Уйти далеко, к святым угодникам и

там, у гробов их впивать вдохновенную силу примера их чрезуестественной равноангельской жизни! Служить единому Христу! Покорить себя легкому игу благих Его заповедей, весь мир любить, всем благотворить... И пострадать за него, как Варвара!

Мечтания княжны прервал шум резко распахнувшейся двери.

В спальню поспешно вошли мачеха княгиня Екатерина Николаевна и *dame de compagnie* княжны, госпожа Жербер, особа довольно еще молодая и привлекательная. Обе были парадно одеты и, войдя, всплеснули руками:

-- *Mademoiselle* еще в постели! Не причесана! Не одета! Боже мой! Его величество пожалует через три четверти часа! -- вскричала госпожа Жербер.

-- Она в постели! Девки! Палашка! Сонька! Катька! -- пронзительно закричала княгиня, хлопая в ладони.

Из трех дверей огромного покоя ринулись в спальню камер-юнгферы.

-- Где вы были, подлянки? Что вы до сих пор делали? Почему не одета княжна?

Отвратительный хряск пощечины раздался в сумрачной комнате.

-- Виноваты, государыня, виноваты! -- падая к ногам княгини, завопили горничные. -- Их сиятельство не изволила вставать! Их сиятельство изволила нас прогнать! Виноваты без вины, матушка-государыня! Без вины виноваты!

-- Виноваты, подлые! -- кричала Екатерина Николаевна. -- В рогатку захотели, негодницы! С лакеями таскаться по чуланам мастерицы, гнусные! Всех сошлю в деревню свиньям месить, гусей пасти, лучину тупым колуном щипать! -- И госпожа изо всех сил щипала обнимавших ее ноги девушек.

-- Мaman, не браните их, не бейте, -- вступилась княжна, -- они не виноваты. Я сама не вставала.

-- Не смей заступаться за тварей, сударыня! Они тем виноваты, что я на них зла, закричала мачеха. -- Сейчас не виноваты, завтра проштрафятся Или я не хозяйка в доме и взыскать с людишек не могу? Что ты меня учишь! Я знаю, кто виноват, кто нет! Что ты против меня подданных моих поднимаешь? Я государю жаловаться буду!.. Ну, что стоите, дылды? Одевать княжну! Обувать княжну! Умывать княжну! Чесать княжну! Живо! Живо! Живо!

Камер-юнгферы бросились исполнять приказание и окружили княжну, спустившую ножки с постели.

-- Ха! ха! ха! -- переменяя тон, со смехом обратилась княгиня к госпоже Жербер, -- если их не шпынять, в доме содом будет!

-- Простите, девушки, что из-за меня страдаете! -- прошептала юнгферам княжна. Слезы канули из ее очей. Те незаметно целовали ей ручки и ножки, на которые натягивали чулки. Княжна защищала и спасала от наказаний всех, кого могла, не только из двора и крепостных отца, но и чужих, часто прося за несчастных государя. Поэтому люди обожали ее и шли к ней со всеми своими бедами и горестями.

-- Ваше сиятельство должны помнить верноподданнический долг свой и что, если его величеству благоугодно видеть вас и осчастливить высокомонаршим посещением дом ваших родителей, то в назначенное время обязаны вы изготавиться, -- наставительно говорила госпожа Жербер, между тем как княжну спешно одевали, мыли и причесывали. Что будет, если его величество пожалует, а вы не готовы? Вы навлечете гнев монарший и на себя, и на родителей.

-- Ах, у меня подколенки трясутся и пот прошибает от страха! -- вскричала мачеха.

Княжна, однако, была готова, когда еще до приезда государя оставалось минут двадцать, и в сопровождении мачехи и г-жи Жербер вышла в парадные покои. Ей навстречу поспешно появился князь-отец и, подставив ей щеку и руку для поцелуя, приложил сжатые губы ко лбу дочери.

-- Готова, наконец! -- оглядывая ее туалет проницательным взглядом, сказал он. -- Какая беспечность! Трепещу при одной мысли, если бы к прибытию императора ты оказалась неготовой! А все чтение романов! Ночь читаешь, утром просыпаешь. Я часто сам за чтением ночи не замечаю. Но это не мешает моей исправности. *Nous autres savants.*

Князь, действительно, по каталогу приказывал каждый вечер приносить ему книгу и класть раскрытой на изголовье. Но еще не бывало случая, чтобы он, начав чтение первой страницы, ее перевернул. Густой храп прерывал чтение. А особый человек к тому был приставлен, чтобы смотреть, дабы князь не спалил книгу на свечке и не наделал пожара. Книжка каждый вечер клалась новая.

Князь удалился в особый кабинет на парадной лестнице, чтобы по докладу стоявших через каждые пять ступеней и по улице до ближайшего угла лакеев спешить навстречу государю.

Княжна села за пяльцы, в которых вышивала Страсти Христовы для перевязи императора. Госпожа Жербер и мачеха встали по сторонам двери, в которую должен был войти государь. Волнение княгини дошло до высшего напряжения. Щеки ее пылали, дебелая грудь вздымалась, и она усиленно обмахивалась веером.

-- Какое бесчувствие! Какая неблагодарность! В лучшем случае непозволительная беспечность! -- говорила она. -- Милостями осыпана. Имеешь шифр фрейлины, обещано кокарду статс-дамы. Немного повременить и будет. Кроме того, большой крест св. Екатерины имеешь, а знак мальтийского ордена обещан! Тебе да графине Литте! Сам государь сказал Кутайсову это. Лишь две дамы представлены будут к ордену св. Иоанна Иерусалимского! Верите ли, госпожа Жербер, как Аннушка в первый раз ужинала в Зимнем на бале, государь и за стол не сел, а изволил проводить время обозрением заседающих при столе персон. Какая доброта ангельская! И чудное дело, когда Аннушка еще ребенком была, ей цыганка предсказала, что она сделается знатною дамою и будет иметь четыре ордена. Четыре ордена для женщины! Мыслимое ли дело! И все сбывается! И что же? Где чувствительность? О смердах, пощады не

достойных, поминутно государя беспокоит, а родителям исхлопотать ничего не желает! А кабы не я, не мой ум и сноровка, никакая цыганка не наворожила бы! Мной все в действие приведено! Все мной! Я тебе, Аннушка, говорю еще раз, попомни просьбицу мою, -- обратилась она к княжне! -- выпроси ты Феденьке аннинскую ленту. Ну, что стоит государю! А я и сплю, и вижу Феденьку в ленте! Слышишь? Выпросишь, что ли?

Она говорила о своем любовнике Уварове.

-- Маменька, -- дрожащим голосом отвечала падчерица, -- пусть мне цыганка наворожила, да сама-то я не цыганка и выпрашивать не умею! Пощадите меня!

-- Не умеешь, потому что для меня! -- злобно прошипела мачеха. -- Ну, я тебе этого, голубка, не забуду! Я тебе это припомню, душенька!

Она задыхалась от злобы.

-- Государь! -- вдруг раздался отдаленный крик в конце анфилады зал и гостиных.

-- Государь! Государь! Государь! -- один за другим повторяли скороходы, поставленные в каждой дверях.

-- Ахти, государь! -- всколыхнулась княгиня. Смертный холод мгновенно сковал руки и ноги княжны Анны. Сердце мучительно забилося и упало. Игла замерла в трепещущих пальцах. Она ничего не видела, ничего не сознавала, кроме того, что вот сейчас войдет невысокий человек, в руках которого ее судьба, честь и сама жизнь.

Княгиня Лопухина и госпожа Жербер, тоже побледневшие под румянами, заранее склонились в низком реверансе.

XI. Записка

После того, как княжна Анна отказалась выпросить у государя ленту для любовника мачехи, о чем самая мысль была ей нестерпимо оскорбительна, бедной фаворитке решительно не стало житья в доме. Княгиня изобретала тысячи способов сделать ее существование невыносимым, и она находила отдых и успокоение только у Долгоруковых.

Ревностно исполняя повеление государя всегда танцевать вальс с Рибопьером, княжна Анна проводила почти ежедневно свободные часы в обществе беспечного, неистошимо веселого француза.

Танцы, игры, смех и болтовня чередовались с чтением новейших произведений литературы, конечно, не русской.

В то время, как старый князь проводил досуги с госпожою Госконь в доме Шевалье, а мачеха уединялась на антресолях с Уваровым, княжна спешила к заветной двери, соединявшей родительский дом с беспечной семьей Долгоруковых. Там ее уже ожидала обоюга пола молодежь, корнеты конной гвардии, гулист и цимбалист, кошки, собаки, канарейки, ученые сороки, горы лакомств!.. Госпожа Жербер покровительствовала этим невинным времяпрепровождениям, потому что французский

темперамент влек туда, где было весело, она же была еще достаточно молода, свежа и привлекательна, чтобы заслужить внимание молодых воинов... В то же время она исполняла и обязанности неотлучной дуэньи, препорученные ей государем. Слова, брошенные практичным бароном Николаи, не прошли мимо сердца Саши Рибопьера. Юноша задумался. Внимание фаворитки в самом деле могло доставить ему звание адъютанта. Император любил приближать к себе глубоких старцев и зеленых юношей. Резкие контрасты соответствовали его противоречивой, романтической натуре.

Но деликатность не позволяла Саше Рибопьеру прямо просить княжну Анну похлопотать за него. Тогда он открылся госпоже Жербер, и та обещала передать при случае это его желание.

В ноябре император принял титул магистра ордена Иоанна Иерусалимского. Еще год тому назад магистр ордена, достойный старец Роган умер. Граф Литта, облеченный званием чрезвычайного посла, имел торжественный въезд в столицу и публичную аудиенцию, на которой поднес императору Павлу титул протектора ордена, вмещавшего в себе древнейшие дворянские роды почти всей Европы.

Императору прислан был, кроме того, старинный крест славного гроссмейстера Лавалетта, другой крест из части древа животворящего Креста Господня, чудотворный образ Божьей Матери, писанный святым евангелистом Лукою, и десная рука мощей святого Иоанна Крестителя.

Присланы были знаки мальтийского ордена и для всех особ царского семейства, также для государственного канцлера князя Безбородки, для вице-канцлера князя Куракина.

В тронную залу, где совершалась церемония, прибыла императрица, и, приняв из рук государя орденские знаки, заняла место на троне. Затем к престолу подошел Александр Павлович без шпаги и преклонил колена.

Император, надев шпагу и обнажив меч, сделал им три рыцарских удара по плечам великого князя, вручил ему шпагу, поцеловал его и возложил на него знаки Большого креста.

Французский принц Конде, тоже пожалованный в кавалеры Большого креста, наречен был великим приором русским.

После обеда государь принял кавалерами Большого креста князей Безбородко и Куракина, раздал другие кресты и назначил всех командоров и кавалеров великого приорства.

К удивлению всей Европы, русский царь принимал верховное начальство над религиозным и военным орденом, признававшим папу своим духовным главой. Но по своему положению в Средиземном море остров Мальта, без всякой обороны сданный первому консулу Бонапарту беспечными кавалерами на пути его в Египет, обещал России важную точку опоры в сношениях с Оттоманской Портой.

Русский император в качестве гроссмейстера становился во главе всего дворянства Европы. А русское дворянство становилось равноправным членом европейской рыцарской семьи.

Все сие давало оплот для борьбы с гидрою революции, рушившей алтари и престолы...

Теперь, ровно через год, весь корпус мальтийских кавалеров торжественно поднес императору Павлу корону и регалии нового сана, включенного затем в титул императорский. Декларацией, обнародованной в Европе, дворяне всех христианских стран приглашались ко вступлению в орден. Кавалеры, и между ними великий князь Александр Павлович, совершали затем, став по сторонам трона, у коего стоял в регалиях гроссмейстер, некоторые обряды. Снимали шляпы и махали ими. Обнаженные шпаги воздымали и уклоняли, образовав над Павлом Петровичем как бы стальной свод.

Составлен был верховный священный совет ордена.

Князь Лопухин сделан был великим командором. Назначены были оруженосцы к великому магистру от конной гвардии и полков Преображенского, Семеновского и Измайловского.

Княгиня Лопухина употребила все старания, чтобы ее возлюбленный, новопроизведенный конной гвардии полковник Феденька Уваров был назначен оруженосцем.

Назначен был от конной гвардии оруженосцем к великому магистру Саша Рибопьер.

В пунцовом одеянии с черными отворотами, с обнаженными мечами оруженосцы окружали Павла, когда он шел церемониально в церковь или аудиенц-залу.

В деле назначения Саши Рибопьера оруженосцем влияние княжны Анны было ни при чем. За него хлопотала тетка графиня Литта. Но мачеха княжны была уверена, что именно падчерица провела своего мальчишку, с которым вертится, и перешла дорогу Феденьке и ей самой. Оскорбленная в нежнейших чувствах престарелость не смогла сдержать своей ярости и, ворвавшись к княжне, извергла на ее голову поток упреков в интриганстве, неблагодарности и т. д.

-- Для меня не хотела попросить, а для своего вертопраха небось выклянчила! -- кричала княгиня.

Княжна Анна выслушала до конца мачеху, не сказав ни слова, только побледнела, и черные глаза ее сверкали. Потом она ушла с госпожой Жербер к Долгоруковым.

Там уже ожидал ее Саша Рибопьер. Во время танцев она как бы ненароком спросила его, все ли мечтает он об адъютантском мундире, будучи уже возведен в оруженосцы?

-- Конечно, княжна. Кто из нас, корнетов, о сем не мечтает! И сами судите, быть ли оруженосцем мальтийского магистра, или адъютантом всероссийского императора? Полагаю, островок не идет в ряд со страной великой, как бы особливою частью света.

-- Ах, а я бы предпочла обитание на тихом острове, куда бы не проникала людская зависть и злоба! -- сказала княжна.

-- О, конечно, если бы сей остров был населен вами, то б должно его предпочесть всему свету! -- поспешил с комплиментом юный оруженосец.

Княжна засмеялась и подбежала к госпоже Жербер, окруженной молодецкими усами, палашами и ботфортами, что-то ей пошептала, а затем, достав маленький бумажник, написала на страничке, вырвала ее и отдала госпоже Жербер.

Та взяла записку и с низким поклоном немедлен но удалилась.

Веселье молодежи продолжалось, и время летело незаметно.

Вдруг вошла опять госпожа Жербер и, подойдя к княжне, присела до земли и сообщила:

-- Исполнено!

Княжна весело рассмеялась и закружилась с Рибопьером в вальсе.

Рано утром на другой день за Сашей приехал флигель-адъютант Толбухин с приказом императора сейчас же явиться во дворец. О причине Толбухин не мог ничего сообщить.

По приезде в Зимний, юный оруженосец был проведен в кабинет императора. Там находился фельдмаршал Суворов. Государь посылал его в Италию спасать троны, которые опрокидывал мимоходом в титаническом развитии своей карьеры Наполеон Бонапарт, и Саша был свидетелем странных коленопреклонений перед Павлом и таинственных фраз, благословений и жестов, которыми напутствовал великого полководца великий магистр. Из кабинета императора Суворов бегом побежал в дворцовую церковь и долго лежал перед алтарем.

Император обратился к Рибопьеру и весело подмигнул своему семнадцатилетнему оруженосцу. В руках его была карта Европы. Он перегнул ее пополам и сказал:

-- Видишь эту карту? Так разделю я Европу с Бонапартом, если только он возвратит ордену Мальту. Но пока не возвратил...

Император сделал ужаснейшую гримасу, захохотал и, подпрыгивая и потирая руки, повторил несколько раз:

-- У Павла есть Суворов! У Павла есть Суворов! Ну, да я не затем звал тебя, -- успокаиваясь, серьезным тоном сказал император. -- Вам еще рано заглядывать в ущелья мировой политики. Это вино не по вашей юной голове. А вот зачем звал вас: поздравляю вас моим адъютантом.

И, приняв величественную позу, император протянул руку для поцелуя упавшему на колени юноше.

-- Есмь вам благосклонным! -- сказал Павел и вышел из кабинета церемониальным маршем.

ХII. Злой омут

Назначение Саши Рибопьера адъютантом императора лишило сна и аппетита княгиню Лопухину. Она металась по дому, задыхаясь, с обезображенным злобой и красными пятнами лицом, била собственноручно служанок и отсылала за воображаемые провинности

лакеев к зверообразному конюху, исполнявшему в доме обязанности палача.

-- Феденька только полковник и то с великим трудом через силу добился, а мальчишка-плясун через эту девчонку уже адъютант! -- повторяла она. Конечно, от княгини не могло скрыться, что г-жа Жербер ездила во дворец с нарочитой запиской от падчерицы к государю, немедленно исполнившему просьбу дамы сердца с рыцарской предупредительностью. И это после ее упреков падчерице за происки до доставлению Рибоьера звания оруженосца! Девчонка явно назло сделала! Недовольна тем, что оруженосец, так вот тебе -- уже и адъютант! Но постой, погоди!

И мачеха строила планы мести. Жизнь бедной фаворитки стала воистину некрасна. Родительский дом для нее превратился в какой-то злой омут. Во всех углах шли заговоры, плели гибельные сети, строили ковы. Посещения государя ее утомляли, требуя напряжения всего внимания, чтобы не возбудить чем-либо гнев его. Дух Павла Петровича, странный, капризный, переменчивый, ужас ежеминутно грозившей гибели от припадка слепой ярости, его мистические беседы, прерывающиеся буффонадами, постоянная крайняя подозрительность, ревность, -- удручали княжну и часто по отъезде государя бедная фаворитка, удалясь в спальню, раздражалась рыданиями. Мачеха после припадков ярости припрятала когти и стала обращаться с падчерицей с притворной нежностью, которая, конечно, не могла обмануть. Мачеха ждала удобного случая отомстить. Зависть к положению падчерицы грызла ее. Почему бы государю не обратить внимание на более зрелую и опытную красоту? Что он нашел в бледной, унылой девчонке? Княгиня Лопухина находила в любезности государя нечто большее -- зарождающееся внимание... Княгиня усиленно подновляла свои поздние прелести и рядилась. И ей казалось, что сегодня государь пристальней на нее посмотрел, нежели вчера, и милостивее беседовал... Безумные мечты честолюбия зародились в воспаленном воображении злой старой бабы...

Княжна страдала и по ночам дрожала от страха... Хотя она не знала всего происходившего в доме, однако многое передавали ей преданные служанки. Они рассказывали о странных собраниях в отдаленных покоях князя, на которых пели и совершали таинственные обряды люди в масках, в необыкновенных одеяниях и шпагами прокалывали куклу в золотой короне. Они многое рассказывали. И напуганному воображению княжны мерещились крадущиеся шаги, потайные ходы, двери, люки! Она знала, что отец ее принимал тайно каких-то виленских евреев-раввинов с крупными пейсами, в мантиях, подбитых пестрым мехом и ермолках. И что на этих странных ночных совещаниях присутствовал бывший польский король Понятовский. Она знала, что евреи принесли под своими плащами мешки с золотом и высыпали их на стол в большую кучу. Потом они зажигали курения, читали заклинания из огромной книги "Зогар" и вызывали духов...

Многое другое, необыкновенное и ужасное, сообщали княжне при вечернем раздевании, шепотом оглядываясь, умоляя не погубить, девушки.

Злой омут затягивал княжну, дышал мраком и ужасом, и спасенья от него не было.

Да, три дома на Невской набережной, соединенные тайными ходами, дверями и лазейками, составляли западную, куда, однако, Павел Петрович доверчиво приезжал почти ежедневно *privatamente*!

Здесь обитали Парки, выпрядавшие нить его жизни, во власти которых было прервать ее в роковой миг! Эти Парки были юны и прелестны, и одной из них, сама того не зная, являлась княжна Анна, такая же жертва, игрушка в руках коварных интриганов В этих трех соединенных в один домах шла тайная работа, выковывалась огромная сеть, отдельные нити которой протягивались по всей Европе и соединялись в Лондоне. Люди, тайно и явно посещавшие дом князя Лопухина, вели огромную игру, от исхода которой зависели судьбы всей Европы. Постоянно являлись сюда посланцы из европейских столиц, и сам великий банкир Европы рабби Меер Амшель присылал сюда своих поверенных. Иезуиты, масоны якобинцы, в карманах которых звенело английское золото, агенты Наполеона Бонапарта, куртизанки, мальтийские рыцари, еврей-кабалисты и всевозможные всех наций иностранцы появлялись здесь таинственно и незаметно опять исчезали. В разных углах постоянно о чем-то шептались, сговаривались, и все это создавало самую удушливую нравственную атмосферу.

ХIII. Гром побед

Весной 1799 г. открылись военные действия. Собственной причины к войне с французами, по-видимому, Россия не имела. Она вступилась за угнетенную Европу, и поработенную Бонапартом Италию за трон короля сардинского, который скитался изгнанником и молил о помощи императора Павла. Ко двору короля сардинского был аккредитован князь Адам Чарторыйский, выехавший, по высочайшему повелению, отыскивать изгнанника... Император российский, соединясь с Австрией, поднял оружие против республики Французской. Суворов, семидесятилетний старец, послан был исполнителем бескорыстия императора Павла, но после блестящих побед своих в северной Италии столкнулся с своекорыстными видами венского двора. После перехода через Адду 18 апреля Суворов торжественно вступил в Милан. Военные реляции возбудили вдохновение маститого певца Державина и он прославил подвиги фельдмаршала в оде "На победы в Италии" Он назвал Суворова "вождем бурь полночного народа", "девятым валом", "мечом Павла", "щитом царей Европы". Но Италия явилась для Суворова, по его словам, "пургаторием", средним местом между адом, куда толкали его австрийцы, и раем, куда влекло полководца гениальное прозрение. Ад был Швейцария; рай -- Франция. "Меч Павла", "вождь бурь полночного

народа", "девятый вал" европейского моря, возмущенного до дна великой французской революцией, Суворов принужден был исполнять близорукие предписания австрийского императора, вести мелочную борьбу с австрийским министром бароном Тугутом, терпеть каверзы венского гофкригсрата, выслушивать венских стратегов вроде Вейротера, всяких "проекторов", "элоквентов" и "пустобаев", на основании ученых выкладок науки стратегии в венских кабинетах строивших хитроумные диспозиции, желавших навязать их русскому полководцу и умертвить его гений. Единственный противник Наполеона Бонапарта, гений ему равновеликий, способный положить предел блистательному поприщу первого консула, был семидесятилетний старик, истерзанный огорчениями, утомленный тяжелой борьбой против козней и происков. Суворов исторг из рук французов и занял большую часть крепостей северной Италии, но считал необходимым остаться здесь еще два месяца, дабы упрочить свои завоевания. Он предвидел, что без этого австрийцы не удержат их за собой. Австрийский император предписывал Суворову немедленно идти в Швейцарию. Суворов просил о снабжении русской армии необходимыми запасами, орудиями, лошадьми. Австрийское правительство оставляло его заявления без внимания. Коварные и близорукие союзники считали, что каштан уже вытасчен руками глупых русских варваров из полымя и теперь они не нужны, они даже опасны. Вена не понимала, что ей не удержать голыми руками горячий каштан. И посылала в Альпы утомленную, обносившуюся, лишенную запасов русскую армию на гибель. Старик Суворов сделал, что нужно для Вены, -- казалось интригану барону Тугуту. Старик Суворов может стать опасен при дальнейших победах. Пусть его побродит в альпийских ущельях. И эрцгерцог Карл выступил из Швейцарии и оставил там Римского-Корсакова с одними русскими войсками. Суворову не оставалось выбора. Но он медлил и писал жалобы Павлу, графу Ростопчину, русскому послу при венском дворе графу Андрею Кирилловичу Разумовскому. "Бога ради, -- молил он последнего, -- выведите меня из пургатория. Ничто не мило. Стыдно мне бы было, чтоб остатки Италии в сию кампанию не опорожнить от французов. Потом и театр во Франции не был бы тяжел. Мы бы там нашли великую часть к нам благосклонных". "Опорожнить Италию от французов: дать мне полную волю!" "Чтобы мне отнюдь не мешали гофкригсрат и гадкие проекторы". "Иначе: мне здесь дела нет! Домой, домой, домой!"

Но и в Вене, и в Петербурге отнюдь не желали как дать Суворову "полную волю", так и отпустить его "домой". Жалобы Суворова на коварство, пакости и глупости венского двора не могли не действовать на государя. Несогласия союзников разгорались. Французские эмигранты вели свои подкопы, хотя перемена Павлом фаворитки и удаление от двора Нелидовой лишили их главной опоры. Людовик XVIII пребывал в Митаве. Принц Конде в звании великого русского приора мальтийского ордена получил чрезвычайное значение. Но именно мальтийский орден, это орудие воздействия на императора, таил в себе гибельные для

замыслов эмигрантов свойства. У Павла все сводилось к Мальте. Дайте ему Мальту в руки, и он успокоен. И кто сулил ему Мальту -- становился его другом. Мальта! Мальта! Этот остров заслонил в глазах императора весь свет.

Но Мальта была в руках Наполеона Бонапарта, который теперь через иезуита аббата Губера, через коварного нунция Литту и прельщенного им Шуазеля сулил Мальту императору Павлу, если он отзовет Суворова из Италии. Нить этой интриги держал в руках виконт Август Талейран-Перигор, пребывавший в Вене и ведший здесь самый беспечный образ жизни. Успех этой интриги, однако, мог бы исполнить единственное желание Суворова -- вернуть его с истомленными победоносными русскими войсками домой и тем избавить от дальнейших состязаний с коварной фортуной. Но венский двор пустил в дело традиционное орудие достижения своих планов. Tu, felix Austria, nube!..

Весной, при открытии Итальянской кампании в армию к Суворову отправился по приказанию государя великий князь Константин Павлович. Российскому императору угодно было, чтобы юный двадцатилетний великий князь участвовал в предстоящих военных действиях в Италии под руководством Суворова. Он и оставался при авангарде князя Багратиона до конца кампании. Поехал же великий князь в армию под именем графа Романова. Но по пути граф Романов заехал в Вену, где был принят с необычайным восторгом. Дело в том, что во время этого заезда был утвержден акт бракосочетания великой княжны Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом, Палатином венгерским. Когда между союзниками возникли несогласия, барон Тугут, опасаясь открытого разрыва с петербургским двором, воспользовался предстоящим бракосочетанием для укрощения гнева изменчивого императора русского.

Эрцгерцог Иосиф, палатин венгерский, был отправлен в Петербург с необычайной торжественностью.

Для сопровождения принца была назначена огромная свита. Во главе ее стоял граф Дидрихштейн, один из самых усердных клиентов барона Тугута. Орудие возымело свое действие. Император Павел занялся приемами и церемониями, аудиенциями и вахт-парадами в присутствии палатина, тем более, что одновременно должно было состояться и бракосочетание Елены Павловны с наследным герцогом мекленбургским Фридрихом. Таким образом при дворе оказались две юные, прелестные и ангельские кроткие царские дочери-невесты и два царственных жениха. Императрица всецело отдалась материнским заботам. Влияние графа Дидрихштейна и австрийской партии стало могущественно. В то же время граф Адам Чарторыйский нашел, наконец, короля сардинского и представил ему верительные грамоты. Бедный Карл Эммануил IV пришел в восторг, видя восстанавливаемый Суворовым престол и принимая посла могущественного русского императора. На радостях не зная, как отблагодарить, он обратился за советом к послу. Коварный поляк

посоветовал почтить полководца русского царя наивысшей наградой, уверяя, что император Павел чрезвычайно, конечно, сим будет доволен.

-- Дайте Суворову такой орден, -- советовал Чарторийский, -- который по статуту дается лишь принцам крови.

Король послал Суворову сразу три ордена, диплом на чин генерал-фельдмаршала своих победоносных королевских войск и диплом на достоинство князя с титулом двоюродного брата -- cousin -- короля. Суворов о сем донес императору Павлу.

"Отличие, сделанное вам его величеством королем сардинским, -- ответил рыцарски государь, -- я от всего сердца позволяю вам принять. Через сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы все почитаются роднею".

Так писал Павел. Но лукавый поляк знал, что делал. Болезненная подозрительность императора была пробуждена...

Стоявший во главе австрийского брачного посольства граф Дидрихштейн не дремал и занимался далеко не одними брачными делами. С помощью петербургских кабинетных стратегов и выписанных австрийских вся кампания была разобрана ученым образом и выяснены все ошибки престарелого фельдмаршала: следствие устарелой екатерининской "науки побеждать", отсутствие истинной субординации, непредусмотрительность, следствие пренебрежения полководца к "гатчинской системе", опробованной монархом. Победы Суворова стратеги изображали временными и только мнимыми, блестящей пустотой, как было все предшествующее царствование. Стратеги доказывали, что Суворов совершил капитальную ошибку, положив между собой и Римским-Корсаковым Альпы. Марш эрцгерцога Карла вон из Швейцарии был стратегически совершенно необходим. Соединение войск Суворова с войсками Корсакова ныне стало тоже необходимо, хотя, быть может, и губительно. Но что же делать? Выбора нет! Не зная новой "гатчинской системы", применяя от жившую екатерининскую "науку побеждать", старик только напутал и навредил своими внешними блестящими успехами. В этом австрийцев поддержки вали и агенты виконта Талейрана. Они с тонкой улыбкой намекали, что Суворов потому столь легко и быстро занял крепости северной Италии, что французы желали этого временного занятия...

Император Павел послал Суворову повеление идти в Швейцарию.

Полководец повиновался.

Накануне своего выступления в горы он писал государю: "Поведу я теперь храброе вашего императорского величества воинство в Швейцарию, куда высочайшая ваша воля путь мне указывает, и тамо, на новом поле сражения, поражу врага или умру со славой за отечество и государя".

Первого сентября 1799 года русские войска, соединившись в одну колонну, уже следовали по прямой дороге к Сен-Готарду.

Едва было получено об этом известие в Гатчине, как все стратеги и политики заключили наверное, что вождь и полки, предводимые им, пропадут в горах неизбежно. В Петербурге все были в крайней печали. Готовившиеся брачные торжества повились сумрачным флером. Отыскали швейцарца, прекрасно знавшего Альпы, и он в тесном кружке императорской фамилии и приближенных вельмож повествовал о страшных трудностях перехода через Сен-Готард.

-- На каждом шагу в сем царстве ужаса зияющие пропасти! Мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, льющиеся дожди, густые туманы облаков! Является гора Сен-Готард, сей величающийся колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают! Со стороны Италии гора сия почти недоступна; только узкая тропинка, едва проходима для вьюков, извиристо поднимается, пересекаемая горными потоками! Как же преодолеть толикия непреодолимые препятствия? Сие выше сил человеческих!

В Гатчине царило уныние. Рассеянию его не помогали и реляции Суворова. Он сообщал о подлостях австрийского генерала Меласа, не давшего ни фуражу, ни мулов достаточно. Сообщал Суворов, что офицеры-топографы австрийского генерального штаба во главе с Вейротером изучили горы только по книгам, в диспозиции наврали, а местные проводники, не рискуя вести русских на верную гибель в горы во время снежной вьюги, когда густые облака одевали всю поверхность гор и ничего не было видно в двух шагах, бежали! Сообщал Суворов, что на сем ужасном переходе все без различия: солдаты, офицеры, генералы -- босы, голодны, изнурены, промокли до костей, но... идут! Идут! Каждый неверный шаг стоит жизни. Однако 14 сентября Суворов прошел Урнерскую дыру и Чертов мост. В Гатчине предсказывали и ждали каждую минуту известий о конечной гибели полководца. Но когда получено было донесение о переходе Чертова моста, политики и стратеги не знали что думать! Старый хрыч оказывался старым чародеем!

Брачные торжества назначены были на 12-е и 19-е октября. Державин в стихах изображал, как

Орлы двух царств соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Пленяет нежный гром музыки,
Пылают тысячи лампад!

А все же мрачные думы одевали чело императора подобно туманам Сен-Готарда. Вдруг посреди брачных торжеств получено было известие о переходе русских войск через Альпы и победе над неприятелем! Древний Ганнибал воскрес! Стратеги и политики обретались в глубоком смущении.

Граф Ростопчин прочел императору Павлу реляцию о переходе Альпийских гор.

-- Жалую Суворову звание генералиссимуса! Подлинно над всеми генералами мира оный генерал! Это много для другого, а ему мало... Он же кузен сардинскому, значит и нам. Напиши в рескрипте ему вот что: "Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов отечества, недоставало вам одного рода славы -- преодолеть и самую природу". И сие ныне восхитил! Ну, господин первый консул Буонапартый! Пожалуй, теперь вы Мальту долго не продержите в руках. Огонь храбрости войск российских сию накалил докрасна, пальцы обожжете и наверное выпустите.

-- Совершенную истину говорите, государь, -- сказал Ростопчин. -- Только как сей раскаленный кус из рук первого консула выпадет, то, пожалуй, подхватит его зубами прожорливый британский пес!

-- Никогда, -- сказал император. -- Мальта принадлежит ордену. Я -- гротмейстер.

XIV. Списки раненых

Первые реляции о действиях войск российских в северной Италии вместе с известиями о славных победах и подвигах приносили и списки раненых и убитых. Павел Петрович едва ознакамливался с реляциями сам, первый сообщал радостные известия княжне Анне и во время своих посещений *incognito* фаворитки читал ей реляции, сопровождая их толкованиями. Княжна слушала государя с притворным вниманием, но каждый раз просила дать ей просмотреть списки раненых и убитых.

-- Кто знает? Может быть, кто из знакомых найдется, -- объясняла княжна, -- то Панихиду отпою.

При этом руки ее дрожали, дыхание учащалось, глаза наполнялись слезами, голос дрожал, она то бледнела, то пылала...

Все это возбудило крайнее подозрение государя.

-- Видно, в армии есть кто-либо ей дорогой! -- думал он. -- Кто бы то был?

И государь стал сам списки прочитывать, медленно, останавливаясь на каждом имени и впиваясь взглядом в возбужденное лицо княжны.

Однажды, едва только император прочел: "Тяжело ранен князь Павел Гаврилович Гагарин", как княжна Анна отчаянно вскрикнула, всплеснула руками и покатила с кресла в обмороке.

Государь не сказал ни слова, только стал пыхтеть и отдуваться, откидывая голову назад и передергивая лопатками. Все то было признаками готового разразиться припадком гнева, лицо его было ужасно, сардоническая улыбка кривила уста злобой. Буря гнева бороздила чело. Но, видимо, он боролся с собой. Отошел к окну и стал, отвернувшись, барабанить по стеклу пальцами. Обычно присутствовавшая при визитах императора госпожа Жербер бросилась оказать помощь княжне, опустившейся около кресла на ковер бесчувственной. Она хотела позвать камер-юнгфер. Но император вдруг повернулся и сиповатым голосом запретил кого-либо звать. Потом он подошел и помог госпоже Жербер перенести княжну на софу. И вновь отошел к окну и забарабанил.

Госпожа Жербер поспешила распуścić шнуровку девушки и поднесла к ее лицу флакон с чрезвычайно крепкими солями, с которыми сама не расставалась. Глубоко вздохнув, княжна открыла глаза и приподнялась на софе.

-- Ты ранен!.. Ты тяжело ранен!.. Ты умираешь?! -- произнесла она, с ужасом обращая огромные черные глаза к какому-то видению, стоявшему перед ней.

-- Бога ради, придите в себя, милая Анета, ангел мой, -- шептала ей госпожа Жербер. -- Государь здесь и все слышит.

При этих словах княжна задрожала с головы до ног, лицо ее исказила судорожная гримаса плача, и она разразилась неудержимыми рыданиями. Слезы лились из ее прекрасных, огромных глаз. Она ломала пальцы, восклицая:

-- Ох, горе мне! Ох, тошно мне! Ох, смерть моя! О, я несчастная, несчастная, несчастная!..

Госпожа Жербер совершенно растерялась. Кинулась было за водой и опять к княжне, умоляя ее придти в себя, успокоиться.

Но княжна рыдала неудержимо. Она сидела на софе, с распущенными черными волосами, прикрывающими ее трепещущие плечи, не замечая, что расстегнутое платье и распущенная шнуровка открыли ее девичью, девственную грудь, и повторяла:

-- О, я несчастная, несчастная, несчастная...

Растерянная госпожа Жербер продолжала метаться в последней степени ужаса. В голове ее вихрем неслись картины заточения в крепости, допросов может быть, пытки, наказания кнутом, ссылки в сугробы Сибири, смертной казни.

Вдруг мягкий, проникновенный голос прозвучал над ней:

-- Успокойтесь, сударыня, и оставьте нас одних.

Изумленная *dame de compagnie* обернулась. Перед ней стоял Павел Петрович. Но она не узнала его, не узнала это прекрасное лицо, озаренное тихим светом больших глаз и неизобразимо привлекательной улыбкой. Как мягок, как кроток, как человечен был теперь взгляд этого страшного тирана! Какое рыцарское благородство и изящество запечатлелось на всей его стройной, невысокой фигуре, соединяясь с истинно монаршим величием.

-- О, государь!.. -- могла только прошептать француженка, прижимая руки к сердцу и приседая до земли в низком реверансе.

Император ответил изящнейшим поклоном. И вслед за тем, все приседая и прижимая руки к колотившемуся сердцу, госпожа Жербер вышла из покоя, не оборачиваясь лицом к двери.

Император остался наедине с плачущей фавориткой.

-- Княжна, -- сказал Павел Петрович, -- успокойтесь.

Голос монарха прозвучал так гармонично, что княжна, сдержав рыданья, подняла на него удивленные глаза, темные, как ночь, и, словно неиссякаемые источники, струившие слезы.

-- Дитя мое, не плачьте! -- продолжал государь, осторожно взял за руку фаворитку и почтительно, в должном расстоянии от девушки, присел на софе.

Рыдания затихли. Она только тяжело вздыхала. Ручка ее чуть трепетала в руке императора. Она не отрывала теперь от лица его плачущих своих очей и с надеждой доверчиво ждала и пощады и помощи. Сознание ее, видимо, еще было омрачено. Она не отдавала себе отчет во всем происшедшем. Но перемена в наружности Павла, нежная, кроткая душа, вдруг появившаяся в глазах этого взбалмошного владыки, этого страшного человека, этого грозного, свирепого тирана, которого она так боялась, так мучительно боялась столько дней, недель, месяцев, на свидание с которым шла всегда, как приговоренная к казни, зная, что и весь дом замирает и трепещет, ожидая, пройдет ли и на этот раз свидание государя с фавориткой благополучно, или внезапно разразится буря и все снесет, все исковеркает, расточит и виновных и правых, -- перемена в обхождении Павла, новый Павел, ей не знакомый, все это дивное откровение исполнило измученное сердце девушки удивлением и теплом.

-- Дитя мое, откройтесь мне, -- продолжал государь, -- откройтесь не как вашему государю, не как рыцарю и паладину ваших достоинств ума, сердца, красоты, но как нежному отцу! Скажите все, что вас мучит и терзает! Ничего не скрывайте от меня и знайте, что вам не грозит ни малейшая опасность, даже в том случае, если бы вы были достойны моего неудовольствия. Да, клянусь, -- торжественно продолжал Павел Петрович, -- клянусь тем Судилищем, пред которым мы все должны явиться, клянусь всем, что есть священного, клянусь торжественно и свидетельствую, что бы вы мне ни открыли, останетесь неприкосновенной!

При сих клятвах императора свет полного сознания озарил ум княжны. Мгновенно оценила она все происшедшее. Мгновенно пронеслись в голове ее самые сложные соображения, мгновенно выработал ее женский здравый смысл план дальнейших действий, и она сейчас заметила беспорядок своего туалета, легкий, алый румянец смущения появился на ее бледных щеках, с очаровательной стыдливостью целомудрия она поспешила прикрыть плечи и грудь черными волнами великолепных волос своих, напоминая сказочную Гризельду. Большие глаза Павла запылали страстью, и он, склонившись, припал горячими устами к трепетным, тонким пальчикам княжны.

Фаворитка не отнимала руки.

Император вновь поднял на нее взгляд. Но в нем уже произошла какая-то перемена. Тонкая морщина набежала на лбу. Он был теперь даже под большим обаянием красоты беззащитной, -- покорной девушки, но в глубине его взгляда замелькали какие-то острые искорки...

-- Откройте мне все, дитя мое, как отцу! -- повторил Павел Петрович.

Княжна осторожно вынула руку из его руки.

-- Если ваше величество жалеете меня бедную, несчастную, -- вдруг заговорила она быстро, шепотом, -- то... отпустите меня, о, отпустите! Отпустите в обитель! -- И она умоляюще сложила руки.

Облако недоумения и недоверия прошло по лицу государя, но вслед за тем оно озарилось какой-то милой насмешливостью.

-- Вы хотите удалиться от мира, дитя мое, в таких юных летах, когда жизнь вся пред вами, когда вы в первом, прекраснейшем расцвете красоты, когда вы можете быть счастливы, бесконечно счастливы! К чему хоронить себя в келье, когда я превращу ваши дни в сплошной праздник. Я -- император, -- с простотой полного могущества произнес Павел.

-- Отпустите меня, государь! -- повторила фаворитка.

-- Но, княжна, что же побуждает вас к сему? Что разочаровало вас в жизни? Я знаю, что вы многое любите в ней. Ну, хотя бы... вальс, который танцуете столь прелестно!

-- Я несчастна, государь. Жизнь моя разбита. Ужасы окружают мое существование. Все, все мне постыло!.. Хочу быть инокиней, хочу быть невестой Иисуса Сладчайшего.

Император насупился. Взгляд его стал угрюм.

-- Положим, что вы имеете сие желание, -- сказал он. -- Но что к сему, столь в юные лета необычному, разочарованию вас привело? Различные могут быть причины, влекущие человека к удалению от мира. Но главнейшая из них -- тяжесть, на совести лежащая, требующая уединенного покаяния и подвигов. Ужели же юная совесть ваша чем-либо столь омрачена? Откройтесь мне! Откройтесь, -- продолжал, поднимаясь, Павел Петрович, -- ибо я император. Я -- особа священная и Божий помазанник. Я -- верховный покровитель церкви и между мной и Христом нет посредников. Сам приступаю к святейшему алтарю, на коем бескровная совершается жертва за грехи людей и своими руками беру святую чашу и причащаюсь, яко священнослужитель тела и крови Спасителя нашего! Я -- гроссмейстер священного ордена Иоанна Иерусалимского и рыцарь святого храма и Гроба Господня! Я ношу далматик византийских императоров и Страсти Христовы на священном супервесте! Я -- самодержец! Исповедуйте мне юное сердце ваше, княжна, как духовному отцу.

Величие, с которым произнесены были эти слова государем, было неизобразимо.

Вновь бледная, сидела княжна, устремив глаза на императора. Но в них он прочитал лишь пугливую тревогу и вслед за тем их застлала непроницаемая завеса женского притворства.

-- Государь, -- кротко и с восхитительной наивностью сказала княжна, -- я очень грешна. Я суетна, мелочна, горделива, сластоежка, ленива, беспорядочна... Ах, я ужась как грешна! -- повторяла она. -- Я живу в роскоши, а столько несчастных рабов страдают, скудно кормятся, льют пот и слезы, все для меня! Чем я лучше их? В келейке я молилась бы за них.

-- И это все? -- спросил император.

-- Все, государь. И чего же больше?

-- А почему вы лишились чувств, когда я прочел имя этого... как его? князя Гагарина в списках раненых?

-- Ах, ведь это сын друга нашего семейства! Я еще в раннем детстве с ним игрывала в Москве. Представила я себе горе родителей его и ужаснулась! Государь, к чему эта война? -- капризным тоном избалованного ребенка, замечательно хорошея при этом, продолжала княжна. -- Прекратите эти ужасы, эту бесполезно льющуюся кровь!

Павел Петрович глухо в себя рассмеялся, не разжимая губ.

-- Так вот почему вы лишились чувств? Вам стало жаль престарелых родителей товарища детских игр ваших!

-- Ну, и его самого немножко, -- небрежно сказала княжна.

-- Так! Так! -- сказал император, потирая руки, насмешливо улыбаясь и делая странные прыжки взад и вперед, как это делают дети, прыгая через веревочку. -- А скажите, mademoiselle, не соединяют ли вас более нежные чувства и связи с раненым рыцарем?

-- Я все сказала вам, государь, -- тоненьким голоском ответила княжна, кутаясь в волосы.

Император упер руки в бока и захохотал.

-- О, Лилит, первая Ева! Кланяюсь тебе! Кланяюсь тебе! Кланяюсь тебе! О, Мефаниэль, царь насекомых! О, Самизель, царь червей! И ты, сам наставник Евы, прельститель змей, Самаэль! Посмотрите на сию девицу, сколь она простодушна! Кланяюсь вашим красным каблучкам, princesse! - продолжал император, кривляясь, кобеньясь, потирая руки, втягивая щеки так, что появлялись две ямы около его сардонически улыбающегося рта. -- Кланяюсь вашим каблучкам и желаю скорого замужества, желаю вам получить в собственность человекообразное покорное существо, которое и покорите под сей красный каблучок! Ах, красные каблучки, красные каблучки! Сколько благороднейших сердец вы растоптали! И не их ли кровью вы окрашены? ха! ха! ха!

-- А знаете ли, princesse, за что верховный ангел Метатрон был наказан шестьсот шестьюдесятью шестью ударами огненных розог? Не знаете? О, это прелюбопытная история! Расскажите ее вашему папеньке и папеньке вашего раненого товарища детских игр! Она весьма поучительна, эта история, хотя ее и сообщают проклятые жида-каббалисты. Раз в день Метатрон записывает в книгу добрые дела людей, и в это время ему разрешается сидеть в присутствии самого Господа. Однажды великий талмид-хахам Элиша бен Абуийя, поднявшись на небо, увидел там сидящими два существа: Бога и Метатрона. Он подумал, что на небе два бога. За то именно, что Метатрон не встал при входе Элиши и ввел святого раввина в заблуждение, и приказано было от Бога вывести Метатрона немедленно и дать ему шестьсот шестьдесят шесть ударов огненными розгами. Расскажите эту историйку вашему папеньке, princesse! Au revoir, princesse! Лешана габои Бирушелаим! (До свидания на будущий год в Иерусалиме). И с неизобразимыми жестами, улыбками

и прыжками император вышел из покоя, оставив княжну в полном недоумении, чего ей и семейству ее ждать в ближайшие дни.

XV. Поведение княжны Анны

Через два часа после обычного визита государь прислал тайно за княгиней Екатериной Николаевной Лопухиной с повелением явиться во дворец немедленно.

Княгиня едва имела время обновить свой туалет. Она уже предупреждена была госпожой Жербер о странной сцене, обмороке княжны и всем, что при этом произошло. Княгиня ужаснулась, едва услышала имя молодого князя Гагарина.

-- Девчонка нас всех губит! -- вскричала она. И, полумертвая от страха, села в карету, шепча: "Помяни царя Давида и всю кротость его!"

Во дворце ее сейчас же провели в покой, смежный с кабинетами императора. Прошло полчаса томительного ожидания. Вдруг дверь открылась, и вошел Павел Петрович. Он был в ботфортах, перчатках с раструбами, трехрогой шляпе, с хлыстом в руках и собирался на прогулку верхом к строившемуся на месте старого дворца Михайловскому замку. Появившись перед трепещущей, присевшей княгиней, император устремил на нее холодный взор, пыхтя и откидываясь корпусом назад.

В ушах у княгини зазвенело, и пол поплыл из-под ее ног.

-- Каково поведение княжны Анны? -- вдруг спросил Павел Петрович сиповатым голосом.

-- Пока на глазах, я знаю, ваше величество, -- собравшись с силами, отвечала княгиня. -- Могу засвидетельствовать, что поведение княжны под моим наблюдением примерное. Но она проводит все вечера у соседей наших, у Долгоруковых, и я там уже не могу за ней следить.

-- Что же она там делает и кого там видит? -- отрывисто спросил государь.

-- Много молодежи конной гвардии и других полков. Преимущественно танцуют, ваше величество. Так мне передавала госпожа Жербер.

-- Из молодежи кто чаще всех там бывает?

Рибопьер, ваше величество.

-- Княжна с ним танцует?

-- Вальс, ваше величество.

-- Это ничего, -- сказал император. -- Я сам позволил княжне танцевать вальс с Рибопьером.

-- Точно так, ваше величество. Она говорит, что вам благоугодно было повелеть соизволить ей всегда с Рибопьером вальс танцевать. На сем основании она и танцует с ним каждый вечер.

Император покачал головой и улыбнулся.

-- Ум женщины -- великий казуист. Но, принимая слова мои к точному исполнению, должно было бы княжне танцевать и день и ночь.

-- Ах, ваше величество, кружиться в сем танце первейшая ее страсть. Готова и днем и ночью на сию забаву.

-- Монахиня, что и говорить, -- сиповато засмеявшись, сказал император. -- Но, обращаясь с молодежью, не позволяет ли княжна себе каких-либо вольностей, не приличных ее сану и положению? -- спросил он строго.

-- Не угодно ли вашему величеству собственными глазами за поведением княжны проследить, -- сладким, заискивающим голоском сказала мачеха.

-- Это как же?

-- Ваше величество, пожалуйста к нам сегодня вечером, после того часа, когда княжна обычно уходит к Долгоруковым, и встаньте у двери, которая к ним ведет. Она ширмой ветхой заставлена и ведет прямо в залу, где молодые люди танцуют. Самолично изволите наоблести, ваше величество, поведение княжны.

-- Добро, употребим сию военную хитрость. Любовь -- война, не правда ли, княгиня? -- галантно спросил император.

-- Ах, ваше величество, -- опуская загоревшиеся глаза с нарочито притворной скромностью, отвечала перезрелая кокетка, -- я от сей войны давно уже отстала.

-- Монахиня, монахиня! У нас все монахини! -- сиповато смеялся Павел Петрович. Добро. Я буду. Но чтобы никто не знал, особливо княжна Анна. Слышите?!

-- Слушаю, ваше величество, слушаю.

-- Вы головой мне ответите! Вы головой мне ответите! -- вдруг бешено крикнул император и, повернувшись на каблуках, вышел, оставив княгиню в совершенном расслаблении от страха.

Она еле живая выбралась из дворца и отдохнула лишь в карете.

Однако, хотя, подводя падчерицу, она рисковала подвергнуть опале, ссылке, конфискации имущества своего мужа, себя и даже всех своих родных и близких, тем не менее, слепая зависть и злоба перевешивали соображения благоразумия и старая баба ликовала. Пусть мне не сладко будет, да девчонке и плясуну ее утру нос! Да и отчишке его спесивому насолую! Скажите пожалуйста, мальчишке семнадцать лет еще невеступно, а он уж адъютантский мундир вытанцевал!

Едва княгиня вернулась домой, приехал граф Кутайсов с инструкциями от императора. Карета остановится на соседней улице, и государь с Кутайсовым в обыкновенном платье пешком пройдут к дому Лопухина. Таинственные гости должны были войти через просительский подъезд, где и встретить их имела княгиня с зажженным шандалом и провести тайно к наблюдательному пункту.

XVI. Павел Петрович высочайше подслушивает у дверей

Княжна не хотела в этот вечер идти к Долгоруковым. С распущенными волосами, бледная, горестно сидела она в своей спальне, предаваясь безнадежным мечтам.

Но госпожа Жербер, которой надо было передать записочку молодому человеку, дипломату, недавно появившемуся у Долгоруковых и сейчас же отмеченному легкомысленной француженкой, внимание ее не оставлено было втуне, -- упростила княжну умыться, причесаться, одеться и идти к милым соседям.

-- Ах, госпожа Жербер! -- говорила княжна, -- если бы вы знали, какое горе у меня на сердце! Своей печальной миной я на всех наведу тоску. Танцевать я не могу, не буду!..

-- Милая княжна, вы развеселитесь! -- отвечала француженка. -- Хоть не танцуйте, да посидите с приличной вашему возрасту молодежью.

И княжна нехотя стала одеваться.

Как нарочно, в этот вечер у Долгоруковых было особенно шумно и весело. Малороссиянин-бандурист играл гопака и разные танцы. Гвардейцы танцевали. Девицы заливались беззаботным смехом. Юный дипломат в модном рыжем парике стал жертвой их насмешек. Они сдергивали с него парик, причем открывались его натуральные черные волосы, подобранные *à la chinoise*.

Когда княжна появилась в сопровождении разряженной, кокетливой, с мушками на лице и открытой груди, госпожи Жербер, дипломат стоял без парика посреди залы и, щури близорукие глаза в крохотный лорнетик, улыбался и кобенился с жестировкой российского петиметра.

-- Мадам Жербер! Княжна Анна! Смотрите! Смотрите! -- хором закричали бесчисленные барышни Долгоруковы, указывая на дипломата. -- Смотрите! Стоит, как болонка, волосы пучком на маковке перевязаны розовым бантиком.

Молодой человек в самом деле до того походил на болонку, что княжна не могла не расхохотаться.

-- Волосы! Мои волосы! Отдайте мои волосы! -- с комической горестью возопил дипломат.

-- Вот ваши волосы! -- крикнула бойкая белокурая дамочка в белой "темизе", прикрывавшей ее молочные полные плечи, и так надела на него парик, что рыжие волосы закрыли ему все лицо.

-- Болонка стала львом! Ура! -- закричали офицеры с хохотом.

А белокурая дамочка подбежала к клавикордам, села к инструменту и, спустив с пышных плеч "темизу", заиграла и запела модный романс:

Он стал бы меня, нежа,
Ласкать и целовать!
Я б ласки ему те же
Старалась оказать...

-- Княжна, прелесть, идите гостинцы кушать! -- подхватывая под руки фаворитку, говорили между тем девицы.

-- Княжна, не прикажете ли бандуристу играть вальс! Он научился, -- предлагали гвардейцы, стараясь обратить внимание фаворитки молодцеватостью осанки, изяществом мундира, очами и усами.

Княжна всем улыбалась, забыв свое горе.

Ее усадили за стол, где на больших подносах были навалены коврижки и пряничные коньки с сусальным золотом, каленые орехи, отварная в меду груша, грешневики на конопляном масле, варенный на меду мак и прочие деревенские лакомства, которые она любила гораздо больше великолепно украшенных конфет, присылаемых ей ежедневно от императорского стола.

Между тем Саша Рибопьер подошел к белокурой красавице, сидевшей у клавикордов, и пошептался с ней. Она заиграла аккомпанемент, и Рибопьер, не сводя очей с княжны, запел романс из недавно поставленной на придворной сцене оперы "Любовь Баярда". Слова и музыка романса, превосходно исполненного молодым человеком, как нельзя лучше соответствовали ее тайным думам.

Сладостное чувств томленье,
Огнь души, цепь из цветов!
Как твое нам вдохновенье
Восхитительно, любовь!
Нет блаженнее той части,
Как быть в плене милой власти,
Как взаимну цепь носить,
Быть любиму и любить.
Умножайся, пламень нежный,
Под железной латой сей;
Печатлейся, вид любезный,
В мыслях и душе моей!
Нет блаженнее той части,
Как быть в плене милой власти,
Как взаимну цепь носить,
Быть любиму и... любить.

Прекрасный голос молодого адъютанта звучал искренним чувством. Заслушалась княжна. Слеза прокатилась в ее огромных, черных, как ночь, глазах и канула с бархатных длинных ресниц. Вздох всколебал нежную грудь. Облако задумчивой грусти осенило молодое чело. Она шептала невольно вслед за певцом:

-- Нет блаженнее той части, как быть в плене милой власти!

Но романс был спет. Притихшая молодежь опять зашумела, захохотала.

-- Вальс! Вальс! -- закричали все.

Рибопьер умолял княжну танцевать вальс.

Старый малоросс заиграл. Пары закружились. Но княжна не хотела танцевать.

-- Я не могу сегодня, я не должна, -- говорила она.

Но Рибопьер с такой очаровательной любезностью умолял ее, что она вздохнула, подняла очи к небу и положила обе ручки ему на плечи. Рибопьер по-модному охватил ее тонкую, гибкую талию, забывая строгое

запрещение императора, находившего это крайне неприличным, и, держа княжну перед собой, так что они смотрели друг другу в глаза, понесся с ней в грациозном кружении по просторной, но довольно низкой и грязноватой зале долгоруковского дома.

Госпожа Жербер между тем подошла, к молодому дипломату, который в своем рыжем львином парике, в шелковых чулках, башмаках, в бархатной собольей шубке развалился на диване и кобенился, шепеляво рассказывая о парижских увеселениях белокурой даме. Она достаточно вольно села на ручку дивана и протянула руку по спинке, склоняясь к рассказчику.

-- Зефир, -- с досадой сказала госпожа Жербер, взяв за руку обладателя рыжего парика и таща к себе, -- пойдём со мной танцевать!

А тот-то ломался на диване.

-- Не пойду. Тогда пойду, когда вы мне выхлопочете камер-юнкерство.

А она хохотала и тащила все за руку. Вдруг дипломат случайно взглянул и остолбенел. Как ни был он близорук, однако с помощью лорнета увидел, что напротив у двери стоит государь и леденящим взором медузы смотрит на все происходящее в зале поверх ширм. Молодой человек обмер. Язык его отнялся. А белокурая дама продолжала висеть на ручке дивана, и госпожа Жербер повторяла, таща его за руку:

-- Идите со мной танцевать, Зефир! Идите танцевать!

Вдруг медузина голова исчезла за ширмами. Речь и движение членов возвратились молодому человеку, он мгновенно вскочил и, растерянно бормоча: *Pardon, pardon, mesdames! Mille pardons!* -- бросился вон с рыжим своим париком, лорнеткой, шубкой, башмаками, пробежал через гостиные, промчался по лестнице, прыгая через две ступеньки, отчаянно потребовал карету и ускакал домой, оставив обеих дам в полном недоумении, что с ним такое внезапно приключилось.

XVII. Тайна фаворитки

На другой день, явившись во дворец на дежурство, Саша Рибопьер с изумлением узнал, что император чуть свет подписал указ о пожаловании его камергером, что соответствовало чину генерал-майора.

Вспомнил он мудрого собирателя дворцового вина барона Николаи, не сомневаясь, что таким головокружительным чиновничеством обязан не чему иному, как вчерашнему романсу. Он, однако, намекал княжне Анне о другом, именно о том, что хорошо бы вышло, пожалуй его государь в мальтийские командоры. Сказал же он так потому, что кругом себя только и слышал вздохи и пожелания:

-- Эх, кабы меня пожаловали в мальтийские командоры!

Молодые люди, проигравшиеся на тайных сборищах (картежная игра строго была запрещена и, конечно, процветала тайно, являясь сладким запретным плодом), опустошившие карманы в кутежах и на красоток, повторяли:

-- Эх, кабы меня пожаловали в мальтийские командоры!

Матери -- сынкам, жены -- мужьям тоже повторяли: "Старайся, чтобы тебя командором, наградили!" Десяти командорствам великого приорства российско-католического шли доходы с огромных польских выморочных имений князей Острожских. Новопожалованный камергер опечалился. Очевидно, его намерены пустить по дипломатической части, вообще, по статским делам. А ему тяжело было расставаться с военным мундиром и полковыми товарищами. Принимая их поздравления, камергер граф Рибопьер пригласил их на прощальную попойку, чтобы sprysnut' золотой ключ и шляпу с плюмажем. Рано утром того же дня граф Кутайсов прибыл к князю Лопухину с извещением, что его величество изволит с верховой прогулки пожаловать в дом его по важнейшему делу, не incognito, как всегда, но парадно и официально. Княжна Анна и ее родители должны ожидать государя в полной готовности, изрядясь, как то положено по этикету Граф Кутайсов не мог ничего сообщить о намерениях императора, но сказал только, что, возвратившись с ним во дворец, Павел Петрович всю ночь ходил взад и вперед по спальне, громко сморкаясь. Чуть свет позвал графа Ростопчина и передал ему приказ о назначении маленького Рибопьера камергером. Затем занимался делами и казался спокойным и довольным. Потом приказал ему, Кутайсову, ехать предупредить о посещении Лопухиных.

Не смыкая глаз провели ночь и князь Лопухин с княгиней, изнывая в смертном страхе. Только по отбытии государя постигла княгиня, какую бездну изрыла она под собою, мужем, всей родней своей, а также и под Долгоруковыми. Когда Павел Петрович, не замеченный увлеченною танцами молодежью, пошел обратно церемониальным шагом, полный свирепым гневом, тяжело дыша и пыхтя, княгиня кинулась было светить ему шандалом, прыгавшим в трепещущих руках ее.

-- Взять у нее шандал! -- вдруг сиплым, неистовым шепотом приказал Павел.

Кутайсов выхватил шандал у княгини, которая, как сноп, повалилась к ногам государя.

В большом покое совсем терялся свет одной нагоревшей сальной свечи, и углы, неизмеримо высокий потолок -- все было погружено во мрак. Причудливые тени падали от действующих лиц этой зловещей сцены и шевелились. Заглушенные звуки вальса доносились из маленькой двери, плотно завешенной гобеленом.

Павел с презрением смотрел на валявшуюся у ног его Лопухину.

-- Вы так воспитываете свою дочь! -- вдруг разнесся его страшный, сиплый, неистовый шепот. Пляска, непристойность, распутство... Покровительство распущенности нравов... Я вам этого не прощу... я вам покажу... послушание моим повелениям. Дерзкое неуважение к особе, взысканной моими милостями... Высшее неприличие... свинство... гадость... гнусность. Мальчишка, ухватя за талию, вертится. Смотрит прямо в глаза... Не позволю... не позволю, истреблю... Сошлю туда, куда ворон костей не заносит! В рудники!.. Сквозь строй... На виселицу... О, подлая тварь!..

Эти отрывистые страшные слова вылетали как бы непроизвольно из сжатого горла государя, но он не кричал, он шептал, очевидно, опасаясь, что будет услышан виновницей его гнева, продолжавшей беззаботно носиться под дерзкие звуки вальса. Кутайсов стоял со свечой, опустил глаза и смотрел в пол, зная, что в таких случаях посмотреть в лицо государю значило возбудить еще пущий гнев его. Павел Петрович почитал это дерзостью.

Княгиня валялась в ногах у императора и стонала.

-- Помилуй, государь, помилуй!

-- Княгиней сделал... Завтра будешь свиней пасти... Сводня... -- проскрежетал Павел Петрович, произнес еще раз ряд площадных, безобразных ругательств и, вдруг, повернувшись налево кругом, скорым шагом пошел прочь. Кутайсов бросился за ним, еле попевая. Он светил, прикрывая пламя рукой.

Очнувшись в темноте, поднялась княгиня и охая поплелась шатаясь к мужу.

-- Что ты сделала? Мы все погибли! -- возопил тот, едва она бессвязно, сквозь охи и слезы, сообщила о тайном посещении и гневе государя.

-- Безумная баба! Безумная баба! -- ломая руки и бегая по комнате, восклицал князь.

И сейчас же, не обращая внимания на плачевное состояние супруги, побежал в покои mademoiselle Госконь...

* * *

Известие, привезенное Кутайсовым, подавало надежду, что страшная опасность миновала. Весь дом сейчас же поставлен был на ноги. Княжна, княгиня, сам князь торопились изрядиться к приему императора.

В назначенный час он приехал с многочисленной свитой. Все были на великолепных конях, которых приняла толпа ливрейных конюхов князя Лопухина. Император был в ботфортах, со звездой на кафтане, в украшенной страусовым плюмажем и бриллиантовой розеткой трехрогой шляпе. Вид его был торжествен, но милостив. Встреченный в сенях хозяином, а в дверях парадных покоев княгиней, он обоим сказал приветливые слова. Казалось, ночной сцены никогда и не бывало.

Фаворитка ожидала его на обычном месте за пяльцами.

Император оставил свиту за три покоя отсюда. Он сказал родителям княжны, что просит их и госпожу Жербер оставить его на некоторое время с ней наедине для сообщения особой важности дела.

-- Княжна, -- сказал Павел Петрович, едва все удалились с низкими поклонами, не оборачиваясь лицом к дверям, -- княжна Анна, ваша судьба меня озабочивает и я питаю отеческую к вам нежность. Единственно, о чем мечтаю, видеть вас счастливой. Княжна, я прошу руки вашей для моего камергера графа Александра Рибопьера!

И Павел Петрович улыбаясь, с реверансом, протянул к ней руку. Но княжна, смертельно побледнев, вскочила и спрятала обе руки за спину.

-- Ваше величество, вы шутите!.. -- умоляюще сказала бедная девушка.

-- Почему же, княжна, почему же? -- беспечно отвечал государь. -- Неужели мой камергер, которого я лично сватаю, недостойн вашей руки?!

-- О, это великая честь для меня, великая! И я благодарна вашему величеству... Я вами облагодетельствована, как и мои родители. Но... какая же мы будем пара? Граф Рибопьер еще мальчик. Ему шестнадцать лет, а мне уже двадцать. Я на четыре года его страше.

-- Что же из того? Вы будете брать над ним верх, заберете его в свои прелестные ручки. К тому же это юноша благоразумный и полный достоинств. Он так прекрасно танцует вальс. Когда вы будете за ним замужем, то можете хоть целыми днями предаваться любимому развлечению.

-- Ваше величество, вы смеетесь надо мною! -- в отчаянии вскричала княжна. -- Пожалейте меня бедную! Я не люблю Рибопьера. Я не могу выйти за него замуж.

-- Вы еще неопытны, княжна, -- спокойно сказал император. -- Брак не требует страстной любви, но более благоразумия и благословения родителей. А я не сомневаюсь, что родители ваши сей брак благословят. Сердце ваше свободно. Но граф вам приятен. Он весьма красив, весел, учтив, с очаровательным характером. Незаметно приязнь ваша обратится в нежнейшее чувство. Что же может быть препятствием к сему союзу? Разумных причин не видно, а неразумных слушать не хочу.

-- Ваше величество, умоляю вас, не требуйте этого от меня! -- в тоске сказала княжна Анна. -- Лучше позвольте мне, несчастной, идти в монастырь.

-- Монастырь? Опять монастырь?! Вальс и... монастырь. Значит, и опять может быть вальс? Нет, княжна, мое решение неизменно. В отказе вашем вижу одно легкомыслие и упрямство. Сейчас я переговорю с вашими родителями..

И государь пошел из покоя.

Княжна бросилась за ним, упала на колени и схватила его руку:

-- Государь, отчаянно говорила она, -- смилуйтесь! Я не могу идти замуж... Это невозможно. Не требуйте этого... Есть препятствие... О, не требуйте, чтобы я вам открыла тайну, которая не позволяет мне исполнить священную вашу волю, благодетель мой! О, сжальтесь над бедной девушкой, которая никогда не мечтала быть так приближенной к особе вашей! Пощадите меня! Пощадите моих родителей!

Княжна ломала руки.

-- Что такое? -- строго сказал Павел Петрович. -- О какой тайне изволите вы говорить? Какая тайна может быть у молоденькой беспечной девушки? Все это басни. Все упрямство. То вы хотите идти в монастырь. Теперь придумали какую-то тайну. Все это обычные глупости у юных, неопытных, но своевольных особ. Пустите меня, княжна. Я сейчас переговорю с вашими родителями и...

-- Государь, не делайте этого! Я не могу идти замуж! Иначе стану клятвopеступницей! Я... обручена уже другому!

Княжна стояла на коленях перед государем и закрывала лицо руками.

Павел Петрович угрюмо смотрел на нее. Казалось, открытие этой тайны очень мало его удивило.

-- Вы обручены другому? -- медленно переспросил он. -- Кому же?

-- Князю Гагарину, -- прошептала княжна. И, открыв лицо, робко, огромными, полными слез глазами умоляюще посмотрела в холодное лицо императора.

-- Вы обручены с князем Гагариным? Это, конечно, тот самый, имя которого прочел я вам в списках раненых?

Княжна молча кивнула головкой.

-- Так вы с ним обручены? И давно?

-- Ваше величество, мы с детства были дружны... И вот уже три года, как я обручена с ним тайно.

-- И вы скрыли это от меня? И когда я спрашивал вас о чувствах ваших к раненому, вы мне солгали? О, Лилит!

-- Виновата, государь, виновата! -- прошептала княжна, опустив низко голову и все стоя на коленях.

Император прошелся молча взад и вперед по комнате. Вдруг он сиповато запел:

J'ai perdu mon Eurydice!

Rien n'égale mon malheur!

Mortelle silence!

Vaine espérance!

Quelle souffrance

Déchire mon coeur! []*

[] - Я потерял мою Эвридику. Ничто не может сравниться с моим несчастьем. Мертвое молчание! Тщетная надежда! Какая скорбь раздирает мое сердце!*

Император горько рассмеялся.

-- Встаньте, княжна, -- сказал он потом кротко. -- Я не хочу насиловать ваши наклонности. Предположим, что излишество девичьей стыдливости помешало вам сразу сказать мне правду. Тут нет ничего удивительного. Женщина есть женщина. Вы любите князя Гагарина. Вы с ним обручены. Пусть! Сейчас пошлю в итальянскую армию фельдъегеря справиться о состоянии здоровья вашего нареченного и с повелением, как только восстановится в силах, возвратиться в Россию. Хочу быть творцом вашего счастья. Есмь вам императорскою милостию нашею благосклонным.

И Павел Петрович вышел церемониально из покоя, напевая сквозь зубы:

J'ai perdu mon Eurydice!

Rien n'égale mon malheur!

Часть 3

Quel temps! Quel pays! Quelle jolie ville! Quelles bonnes gens! Quel paisible gouvernement! Quelle liberté! Que j'ai bien fait, ne pouvant rester avec vous, d'être venu dans cette antichambre du paradis!

(Какая погода! Какая страна! Какой милый город! Что за славные люди! Что за миролюбивое правительство! Какая свобода! Как хорошо я сделал, что, не имея возможности остаться с вами, прибыл в эту прихожую рая!)

Comte Fédor Golovkine. Portraits et souvenirs

De Paris au Bengal,
Du Perou jusqu'a Rome,
Le plus sot animal
A mon avis, c'est l'homme.

(От Парижа до Бенгала, от Перу до Рима самое глупое животное, по моему мнению, -- человек)

Anonyme

І. Кавалер посольства

Камергер граф Рибопьер получил записку от графа Федора Васильевича Ростопчина, приглашавшего пожаловать к нему для выслушания высочайших распоряжений относительно дальнейшей службы.

-- Одеваться! -- крикнул "маленький" Саша в восторге.

Он не сомневался, что граф Ростопчин сообщит ему о пожаловании его в мальтийские командоры. Наверное, Лопухина уже попросила за него. Что ей стоит? Он знал, что и отец хлопотал о помещении его в канцелярии верховного совета ордена.

В новой только что сшитой статской форме, с ключом позади, в шляпе с плюмажем, важно поехал шестнадцатилетний камергер, стараясь придать физиономии дипломатическое глубокомыслие.

Но весеннее утро было так ясно, так вольно дышала грудь бурным, но теплым веянием со взморья, освободившаяся от ледяных оков Нева так величественно ширилась в берегах, вся усеянная судами и лодками, так весело трепетали разноцветные флаги на мачтах, столько народа толпилось, особенно у пристаней, где шла разгрузка привезенных товаров и с криками таскали крючники ящики, катили бочки и бочонки, столько встречалось товарищей-гвардейцев, гарцевавших на великолепных жеребцах, столько знакомых и незнакомых дам и девиц, разряженных, хорошеньких, со сверкающими глазками, смеющихся, в кабриолетах попадалось навстречу, что юный камергер забыл напускную важность и, улыбаясь, высовывался из окна кареты и раскланивался, размахивая шляпой с плюмажем, причем парик его трепетал косой с огромным бантом из широких лент, концы которых носились по воздуху и бились, точно на затылке молодого человека сидела живая, огромная бабочка.

При этом Рибопьер имел удовольствие услышать громкое замечание одной великолепной, подобной Юноне, красавицы:

-- Этот малюточка уже камергер!

Замечание укололо камергера; он спрятался в глубину кареты, надвинул на нос шляпу, опять соорудил глубокомысленную физиономию и услышал серебристый смех прекрасной незнакомки.

С окном кареты поровнялся полковой товарищ Рибопьера на вороном жеребце, и, заглянув внутрь, крикнул:

-- Сашка, тебя ли я вижу? Что ты насупился, как мышь в крупу? Куда ты едешь, обезьяна?

-- Оставь, братец, -- с досадой отвечал мальчик. -- Я еду к Ростопчину по важному делу.

-- Черт тебя возьми! Ты в самом деле стал чернильной душой! Придешь, что ли, вечером к Долгоруковым танцевать вальс с княжной?

-- Вероятно, буду, но более, чтобы благодарить княжну, нежели для танцев, -- важно ответил камергер. Она, брат, кажется, мне командорство добыла! -- не утерпел мальчик, чтобы не похвастаться.

-- Ого! Поздравляю! Поздравляю! -- закричал всадник. -- Ну, прощай, обезьяна! Не забудь нас при гласить вспрыснуть командорство!

-- Прощай, брат, прощай, -- кивнув шляпой, небрежно ответил командор.

Приемные графа Ростопчина полны были народом, когда в них появился юный камергер. Поднялся шепот. Замечая насмешливые улыбки, Саша покраснел и, стараясь придать себе величие и глубокомыслие, даже прихрамывая на одну ногу, словно старый подагрик, проследовал в кабинет министра без всякого доклада.

Он был здесь свой человек.

Ростопчин сидел за горами бумаг, когда Саша вошел к нему. Он поднял голову, сначала рассеянно окинул взглядом, потом всмотрелся и вдруг расхохотался.

-- Покажись! Покажись! -- сказал он. -- Повернись, пожалуйста! Великолепно!

-- Ну что ж тут смешного, граф! -- с досадой сказал Саша Рибопьер и вдруг, не выдержав тона напряженной серьезности, сам расхохотался.

-- Вот что, однако, господин камергер, -- перестав смеяться, озабоченно сказал Ростопчин. -- Я вызвал тебя, чтобы сообщить волю государя.

-- Я произведен в мальтийские командоры? -- не утерпел Саша и подсказал Ростопчину.

-- В командоры?! Э, нет! С чего ты это взял? Я получил приказ государя императора ехать тебе немедленно в Вену кавалером русского посольства. Я за тем и вызвал тебя. Выехать ты должен в три дня. Родителя твоего я еще не уведомил. Да ты сам расскажешь. Вот что, господин камергер.

-- В Вену! Кавалером посольства? -- сказал, пораженный, мальчик, но ведь это ссылка! За что же? Я полагаю, что был бы полезнее здесь, в канцелярии верховного совета ордена, и во всяком случае.

-- Что ты полагаешь, можешь при себе оставить, -- перебил Ростопчин. -
- Это не высылка, а монаршая милость. В Вене живет весело Я знаю сей городок Ты получишь там отделку окончательно отшлифуешься в высшем обществе Европы. При посольстве иметь будешь и занятия, которые образуют твой слог. Я дам тебе письмо к нашему послу Андрею Кирилловичу Разумовскому. Но тебя к рукам приберет супруга его, графиня Елизавета Осиповна. Да что ты смотришь сычом? Я на твоём месте плясал бы от радости! После Парижа самый изящный и веселый город Европы -- это Вена.

Но камергер стоял, повеся голову, и слезы готовы были кануть из опущенных его глаз.

-- Э-э-э! Да нет ли у нас здесь какой-либо присухи! -- сказал пронцательный дипломат. Верно, наше сердечко приковано золотой цепочкой к прелестям какой-либо красотки! Ну, да в шестнадцать лет не бывает прочных привязанностей! Да и красавицы в Вене затмят северных прелестниц! Там ты познакомишься с тремя дочерьми принца де Линя, графиней Кларой, графиней Фефе-Пальери и графиней Флорой Вербна -- истой богиней цветов! А несравненная София Замойская! А Красинская! И сколько других! Жизнь в Вене, друг мой, протекает, как упоительный сон.

Ростопчин стал прохаживаться по кабинету, обнимая одной рукой за плечи юного камергера и перебирая воспоминания о венской жизни и ее прелестях. Но Саша оставался печальным и унылым.

-- Ты говоришь, что тебя государь высылает! -- продолжал Ростопчин. -- То правда, что он твоим поведением крайне недоволен и именно для того и шлет тебя в Вену, чтобы ты в высшем аристократическом обществе этой столицы вкуса и утонченности научился приличиям.

-- Чем же я себя заявил? Каким неприличием прогневал государя? -- спросил удивленный мальчик.

-- Каким? Ты вчера с Лопухиной вальс танцевал?

-- Танцевал.

-- Ну, вот! А знаешь ли ты, что в это время государь тайно стоял за ширмами и все видел?

-- Не знаю. Но что же мог видеть государь? И чем быть недоволен? Ведь он мне сам приказал всегда с княжной вальс танцевать?

-- Приказал. А как ты ее держал?

Рибопьер ударил себя по лбу и побледнел, как полотно.

-- Я пропал! -- вскричал он.

-- А-а-а! Теперь вспомнил!? Ты княжну по-модному держал за талию обеими руками, она же свои ручки кинула тебе на плечи, и вы смотрели друг другу в глаза! А государь все это видел и... произвел тебя в камергеры и посылает кавалером посольства в Вену! Благодарите же Создателя и милосердие его величества!

Ростопчин рассмеялся. Через силу улыбнулся и Саша Рибопьер.

-- Не то ли печалит тебя, -- сказал министр, -- что тебе уже не придется глядеть в черные глазки милой танцорки? Э, брат, в Вене заглянешь в такие очи, что все прочие забудешь!

-- Граф, вы заблуждаетесь, -- важно отвечал мальчик. -- Княжна мой друг, это правда. Но и только. Никакой нежнейшей связи между нами нет. Подлинно, однако, предстоит мне разлука с той, перед которой благоговею, на которую едва смею поднять взор, за которую рад бы умереть! Она недоступна, она слишком высока для меня. Но забыть ее... Нет! Никакие красавицы Вены не изгладят ее царственного образа из моего воображения и сердца! Ей одной я буду предан до гроба! Но это тайна и... она умрет в груди моей! -- пылко воскликнул камергер.

-- Не буду выпытывать сей тайны! -- смеясь сказал Ростопчин. -- И если красавица твоя слишком еще высока для тебя, то, надеюсь, за пребывание в Вене ты подрастешь и разница между вами будет уже не столь разительна. Но полно болтать глупости. У тебя три дня сроку. Сообщи отцу и потом приготовляйся. Сейчас я еще покончу с бумагами и с некоторыми посетителями. Ты же ступай в столовую и прикажи подать тебе покушать. Да в салоне на клавесине лежит флейта и новый романс. Можешь его просвистать под сурдину. Когда кончу дела, поеду с тобой к канцлеру князю Безбородко. Пусть благословит нового камергера и кавалера посольства! Ступай!.. Постой, впрочем. Ты не один поедешь. Император приказал состоять при тебе дядькой Дитриху, знаешь? Старый копченый немец, кавалерийский офицер.

-- Как! Неужели же я в Вене буду расхаживать с дядькой? -- сказал удивленный Саша Рибопьер.

-- Непременно. По высочайшему повелению сей дядька Дитрих имеет тебя всюду сопровождать, чиня смотрение прилежное за твоим поведением и о сем постоянно рапортует государю императору, -- отвечал граф Ростопчин.

-- Но ведь это ужасно! -- сказал совершенно обескураженный камергер. -- Я, камергер и кавалер посольства и вдруг дядька, как у мальчика!

-- Такова есть воля монаршая! -- важно склоняя голову, сказал Ростопчин.

-- Но это ни на что не похоже! Все надо мной будут смеяться... Все дамы. Это ужасно! Кавалер посольства, камергер и., сзади дядька! И представьте долговязую, плохо бритую фигуру старого Дон Кихота, пропитанного скверным кнастером, с длинным носом... Ведь Дитриху сто лет... Ах, какое свинство! -- чуть не плакал опять бедный камергер.

-- Ну, мне некогда с тобой разговаривать дальше, -- перебил строго граф Ростопчин. -- Иди завтракай. А потом к Безбородке.

-- Я не хочу завтракать! -- крикнул Саша, убежал в соседний салон, бросился как был с ключом на софу ничком и, зарыв лицо в подушку, горько разрыдался.

Поплакав, камергер успокоился и вдруг почувствовал аппетит. Приказал подать завтрак, вспомнив наставление Ростопчина, и даже затем посвистал на флейте от скуки, пока граф, наконец, покончил с самонужнейшими делами и сел с ним в карету У канцлера они проведены были немедленно в богатейшую галерею картин, антиков и разных художественных, редкостных и драгоценных вещей.

Там канцлер князь Безбородко занят был в кругу близких приятелей, высоких ценителей искусства -- развенчанного польского короля Станислава-Августа Понятовского и художника Тончи рассматриванием планов нового своего дома, предполагаемого к постройке в Москве, представленных на одобрение князя архитектором итальянцем Джаиакомо Гваренги.

Огромная голова князя на огромном туловище поражала лепкой черепа и широкого лба. Он сидел, положив толстую ногу в чулках на толстое колено другой ноги. Жирный, огромный мопс, имевший некоторое сходство с хозяином и тоже с чрезвычайно умным выражением безобразной своей морды, неподвижно сидел у подножки кресла.

-- Здоров будь, граф, -- приветствовал канцлер низко кланявшегося Ростопчина. -- А шо-с за птица с тобой? -- продолжал он со своим малороссийским акцентом.

Ростопчин представил камергера, доложив канцлеру, что государю благоугодно отправить его кавалером нашего посольства в Вену, и что он почел долгом явиться, дабы получить руководящие для себя указания.

Князь уставил широкий лоб и огромные глаза свои на мальчика, сохраняя глубочайшую серьезность, и как бы оценивал будущее стоявшего" перед ним кавалера.

-- Да, да, то як же, слышав про хлопца, слышав! Подождите, одначе, тут архитектор рассказывает. Новый дом задумал строить в Москве.

-- И нынешний московский ваш дворец -- несравненное произведение вкуса, -- сказал Понятовский.

Польский король был известнейший любитель и лучший знаток изящного своего времени.

-- Да, граф, -- обращаясь к Ростопчину, продолжал король, -- во всей Европе не найдется другого подобного ему в пышности и убранстве. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья. Если взять на сравнение Сен-Клу, то смело скажу, в московском дворце князя и более пышности, и более вкуса. Золотая резьба работана в Вене -- верх совершенства! Лучшие бронзы куплены у французских эмигрантов. Не могу забыть особенно парадный буфет в обеденной зале и множество прекрасных сосудов, золотых и коралловых, на уступах оного. Обои чрезвычайно богаты! Китайские мебели прекрасны!

И старый король принялся описывать обед, которым угостил его канцлер, перечисляя все кушанья, с подробностью останавливаясь на их достоинствах и на совершенствах сервировки.

-- Чрезвычайная пышность! -- восклицал король. -- Воображение повара, который, между прочим, приготовил и славную Сарданапалову

бомбу с эпикуровым соусом, изобретенную кухмистером Фридриха Великого, истощило все свое богатство! Везде курились драгоценнейшие благовония и все десертные блюда покрыты были хрустальными колоколами с прекрасными фигурами!

Безбородко наклонил огромное ухо и толстую щеку в сторону Понятовского, но лицо его сохраняло то же величавое глубокомыслие и невозможно было угадать, доставляют ли ему удовольствие похвалы короля.

-- Сарданапалова бомба с эпикуровым соусом! -- сказал художник Тончи. -- Я предпочитаю печеный картофель с солью.

-- А я -- цыбулю печеную, -- вдруг вымолвил Безбородко и обратился к Гваренги.

Архитектор стал продолжать объяснение планов, огромные свитки которых лежали перед канцлером на малахитовом круглом столе.

Он рассказывал на странном французском языке об устройстве садов и парков при доме и, увлекаясь, с итальянской живостью и пафосом живописал необыкновенные красоты своего создания.

-- Главной достопримечательностью садов будут развалины, -- объяснял Гваренги, произнося французские слова по-итальянски.

-- Гроты и колоннады? -- спросил Ростопчин.

-- Что гроты! -- с презрением сказал Гваренги. -- В нашем саду будут настоящие классические руины в греческом и римском стиле. Акрополь и Капитолий! Акрополь и Капитолий! -- восклицал архитектор.

Он пустился в подробные описания грандиозного плана перенести в Москву руины античной древности, обелиски, колонны, храмы, термы, амфитеатры и все это сочетать с таким вкусом, так утопить в зелени садов и парков, чтобы в самом деле здесь казалась погребенной и восстающей из гроба вся древность!

Все уже были истомлены грандиозностью фантазии, выполнение которой требовало бесчисленных рук и миллионов и казалось под силу только фараону, но никак не обитателю сермяжной и лапотной Руси, хотя бы и канцлеру, а увлекающийся архитектор, блистая глазами, исполненный вдохновения, все продолжал итальянско-французские объяснения. При этом он так махал руками и подсакивал, чертя на воздухе и как бы осязая формы своих грядущих творений, что несколько раз толкнул огромного мопса, сидевшего у ног Безбородки.

Мопс, наконец, недовольно зарычал. Канцлер сейчас остановил объяснения Гваренги, сказав, что он дослушает в другой раз. Итальянец, огорченный и обиженный, умолк, собрал свитки и вышел.

-- Вот счастливейший и богатейший в мире человек! -- сказал Тончи. -- Еще вашему сиятельству предстоят многие затраты на осуществление сих планов, а при том всякие неудовольствия и затруднения. Между тем, его фантазия все в минуту произвела в действие и превратила в обладателя невиданных дворцов, садов и развалин. Но что такое вся жизнь наша? Сон. Все вещи нам только кажутся, мечтаются. И сны воображения нашего не менее действительны, чем все нас окружающее. Но в них

больше совершенства, того вечного совершенства, которое дает истинное блаженство.

-- Я знаком с философией вашей хорошо, -- сказал король Станислав-Август. -- Ею вы нас с королем Людовиком XVIII и благородной дочерью мученика Капета Елизаветой Французской в Митаве утешали.

-- Ваше величество говорите истину, -- подтвердил Тончи. -- Моя система дает высшее утешение человеку и, кроме того, сближает его с самим Творцом -- *le met nez á nez avec Dieu!* Но в Митаве, если ваше величество изволите припомнить, я еще вас утешал чтением "Divina Comedia" Данте!

-- Да! да! -- улыбаясь, подтвердил Станислав-Август.

И ему представилось, как страдали они от нестерпимой сырости, холода и угара, от дымивших, неисправных печей в деревянном длинном одноэтажном дворце Анны Иоанновны в Митаве. Два лишённые трона короля и дочь Людовика XVI, пережившая казнь родителей, ужасы заключения в Тампле под присмотром санкюлотов, найдя убежище у могущественного русского императора, вели скучную, однообразную, по внешности парадную, но исполненную всевозможных лишений жизнь в скучном немецком городке.

Тончи действительно помогал им забывать свои горести, развивая возвышенную платоническую и пантеистическую философию и читая с ними терцины Данте.

-- Могу доставить удовольствие вашему величеству, -- сказал Безбородко, -- приехали две медные группы славного Жирардена, которые Кольбером были представлены Людовику XIV.

Он приказал принести группы.

Одна изображала похищение Плутоном Прозерпины, другая же Оретия -- Бореем.

Понятовский принялся изучать дивные произведения, пускаясь в подробные исчисления их художественных достоинств.

-- Ну, а теперь поговорим и с молодым кавалером, едущим в Вену! -- обращаясь к Рибопьеру, сказал Безбородко. -- В чем вас наставить, юноша? Вена город отличный. Много там народа.

И Безбородко стал рассказывать, будто читая по книге, родословную всех венских вельмож, все тонкости отношений, скандальную хронику, описывал их обстановку, быт, особенности и недостатки, определяя, кому какие подарки должно подносить, если придется хлопотать по важному делу. Все это он пересыпал хохлацким юмором, сохраняя неизменное глубокомыслие.

Все заслушались картинных описаний канцлера, и, в самом деле, Рибопьер в час времени получил полное и всестороннее представление о высшем венском обществе, куда бросали его судьба и воля императора Павла.

-- Ваше сиятельство являете лучшее подтверждение моей системы о могуществе воображения человеческого, -- сказал Тончи, когда канцлер умолк и стал нюхать из осыпанной бриллиантами табакерки. -- Вы

населили свою библиотеку двором и аристократией венской, и мы все видели сие избранное общество во плоти перед собою. Так и все дворы Европы в вашем воображении содержите и приводите в движение политику всего света. А между тем никогда не выезжали из России.

Царевна Селанира

Трехдневный срок, данный государем на выезд в Вену камергеру Рибопьеру, был едва достаточен, чтобы собраться, сделать некоторые прощальные визиты, выпить вина с полковыми товарищами, выслушать родительское наставление, отслужить молебен "в путь шествующему" и т. д. и т. д.

Приставленный от императора к господину камергеру и кавалеру посольства дядька Дитрих согласился скрыть истое свое звание. Камергер с ним условился, что будет называть его своим "другом" по недостаточности средств путешествующим на счет Рибопьера, но зато делящимся с ним обширны ми научными познаниями. Дитрих улыбнулся во весь щучий рот свой, сморщив изрытые оспой щеки, когда услышал о научных познаниях, ему приписываемых. В совершенстве он знал только старый кавалерийский устав саксонской службы.

Желая проститься с княжной Анной, камергер граф Рибопьер в мундире с ключом и шляпой с плюмажем явился к Долгоруковым, но от них узнал, что Лопухина больна, знает об отъезде милого Саши, заочно с ним прощается и желает счастливого пути и всяких успехов в Вене. Так он и не увидал княжну.

Но другой образ заполнял воображение пылкого кавалера посольства. С трепетом ожидал он прощания с той высокой особой, к коей питал возвышенно-платоническое чувство благоговейного обожания. Но и тут не пришлось ему лично проститься, на что он так надеялся. Поверенный сердечной его тайны, военный министр генерал-адъютант граф Ливен, получивший министерский портфель двадцати двух лет от роду и пользовавшийся полным доверием и милостью императора, накануне отъезда камергера прибыл к нему и передал, что посетить Гатчину куда уже переехал двор, никак отъезжавшему нельзя, и что он не увидит Селаниры. Этим псевдонимом, взятым из романа, написанного Марией, принцессой Вюртембергской, обозначали они высокую особу предмет обожания Рибопьера. Мальчик побледнел и схватился за сердце, выслушав жестокое известие.

-- Не крушись, милый рыцарь, -- улыбаясь, сказал ему военный министр. -- Знай, что платоническое твое обожание нравится и принимаемо благосклонно, в уверенности, что глубокая скромность не позволит даже намека, разглашающего о сем чистом и священном чувстве.

-- Эта тайна умрет в груди моей! -- пылко сказал Саша. -- О, Селанира! Селанира! Ты мое божество! Тебе посвящены все мечты мои! Служить тебе, умереть у твоих ног -- мое единственное желание!

-- Селанира настолько доверяет тебе, что посылает свой портрет и пакеты, которые ты должен доставить по назначению, -- сказал Ливен, открывая бывший при нем портфель.

-- Портрет! Селанира посылает мне портрет свой! -- восторженно сказал Саша Рибопьер. -- О, покажи, покажи!

Ливен достал футляр и передал его другу. Саша раскрыл и нашел там медальон с чудесной миниатюрой, Юная, царственная красавица, подобная лилии, изображена была с совершенным искусством. Античный, тонкий профиль, прелестная головка с золотистыми локонами, которые переплетали нити жемчуга, с цветком около изящного ушка, высокая, лебединая шея, почти девственно круглившаяся под нежной, прозрачной тканью хитона грудь, дышащая совершенством, все восхитительно было в образе Селаниры. С благоговением преклонив колени, юный паладин осмелился прикоснуться устами к изображению своей дамы и, сейчас же надев на шею медальон, спрятал его на груди.

Ливен с сочувственной улыбкой смотрел на это. Потом достал два пакета.

-- Вот, милый друг, -- сказал он затем, -- и поручение от царственной Селаниры. Вот два пакета. Ты поедешь в Краков и там явишься к старой княгине Изабелле Чарторыйской, рожденной графине Флеминг.

-- Мать князя Адама? "Матка ойчизны"? Я знаю, знаю! -- живо перебил Саша Рибопьер.

-- Да, "матка ойчизны"! Но не суетись, а слушай. Видишь этот пакет? На нем нет никакой надписи. Но он запечатан, и на печати изображение. Видишь? Амур, кормящий Химеру. Ты отдашь пакет старой Изабелле Чарторыйской, а она, в свою очередь, даст тебе пакет, тоже без всякой надписи, и тоже запечатанный -- только изображение будет обратное: Химера, кормящая Амура. Понял?

-- Понял, понял!..

-- Запомнил?

-- Да, да. Запомнил. Амур, кормящий Химеру Химера, кормящая Амура. Запомнил.

-- Приехав к княгине, ты прямо так и можешь ей сказать -- конечно, наедине, -- что привез пакет от Амура -- Химере. Тогда она не будет знать, как и посадить тебя. Ну, слушай дальше. Вот другой пакет. Он тоже без всякой надписи, но на печати -- видишь -- плакучая ива и разрушенный алтарь. Этот пакет и тот, который получишь в Кракове от княгини Изабеллы Чарторыйской, ты отвезешь в Вену и там передашь принцессе Марии Вюртембергской. Кроме того, ты познакомишься там и с сестрой ее, Софией Замойской, рожденной княжной Чарторыйской. Ты ей только скажи, что привез привет из Гиперборейского края от царевны Селаниры, из старого Кракова от "матки ойчизны". И будешь принят, как друг и брат. Пакеты зашей в подкладку камзола и не расставайся с ними ни днем, ни ночью. Ну, милый друг, бери и помни -- тебе вверяется великая тайна! Будь же достоин оказываемого тебе доверия!

-- Клянусь, что буду его достоин и в точности выполню поручение, которое на меня возлагает Селанира! -- сказал Саша Рибопьер, пряча пакеты.

-- Ты вступаешь на дипломатическое поприще, -- продолжал военный министр, -- и вот сейчас же получаешь весьма важное поручение, едешь курьером Селаниры. От того, как исполнишь ты сие первое поручение, вся будущность твоя зависит. Я знаю, тебе не хотелось ехать из России. Но чем дольше ты пробудешь в Вене, тем лучше. Должны разрешиться великие события, которые назревают. Так продолжаться долго не может. Но говорить об этом нельзя, да и думать даже не следует. Милый друг, если ты обожаешь Селаниру, то должен обожать и ее супруга, нашего Феба, нашу надежду, грядущее солнце России! Ах, помнишь ли ты, как Селанира принимала православие? Elle fit à haute voix, au milieu de la chapelle du palais, sa confession de foi. Она громким голосом, среди дворцовой церкви, исповедовала веру. Помнишь это? Впрочем, ты был тогда совсем дитя!

-- Помню ли я это! Мне было тогда уже 12 лет! -- обиделся камергер. -- Она была прекрасна, как ангел. На ней было розовое платье, вышитое большими белыми розами с белой юбкой, вышитой такими же розами, только алыми!

-- Да! Да! Смотрите, он отлично все заметил!

-- Pas un diamant et ses beaux cheveux blonds flottants!

-- Да, да! Ни единого брильянта и распущенные белокурые прекрасные волосы!

-- C'était Psychè!

-- Да, да! Это была Психея! На свое несчастье, Селанира воспиталась, при маленьком дворе, где достоинство обхождения являлось следствием достоинства души, где под особливим влиянием просвещеннейшей матери разум ее опередил года, а французская эмиграция отпечатлела изящество и вкус во всем ее существе. И вот, такое существо должно терпеть нравы старой прусской кордегардии. Это ли не ужасно.

-- Истинно ужасно! -- с жаром подтвердил Саша Рибопьер.

-- Я тебе доверяю тайну, -- продолжал Ливен. -- Державный свекор под предлогом, что Селанира ему напоминает его первую жену, может быть, питал к ней более чем отеческие чувства. Он в минуты гнева намекал слишком ясно сыну, что тот не достоин столь совершенной женщины.

-- Может ли быть! О, тиран! О, варвар! -- весь трепеща и пламенея, вскричал мальчик.

Ливен загадочно улыбнулся.

-- Милый друг, есть у тебя Плутарховы жизнеописания? -- спросил он.

-- Есть! -- сказал удивленный камергер.

-- Дай мне.

Книга была принесена. Ливен нашел ему нужную страницу.

-- Выслушай эти строки и отметь их. Пусть они будут для тебя светлым оракулом близкого грядущего! Слушай:

"Власть может доставить спасенье людям, успокоенье от бед только тогда, когда по воле свыше, на троне будет философ; когда добро окажется сильнее, восторжествует над злом. Ему, вскоре не придется действовать против толпы насилием или угрозами, -- видя в жизни самого царя ясный, блестящий пример добродетели, они охотно станут слушаться умных советов, и в любви и согласии друг с другом, помня о справедливости и праве, выберут себе новую жизнь, чистую и счастливую. К этой прекраснейшей цели должна стремиться каждая власть. Царь, который может дать такую жизнь, может внушить такие мысли своим подданным -- лучший из царей!"

IV. От Петербурга до Кракова

Саша Рибопьер выехал из Петербурга в начале весенней распутицы и половодья. Лошади и экипаж вязли в грязи, оси, колеса часто ломались; через реки переправлялись с опасностью для жизни. Но юный курьер, полный сознанием важности поручения, данного ему обожаемой им дамой, полный чистейшим чувством первой, рыцарской, возвышенной и бескорыстной любви, постоянно ощущая на груди своей вверенные пакеты, легко переносил все трудности путешествия, ночевки на грязных почтовых и постоялых дворах и даже главную трудность -- постоянный молчаливый надзор, скверный кнастер, кривую улыбку щучьего рта, изрытое оспой лицо с оловянными глазами и всю нелепую, высокую и худую, как шест огородный, фигуру старого немца саксонской службы Дитриха! Золотые мечты, очарованные сны вились вокруг юноши. Все занимало, поражало новостью. Всюду виднелось необыкновенное.

По мере того, как Рибопьер подвигался на запад, надвигалась к нему и весна. Наконец, оставил он и распутицу за собой. Его встретило самое лучшее время весны, пробужденная природа одевала поля и леса нежными покровами девственной зелени; скоро вступил он в царство цветов и соловьев. В Польше он останавливался в усадьбах магнатов, рекомендательными письмами к которым его снабдил бывший король Станислав-Август Понятовский.

Его принимали со всей любезностью, и скоро путешествие превратилось как бы в сплошной праздник, всюду устраивались в честь юноши пикники, танцы, всевозможные забавы. Польские паны и даже пани прилагали все старания, чтобы вскружить голову камергеру, адъютанту императора, столь близкому к самым высшим кругам петербургского двора и света. Но Саша Рибопьер выказал весь свой такт и раннюю привычку, как бы инстинкт, к различению людей, проявил полное умение найтись при всех обстоятельствах. Единственная уязвимая сторона его был дядька Дитрих, которого он, наконец, возненавидел всей душой. Неизменное появление вслед за юношей огородного этого пугала всюду вызывало вопрос шепотом:

-- Кто это с вами?

-- Это... это... Это мой друг Дитрих! -- заикаясь, шептал в ответ бедный камергер и с горестью видел, что слова его не внушают доверия, а скоро за тем слышал и с улыбкой произносимое вполголоса роковое:

-- Это его дядька!

Отделаться от Дитриха было решительно невозможно. Ничто не могло его подкупить и отвлечь от исполнения возложенного на него высочайшею волею долга. Он стоически переносил проказливые проделки молодежи, храня косую улыбку на изъеденной оспой физиономии, и неизменной тенью следовал за Рибопьером. Никаких слабостей, видимо, он не имел. Его невозможно было даже подпоить. Кроме жидкого пива, он ничем не соблазнялся. С отчаянием помышлял Саша о Кракове и Вене, где появление его с дядькой само по себе было невозможным диссонансом, убивавшим прямо его придворное и дипломатическое звание. И как он исполнит возложенные на него поручения, если ненавистный соглядатай будет следовать по его пятам! Пробовал он ссориться с Дитрихом. Кавалерист саксонской службы улыбался. Пробовал просить просто не пускать его в гостиную и отводить отдельное помещение. Дитрих неизменно замечал деревянным своим голосом, на странном немецком, явно нелитературном наречии, что, вынуждаемый отступить от высочайше преподанных ему инструкций, о сем имеет он послать донесение его величеству. Рибопьер оставлял его в покое и забывался в бурном вальсе с ясноокими польскими пани. Еще разгоряченный танцами, из ярко сиявших зал магнатских "палацов", полных серебристым смехом юных красавиц и упоительными звуками оркестров, садился он с Дитрихом в карету и мчался в ночной прохладе, тишине и сумраке весенней мягкой ночи, погруженный в сладкое полузабытье, мешая прелестные сны с не менее восхитительной действительностью.

В Кракове, однако, Дитриху положен был непереходимый предел этикетом потомков Ягеллонов, князей Чарторыйских. Несмотря на протесты дядьки, он принужден был довольствоваться наблюдением за камергером только во время его утреннего одевания. Прочую часть дня Саша был для старого немца незрим, а за столом Дитриха посадили с учителями.

Таким образом, Саша мог исполнить возложенное на него поручение. Старая княгиня Изабелла, "матка ойчизны", приняла его, едва он сообщил ей переданный Ливеном лозунг. Княгиня много расспрашивала о "se von roi Stanislas", мать польского короля Станислава-Августа Понятовского была Чарторыйская, родная сестра князя Адама-Казимира Чарторыйского, палатина литовского, старосты подольского, отпрыска Ягеллонского королевского дома. Княгиня Изабелла много рассказывала о своих сыновьях, Адаме и Константине и, в особенности, о дочери, Марии Вюртембергской, бывшей в разводе с мужем. Она подробно описывала и этот брак, и роковой развод. Принц Людвиг Вюртембергский, второй сын принца Вюртемберг-Монтбелиар, безумно влюбился в княжну Марианну Чарторыйскую, тогда шестнадцатилетнюю

красавицу. Но княжна и происходила от Ягеллонов и приходилась племянницей последнего польского короля; находили, что короли по избранию не могут стать на одном ряду с домами, царствующими наследственно и вступившими в тесное родство с русским императорским домом.

Старая княгиня глубоко возмущалась тем взглядом, что короли по выбору чем-то уступают наследственным королям. "Матка ойчизны", ярая полька, она развивала либералистические идеи, доказывая, что короли по выбору народа всегда ближе к народным нуждам, чем наследственные. Избранники народной воли или воспитанники замкнутых дворцовых сфер?!.. Княгиня Изабелла с гордостью повествовала о том, что "великие истины" французской революции впервые, раньше всех народов Европы и самих французов, воплотились в польской "золотой свободе". Воспитанный в строгих взглядах абсолютизма, Саша Рибопьер оторопел и как бы несколько угорел от вольномыслия старой княгини. Он не нашелся, однако, что возразить. А княгиня с восторгом отозвалась о великом князе Александре Павловиче, который в разговорах с ее сыном Адамом не раз высказывал прямо ненависть к самовластию, находил права наследования престолов несправедливыми, как основанные не на воле народа, а на слепой случайности рождения, и вообще воспринял самые передовые взгляды, "великие истины" свободы, равенства и братства. Несколько непоследовательно княгиня после этого заявила:

-- Le sang royal qui coulait dans nos veines est digne de se meler a celui de tous les princes de l'Europe! (Королевская кровь, которая течет в наших венах, достойна смешаться с кровью всех государей Европы).

V. Фантом жизни принца де Линь

В то время как соседние страны уже потрясло молниеносное возникновение из недр революции первого консула Наполеона Бонапарта, и там несбыточные идеологии сменил дух нашествия и разложения, более благородно именовавшийся военным духом. Вена еще жила старой беспечной, изящной жизнью и, занимаясь кабинетной дипломатией и кабинетной стратегией, соблюдая строгий этикет, в то же время предавалась тонким наслаждениям культуры. Никогда, быть может, высшее общество Вены не насчитывало столько блестящих людей, талантов, ученых! Никогда, быть может, это общество не пленяло большим разнообразием прелестнейших женщин! Огражденная победами Суворова от непосредственной опасности, Вена полагала, что опасность уже прошла. Весьма немногие дальновидные умы видели всю связь причин и следствий и предугадывали главные черты эпопеи наполеоновской карьеры и реставрации французской монархии, которые таились в грядущем. Между ними, конечно, виконт Талейран. Русское имя в Вене стояло в эту эпоху чрезвычайно высоко.

Старая Вена, окруженная зелеными, цветущими предместьями, жила легкой жизнью олимпийцев над сверкающими водами Дуная.

Рибопьер приехал в Вену, когда первые, блистательные шаги старого Суворова в северной Италии уже наполняли надеждой союзников.

Русский посол граф Андрей Кириллович Разумовский занимал великолепный дом на Ланд-штрассе, предместье, расположенном на правом берегу Дуная.

Он наилучшим образом принял юного камергера, а кавалера посольства Сашу Рибопьера; расспрашивал его о петербургских знакомых и, конечно, понизив голос, спросил и о печальной фигуре, вслед за ним вошедшей, как неотступная тень, в кабинет посла.

-- Это... это мой друг Дитрих! -- вспыхивая, отвечал Рибопьер. Ужасная минута наступила! Неужели ненавистное чучело будет сопровождать его в Вене по улицам! Да он станет общим посмешищем!.. Неужели он всюду будет за ним таскаться, на балы, вечера!

Бедный мальчик шепотом сообщил послу о своем ужасном положении.

-- Этот Дитрих дядька или, лучше сказать, шпион, приставленный ко мне! Ради Бога, избавьте меня от мучителя!

Сидя на отдаленном стуле, саксонский служака улыбался щучьей своей физиономией.

-- Не беспокойтесь, -- сказал громко посол, -- я это устрою.

Затем он повел Рибопьера на половину супруги Дитрих поднялся и тоже хотел за ними двинуться, но посол приказал ему на немецком языке остаться в кабинете и ждать его возвращения. И Дитрих повиновался. Жена посла -- Елизавета Осиповна, рожденная графиня Тун-Гогенштейн-Клестерле приняла самое горячее, прямо материнское участие в хорошеньком, пленительно веселом, тонко воспитанном, умном мальчике, заброшенном в новую для него обстановку, в незнакомую столицу.

Она сказала, что сама всюду его представит и для начала повезла к своим сестрам -- княгине Лихновской и леди Кленвильям.

Между тем, действительно, весьма краткой беседы посла с дядькой Дитрихом оказалось достаточно, чтобы он согласился, проживая в посольском доме, не докучать излишеством надзора за молодым человеком, за которого перед императором готов отвечать сам посол. Мало того, Дитрих обязался свои рапорты о поведении камергера и кавалера посольства представлять на просмотр послу.

Как этого достиг граф Разумовский, осталось тайной между ним и старым немцем.

На другой день утром графиня повезла Сашу к принцу де Линь, у которого собирался цвет венского общества, все венские красавицы, и розами этого чудесного цветника были дочери самого принца -- княгини Клара, Флора и графиня Фефе-Пальери.

Чудная вилла принца, полная сокровищами искусств, окруженная благоуханными садами, являлась истым оазисом старой культуры, былой высококоизящной жизни.

Едва графиня Елизавета Осиповна назвала Сашу, как принц де Линь воскликнул:

-- Сын старого моего друга! Любимец боготворимой мной Екатерины Великой! -- и, обняв мальчика, усадил с собой рядом на софу. Графиня оставила затем на его попечение кавалера посольства и уехала. Принц повел беседу о мудром Dieu di Silence и о незабвенном прошлом. Екатерина, ее двор, Потемкин воскресали в блестящих характеристиках принца так же, как и под его пером. Саша, со своей стороны, отдался воспоминаниям раннего детства и сообщил много, черт из домашнего быта великой монархини, очаровав принца милой, откровенной и веселой манерой повествования.

-- Э, да мы будем приятелями!

И, вскочив, старый принц увлек с собой юного кавалера посольства и быстро повел его по залам и кабинетам виллы, останавливаясь с ним перед произведениями живописи и скульптуры и выведывая его мнение о них, чтобы определить степень вкуса и познаний Саши. Кавалер выдержал этот экзамен блестяще. Затем в библиотеке принц доставал то один, то другой фолиант или золотообрезный томик классических авторов и остался совершенно доволен сведениями Саши в древности. Наконец, перейдя в концерт-залу, принц испробовал музыкальные познания Рибопьера. Прежде всего, принц спросил его, "глюкист" он или "пуччинист". Конечно, Саша оказался страстным обожателем Глюка и его "Ифигении". Принц сел к клавесину, а Саша взял чудную серебряную флейту и весьма удачно исполнил арию из бессмертной оперы.

Принц распространялся о былой войне поклонников Глюка и Пуччини, когда во главе "пуччинистов" стояли Мармонтель, скучный педант Лагарн, а во главе "глюкистов" незабвенный аббат Арно, Сюар и сама королева Антуанетта.

Тут принц предался сладким и грустным воспоминаниям о королевской Франции, о дворе несчастного Людовика XVI и перешел к надеждам, которые возлагают эмигранты на Суворова и северного повелителя императора Павла. Принц оставил Сашу Рибопьера завтракать и, когда под влиянием шипучей струи мальчик стал откровеннее, навел беседу на область нежных чувств. Поклонник красоты и старой школы ухаживатель, он умилился возвышенному благородству взглядов на любовь, высказанных юношей. Своей тайны Саша Рибопьер, конечно, не выдал. Пакеты, спрятанные на его груди, ежемгновенно напоминали ему о скромности. Но он не мог не намекнуть, что питает платоническое чувство обожания к недоступной красавице...

-- Хотя я и обломок скептической школы, но понимаю вас, -- сказал задумчиво старый принц де Линь, -- представьте, что я испытал нечто подобное.

И принц рассказал, как ему удалось присутствовать на произнесении обетов одной прелестной послушницей, чрезвычайно знатного рода, в монастыре, где воспитывалась племянница принца.

Конечно, присутствие принца, хотя и спрятанного на хорах за колонной, на этой церемонии было нарушением монастырского устава.

-- Я составил теорию, -- говорил принц де Линь, -- что самые рассудительные люди, в противоречие себе, непременно в своей жизни таят уголок романа. Никто из нас не избег этой дани, этого обола, платимого воображению. Что ж, и я, не следующий вообще мудрости Сократа, я чувствую и признаю эту слабую сторону в моей натуре. Этот неизбежный роман для меня -- именно та юная послушница, которая увядала у ступеней алтаря, как тропический цветок, удаленный от лучей солнца. Я помню ее, всю окутанную черным, с крестом из голубых лент на груди, широким, как... *comme une assiette*, -- искал и нашел принц сравнение. -- О, какой взор бросила она на небо, когда произносила обеты! В нем был и упрек, и немая жалоба, тихое смиренное спокойствие осужденной жертвы! Я и теперь часто вижу ее во сне. Еще чаще я мечтаю о ней, бодрствуя. Не могу сказать, что я ее любил, но мне давало усладу строить тысячи воздушных замков, пользуясь этим нежным воспоминанием, хотя я немедленно дул на эти построения и уничтожал их. О моем существовании она, конечно, не узнала. И я не видал ее больше ни разу. Я никому о ней не говорил. Я и не пытался вновь ее увидеть. То было не более как фантом в моей жизни. Но если бы я прожил тысячу лет, этот фантом все бы занимал свое место и не исчез бы!..

Принц умолк и погрузился в задумчивость. Саша ему сочувствовал от всего рыцарского своего сердца.

И перед ним реял образ столь же недоступного фантома его жизни.

В открытые окна столовой веяли ароматы цветника и весенняя теплая прохлада боскетов. Веселые звуки жизни в смешанном гуле доносились к ним, к этому старому французскому принцу, видевшему на своем веку крушение всех традиций, всех устоев его родины, и мальчику, прибывшему по воле причудливого монарха из далекой, огромной, холодной и странной России, высылающей сынов своих на защиту алтарей и тронов Европы, как некогда Яна Собеского, спасшего Вену от полчищ турок!

Но вот принц де Линь, по его выражению, дунул на воздушный замок своего воображения и, приняв деловой тон, стал наставлять юного кавалера посольства в обычаях двора и света австрийской столицы.

-- Добрый император Франц, -- сказал он, -- живет просто в семейном кругу. Вена -- город прекрасных женщин, изящного веселья и столица вкуса и утонченности и той высокой простоты, которая дается только избранным натурам. У нас бывают пышные обеды и вечерние приемы. Но мы живем легкой олимпийской жизнью, следуя "золотой середине" Горация. В обществе много непринужденности, но старые обычаи и этикет строго соблюдаются.

И, расставаясь с Сашей Рибопьером, принц пригласил его на маленький обед на другой день в самом тесном кругу приятелей и немногих прекрасных дам. Однако на обед должно было явиться во фраке и при шпаге.

VI. Lugete, Veneres Cupidonesque!

Сердце кавалера посольства графа Рибопьера стучало учащенно, когда в дипломатическом парике, во фраке и шпаге, как истый *diplomate partumé*, выслушав обстоятельные наставления самого посла графа Разумовского и теплые, материнские заботливые напутствия графини Елизаветы Осиповны, он подъехал к вилле принца, в карете и в компании графа Поццо ди Борго.

Граф был друг Разумовского и его вниманию вверился юный кавалер. Сгущались весенние сумерки. Сладко и нежно благоухали цветущие сады предместья. Невыразимо приятные тона окрашивали небо, и мягкие прозрачные тени окутывали Вену и сверкавший Дунай.

-- Совершенный стиль помпадур! -- заметил граф Поццо ди Борго, указывая юноше на раскраску неба и тонких, мелких облачков, столпившихся под догорающим закатом.

Но юному новичку, впервые выступавшему в избраннейшем кружке аристократической Вены, было не до того, чтобы разбирать, в каком стиле разгорелось случайное сочетание цветов в облачках небесных.

-- Помпадур! Совершенный стиль помпадур!-- повторил Поццо ди Борго.

Корсиканец, непримиримый враг Бонапарта, граф вместе со знаменитым Паоли стоял во главе партии национальной независимости острова, опираясь на преданное католической вере, могучее, неукротимое, наивное и полудикое население гор. Он боролся с партией, к которой примыкали горожане и многие жители долин, с партией французской, во главе которой были фамилии Бонапартов и Арена. Успехи Наполеона разбила его планы, но тут он поступил в русскую службу и, посланный в Вену, явился главным творцом союза Австрии и России.

Его благородная внешность, проницательное и страстное красноречие, самое простое и в то же время элегантно обращение поставили графа Поццо ди Борго, военного дипломата, публициста, одновременно неутомимого и в развлечениях и в делах, в самые тесные и дружественные отношения с английской и континентальной аристократией. Объединенный ненавистью к Наполеону со шведским королем Бернадоттом, граф неутомимо составлял политические комбинации и планы военных коалиций для спасения алтарей, престолов, монархического начала и аристократии Европы. Разумовский знал, кому вверить юношу Рибопьера: нити европейской дипломатии сходились в руках графа Поццо, равно как и в руках его приятеля, виконта Галейрана, которого должен был увидеть Рибопьер на обеде у принца...

Но, кроме естественной боязни, возбуждаемой мыслью о первых шагах в венском обществе, которыми определялось все дальнейшее, Сашу волновало предстоящее знакомство с сестрой принцессы Марии Вюртембергской, несравненной красавицей Софией Замойской. Она должна была приехать на обед. Рибопьер это знал и еще в Кракове получил наставление, что именно через нее получит свидание с принцессой, необходимое для выполнения поручения, возложенного на него.

Все общество, собравшееся у принца де Линь, состояло, кроме юного кавалера посольства, из графа Поццо, виконта Талейрана-Перигора и графа де ла Биллардери. Из дам, кроме Замойской, присутствовали леди Кленвильям и графиня Флора Врбна.

Но как только Саша вступил в гостиную принца и был им представлен собравшимся гостям, все его опасения исчезли. Он вдруг ощутил необычайную легкость. Он был среди своих. Это избранное общество не тяготило его нисколько. Чувство уверенности в себе вызывала уверенность в присутствующих. Так даровитый начинающий актер, выступая в труппе совершенных артистов, находит опору и поддержку в их гении и сам вдохновляется.

Сады принца, с боскетами, лужайками, холодным и горячим источниками (последний согревался скрытой печкой), статуями, цветущими куртинами и партерами, дышали в окна ароматом, окинутые нежной дымкой теплого вечера.

В покоях горели восковые свечи в серебряных канделябрах. Из гостиной все общество прошло в небольшую столовую принца. Обстановка ее, потолок из цельного резного дуба средневековой работы неопределимого достоинства, добытый принцем в Шотландии в упраздненном католическом аббатстве, камин высокой архитектуры, буфет, фламандские картины на стенах, севрский сервиз и дивные вазы, кубки, корзины чеканки знаменитых мастеров -- не оставляли желать ничего лучшего.

Юный камергер и кавалер посольства имел счастье вести к столу несравненную Софию Замойскую и сесть с ней рядом.

Разговор, начатый в гостиной, продолжался и за столом. Говорили о грубом военном духе, овладевшем Европою, о духе насилия, разрушения, варварства, грубого захвата и завоевания, пробужденных в народах Бонапартом. Говорили о том, что мало-помалу военщина уничтожает творческие, высшие стремления.

Повсюду общество грубеет, утонченная высокая простота сменяется наглостью, треск барабанов и гром фанфар заглушают гармонию Аполлона и муз. Искусство падает. Вена еще остается оазисом культуры. Но что сделал Бонапарт с Италией! От Милана до Турина -- одно зрелище нищеты, тиранства, унижения! Беспощадный режим Бонапарта идет рядом с вопиющим беспорядком и бесстыдным грабежом. Сокровища искусств и древности Италии расхищаются. Виллы, дворцы, монастыри варварски ограблены. И сколько разрушено, испорчено, уничтожено при этом дивных произведений!

-- Скажите тем, -- воскликнул граф Поццо ди Борго, -- скажите тем, кто хочет видеть Рим, чтобы они поспешили. Ибо каждый день рука солдата и когти агентов Бонапарта мертвят природные красоты Вечного города и обрывают великолепие его убранства. Вы, господа, привыкли к простому и благородному языку древности. Вы найдете эти мои выражения чрезмерно цветистыми и даже слишком напыщенными. Но как живописать вам состояние, в которое впал бедный Рим? Вы его видели

столь великолепным, а ныне это почти руины! Некогда, вы знаете, Рим собирал цвет общества всех стран. Сколько иностранцев, приехав туда провести одну зиму, оставались в нем на всю жизнь! Ныне в нем только те, кто не может бежать, да еще те, кто с кинжалом в руках роются в жалких лохмотьях умирающего от голода народа, чтобы добыть его последние гроши! О, несчастная Италия! О, погибающий Рим!

-- Да, с монументами Рима Бонапарт обращается не лучше, чем с народом, -- сказал принц де Линь, -- я оплакиваю до сих пор прелестного мраморного ребенка, которым столько раз любовался. Он одет львиной шкурой и на плече держит маленькую палицу. Очевидно, это Купидон, взявший оружие Геркулеса. Произведение несравненного мастерства, и греческого мастерства, если я не ошибаюсь. От него осталось только основание. И я написал на нем карандашом: *Lugete, Veneres Cupidonesque* (Плачьте, грации и купидоны)! Самые обломки статуи исчезли. Что сказал бы Винкельман, если бы это увидел! Он умер бы от горести, если бы имел несчастье дожить до наших дней!

-- Да! Да! Рим Винкельмана более не существует! -- воскликнул граф Поццо. -- Все, что украшало виллу Альбани, что было у Фарнезе, Онести, в музее Клементи, в Капитолии -- вытащено, разграблено, потеряно или продано!

-- Солдаты, войдя в библиотеку Ватикана, -- сказал виконт Талейран, -- уничтожили между прочим славного Теренция Бембо, чтимый манускрипт. И ради чего? Ради каких-то золотых украшений растерзали они нетленную в веках античную рукопись.

-- А Венера в вилле Боргезе! -- присоединил свой голос и граф Флао де Биллардери. -- Она ранена в руку каким-то вырожденком Диомеда!

-- Венера отомстила за это оскорбление Бонапарту! -- сказал принц де Линь, замечая, что беседа приняла грустный оттенок и начинает утомлять дам. И он рассказал, что когда французские войска расположились в Италии, те офицеры, которые доверчиво пользовались туземным хлебом и итальянскими женщинами, скоро почувствовали себя весьма дурно. -- Одни страдали жестокой индигестией. Другие... не буду пускаться в подробности. Бонапарт приказал тогда выписать из Франции женщин и булочников!

-- *Panem et mulieres* [Хлеба и женщин]. Легкое изменение древнего *Panem et circenses* [Хлеба и зрелищ], -- заметил Талейран.

-- Все же только в Милане вы найдете хорошо выпеченный хлеб и французских женщин, то есть раздетых, -- сказал граф Поццо, -- ибо все итальянки всегда одеты, даже зимою, -- мода, противоположная парижской.

Присутствующие красавицы, одетые не по итальянской, а по парижской моде, улыбнулись.

-- Что бы ни было, господа, -- сказал принц, -- как бы далеко ни простер свои шаги Бонапарт, ему уже кладет пределы император великой, дружеской Австрии северной державы и его полководец Суворов. Трон русского императора осеняет Европу. Гонимые музы бегут к его

ступеням. Художники, артисты находят гостеприимство в северной Пальмире. Император Поль возрождает рыцарство Европы. Я пью здоровье северного монарха и сегодня впервые присутствующего среди нас юного камергера его величества и кавалера российского посольства графа Рибопьера.

Все приветствовали юношу, своей непринужденной простотой, веселым умом, воспитанностью и милой скромностью сразу завоевавшего общую симпатию, а счастливой наружностью привлечшего благо склонные взоры трех прекраснейших женщин Вены, украшавших обеденный стол принца.

VII. Звезда и солнце

Застольная беседа приняла шуточный характер милой непоследовательности. Крупная соль светской злости пересыпала сообщаемые сплетни всех дворов и аристократии Европы, но речи точили прямо яд, когда касались ненавистного Бонапарта и его родственников. И, хотя принц отвлекал собеседников от политики в область театра, искусств, граций и амуров, как удар сверкающего кинжала, прозвучало восклицание графа Поццо ди Борго:

-- Клянусь непорочным зачатием Богородицы, что настанет день и я убью политически Бонапарта! И этого мало -- я брошу своей рукой последнюю горсть земли на его голову!

-- Ваши слова, милый граф, -- заметила "несравненная" София Замойская, -- дышат истой корсиканской вендеттой! Но Бонапарт военный и политический гений. Похороны его будут еще не скоро.

-- О, графиня, у нас на острове отлично знают всю семью Бонапартов, -- возразил граф Поццо, -- и никто не придавал им такого чрезмерного значения, как это произошло, когда лучшие фамилии Франции были гильотинированы или стали эмигрантами. Среди ничтожеств и наш Бонапарт прослыл гением. Поверьте, графиня, на нашем острове все так умеют душить своих врагов и прокрадываться в их дома незримыми тропинками!

-- Нет пророка в его отечестве, -- сказала Замойская.

Она все время тихо беседовала с Сашей Рибопьером, расспрашивая о Петербурге, о Кракове.

Она желала знать, хороша ли княжна Лопухина и как далеко пошли ее отношения к императору?

-- Княжна мила черными кудрями и очами, черными, как ночь, -- отвечал Рибопьер, -- так мне это казалось в Петербурге. Но теперь, в соседстве яркого солнца, отдаленная звезда померкла.

-- Вы так еще юны, а уже научились льстить. Но мы получили здесь достоверные сведения, что княжна прекрасна и приковала к своим прелестям императора Поля прочнейшими цепями.

-- Видясь ежедневно с Анной Петровной, -- сказал юный дипломат, -- император почитает ее своим другом и привык в ее обществе отдыхать от своих занятий.

Замойская поднесла белый пальчик к алым, как лепесток розы, устам и улыбаясь покачала прелестной головкой.

-- Я узнаю сына мудрого Dieu du Silence! Ваш ответ прекрасен безупречной тактичностью!

-- Благодарю вас, графиня.

-- Но мы знаем, что отношения, существующие между монархом московитов и чернокудрой княжной, превышают простую дружбу! О, мы знаем здесь много, знаем все! -- продолжала красавица. -- Мы знаем, что княжна особенно увлекается вальсом, и, начиная день реверансами перед императором, вечер проводила в объятиях юного рыцаря, кружась в вихре любимого танца! Да, да, не краснейте, не краснейте так! Боже мой, он краснеет, как невинная девица!

-- Графиня, вы неправы! -- вспыхнул и дрогнувшим голосом, в котором звенело негодование, сказал Саша Рибопьер. -- Имя княжны не имеет пятна. Самая чистая дружба связывает ее со мной и с императором.

-- Пусть так. Отчего же, однако, император Поль не перенес этого раздела дружбы между ним и вами? Он не удовольствовался одной своей половиной и не захотел иметь соперника даже в таком невинном чувстве! Дорогой граф, мы ведь знаем, что ваш приезд в Вену кавалером посольства есть на самом деле почетная ссылка!

-- Клянусь вам, графиня, -- пылко ответил кавалер, -- клянусь, что вы совершенно ошибаетесь! Я всегда рад был посещать милое семейство, в котором обычно появлялась княжна. Я тоже люблю вальс. Я готов был проводить с ней приятные часы невинных забав. Я, наконец, танцевал с ней вальс охотно. Однако на это имелся особый приказ императора.

-- Приказ императора танцевать с княжной вальс? -- удивилась Замойская. -- Может ли быть такой приказ издан?

-- Приказ словесный. Императору было угодно высказаться, что он желает, чтобы княжна всегда танцевала вальс именно со мной. Вы знаете, графиня, слепую преданность русских их государям. Слово самодержца -- закон для подданного.

-- Боже мой, так вы танцевали с княжной единственно только из верноподданнической преданности? Бедная княжна! Но я не верю. Черные очи и черные кудри волшебным образом действуют на мужское воображение.

Замойская была так сильно напудрена, что цвет ее волос было трудно определить.

-- Спор о преимуществах блондинок и брюнеток -- старый спор, который каждый решает по своему темпераменту, -- с видом искушенного в науке страсти нежной петиметра, важно сказал мальчик. -- Но, если бы вы все, знали, то никогда не настаивали на ваших подозрениях... Откуда, однако, вы все знаете?

-- Сестра Марианна обыкновенно читает мне все письма царевны Селаниры! -- подавая кисть винограда Рибопьеру, шепнула ему Замойская.

-- О, если так, то как же вы можете, графиня, подозревать, что я... -- что мои отношения к Анне Петровне... Ну, что я ею растрепан! Ужели вы это прочли в письмах той особы, перед которой благоговею, образ которой есть мое священнейшее достояние! -- касаясь кружевного жабо, скрывающего медальон Селаниры, сказал пылкий мальчик.

Замойская не отвечала на его вопрос с жестоким коварством.

-- Приказ всегда танцевать вальс! -- качая головкой, говорила она. -- Да это прямо сцена из Данте, где тени преступно влюбленных парочек несутся в кружении вечного вихря! Если вы поступали, в точности исполняя повеление вашего монарха, то почему же он вас выслал из пределов своей империи? Очевидно, тут что-то не так, если такой могущественный автократ принужден был отдалить вас, юношу шестнадцати лет.

-- Семнадцати, графиня, -- пискнул кавалер.

-- Пусть так, но все же юношу, очень... юного юношу! Если государь положил между собой и вами тысячи верст расстояния, явно, что вы покусились на что-то особенно ему дорогое и что мог похитить именно такой юный юноша!

-- Я вам скажу все, графиня, -- измученным голосом сказал мальчик. -- Государь выслал меня за то, что я в самом деле нарушил его повеление. Я танцевал, держа Лопухину за талию. А этот способ танцевать государь почитает нескромным. Вот за что я выслан, если только можно назвать ссылкой доставленную мне государем возможность быть в Вене, столице вкуса и обитания прелестнейших женщин.

-- Так вот истинная вина! Вот страшное деяние ваше! Ах, вы в самом деле государственный преступник! И, очевидно, император выслал вас к нам, в Вену, чтобы вы здесь усовершенствовались в хороших манерах. Но... ведь и об этой вашей тайне мы здесь осведомлены и все из тех же писем! -- сверкнув лукавыми глазами, шепнула мальчику полька.

Лицо юного кавалера приняло трагическое выражение. И он не мог сказать ни единого слова..

-- Да, в письмах было подробно сказано, как вы держали княжну обеими руками за талию, а она бросила ручки вам на плечи, и как вы до того засмотрелись друг другу в глаза, что даже не заметили наблюдавшего из-за ширмы императора! Мы все знаем здесь, мы все знаем, -- шептала безжалостная полька. -- Мы знаем, например, что вы прибыли сюда не один, а вместе с вашим "другом" Дитрихом...

Холодный пот выступил у кавалера при этих словах красавицы. Ему даже показалось, что из сада в балконную дверь заглянула и улыбнулась изрытая оспой щучья морда ротмистра, и понесло знакомой вонью отвратительного кнастера... Саша молчал, и глаза его наполнились слезами. Взглянув на него украдкой, Замойская сжалась и поспешила шепнуть ему:

-- Успокойтесь, милый граф! Царевна Селанира не осуждает вас за увлечение вальсом с московской красавицей. Тем более, что благодаря ему она получила преданного посла. Завтра же вы будете приняты

сестрой Марианной! А теперь придайте более беспечное выражение вашему лицу. О, как юна еще ваша дипломатия! Но потому-то вас и выбрали курьером для исполнения важного поручения.

-- Если меня выбрали для исполнения важного, как вы, графиня, говорите, поручения, -- сказал, оправляясь и боязливо оглядываясь на окружающих, не заметили ли они его волнения, кавалер посольства и камергер двора его величества императора всероссийского, -- то из сего следует обратное тому заключение, которое вы изволили дать. Значит юность лет моих не препятствует доверию к моей дипломатии, которая, надо думать, старше моих лет.

-- Милый граф, вы ошибаетесь, -- сказала безжалостная красавица. -- Вам потому и вверили важнейшее поручение, что никому и в голову не могло придти нечто подобное доверить такому младенцу. Оставайтесь же как можно дольше таким чистым и нежным младенцем, и вам еще долго будут вверять важнейшие тайны. Помните, что сказано о младенцах в писании? Таковых есть царствие небесное. И Замойская так сладко заглянула в глаза мальчику, что у него захватило дыхание, невыразимо блаженное, до боли, до страдания, -- чувство, смешанное с непостижимой грустью, наполнило все его существо и ему опять захотелось плакать, но уже от восторга!

Увы, далекий, царственный образ, предмет его платонического обожания, померк перед живой красавицей, сидевшей так близко к нему, оправдывая собственное его поэтическое сравнение, что в соседстве яркого солнца отдаленная звезда меркнет. Юноша безумно влюбился в Замойскую и с этого вечера стал ее рабом и пажом.

VIII. Русская шваль и саксонский батард

В начале обеда принцу подали большой куверт с гербом. Вскрыв его, принц объявил:

-- Наш милый шевалье де Сакс извиняется, что никак не может прибыть к обеду, он будет позднее. Но, чтобы заслужить прощение невольной манкировки, шевалье шлет нам новое свое стихотворение плод музы изящной. Я прочту его за десертом.

Единодушные рукоплескания были ответом. За десертом де Линь в самом деле прочел французское стихотворение шевалье такого содержания.

Je reposois sur un lit de fougère,
Morphée avoit ferme mes yeux,
Je croyois être avec Glycère,
Et le Plaisir m'ouvroit les cieux
Minerve m'offrit la sagesse;
Vénus les grâces, la beauté;
Hébé la fraîcheur, la jeunesse;
Mars ses lauriers et sa fierté.

Bacchus dit: Bois, Apollon: Chante
Et prends ce luth s'il t'a charmé.
Tiens, dit Plutus, si l'or te tente.
Amour me dit: Aime!.. Et j'aimai [*]

[*] - *Я покоился на ложе опьянения, Морфей сомкнул мои глаза, мне казалось, что я был с Глицерой и наслаждение открыло мне небеса; Минерва посылает мне мудрость, Венера -- привлекательность, красоту; Геба -- свежесть, юность; Марс -- лавры и честь; Вакх говорит пей; Аполлон: пой и прими эту лютню, если она тебя пленяет; получи, говорит Плутос, если тебя тянет к золоту; Амур мне говорит: люби. И я люблю.*

-- Превосходно! Прелестно! -- восклицали все.

-- Какая непринужденность! -- сказал граф Поццо ди Борго.

-- Тут есть закутанность тонкой мысли, -- заметил виконт Талейран де Перигор.

-- И заметьте, какая естественность... -- присовокупил граф Флао де Биллиардери.

-- Скажу только, что, избирая несомненно лучший дар небес, шевалье слишком скромн. И прочие дары его не миновали. Хотя бы лютня -- Аполлонов дар -- звучит под его пальцами очень мило! Его буримэ, его вирлэ, его триолеты...

-- И надписи, -- вставил Талейран.

-- Да, и надписи -- все это с таким вкусом сделано! Что касается даров Марса, то кто не знает храбрости шевалье!

Встали из-за стола и перешли в концерт-залу и библиотеку.

Де Линь подошел к Рибопьеру и, отведя в сторону, сказал ему:

-- Шевалье де Сакс сейчас будет. В Вене его все любят. Он имеет здесь обширнейшее знакомство. Это самый приятный в обществе человек. Но он ненавидит русских. Вы знаете его историю, граф?

-- Знаю, принц, -- отвечал Рибопьер.

-- Эта история скоро будет иметь развязку. Но я хотел вас предупредить, прежде чем шевалье де Сакс явится. Узнав, что вы русский, он приложит все усилия, чтобы к вам придраться и вызвать. Будьте же осторожны. Шевалье де Сакс, быть может, первая шпага Вены.

-- Принц, я благодарю вас за предупреждение, несомненно вызванное расположением ко мне, -- с достоинством отвечал кавалер русского посольства, -- но я надеюсь не подать повода к столкновению, а если шевалье так же искусно умеет "придираться" к честным людям, которых в первый раз в жизни видит, как и писать стихи, то мое правило, принц: ни на что не навязываться и ни от чего не отказываться!

-- Прекрасное правило, граф, -- крепко пожав ему руку, сказал принц де Линь и, обняв за плечи, повел к дамам, севшим в библиотеке у огромного открытого в сад венецианского окна.

История шевалье де Сакса была такова.

Незаконный сын герцога Максимилиана Саксонского, блестящий красавец, известный храбрец, он прибыл в Россию во время фавора Платона Зубова, желая служить в русских войсках.

Как водилось, он был представлен Екатерине, и красивая внешность, ум, благородство характера, эрудиция и широкое образование, тон и приемы истого аристократа привлекли внимание и благорасположение великой монархини.

Она отозвалась о достоинствах шевалье с отличной стороны.

Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрительную ревность Платона Зубова. Фаворит искал, как бы уронить в глазах императрицы "саксонского батарда".

Но шевалье безупречностью поведения и отлично ревностным прохождением службы не давал повода к малейшему хотя бы упреку.

Тогда обдуман был "русский" способ погубить де Сакса.

Орудием подкопа Платон избрал шестнадцатилетнего мальчика князя Щербатова.

На гулянье в Екатерингофе Щербатов, будучи почти незнакомым с де Саксом, подъехал к нему и, дерзко глядя в лицо, крикнул:

-- Comment vous portez vous?

-- Sur mon cheval! [*Непереводимая игра слов. Щербатов спрашивая по-французски о здоровье де Сакса, буквально говорит "Как вы себя носите?" На что де Сакс и отвечал "На лошади" произнося "шваль". Щербатов строит на этом каламбур.*] -- сквозь зубы процедил де Сакс и, повернув лошадь, отъехал в сторону.

-- Как, я -- шваль! Прошу быть свидетелями, что это саксонский батард меня первый оскорбил! -- обратился Щербатов к своим спутникам. -- А я же с ним ссоры не искал, но осведомился об его здоровье, что между изящнейшими кавалерами принято во всей Европе.

-- Он тебя первый оскорбил! Он первый! -- закричали хором всадники. - Ищи ему отомстить! Сатисфакция! Сатисфакция!

-- Ладно! Он у нас попляшет! Господа, прошу вас завтра ко мне пожаловать и мы пойдем кое-что испкупить.

-- Что такое? Что купить хочешь? -- закричала ватага.

-- Оружие, достойное саксонской швали!

-- А именно?

-- Массю деркюль!

-- Ха! ха! ха! Вот славно! Массю деркюль? Ха Ха! ха! Великолепно придумано!

В тот же день по городу разнесся слух, что де Сакс придрался к Щербатову и оскорбил его. На другой день это уже говорили при дворе.

На третий день вся история, весьма преукрашенная, дошла и до государыни.

-- Удивляюсь, что с мальчишкой связался, -- с сомнением сказала Екатерина. -- Что-то плетут! Шевалье столь благовоспитан и человек разумный Платон, разузнай, верно ли?

Платон рассыпался в похвалах де Саксу.

-- Зная шевалье, как живого, вспыльчивого, но благородного и чести исполненного, невозможно предположить, чтобы с мальчиком беспричинно в драку полез.

-- Я и говорю, разузнай! -- сказала государыня.

Платон разузнал и со смиренной миной доложил, что, к сожалению, все правда. Шевалье грубо оскорбил князя Щербатова, вежливо осведомившегося лишь о состоянии его здоровья и назвал его "русской швалью".

-- Это с каких же пор мои подданные стали пред саксонцами швалью? -- вспыхнув, сказала государыня.

С тонкой улыбкой Платон Зубов доложил, что тут особая есть причина, почему шевалье вопрос о здоровье за оскорбление принял. А Щербатов этой причины не знал.

-- Какая же, братец, причина? Что за миракль?

-- Шевалье, хотя собою и изряден, но с женщинами весьма не храбр, можно даже сказать, совсем в дело не годен, будучи, можно так выразиться, игрой природы смешанного пола.

-- Что ты говоришь? Как это -- смешанного пола?

-- Hermaphroditus! -- важно насупившись, сказал Платон Зубов.

Екатерина вспыхнула. Потом улыбнулась.

-- Что за глупости! -- сказала она.

Потом задумалась, вздохнула, покачала головой и, промолвив:

-- Ах, бедный, бедный! -- больше уже о нем не вспоминала.

В тот же вечер, при выходе из театра, князь Щербатов, в сопровождении оравы "петиметров" и "либертинов", имея в руках модную толстую, суковатую палку, называемую "массю деркюль" (палица Геркулеса), напал на шевалье де Сакса и ударил этой палицей, крича:

-- Вот тебе за русскую шваль, саксонский батард!

Затем толпа сорванцов оттеснила не помнившего себя от бешенства де Сакса, и князь Щербатов, вскочив в кабриолет, помчался, махая над головой дубинкой и крича:

-- Побил саксонского батарда!

Причем французское слово заменял соответственным русским.

Через час уже происшествие было доложено государыне.

Она велела арестовать де Сакса и немедленно выслать вон из России.

-- Чтобы землю ни рюриковской, ни саксонской кровью не заливать. Князь же несовершеннолетен, есть мальчик, а де Сакс первый начал. Пусть же сей батард окажется выкидышем.

И де Сакса арестовали и выслали.

Подвиг Щербатова прославлен был в свете и даже толстые сучковатые дубинки, подобные той, какую русский князь побил саксонского, стали носить наименование "щербатовских", *massu à la Scherbatoff!*

Можно себе представить негодование де Сакса, в особенности, когда он узнал всю подкладку этого приключения... Он стал посылать вызовы Зубову, считая его главной пружиной интриги. Ответа не было. Зубов был трус от природы, да и Екатерина возмутилась и вступилась за своего

любимца. Ею были употреблены дипломатические пружины, и проживавшему в Вене шевалье де Саксу было лично его величеством римским императором запрещено настаивать на дуэли.

Де Сакс покорился. Все венское общество было на его стороне.

Ненависть шевалье обратилась на всех русских, и достаточно было появиться в венском высшем обществе новичку, русаку, чтобы де Сакс сделал все возможное, дабы поставить "русскую шваль", как он действительно стал звать после проделки с ним русских, -- к барьеру.

Рыцарский дух, возросший в последовавшие царствования тогда еще был слаб в русском дворянстве, и, обыкновенно, де Сакса избегали встречать, а то и спешили совсем из Вены скрыться.

IX. Неожиданная дружба

Три красавицы привлекли в свой очаровательный круг юного кавалера посольства и забавлялись исполненными достоинства и грациозной веселости ловкими ответами мальчика на разнообразные расспросы о петербургской жизни.

Вдруг вошел шевалье де Сакс.

Это был стройный красавец, идеал немца. Его рыцарские манеры, благородное выражение лица, мягкий свет больших мечтательных глаз, гармоничный голос, слава лучшей шпаги и храбреца на ратном поле -- все окружало как бы ореолом любимца высшего общества Вены. Он низко поклонился красавицам, протянувшим ему ручки для поцелуя. Потом раскланялся с мужчинами.

-- Шевалье, в нашем кружке дорогой гость, -- сказал принц де Линь, -- только что прибывший из России кавалер посольства граф де Рибопьер.

И принц указал на Сашу.

Едва де Сакс услышал имя русского, лицо его приняло холодное, надменное выражение, губы презрительно сжались, и глаза сверкнули непримиримой ненавистью. Он отступил шаг назад и положил руку на эфес шпаги, не только не кланяясь, но, наоборот, поднимая вверх свой античный подбородок Адониса, который любила ласкать не одна прелестная ручка.

Кавалера русского посольства не смутила вызывающая поза де Сакса.

С утонченной вежливостью он поднялся и, тоже придерживая шпагу, выступил шаг вперед и первый приветствовал шевалье изящным поклоном.

-- Конечно, мое имя вам неизвестно, -- сказал мальчик, беспечно улыбаясь и глядя прямо в холодные глаза де Сакса, -- зато я много слышал о вас и о том недружелюбии, которое вы питаете к русским.

-- Вы об этом слышали? -- отвечал де Сакс. -- Я действительно не могу уважать народ, в котором рабство уничтожило чувство чести.

-- Государь мой, -- отвечал Рибопьер, -- вспомните, что я имею честь носить звание камергера двора русского императора и кавалера

российского посольства. Могу ли допустить в своем присутствии оскорбление, наносимое моей нации?

Слова эти произнесены были с большим достоинством и скромностью.

-- Bravo! Bravo! -- вполголоса сказала Замойская.

-- Если вы способны чувствовать оскорбление, наносимое вашей нации, то составляете счастливое исключение, -- сказал де Сакс, внимательно поглядев на отважного мальчика. -- За мое пребывание в России я убедился, что русские сами первые готовы поносить свое отечество. Они же нечувствительны и к обиде личной, если защита чести сопряжена с опасностью жизни. Дворянин, уклоняющийся от дуэли! Ха! ха! И нас хотят уверить, что в России есть дворяне!

-- Вы ошибаетесь, -- сказал мальчик, энергично ударив рукой по эфесу шпаги, а другую закладывая за борт своего темно-вишневого фрака и незримо для других касаясь сокрытого медальона Селаниры. -- Русские не уклоняются от поединка, когда этого требует честь. Но, будучи добрыми христианами они считают обязанностью человеколюбия не проливать без достаточного повода кровь ближнего. Кроме того, они соблюдают интересы своего монарха и безопасности Европы, не считая возможным попусту лишать армию его величества хотя бы одного самоотверженного солдата, в особенности теперь когда далее спокойствие той прекрасной столицы в которой я имел честь с вами сегодня встретиться всецело зависит от русских штыков, противопоставленных врагу алтарей и тронов, мира и цивилизации.

-- Прекрасный ответ, молодой кавалер! -- сказал принц де Линь, с интересом следивший за этим словесным состязанием его гостей. -- Благородный ответ!

-- Bravo! bravo! bravo! -- опять вполголоса сказала Замойская.

Надменно-презрительное выражение де Сакса заметно смягчилось.

-- Если бы русские все так думали, как вы, то была бы нация рыцарей. Я готов признать после вашего ответа, что в России уже есть дворяне... Да там в оранжереях выращиваются привозные плоды и цветы. Что общего имеет со славянской та кровь, которая в эту минуту говорит в вас, фон Раппольштейн?

-- Во мне говорит столь же громко благородная кровь моего деда, героя Бибикова, полководца, имя которого произносят с благоговением не в одной России! -- пылко отвечал кавалер посольства.

-- Вы меня обезоружили, граф, -- с чарующей улыбкой сказал де Сакс, снимая руку с эфеса шпаги и сопровождая слова, им сказанные, изысканным поклоном.

-- Я же полагал, что принятый, как гость, в доме принца, я безоружен, хотя и при шпаге, -- сказал Рибопьер.

-- Впрочем, -- уже обращаясь к остальным мужчинам, продолжал де Сакс, -- рыцарский характер, которым обладает император Польша, начинает сказываться на его подданных. Сегодня получил я, наконец, извещение, что так называемый князь Зубов, столь упорно молчавший на мои многократные картели и даже публикации о сем в газетах, едет сюда,

дабы выполнить долг благородного человека. Не думайте, однако, господа, что к сему побудила называемого князем проснувшаяся честь. О, нет! Он едет по высочайшему повелению, как раб, послушный воле господина. Император сказал Зубову: "Поезжайте очистить вашу честь!"

-- Вот слова, достойные монарха! -- воскликнул принц де Линь.

-- Благородные слова, -- подтвердил граф Поццо ди Борго.

-- Платон Зубов едет в Вену! Какая новость! -- сказала Замоиская не без волнения.

-- Я сделаю все зависящее от меня, -- ударив по шпаге ладонью, сказал де Сакс, -- чтобы эта его поездка была последней!

-- Вижу, что венскому обществу будет достаточно материи для толков, -- заметила леди Кленвильям.

Затем беседа рассыпалась на обсуждение незначительных придворных событий.

Де Сакс взял дружески под руку Рибопьера и стал беседовать с ним у камина о нравах и обычаях высшего венского общества. Между прочим, де Сакс объяснил юному кавалеру правила вечерних собраний в аристократических домах.

-- Право занимать место на диване по правую руку хозяйки дома есть преимущество самой высокочтитованной дамы в собрании и за преимуществом этим строго наблюдается, -- с улыбкой объяснял де Сакс. -- Так, жена графа или посланника уступает это место первой являющейся княгине, последняя встает перед княгинею старейшею по времени пожалования титула. Княгиня уступает место обер-гофмейстерине и женам послов; эти между собой не считаются; ранее прибывшая уже не уступает занятого места; но обер-гофмейстерины и посольши не садятся уже вовсе целый вечер.

-- Довольно утомительное обыкновение, -- заметил Рибопьер.

-- Да, в венском обществе много непринужденности, но старые обычаи и этикет строго соблюдаются. Особенно задушевные и изящны наши маскарады. Вы еще будете иметь случай в этом убедиться.

-- Но соблюдение правил относительно дивана требует большой бдительности со стороны хозяйки дома. Да и сами гости должны быть крайне внимательны.

-- О, да! происходят истории. В особенности когда один двор находится во вражде с другим. Тут нарушение правил о месте на диване может послужить к самым печальным осложнениям.

-- Так что от дивана в известной степени зависит мир Европы! -- смеясь, сказал Рибопьер.

Де Сакс был теперь столь же любезен, сколь в первую минуту встречи надменен.

Они вместе вышли из дома принца и долго прохаживались по набережной Дуная, наслаждаясь теплой весенней ночью.

Скоро Вена с изумлением узнала, что де Сакс подружился с молодым русским, что они видятся ежедневно и проводят вместе целые часы. Де Сакс стал путеводителем Саши в венской беззаботной жизни.

Х. Веселая служба

Жизнь Саши проходила, действительно, как упоительный сон! Представленный принцессе Марии Вюртембергской, он произвел самое благоприятное впечатление и стал немедленно посетителем ее салона. Княгиня Разумовская лично ввела его в лучшие гостиные Вены. Милости Софии Замойской дали хорошенькому мальчику вкусить первый нектар близких отношений к цветущей, опытной красавице. Но он не мог оставаться равнодушным и к приветливости других прелестных женщин. Легкая, увлекающаяся природа француза сказывалась в беспечности с которой он переходил от одного наслаждения к другому. Празднества, балы, вечера, загородные упоительные поездки, изящные ночные приключения вились восхитительной гирляндой, и скоро волшебная фата-моргана венской жизни совершенно задвинула в воображении юноши впечатления однообразной, серой и угрюмой северной столицы. Как цветок, вынесенный из затхлой, полутемной комнаты на солнечный свет, на благовонный легкий и теплый летний дождь, расправляет лепестки и распускается, так и юный кавалер, оживленный музыкой женских речей и огнем прекрасных очей, развернул все природные свои дарования ума и сердца. Да, жилось беспечно, упоительно весело, восхитительно изящно!

Саша занял прекрасную небольшую квартиру рядом с русским посольством.

Подарок принца де Линь, превосходная копия с картины Корреджио "Le Silence", служила главным украшением его гостиной и напоминанием о мудром родителе... Живые и нежные краски картины в прекрасной широкой золотой раме выступали с особой прелестью на фоне стен gris anglais, окаймленном большими виноградными лозами с золотом, а драпировки из муслина и нанкина дополняли общее впечатление, представляя как бы сочетание элегантности и скромности, весьма приятное для глаз. Гитара, флейта, клавикорды говорили о музыкальных наклонностях хозяина.

У Саши была спальня, совершенно белая, что, по его убеждению, старило кавалера посольства и делало его толще. А это было ему так нужно! Затем достаточно элегантная уборная с прелестными туалетными вещами, подарок Замойской...

Балкон квартиры был уставлен апельсинами, гранатовыми деревцами, розовым лавром, жасминами, туберозами, резедой. В столовой высился художественный буфет, представлявший замок св. Грааля, с рыцарями у дверей, наполненный прекрасным севром. Что особенно было удобно -- это трап, поднимавшийся за кольцо в одном из углов комнаты. Витая лестница вела в таинственные сводчатые кельи наполненного винами погреба. Сюда сводил Саша особенно почетных и пожилых гостей своих, вельмож и дипломатов., пробовать редкости сей библиотеки Бахуса, как выразился остроумный принц де Линь.

Саша имел занятия и особый кабинет в посольстве, где он упражнялся в тонкостях дипломатического слога, радуя успехами Разумовского. Впрочем, служба не слишком утомляла кавалера, и он не торопился в свой кабинет, если только не назначал в нем свидания приятелям или элегантной приятельнице. Граф Поццо, виконт Талейран и шевалье де Сакс часто навещали кавалера. Последний посвятил его во все подробности предстоящего поединка с Платоном Зубовым и князем Щербатовым. В самом деле, прямой его оскорбитель, успевший достигнуть совершеннолетия, тоже должен был явиться в Вену. Предстояли, таким образом, одновременно две дуэли, и в Вене все об этом говорили.

Шли переговоры о том, где именно должна была состояться дуэль, и избиралось достаточно глухое пограничное местечко с этой целью.

Де Сакс казался совершенно счастливым и удовлетворенным. Многолетняя мечта его о мщении обидчиков осуществлялась.

-- Любезный друг, -- говорил он Рибопьеру, -- вы не можете понять всей отрады осуществить, наконец, давно взлелеянное мщение низким и подлым интриганам, отравившим вам существование! О, я знаю, что небесное правосудие предаст мне в руки грязных подлецов. В победе я не сомневаюсь.

-- Победа принадлежит храбрым. Искусство ваше владеть шпагой всем известно. Итак, все шансы на вашей стороне, -- говорил присутствовавший при этом виконт Талейран де Перигор. -- Все шансы на вашей стороне, несомненно. Но судьба капризна и ветрена, как безнравственная женщина. Признаюсь, я не верю в суд чести. Он слишком часто оказывался неправосудным. От руки недостойного интригана гибли благороднейшие отпрыски лучших фамилий. Дуэли подрезывали свежие побеги европейской аристократии. Диво ли, если, наконец, генеалогическое древо ее начинает сохнуть!

-- Я не разделяю ваших воззрений, виконт, -- возражал граф Поццо ди Борго. -- Мы, корсиканцы, живем в постоянной опасности кинжала и яда. И однако наши благородные фамилии не иссякают. Это подобно подрезанию ветвей у плодовых деревьев. Оно только увеличивает достоинство фруктов.

-- Где честь, там и поединок, -- решил де Сакс. -- Честь питает аристократию. Если она иссякнет, увянет и рыцарство. Я не могу не преклоняться пред императором Полем. Требование, им предъявленное к господам Зубову и Щербатову, чтобы они омыли свою честь, обличает в сем монархе рыцаря.

-- Ну, им могут руководить и тончайшие соображения политики, -- сказал виконт Талейран.

-- Личное мщение, удовлетворенное после многих лет алкания, конечно, сладко, -- заметил корсиканец, -- но что же сказать о мести наглому узурпатору, выскочке, поправшему законы тирану, угнетателю и поработителю отечества? Много лет незримо созидать великий план на его пагубу и дожидаться, наконец, мгновения, когда презренный

низвергнется в бездну, вашими прилежными руками ископанную под его ногами... О, это небесное мгновение! Ради него можно все перенести.

В волнении корсиканец стал прохаживаться по гостинной Рибопьера.

Последнему хотелось навести беседу на что-нибудь более соответствующее его легкому и беззаботному характеру.

Но заговорили о блестящих победах старого Суворова в северной Италии и готовившемся триумфальном въезде русского полководца в Вену. По этому поводу граф Поццо ди Борго заметил, что русская армия Суворова преимущественно наполнена ветеранами, поседевшими в боях воинами, между тем как революция предаёт ужасу боев пылкую юность Франции.

-- вспомните армию 1793 года! Генерал Гош двадцати трех лет от роду командовал армией на Рейне, имея главным помощником мальчика 18 лет. Он был окружен командирами бригад и полковниками, не достигшими двадцати лет. И то же самое было по всей границе!

-- Что ж из этого! -- сказал обидчиво камергер Рибопьер, -- мой приятель Ливен двадцати трех лет стал военным министром!

XI. Триумф Суворова

Вся Вена пришла в волнение. Улицы наполнились народом. Старый и малый вышли встречать русского полководца, остановившего движение войск Бонапарта.

Суворова сравнивали с Яном Собеским, защитившим Вену от полчищ турок. Дружественное расположение Австрии к России достигало высшей точки.

Русское имя окружено было ореолом.

Российский посланник граф Андрей Кириллович Разумовский убрал посольский дом, применяясь к необыкновенным привычкам и странностям великого человека.

Между прочим, все зеркала в посольском доме были завешаны.

Император в торжественной аудиенции пожаловал Суворову австрийский фельдмаршальский жезл. Из дворца Суворов в карете вместе с графом Разумовским отправились в собор св. Стефана. Толпы народа наполняли улицы и при проезде полководца восторженно кричали:

-- Виват, Суворов!

На эти крики полководец высовывал голову в окно кареты и, в свою очередь, пронзительно кричал:

-- Виват, Иосиф!

-- Позвольте вам напомнить, -- говорил ему посол, -- что ныне благополучно царствует император Франц, а не Иосиф.

-- Помилуй Бог, не помню, -- отвечал Суворов.

И опять при криках народа высовывался и что было сил кричал:

-- Виват, Иосиф!

Несчастный Разумовский не знал, что ему делать, и пребывал в глубоком смущении.

В соборе Суворов падал перед всеми алтарями на колени, восклицая:

-- Боже, спаси царей! Боже, спаси царей!

И, не дослушав латинской приветственной речи папского нунция, бегом устремился вон из собора.

-- Виват! Виват, Суворов! -- загремела полная народом площадь при появлении Суворова.

-- Виват! Виват, Иосиф! -- закричал полководец, высоко поднимая австрийский богато украшенный фельдмаршальский жезл.

Опять сели в карету и поехали шагом в русское посольство. Народ, наполнявший улицы, не переставал, теснясь к карете, кричать: "Виват, Суворов!" А Суворов, то и дело высовывался и упорно кричал:

"Виват, Иосиф", на новые напоминания графа Разумовского, что "царствует Франц, а не Иосиф", неизменно отвечая: "Помилуй Бог, не помню!"

В посольском доме фельдмаршал удалился в отведенные для него покои. Между тем, двор, дом посольства, лестница, улица с утра до вечера были полны народа.

Вечером состоялся торжественный раут. В гостиных посольского дома собралось все высшее венское общество. Прелестнейшие красавицы в прозрачных хитонах, залитые бриллиантами, забросали цветами фельдмаршала, когда он вошел.

Суворов выражал на лице восторженное восхищение и перепрыгивал, как коза, от одной дамы к другой, неизменно каждой повторяя: "Всех очаровательнее! Всех, всех очаровательнее? Пронзили сердце солдата!"

Затем российский посол граф Андрей Кириллович Разумовский представлял фельдмаршалу двух империй мужчин. Между прочим, принц де Линь напомнил фельдмаршалу знаменитые дни осады Очакова и Измаила, когда они часто беседовали в лагере светлейшего князя Потемкина Таврического.

-- Здравствуйте, здравствуйте, господин фельдмаршал с острова Цитеры! -- отвечал Суворов. -- Как же не помнить славных ваших наставлений! Все австрийцы! Они наши руководители и наставники. Без них мы и с туркой бы не справились, и Бонапарту рог не сломили! Все они! Все они!

И фельдмаршал повернулся на одной ножке, почти крича:

-- Все они! Все они!

Граф Разумовский между прочими чинами посольства представил великому полководству и Сашу Рибопьера.

-- Дедушка твой, Бибиков, учитель мой; ты -- дедушкин внук, -- значительно сказал Суворов и ласково потрепал мальчика по щеке.

Посол доложил фельдмаршалу, что благодарное население австрийской столицы начинает сейчас мимо окон посольского дома в честь великого полководца, защитника алтарей и тронов Европы, торжественный факельцуг.

-- Цуг, так и цуг! А только, милый друг, не все же вдруг! -- ответил фельдмаршал.

Громкая музыка раздалась под окнами дома. Потянулась длинная процессия; в средневековых костюмах шли бургомистр и отцы города, цехи, студенты всех наций. Несли значки, знамена, разные палки и фонари.

Суворов вышел на балкон.

-- Виват, виват, Суворов! -- кричала толпа.

-- Виват, Иосиф! -- отвечал фельдмаршал, махая шляпой.

Утром он уехал обратно в армию.

ХII. Жених фаворитки

В посещение Суворовым Вены российский посол граф Андрей Кириллович Разумовский передал фельдмаршалу предписание государя императора прислать князя Павла Гавриловича Гагарина курьером в Петербург, как только он оправится от полученной раны и восстановится в полном здоровье.

В конце июня князь Гагарин приехал в Вену, чтобы далее проследовать в Россию. Он вез радостное известие о двукратном поражении Макдональда на Требии.

Князь явился к графу Разумовскому.

-- О прибытии вашем с важными известиями побед, -- сказал посол, -- будет мною сообщено сегодня же барону Тугуту. Полагаю, что без всякого промедления, князь, вы получите аудиенцию у императора Франца. Однако, между нами, в политической погоде чувствуется перемена. Действия фельдмаршала не находят прежнего одобрения. И в самых дружественных отношениях Австрии и России ощущается некое охлаждение. Думать должно, что сие временно. И, конечно, лично на вас ничем не отзовется.

Князь Гагарин поклонился. Видимо, сообщение Разумовского принял он совершенно равнодушно.

Зато с живостью спросил он:

-- Где граф Рибопьер? Мне необходимо видеть его сегодня же!

-- Кавалер посольства граф Рибопьер ежедневно бывает или, по крайней мере, должен бывать, в моей канцелярии, -- сказал посол. -- Что, вы родственники?

-- Нимало. Ни в каком родстве не состоим.

-- Или, может быть, друзья?

-- Я его никогда не видал.

-- Откуда же такое нетерпение видеть его?

-- Я чувствую к Рибопиеру влечение, -- сказал улыбаясь, князь Гагарин. -- Мне столько рассказывали о его уме, необыкновенных дарованиях и благородстве сердца, что не мог я упустить случая прибыв в Вену, чтобы с ним не повидаться.

-- Увидеть Рибопиера вам будет нетрудно.

Посол дернул сонетку.

Торжественный лакей появился на зов.

-- Узнай, находится ли граф Рибопьер в канцелярии, -- приказал посол. Лакей столь же торжественно удалился.

Разумовский стал расспрашивать князя о военных событиях, о фельдмаршале и боевых впечатлениях.

-- Северная Италия в наших руках, граф. И фельдмаршал желал бы перебросить войну во Францию, будучи уверен в успехе. С ним согласны все в армии.

-- О, дорогой князь! Остерегитесь развивать мысль в присутствии барона Тугута, и, особенно императору Францу, -- с испугом заговорил граф Андрей Кириллович Разумовский. -- Мысль эта не встретит сочувствия и вызовет неудовольствие к вам.

-- Благодарю вас, граф, что вы меня предупредили. Я вовсе не желаю аттестовать себя в Вене с невыгодной стороны. Передаю же вам толки в армии. Сам я на сей предмет мнения не имею, но полагаю долгом своим слепо повиноваться велениям монаршим и распоряжениям ближайшего моего начальства.

-- И благоразумно, князь, -- скороговоркой промолвил посол, -- и совершенно благоразумно.

Появился торжественный лакей.

-- Что? -- спросил посол.

-- Имею честь донести вашему сиятельству, что кавалер посольства граф де Рибопьер в сию минуту находится в канцелярии вашего сиятельства при исполнении своих обязанностей, -- торжественно доложил посольский Меркурий.

-- В таком случае, пойдете к нему, князь, -- предложил посол.

-- С величайшим удовольствием, -- отвечал князь Гагарин.

Они прошли в канцелярию, в кабинет посла.

Саша Рибопьер занят был важным делом: он переписывал ноты для Софии Замойской, когда его позвали к Разумовскому.

Едва кавалер вошел в кабинет, князь Гагарин бросился к нему на шею, и, обнимая, кричал:

-- Как рад я познакомиться с вами, граф! Уверен, что мы будем друзьями.

Рибопьер, несколько удивленный такой экспансивностью, отвечал сдержанно, что весьма рад приятному знакомству.

-- Друзьями будем, граф, друзьями! -- кричал Гагарин с видом откровенного рубахи-парня.

Но кавалер посольства, несмотря на молодость лет, был достаточно опытен и ложное добродушие не могло его уловить в свои сети. Он отлично помнил, что князь едет в Петербург и там может дать ему любую аттестацию.

Дружелюбие князя побудило его к сугубой осторожности. Разумовский это заметил и про себя весьма одобрил.

Князь стал распространяться о петербургских знакомых, в особенности о семействе Долгоруковых, но не называл Лопухиных. Рибопьер обратил

внимание на множество цепей и браслетов, которыми был украшен Гагарин, с крупным шифром княжны Анны.

-- Быть может, вы отпустите графа до окончания служебных часов? -- спросил Гагарин посла.

-- О, разумеется! -- предупредительно согласился Разумовский.

-- Пойдемте к вам! -- увлекая Рибопьера, возбужденно говорил Гагарин.

-- Мне надо о многом важном поговорить с вами.

Когда они пришли на квартиру Рибопьера, князь стал всем восхищаться, находя тысячи достоинств в обстановке покоев. Но вежливый Рибопьер только посматривал на Корреджиево "Молчание". Наконец Гагарин заговорил о княжне Анне.

-- Причина, почему я получил к вам заочно такое дружественное расположение, есть ваша близость к милой моей княжне, товарищу детских игр моих.

-- Смею уверить, вас, князь, -- ответил Рибопьер, -- что никакой особой близости между нами не было, кроме той неизбежной близости, которая получается в танцах, когда кавалер берет даму за талию.

Гагарин пустился в описания своих детских игр с княжной и постепенно зародившегося между ними чувства. По-видимому, своей откровенностью он хотел вызвать и Рибопьера на такую же. Но Рибопьер только посматривал на Корреджиево "Молчание".

-- Наши чувства не имели в себе ничего низменного, происходя из чистейшего источника детской близости, -- повествовал князь, -- но они разгорались и скоро стали явны для наших родителей. Тогда, желая положить пределы закона на сии рождающиеся чувства, по юности нашей еще не могшие превращенными быть в Гименеевы узы, родители наши тайно обручили нас. Но, скоро затем в судьбе княжны Анны великая учинилась перемена. Дружба императора вознесла княжну и все ее семейство на степень честей высших. Я же, между тем, отправлен был в армию. Но тайная переписка между нами все время происходила. О сем я вам открываю, питая дружеские чувства к вам. И причина тому именно сия переписка, в коей княжна вас с лучшей стороны аттестовала.

Князь Гагарин остановился, ожидая вопросов Рибопьера.

Но тот лишь сказал:

-- Если в письмах к вам княжна Анна Петровна о мне отзывалась, то, конечно, вы составили себе понятие о почтительных отношениях, кои нас соединяли как добрых знакомых.

-- Да, да, конечно... Княжна ничего такого не писала... -- подхватил Гагарин.

-- Должен сказать, князь, что несколько удивлен, слыша от вас о таких тайнах ваших отношений к девушке, доверившей скромности вашей свое сердце! -- заметил Рибопьер.

-- Составив о вас лучшее понятие по письмам княжны, отдавшись порыву дружественного расположения, позволил я с вами откровенность, коей по благородству правил ваших, уверен, не зло употребите! -- любезно сказал Гагарин.

Саша Рибопьер молчал и посматривал на картину Корреджио.

Казалось, князь Гагарин колебался, но вдруг сказал:

-- Вы знаете, почему государь меня вызвал из армии? Он меня женит на княжне! Конечно, некогда я питал теплое к ней чувство. Однако, представляется мне сомнительным брак с особой, которая в фаворе. Граф, вы были столь близки к княжне, постоянно ее видали. Скажите, имеете ли вы точные сведения об отношениях государя к княжне Лопухиной?

Кавалер посольства вспомнил подобный же вопрос Замойской и свой ответ ей, снискавший похвалу красавицы его дипломатическим способностям, и повторил сказанное тогда:

-- Видясь ежедневно с княжной Анной Петровной, император почитает ее своим другом и привык в ее обществе отдыхать от своих занятий.

Гагарин свел беседу на венские развлечения и затем простился с Рибопьером, высказывая надежду, что свидится с ним в Петербурге.

Саша поклонился и посмотрел на картину Корреджио "Le Silence", украшавшую его гостиную.

ХIII. Платон Zubov в Вене

Приезд князя Гагарина напомнил Саше Рибопьеру о Петербурге, о княжне Лопухиной и о том мире, с которым он был связан. А беспечная, изящная жизнь Вены совсем было задвинула в его воображении суровое отечество.

Впрочем, о нем еще напоминал "дядька" Дитрих, два раза в неделю в определенные дни и часы неизменно входивший в квартиру кавалера, мгновенно наполняя ее запахом отвратительного кнастера. Старый кавалерист саксонской службы, улыбаясь щучьим своим ртом, садился на известном месте, как раз под картиной Корреджио, и сидел молча около двух часов. Затем уходил.

Донесения свои о поведении вверенного его попечению императором молодого человека Дитрих писал по-немецки на серой оберточной бумаге и давал на просмотр Разумовскому. В них поведение кавалера аттестовалось с лучшей стороны, за исключением некоторого легкомыслия и шалостей, свойственных юности. Для "шалостей" оставлялся пробел, и посол самолично составлял черновик сих "шалостей". Дитрих вписывал затем их в пробел и благополучно отправлял донесение императору.

Тем не менее, безмолвные посещения "дядьки" составляли истое терние в жизни Саши Рибопьера, страшно боявшегося, чтобы кто-либо из приятелей и, в особенности, из приятельниц не застал у него огородное это пугало. Саша приказывал строго лакеям во время пребывания у него Дитриха отказывать всем и ни в коем случае не впускать никого.

Однажды, когда "дядька" сидел по обычаю под картиной Корреджио, вдруг дверь отворилась, и, держа под мышкой треугольную шляпу, с косой и пудренными высокими буклями, в старопрусском долгополом

зеленоватом кафтане и квадратных башмаках, вошел, смиренно склонив на бок голову, почтительный, скромный человек среднего роста.

-- Боже мой! Что вам надо? Я занят! Я никого не принимаю! -- сказал кавалер посольства, бросаясь к незваному гостю и про себя посылая к черту слуг, непостижимым образом пропустивших к нему незнакомца.

-- Я знаю, граф, что вы заняты! -- мягким голосом сказал гость. -- И мне стоило большого труда убедить ваших слуг допустить меня к вам. Прошу вас не взыскивать с них, а мою назойливость извинить. Вы не узнаете меня? Я -- князь Платон Зубов.

-- Может ли быть, князь! Но я положительно не узнал вас! -- изумился Рибопьер.

Трудно было, в самом деле, узнать в этом смиренном человеке надменного, властительного фаворита, который некогда, развалившись перед зеркалом, в то время как парикмахер убирал и пудрил ему волосы, не соизволял обернуться ни для нежного пола, ни для какого вельможи, являвшегося к нему с поклоном, и только слегка кивал им головой, глядя на них в зеркало.

-- Поверьте, князь, -- продолжал Саша, -- если бы я был осведомлен о приезде вашем, то ни в каком бы случае не позволил себе откладывать лестное для меня свидание с вами!

-- Вы очень любезны, граф, очень любезны! -- скромно улыбаясь, говорил Зубов.

-- Прошу вас в мой кабинет!.. Мы тут... занимались кавалерийским уставом с моим... с моим другом Дитрихом... -- сбивчиво объяснял кавалер посольства.

Дитрих встал и почтительно вытянулся, едва Зубов появился.

-- Да, я знаю. Друг мой, Дитрих, -- кротко сказал князь Платон Зубов, -- очень рад вас видеть. Подите теперь домой. Мы с графом побеседуем о петербургских приятелях.

К удивлению Рибопьера, старый кавалерист саксонской службы немедленно повернулся налево кругом и вышел из комнаты.

В данном случае граф Зубов проявил над ним такую же власть, как и Разумовский.

-- Вы, конечно, знаете, граф, причину, побудившую меня прибыть в Вену, -- начал Зубов, оставшись наедине с Рибопьером. -- Государю угодно было, чтобы я принял вызов де Сакса. Я повинуюсь воле монаршей, но должен сказать вам, что питаю отвращение к человекоубийству.

Зубов поднял глаза к потолку и сложил бритые губы свои, слегка отливавшие синевой, в благочестиво-пасторскую мину.

-- Шевалье де Сакс сообщил о сем всей Вене, князь, и я поэтому не могу не знать о предстоящем поединке.

-- Да! Да! Но ведь де Сакс в глубоком заблуждении относительно меня. Почему-то он вообразил, что я сообщник Щербатова. Я же ни при чем был, ни при чем! Я все, время защищал шевалье пред государыней. Но,

увы! великая монархиня, моя всемилостивая благодетельница, не встанет из гроба, чтобы свидетельствовать мою невинность!

На глазах Зубова показались слезы. Он смахнул их кружевным платком. Потом достал с груди медальон с портретом императрицы и, целуя его, повторял:

-- С ней свет мира закатился! Россия осиротела! Мраки самовластия над сею страну распростерлись! Мудрое ее правление сменил некий деспотический вихрь. Если бы вы знали, что делается в Петербурге! Каждый день ссылаются в Сибирь толпы невинных. Офицер, идя на вахтпарад, не знает, вернется ли домой. Все трепещет. Все уныло. Но оставим сие. Поговорим, собственно, о моем деле.

-- Вы, конечно, узнали де Сакса, -- продолжал Зубов, -- слышал я, что вы даже с ним приятели Скажите же, в каком он расположении? Все ли пылает неукротимым мщением?

-- Да, я хорошо узнал де Сакса и дружен, можно сказать, с ним, -- отвечал Рибопьер, -- должен признать его за человека благороднейшего. Но к вам пылает он злобой неукротимой, считая единственным виновником своего злочючения, Щербатова же орудием интриги вашей.

-- Ах, Боже мой! -- бледнея, как слабая женщина на операции, и заломив белые, украшенные перстнями пальцы нежных рук, сказал Зубов. -- Ах, Боже мой! Я это знал! Я это предчувствовал! Но если вы так сблизились с ним, граф, то не можете ли употребить тут влияние ваше? Я готов на всевозможные уступки и извинения в пределах допускаемых правилами чести. Лишь бы избежать бесполезного кровопролития.

-- Обязательность каждого христианина способствовать примирению враждующих, -- сказал рассудительный мальчик. -- В особенности, если вам угодно будет избрать меня своим секундантом.

-- Конечно, конечно, граф! Так вы надеетесь склонить шевалье к примирению?

-- Попытку сделаю, но не отвечаю за успех.

-- Да, да, попытку... хотя б попытку! О, если бы жива была великая монархиня, моя всемилостивейшая благодетельница.

Зубов распространился опять о счастливых временах царствования северной Астреи и о печальном положении, в которое ныне впала Россия.

С этого дня Зубов стал посещать Рибопьера в канцелярии посольства, между тем как шли переговоры о поединке.

Так же смиренно и тихо входил он и каждый раз пространно говорил про покойную императрицу.

И по мере того, как всякая надежда склонить де Сакса к примирению, несмотря на пущенные Зубовым со всех сторон подходы через разных лиц, даже и августейших, исчезла, лицо графа принимало все более синеватый, больной колорит, нос печально вытягивался, и весь он являл картину полного уныния, слабоволия и малодушия.

Наконец, условия поединка были окончательно установлены.

Решено было драться на шпагах в Петерсвальде, на границе Саксонии и Богемии.

Секундантами со стороны князя Платона Зубова были граф Рибопьер и виконт Талейран-Перигор.

Со стороны шевалье де Сакса секундантами были граф Поццо ди Борго и граф Флао де Биллардери.

В четырехместной карете, посадив четвертым лучшего венского хирурга, со своими секундантами выехал Зубов на место поединка. Он уже ничего не говорил, только тяжело вздыхал, и синее лицо его напоминало труп уже заживо. Хирург не раз щупал пульс графа и давал ему нюхать что-то из баночки.

XIV. Поединок в Петерсвальде

Горы, долины с прядавшими по камням ручьями дубовые и буковые великолепные леса, прелесть мощной природы в разгаре лета украшали для Саши Рибопьера эту поездку.

Дуэль -- лихое дело, пробуждавшее в нем романтический рыцарский дух, чрезвычайно занимала юношу, хотя он жалел, что согласился быть секундантом Зубова, малодушие которого отравляло все удовольствие.

Хотя де Сакс со своими секундантами выехали несколькими часами позднее, но они догнали карету Зубова и перегнали ее, первыми достигнув назначенного места -- домика лесничего.

Наконец, и Зубов подкатил в тяжелой своей карете.

Пряча в плечи голову, синий, вылез он из экипажа и отдался в распоряжение секундантов.

Шевалье де Сакс, веселый, улыбающийся, вышел из домика, где хозяин угощал его жареной колбасой из кабаньего мяса и особой настойкой на горных, душистых травах. Он вежливым, коротким поклоном отвечал на смиренный поклон униженного противника и приветствовал Рибопьера и Талейрана. Он так и сиял счастьем близкого мщения.

Взяв под руки шпаги, две компании пошли по узкой тропинке на круглую уединенную лесную -- поляну, хорошо известную де Саксу. Он уже не в первый раз играл своей жизнью среди этой тихой, мирной картины лесного закоулка. Он шел впереди, гордо подняв голову, шел, точно танцевал, легкой походкой, сбивая хлыстиком, бывшим в руках его, головки цветов и пушистых трав.

За ним как-то крался понурый Зубов и казался провинившейся лисицей, усиленно заматающей след хвостом.

За противниками гуськом двигались секунданты.

Сзади всех шел доктор с необходимыми запасами.

Когда они вступили на поляну, вдруг из-за могучих стволов старых грабов выступила цыганка в ярких лохмотьях, босая, с обнаженными руками, на которых блестели бронзовые обручи, с бусами, лентами, амулетами на смуглой груди, с выющимися, как змеи, черными кудрями. Она была молода и, улыбаясь, открывала белые, как слоновою костью, зубы. Глаза ее сверкали. Она была хороша Дикой красотой.

Де Сакс остановился и кивнул ей головой.

-- Вот кстати и колдунья, -- сказал он. -- Погадай нам!

Цыганка засмеялась и, протягивая руки, сказала:

-- Погадаю! Погадаю, прекрасный господин!

Де Сакс положил ей на ладонь червонец. Она схватила его руку и стала рассматривать, все улыбаясь. И вдруг смех сбежал с ее лица, и она стала сокрушенно качать головой.

-- Что же? Или ты пророчишь мне несчастье? -- беспечно спросил де Сакс.

-- Несчастье, прекрасный господин, большое несчастье! -- забормотала цыганка. -- Черный ворон летает над твоей головой. Не ходи два раза в этот лес. Второй раз ты из него не выйдешь. Тебя вынесут с простреленным сердцем. Берегись, берегись, прекрасный господин!

-- Ну, если для меня опасно только опять идти в этот лес, -- беспечно сказал де Сакс, -- то значит сегодня я выйду из него благополучно. А мне только и надо это.

Слышавший слова цыганки и вывод, который из них сделал его противник, князь Зубов зашатался, шарахнулся в сторону от цыганки и визгливо закричал:

-- Прочь! Ступай прочь, бродяга, побирушка, чертова дочка!

Цыганка захохотала, подбросила червонец, данный де Саксом, на ладони и убежала.

Все вышли на поляну. Секунданты нашли обкошенное заранее, по указаниям посланного вперед камердинера графа Поццо ди Борго, место предполагаемого поединка. Противники стали на указанных позициях.

-- Начинайте, господа! -- крикнул граф Флао де Биллардери.

Но прежде, чем обнажить шпагу, князь Платон Зубов вдруг опустился на колени и, подняв глаза к безоблачному небу, принялся усердно молиться, беззвучно шевеля синими губами. Де Сакс, улыбаясь, ожидал окончания этой молитвы.

-- Он бы мог, кажется, помолиться дома, -- заметил, кусая губы, граф Поццо.

Только виконт Талейран де Перигор, как бывшее духовное лицо, тоже сложил руки и прошептал латинскую молитву. Мертвая тишина стояла кругом. В безоблачном небе плавал орел. Солнце щедро заливало полянку. Спелые травы пылили, и сладко пахли цветы. Могучие деревья стояли недвижно точно созерцали в величии ничтожных существ пришедших с распрями к их мощным корням.

Зубов кончил молитву, поднялся, но все не решался обнажить шпагу.

-- Flamberge au vent monsieur le comte! -- крикнул, наступая, де Сакс.

Зубов отскочил и вытащил, наконец, шпагу.

Потом, наступая на шевалье, Зубов наткнулся рукой на его шпагу и, чувствуя, что получил царапину, объявил, что долее не может драться.

-- Вы мне надоели! -- с презрением крикнул де Сакс и нанес ему легкий удар, чуть прорезавший грудь над левым соском.

Зубов вообразил, что у него пробито сердце, выронил шпагу и зашатался. Секунданты подхватили его под руки и решили, что честь омыта кровью.

Но шевалье де Сакс не дожидался их суда, а повернулся и пошел из леса.

-- Мне противно поганить мою шпагу этой тухлой устрицей! -- сказал он графу Поццо ди Борго.

XV. Заяц

Хирург перевязал царапины Зубова, который охал, как женщина.

Затем он уселся в карету с секундантами, и когда домик лесника скрылся из вида, стал мало-помалу приходить в себя.

Синева на лице и под глазами исчезла. Заиграла краска. Угрюмый и растерянный взор заблестал радостной злобой. На губах задрожала змеящаяся улыбка. Он потирал бледные, тонкие, холодные и смоченные потом пальцы, унизанные перстнями.

Вместе с минованием опасности и смирение сменилось надменностью: скоро Зубов былых дней сидел перед Рибопьером. И видом и обращением старался он показать спутникам своим презрение.

Виконт Талейран обменялся многозначительным взглядом с Рибопьером, и они без слов поняли друг друга.

Едва они отъехали несколько верст, с каретой поровнялись двое всадников.

Один из них, молодой человек с толстым и пухлым лицом, на котором как бисерины сверкали маленькие глазки, нагнувшись к окну кареты, крикнул:

-- Здравствуй, друг Платон! Ты жив?

-- А, Щербатов! Здравствуй, братец, здравствуй! -- отвечал Зубов. -- Пусть остановят карету! -- сказал он в пространство, но так как в карете не сидело слуги, то приказание графа Зубова и не приведено было в исполнение.

Щербатов скакал рядом с окном и продолжал заглядывать, переговариваясь с Зубовым.

-- Ну, что? Цел? Жив? Здоров? Дрался? -- спрашивал он.

-- Ты видишь! -- самодовольно отвечал Зубов. -- Две легкие раны, не вредящие здоровью.

-- Отлично. А сам ты подколот батарда?

-- Нет, Любезнейший, не пришлось. Для тебя поберег.

-- Добро. Я буду стреляться. А если оба промахнемся, то на шпагах. Я в деревне сидя упражнялся и таки наловчился. Да вели же ты остановить карету и познакомь меня с твоими спутниками.

-- Да, да... Остановите! Остановите! -- опять в пространство сказал Зубов, и вновь, за неимением в карете слуги, распоряжение его не было исполнено.

-- Стой, кучер! -- крикнул, наконец, князь Щербатов.

Карета остановилась. Рибопьер и Талейран познакомились с князем.

-- Я еще застаю теперь де Сакса в Петерсвальде? -- спросил Щербатов.

-- Наверное, -- подтвердил Саша Рибопьер. -- Шевалье сказал, что будет ждать с секундантами вашего прибытия в городке Петерсвальде, который расположен в нескольких километрах от места поединка.

-- Позвольте вас просить, граф, -- сказал князь Щербатов, -- быть моим секундантом. Со мной запасная, оседланная лошадь. Другой мой секундант, бедный дворянин мелкопоместный, мною из России захвачен для компании. Ведь ничего, сойдет за секунданта? Вы, граф, не побрезгуете?

-- Михеша, подъезжай сюда к нам! -- позвал спутника Щербатов.

Названный Михешей подъехал, держа вторую заседланную лошадь в поводу. Чрезвычайный колер его грушевидного носа и толстых щек обличал в мелкопоместном не последнего из служителей Бахуса. Одет он был в старинный мундир царствования Елизаветы. Петровны и в ботфорты и не мало видывал на своем веку.

Подъехав, он снял шляпу и хриплым голосом доезжачего пробасил:

-- Много лет здравствовать, государи мои!

Саше так противен был Зубов с переходом его от смирения к спеси, что он охотно согласился на предложение князя Щербатова.

Михеша грузно свалился с коня и помог сесть на запасную лошадь Рибопьеру, причем даже придержал ему стремя.

-- Прощай, друг Платон! -- сказал князь Щербатов.

-- Прощай, любезный князь, прощай! -- кивнул головой граф Зубов. -- Постарайся разделаться с батардом по-свойски.

-- Что Бог пошлет, друг Платон, что Бог пошлет! А ты попомни мою услугу, если жив буду. Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое!

Карета тронулась. Всадники поехали по направлению к Петерсвальду.

-- Я слышал, что де Сакс славится искусством биться на шпагах, -- говорил князь Щербатов, -- но каков он стрелок?

-- Шевалье и стрелок превосходный, -- отвечал Рибопьер. -- Вы говорили, что много упражнялись в вашей деревне в стрельбе?

-- Да, это было постоянное мое занятие последний год. Могу сказать, достиг невероятного.

-- И хорошо сделали, ибо иначе неминуемо вам пасть под могучей и ловкой рукой шевалье.

-- Шевалье! Шевалье! -- проворчал Щербатов. -- Только бы мне цель порядочная, я бы вам показал мое искусство.

Они ехали шагом в тени старых, прекрасных буков.

Вдруг выскочил заяц, перебежал дорогу раз, другой и во всю мочь, заложив уши за спину, пустился стрелой вперед по дороге.

-- Дурно, князь, -- пробасил Михеша, -- дурная примета, коли заяц дорогу перебежит! Вернуться бы! Не уйдет поединок-то.

Но князь Щербатов молча достал из кобуры, привязанной к седлу, пистолет и выстрелил в маячившего впереди, как темный, катящийся комочек, косоглазого.

Видно было, как заяц подпрыгнул, перевернулся в воздухе и покатился мертвый по откосу дороги.

-- Ловко! Ай-да, князь! -- похвалил Михеша. Они подъехали к зайцу. Михеша слез и поднял его.

-- Второчи, Михеша, -- приказал Щербатов. -- На ужин нам пригодится.

Они тронулись рысью и, действительно, нашли де Сакса, Поццо ди Борго и Флао де Биллардери в маленьком городке, затеряншемся среди живописнейших гор, в мирной, увитой виноградом, цветущей долине.

Де Сакс сидел под старым каштаном у кабачка и угощал местных властей и почетных обывателей, а также молодых людей и девушек, танцевавших под звуки скрипок нанятых им музыкантов. Близился вечер. Солнце склонилось за вершины горных лесов, и косые лучи его наполняли долину алым сиянием. Воды быстрой речки казались расплавленным золотом. Лица девушек, и так покрасневшие от танцев, озарились нежным пурпуром, от чего они казались еще прелестнее в своей сельской простоте. Они звонко смеялись и обращали лукавые взоры к щедрому красавцу и его спутникам-вельможам.

-- Э, да тут веселье! -- сказал князь Щербатов, подъезжая. -- Михеша, удиви иностранцев, пропляши с девушками бычка.

Но едва де Сакс увидел прибывших, он велел прекратить музыку, встал, пожал руки почтенным гражданам города Петерсвальда, славившим щедрость и любезность знатного господина, и поблагодарил за танцы девушек и молодых людей. Одна из девушек поднесла ему букет алых цветов душистого шиповника, сама покрасневшись, как ее цветы. Шевалье поцеловал девушку, а букет прикрепил на груди. Между тем Щербатов и Рибопьер сошли с лошадей и последний познакомил князя с секундантами де Сакса. С самим шевалье князь Щербатов издали раскланялся.

Противники смерили друг друга холодными взглядами. Вся скопленная годами ненависть закипела в сердце де Сакса при виде наглого обидчика; он отвернулся и сказал своим секундантам, что готов сейчас ехать на условленное Место для поединка.

-- Э, так я сейчас и поехал! -- громко сказал князь Щербатов по-французски. -- Они тут пили, угощались, плясали и целовались с девушками, я же прямо с дороги. Скакал сломя голову из Петербурга. В Вене дня не провел. Прошу извинить, но мы тоже с Михешей хотим выпить и закусить. Кстати, дорогой случилась охота, и дичь подстрелили. Михеша, покажи зайца.

Михеша за уши поднял зайца и показал всем.

-- Хозяин, -- обратился князь Щербатов к румяному содержателю кабачка, -- потрудитесь нам зажарить этого зайца и подайте вина получше.

-- Если этот господин голоден, то пусть кушает зайца, -- сказал шевалье де Сакс. -- Мы же поедем на место поединка и будем ждать у лесничего восхода луны. Драться будет не менее удобно, чем днем.

XVI. Цыганка сказала правду

Луна поднялась над волнистыми очертаниями гор, над осеняющими их лесами и в торжественной тишине окинула голубоватым, таинственным светом долину. Все покоилось безмятежным сном. Ночные цветы сладко пахли! Под старыми буками, осенявшими дорогу, лежала глубокая тень. Лишь узором падали на землю прорезы листвы, словно кто-то к свадебному поезду серебром осыпал дорогу.

В ожидании противника шевалье де Сакс прохаживался здесь с секундантами, тихо беседуя.

Ночь и ожидание борьбы на жизнь и на смерть настроили их философски. Граф Флао де Биллардери, получивший превосходное классическое образование, цитировал гимн Орфея луне по-гречески, восхищаясь античной молитвой:

"О, могущественная царица Селена, знаменитейшая из дев, бдительная луна, обитательница воздушная, верная подруга ночи, ты, сопровождаемая верными звездами, убывая, старея, ты обновляешься, всегда сверкающая; мать веков; ты, которая покровительствуешь людям, посылая легкие сны и управляя пламенными знаками небес, любимица приятной радости и мира, будь предстательницей, о, дева великолепная, сияющая, звездная, и прими наши жертвы!"

Гармонические звуки эллинской речи словно сами наполнены были лунными чарами и производили еще большее впечатление потому, что некогда, тысячелетия тому назад, в такую же тихую, теплую ночь древний человек приветствовал ими прекрасное светило. С тех пор все изменилось много раз на земле. Осталось неизменным лишь небесное светило и обращенное к нему земное слово.

-- А вы помните, что сказал Тассо о луне? -- заметил граф Поццо ди Борго. -- Он сказал, что род человеческий спокойно может дурачиться, ибо его рассудок сослан на луну.

-- И в самом деле, не сплошное ли дурачество вся человеческая жизнь? - сказал де Сакс. -- В ней не было бы ничего великого, если бы не было чести. Только честь, одна честь -- твердое основание среди презренной суеты людского муравейника.

-- Да еще правая месть! -- сказал граф Поццо.

-- И слово, поэтическое и творческое слово! -- сказал граф Флао.

-- Пусть же, если мне суждено сегодня быть убитым, над моей могилой поэтическое слово возвещает прохожим, что среди дурачеств моего века я жил для чести и правой мести!

-- Амен! -- сказали секунданты. -- Но надеемся, что вы останетесь победителем сегодня, как и раньше.

-- А, вот и они! Пойдемте, господа, к назначенному месту.

-- Я бы вам посоветовал избрать какое-либо другое! -- сказал Поццо. -- Конечно, нельзя верить болтовне цыганки. Однако лучше поостеречься. А она сказала, что второй раз вы не выйдете из леса, где пощадили графа Зубова, которого, по-моему, не стоило щадить. Мы, корсиканцы, стараемся у змеи, раз она попала в руки, вырвать ее ядовитые зубы. Поощаженная змея отблагодарит вас жалом. Подождем-те же противника и предложим драться здесь на дороге, вон там, где буки расступаются и вся она залита лунным светом.

-- Я не хочу этого, -- возразил шевалье де Сакс. -- Это было бы малодушием.

-- В таком случае, идемте, -- сказал граф Поццо ди Борго.

-- Пойдите, господа. Дождемся их, чтобы условиться, -- предложил граф Флао де Биллардери.

-- Дождитесь, господа. А я пойду. Мне хочется размять члены и помечтать одному.

И шевалье де Сакс пошел по тропинке, блестящей от росы, через долину, к темневшему лесу беспечно напевая и любуясь спящими окрестностями. Секунданты остались в тени буков. Топот становился все слышнее, отчетливо звуча в пустынных полях среди ночного безмолвия.

-- Какое-то непонятное, тяжелое предчувствие меня томит, -- сказал Поццо, -- я боюсь за нашего шевалье!

-- А он беспечен и спокоен, -- заметил Флао.

-- Человек всегда беспечен на пороге гибели. Судьба любит наносить удары внезапно. Заметьте каким жалким трусом держал себя Зубов. И что же? Судьба отвела от него руку врага.

-- Непонятно, почему шевалье пощадил его?

-- Судьба! Судьба размягчила ему сердце!

-- Почему же должен жить грязный интриган? Почему доблестный характер должен гибнуть?

-- Мир -- болото, предназначенное для ползающих гадов. Дух, окрыленный честью, быстро возносится, отряхая грязь с белых крыльев.

-- Да, но куда унесут его крылья? Есть ли что-либо в этих эфирных безднах? Живет ли кто-нибудь за этими звездами?

Граф Поццо ди Борго не отвечал. На дороге показались всадники и скоро подъехали.

-- Здравствуйте, господа, -- сказал князь Щербатов. -- Извините, что мы заставили вас ждать. Заяц был очень вкусно зажарен, вино недурное и девушки прелестны. А теперь я к вашим услугам.

Щербатов и Рибопьер сошли с лошадей, передав поводья Михеше, который, видимо, отдал значительную дань вину и зайцу, так ярко пламенели и его нос, и круглые щеки.

Он двинулся с лошадьми к домику лесничего чтобы там поставить их в стойло и вернуться для исполнения обязанностей секунданта.

Рибопьер стал обсуждать подробности поединка с секундантами де Сакса.

-- Место -- та же поляна, где состоялся поединок между де Саксом и графом Зубовым.

-- Прекрасно. Но оружие?

-- Князь, как вызванный, имеет право назначить тот род оружия, какой пожелает.

-- Князь избирает пистолеты, -- сказал Рибопьер.

-- Мы согласны.

-- Но в случае, если бы оба промахнулись, -- вмешался в переговоры Щербатов, -- кончим на шпагах.

-- И на это мы согласны. Шевалье уже ждет на назначенном месте.

-- В таком случае, идемте, господа.

-- Но ваш второй секундант, князь?

-- О, догонит нас! Он, знаете, дворянин, но простодушен. К тому же прекрасный лекарь. Умеет заговаривать кровь.

Они пошли тропинкой к лесу и скоро достигли поляны.

Шевалье де Сакс, обливаемый лунным сиянием, сидел на старом пне и, казалось, предавался глубоким размышлениям.

Но едва противник и секунданты показались на поляне, он встал и пошел навстречу, спокойный, улыбающийся.

Граф Поццо ди Борго сообщил ему условия. Он молча кивнул головой.

Секунданты отмерили должное расстояние и развели противников к барьерам, отмеченным брошенными плащами. Вдруг на поляну явился Михеша.

К сожалению, лесничий не преминул его угостить горным травником, что было уже лишним, принимая во внимание предшествовавшее поминание зайца. Михеша явно не годился ни в секунданты, ни в хирурги. Его вела за руку девочка, дочка лесника, и секундант то и дело клевал носом, заплетаясь ногами в высокой, росистой траве.

-- Девочка, назад, -- крикнул граф Поццо.

-- Да и ваш второй секундант едва ли будет нам полезен! -- заметил граф Флао. -- Если он останется здесь, то, несомненно, мы отсюда вынесем тело даже при самом благополучном исходе поединка.

-- Михешка! Разбойник! Он насосался как губка! -- закричал князь Щербатов. -- А еще дворянин! Тебе сделали честь, а ты... Ах, ты!..

Последовали весьма крепкие русские слова.

-- Князь, не р-ругайтесь! -- прохрипел Михешка. -- Я н-не позволю... Мы не в Р-россии, чтобы с-свинство... Я п-потребую сатисфакции.

-- Пошел назад, дурень! -- закричал Щербатов. -- Девочка, веди его назад!

Девочка потянула Михешу за рукав; он хотел противиться, но ноги его двинулись сами и, махнув рукой, секундант поплелся восвояси и скрылся за кустами.

-- И стойло тащить свинью столько верст! -- бесился князь Щербатов. -- Извините, господа, слабость соотечественника!

-- Что ж, посмотрим на это появление достойного российского дворянина как на шутовскую интермедию, какими перемежается нередко трагедия, заметил граф Поццо ди Борго. -- Приступим, господа.

Мгновенная тишина наступила. Луна заливала ярким светом всю поляну, вершины деревьев, точно окидывая их прозрачным, серебряным одеянием.

Противники стояли, опустив пистолеты.

Поццо ди Борго начал счет.

Де Сакс и Щербатов навели пистолеты и стали наступать.

По третьему шагу Щербатов первый выстрелил.

Шевалье де Сакс упал навзничь, как скошенный.

Секунданты бросились к нему.

Уста его только успели прошептать:

-- Цыганка сказала правду!

И его не стало.

Часть 4

Немногие лица, знакомые с одним политическим фактом, которого не называю, найдут здесь желаемое объяснение этого факта: да и для других рассказ мой будет, вероятно, не лишен интереса как прибавление к истории обмана и заблуждений человеческого духа. Нельзя не удивляться смелости цели, какую в состоянии избрать себе и преследовать злоба; нельзя не удивляться средствам, на которые способна она для достижения этой цели.

Шиллер. "Духовидец"

Malheureuse femme! Maudits soient les barbares qui ont corrompu ta jeunesse!
(Несчастливая женщина! Да будут прокляты варвары, которые развратили твою юность!)

Théâtre de Clara Gazul

І. Дым отечества

Трагическая гибель де Сакса взволновала и глубоко огорчила высшее общество, где так любили шевалье. А так как это печальное событие совпало с охлаждением венского и петербургского дворов, то в гостиных выражали негодование на русских варваров, лишивших столицу благороднейшего человека. Теперь находили, что император Павел должен был не подстрекать к поединку, а, напротив, употребить все усилия, дабы склонить противников к примирению. Упоминали, что хотя де Сакс и был незаконный сын, однако августейшая кровь слишком ясно проявлялась в его возвышенном характере и должно было ее щадить. Такие толки и настроения гостиных сделали неприятным и тягостным посещение их для Саши Рибопьера, тем более, что он являлся

секундантом графа Зубова и князя Щербатова. Наконец, смерть де Сакса повергла его в долгую печаль. И ему стало тягостно участвовать в общественных увеселениях. Саша искал уединения, стал заниматься древними. Любимым его приютом теперь была библиотека принца де Линь, который своими обширными сведениями много помогал юноше.

Саша заметно возмужал в течение года, проведенного в Вене. Любовь опытной, блестящей красавицы вывела его из ребячества. По разнице лет София Замойская примешивала к своим ласкам чисто материнскую нежность. Она старалась образовать в нем характер и поэтому испытывала его. Но характер в юноше развернулся сам собою и с поразительной быстротой, точно в нем была стальная свернутая пружина, сразу выпрямившаяся.

Преднамеренная размолвка внезапно привела к полному охлаждению... Тогда временно побледневший образ царственной Селаниры с новой силой возник в его воображении. Портрет ее стал для юноши священной реликвией, талисманом от искушений. При мысли о Селанире сердце его становилось каким-то храмом, полным священного сумрака.

-- О, Селанира! Селанира! -- шептал юноша, прислушиваясь к сладкой боли, от которой ломило у него в груди.

Умная красавица Замойская заметила перемену в своем "паже". Она постаралась перейти с ним к тону добродушной дружбы, довольная тем, что первая пробудила в нем мужчину. Окруженная поклонением цвета европейской аристократии, Замойская вела обширные политические интриги. Она была полька. Отечество и костел занимали главное место в ее жизни. Рибопьер тоже стал ощущать тоску по родине. Как ни была блестяща, интересна, полна ярких впечатлений и утонченных наслаждений жизнь Вены, мало-помалу юношу стал тянуть к себе север. Суровая невская столица теперь представлялась его воображению в мощной красоте.

По ночам сон переносил его домой. Он видел полковых товарищей, родителей, сестер, слуг. Письма его на родину стали обстоятельны, длинны и наполнены пожеланиями возвращения на родину.

Однажды, когда он занимался в посольстве, граф Разумовский позвал его к себе.

-- Садитесь, Саша, -- сказал он, когда кавалер посольства предстал, с должной почтительностью отвешивая поклоны снисходительному начальнику. -- Его величеству благоугодно было выразить свою милостивую волю относительно дальнейшего служебного поприща вашего.

-- Я всецело в руках государя и готов исполнить его священную волю со всем рачением, -- сказал рассудительный кавалер.

-- Государь вновь призывает вас в Петербург. Готовьтесь к отбытию из Вены, -- сообщил посол.

-- Ничего не могло меня более обрадовать, как это милостивое повеление государя, -- воскликнул юноша. -- Меня тянет домой, в отечество, к родным и знакомым.

-- Эти чувства похвальны, -- сказал посол. -- Так и Одиссей желал вдохнуть хоть дым от очагов суровой родины своей Итаки; горький дым, поднимающийся над родными кровлями, казался ему сладким. Но мы будем грустить, расставаясь с вами, милый граф. Мы все вас сердечно полюбили и, конечно, вы будете мной аттестованы императору с отличной стороны.

-- Глубоко благодарен вам, граф, -- сказал юноша. -- Ваш дом, ваше отеческое отношение ко мне сохранятся в моем воспоминании навсегда. Вечная благодарность будет признательной данью моего сердца вам и супруге вашей.

-- Милый Саша, мы привязались к вам, как к сыну. Свезите поклон родителям и всем петербургским знакомым. Сказать ли вам, что преклонило волю монарха к вашему возвращению? В письмах о сем мне сообщают.

-- Скажите, граф.

-- Ну, конечно, настояния вашей приятельницы, рожденной княжны Анны Петровны Лопухиной, а ныне княгини Гагариной.

-- Как, она уже замужем! -- сказал Саша, и странно, хотя он никогда не питал к княжне ничего, кроме дружелюбия, что-то кольнуло его в сердце. -- Она уже замужем! Давно ли?

-- Свадьбу сыграли три недели тому назад. Император был сватом. В настоящее время княгине Гагариной отведены особые апартаменты во всех дворцах столицы и царских пригородных резиденций. Супруг ее занимает особливую квартиру в Петербурге. Блестящее служебное поприще открывается князю. Замечу, что так как он проявил относительно вас горячее расположение в свое пребывание здесь, то и в Петербурге не лишит вас покровительства. А это послужит вам большим подспорьем в прохождении служебного поприща.

-- Никогда! -- с негодованием сказал кавалер. -- Я в нем искать почел бы крайнюю низостью.

-- Впрочем, у вас будет достаточно доброжелателей и покровителей, -- продолжал спокойно посол. -- Княгиня Анна Петровна явится вашей путеводной звездой.

-- О, путеводная звезда со мной! -- сказал загадочно Рибопьер, касаясь груди, где таилась его реликвия.

Разумовский улыбнулся. Умные глаза посла засветились пониманием и малороссийским юмором.

-- Путеводитель юности -- ее золотые мечты! -- сказал он. -- Но в возмужалые годы эти мечты увядают, как первые весенние цветы под суровым дуновением опыта. Впрочем, прощальная аудиенция ее высочества принцессы Марии Вюртембергской вам будет дана через три дня. Я уже говорил с Замойской. Ее же новые распоряжения относительно вас стали известны ранее, нежели мне. Да благословит же Бог ваш путь в отечество!

Посол встал и с нежностью обнял Сашу, подставляя старческую щеку под его почтительное лобзание.

-- Мой милый юноша, -- сказал он, -- княгиня Гагарина выписывает вас в Петербург, надо полагать, потому, что страсть ее к вальсу не прошла с замужеством, а равного вам в сем искусстве не нашлось. Но помните, что теперь еще более надо вам опасаться нарушить волю государя, что уже раз навлекло на вас его неудовольствие. Берегитесь опять взять княгиню обеими руками за талию и заглядываться в ее черные глаза, хотя бы она вас к сему поощряла!

-- Я постараюсь совсем не танцевать вальс с княгиней, -- сказал холодно Саша.

-- Совсем не танцевать -- другая крайность. Помните золотую середину доброго Горация. Нигде она так не служит к нашему благополучию, как на скользком придворном паркете. Впрочем, наблюдая вас, нахожу в вас все, что нужно дипломату и при дворном. С годами усовершитесь в сей науке.

-- Но не в ущерб сердцу, -- сказал Саша.

-- Сердце человеческое подобно луне: оно то в ущербе, то вновь прибывает и достигает полноты, чтобы опять прийти в ущерб.

-- Но с луной бывают затмения. Я не хочу этого для моего сердца.

-- Сердце в узах разума! Сердце в узах разума! И вам не будут страшны ни ущербы, ни затмения. Но должен вас предупредить, за пребывание ваше в Вене все переменялось в отечестве. Император уже не тот, и весь Петербург не тот. Или, точнее, с каждым днем все более уподобляется он огромной крепости. Всюду заставы, рогатки. Жители прячутся в домах своих, но и там трепещут. Ссылают сотнями и тысячами. Подозрительность болезненная императора все возрастает. Припадки безумного гнева все чаще. То правда, что не было еще случая, чтобы он не отменил приказания, данного им во время такого припадка, да беда в том, что чаще ему не докладывают, а спешат исполнить сии повеления, как бы помогая все в империи привести в расстройство и вселить всеобщий ужас к властелину. В сих обстоятельствах тщательно берегитесь, милый Саша, всюду открывающихся пропастей и ловушек! Помните, что так долго продолжаться не может. Великие перемены ждут нас, и в скорости. Претерпенный до конца спасется. Верность будет вознаграждена. Наступит час, и он близок, когда талисман, который таите на груди своей, действительно выведет вас на широкий путь почестей, но пока... столь же тщательно берегите его от посторонних взоров! Не удивляйтесь, что старый взор мой сквозь покровы прозревает. Я -- ваш неизменный друг. Христос с вами, дитя мое!

Старый вельможа прослезился и перекрестил юношу.

Вдруг до обоняния Саши дошел отвратительный запах знакомого кнастера. Он обернулся. В дверях стоял "дядька" Дитрих и безмолвно улыбался щучьим своим рылом.

-- А, честный Дитрих! -- сказал посол. -- Я нарочно послал за вами. Вверяю вашему попечению нашего кавалера, с коим имеете вы, по высочайшему государя императора повелению, отбыть обратно в пределы Российской империи. Уверен, что аттестация ваша с отличной стороны

представит поведение графа его величеству. Впрочем... о сем мы поговорим с вами особо! Идите теперь, граф. Я освобождаю вас от служебных обязанностей. Приготовляйтесь к отъезду.

II. Чужой опыт

-- Итак, мы с вами расстаемся, милый граф, -- сказал де Линь, когда Саша Рибопьер входил в библиотеку принца. -- Замойская сообщила мне эту грустную весть. Я видел слезы в ее прекрасных глазах... Счастливый юноша!

Старый принц вздохнул, улыбаясь.

Саша покраснелся, но самолюбие его было польщено. Впрочем, он не испытывал особого волнения при мысли о разлуке с красавицей. Образ царственной Селаниры безраздельно владел всем его существом. Хотя теперь странное раздвоение ощущал он в себе.

С тех пор, как он узнал высочайшую волю и возвращение его было неминуемо, хотя это и совпадало с собственным его желанием и отечество также манило юношу и призывало к себе, но в то же время и вся прелесть беспечной, счастливой венской жизни представлялась воображению. Он ощущал грусть разлуки с прекрасным городом. Он уходил, многократно оборачиваясь назад и простирая руки к покидаемому.

Саша изложил эти колебания своей души принцу.

-- Нам приятно видеть, что мы сумели так привязать вас к венскому обиходу, -- сказал принц. -- Впрочем, едва ли в данное время отечество усладит вас светлыми впечатлениями. Хотя оружие русских, как всегда, покрывается лаврами, но мрачные тучи раздора и ненависти, самовластия и произвола отравляют организм государства. Теперь в ваше отечество скорее может призывать суровый долг гражданина, чем собственное влечение. Толпы изгнанников покидают Петербург. Одни, чтобы прозябать в глухих дебрях Сибири, другие, чтобы укрыться в родовых поместьях, наконец, третьи совсем покидают отечество. Многие переплывают море, чтобы найти убежище в свободном Альбионе. Иные едут в Голландию, в Германию. Ожидается в скорости наезд русских и в Вену. Вот в какую минуту вам, милый юноша предстоит увидеть вновь гиперборейское небо!

-- Да, я уже слышал об этом от графа Разумовского, а раньше от графа Зубова. Но все же я не теряю надежды на милость государя к нашему семейству. Император всегда так уважал и любил отца.

Старый принц покачал головой.

-- Не доверяй улыбке падишаха -- в его устах сверкнули львиные зубы! Эта восточная пословица пристала особенно к императору Полю, дивному смешению версальца двора Людовика-Солнца, рыцаря гроба Господня, прусского экзерцирмейстера и восточного деспота. Я знал Павла Петровича еще наследником. Живо помню его при французском дворе с прелестной супругой. Его ум, образованность, множество

прекрасных черт души его мне известны. Наконец, мысль о нем всегда соединяется в моем воображении с прекрасным закатом королевской Франции, который мы, увы! почитали утренней зарей прекрасного безоблачного дня! Антуанетта! Людовик! -- взволнованно произнес эти имена старый принц и на мгновение закрыл лицо руками.

-- Милый юноша, -- продолжал он, поборов волнение, вызванное воспоминаниями, -- пред нашей разлукой я хотел бы передать вам некоторые выводы моего опыта. Хотя я отлично знаю, что чужой опыт мало учит, поражая ум, но не сердце, обиталище наших страстей, во всяком случае то, что я скажу вы выслушаете не без пользы для себя.

-- Ваш опыт, принц, усвоенный мною, станет для меня заповедью, -- сказал юноша.

-- Да, да, не льстите старику! Но тот, кто видел гибель королевской Франции и крушение престола святого Людовика, пережил столько, что получает способность прозревать самое будущее. Поверьте пророком не так трудно быть. Надо лишь познать глубину человеческого безумия, легкомыслия и ничтожества. Я видел конец царствования Людовика XV. Я видел юный двор дофина и Антуанетты. Я сопровождал графа и графиню Северных в их путешествии. Я служил великой монархине -- Марии-Терезии. Я видел Семирамиду севера, сопровождал ее шествие в Крым, видел лагерь Потемкина... Я познал Восток и русских властителей и вельмож. Я никогда не стану осуждать императора Павла за строгости им введенные в гвардии. Но Россия семьдесят лет была управляема женщинами и их любовниками. Сразу невозможно изгнать изнеженность нравов, интриганство, лесть, подлость, коими заразились высшие сословия в вашей империи. Император Павел принял скипетр с лучшими намерениями. Но пошел к цели своей слишком прямыми и быстрыми шагами. Он повелел гражданским чиновникам открывать присутствия с шести часов утра при свечах. В царствование родительницы Павла они едва собирались к часу и двум дня. А роскошь вельмож! Их наряды, усыпанные брильянтами! А безумная карточная игра! А беспутство гвардейцев, даже солдат! Все это я знаю. Все это должно обуздать. Но... император Павел погибнет в борьбе с национальными пороками русских, развившимися под женской властью!

Принц де Линь прошелся по книгохранилищу. Кумиры богов и бюсты великих певцов древности и Франции спокойно белели в сумраке обширного покоя, стены которого покрывали ряды фолиантов. В венецианское окно смотрел сад, испещренный красками осени.

Саша с изумлением слушал принца.

В первый раз при нем так говорили о правлении великой монархини, перед памятью которой он благоговел.

-- Принц, -- сказал он, -- мне тяжело слышать такое беспощадное осуждение правления великой императрицы, которая была мне второй матерью!

-- Императрица Екатерина, -- великая императрица и великая женщина. Не мне ли принадлежит это наименование ее -- Catherine le Grand? И я

благоговею пред ее памятью. Но она все же была женщина, отдававшая дань всем женским слабостям. Гений Екатерины отлетел вместе с ней. Пороки ее вельмож, гвардии, дворянства остались. С ними задумал борьбу Павел -- и погибнет. Милый друг, поверьте опыту старого принца, придворного и дипломата, -- легче править людьми, потакая их слабостям, чем пытаться исправлять их пороки. Но когда колонна падает, безумец тот, кто останется под нею стоять. Император Павел -- шатающаяся колонна. Знайте это, милый граф, и остерегайтесь. Берегите себя для будущего.

-- Принц, не вы первый предостерегаете меня. Хотя я не понимаю, что может угрожать столь мощному монарху, которому беспрекословно повинуются миллионы.

-- Могущественный монарх! -- сказал с горечью принц де Линь. -- Но разве не были могущественны короли Франции? Разве им не повиновались так же слепо? Разве еще дофином Людовик XVI не был обожаем своим народом? И где все это? Видите, по воздуху плывет к нам в окно паутина. На конце ее висит смелый паучок. Но дунет ветерок, паутинка упадет на землю, и нога случайного прохожего раздавит паучка. Таково и могущество монархов и сильных мира. Это гнилая сеть, жалкое ветхое вретище. Буря народных волнений рвет ее в клочья. Здесь, в Вене, в аристократических домах ее, в этом тихом книгохранилище вы видите призрачный мир, кунсткамеру, в которой собраны обломки прекрасного прошлого. Но будущее не с нами. Новый дух веет в народах и все сокрушает, перестраивает, перерождает. Не знаю, остановится ли он на пороге России. Но император Павел объявил ему войну. Он противопоставил ему все свое самовластие. И это вторая задача, достижение которой его погубит. Он хочет воскресить рыцарство и облагородить русское пресмыкающееся у ног его дворянство. Он этот дух рыцарства соединяет с духом Версаля и духом Фридриха и полагает, что тем самым остановит победоносное шествие духа торгашеского мещанства. Но он сам и вся его империя в руках английских торгашей. Такова насмешка судьбы!

Принц помолчал. Потом подошел к двери, которая вела из книгохранилища в концерт-залу и заглянул туда. Убедившись, что никто не мог слышать его слов, принц подошел к Рибопьеру и прошептал ему на ухо:

-- Император Польша погибнет. Недовольный поведением Австрии и образом действий Англии в Голландии, он готовится внезапно выступить из коалиции и, соединившись с Бонапартом, обещавшим ему Мальту в качестве гроссмейстерского ордена, объявить Англии войну, наложить на английские товары запретительное "эмбарго", двинуть казаков на завоевание Индии, а самому вызвать на поединок монархов враждебных держав, чтобы решить распрю народов Божьим судом! Общий голос, что император помешан...

III. На почтовом дворе в Софии

В конце октября 1800 года Саша Рибопьер со своим "дядькой" Дитрихом подъезжали к Софии, последней остановке перед Петербургом.

Уже вечерело. Небо затянуло серой мглой. Моросил дождь. Только на западе в расселину туч прорывался свет незримого солнца и блестел на измятом жнивье, пожелтелой придорожной траве и на мокрых, почти голых, чахлах кустах и березах. Туман клубился над однообразной низиной, дышавшей унынием и скукой. Дорога от долгих дождей превратилась в бесконечное корыто, наполненное жидкой грязью. Четверка лошадей еле тащила поломанную простую повозку с верхом -- более утонченный экипаж совсем бы отказался служить. Путники, измученные ухабами и рытвинами, закиданные грязью, только и мечтали об остановке, дабы погреться, обсушиться, почиститься, поесть и попить, отдохнуть, переменить лошадей, кое-как починить и подвязать первобытный экипаж и затем, пусть к поздней ночи, достигнуть Петербурга.

Городок София чуть виднелся в стороне и тонул в тумане, сумерках, за пеленой морозящего дождя. На совершенно пустом месте стоял близ дороги длинный деревянный дом в три жилья, окрашенный полосами в три цвета, как и шлагбаум, перегораживавший дорогу, -- в желтый, белый и черный прусские цвета. К нему примыкал двор, совершенно утонувший в навозе и обставленный конюшнями.

У шлагбаума по другую сторону красовалась такая же полосатая жилистая будка, у которой стоял офицер в штиблетах, зеленом мундире с отворотами и фалдами, в буклях, с косой, в трехрогой шляпе и с эспантоном в руке, на который он оперся весьма картинно. Около сидели на поленнице дров несколько инвалидов в подобном же одеянии. Все курили трубки.

С первого взгляда можно было заметить, что почтовый дом полон проезжающими. Не только весь двор заставлен был всевозможными экипажами, каретами, бричками, таратайками и просто телегами, но еще и вне двора, вокруг постройки и у забора стояли повозки. Многие были нагружены кладью, ящиками, узлами, сундуками. Одни были отпряжены. К другим подводили лошадей. Кучера, ямщики, лакеи в ливреях и дворовая челядь самого разнообразного обличья, а также кузнецы с клещами и молотами шныряли между повозками, суетились, кричали, переругивались и пересмеивались.

Тут же возились собаки, хрюкали свиньи и поросята и бодался грязный козел. Все три жилья почтового дома были полны. Несмотря на довольно пронзительный холод, мокроту и ветер, окна были открыты. В них шел дым табачный, светились сальные свечи и доносился гам голосов. Все трубы тоже дымились, обличая тем усиленную стряпню к ужину столь многолюдного сборища.

-- Что это у вас за съезд такой? -- спросил Рибопьер офицера, подошедшего для просмотра подорожной.

Содержимое документа, очевидно, не только удовлетворило офицера, но и исполнило почтения к новоприбывшим.

-- У нас всегда так, последнее время, граф, -- ответил офицер. -- Одни покидают столицу, другие возвращаются в оную. По высочайшему повелению! Все по высочайшему повелению! С женами, с детьми, с больными стариками, в двадцать четыре часа -- марш! Иностранцы и россияне все оной судороге подвержены. Вот в том жилье, за перегородкой, жена неаполитанского банкира на голых досках вчера от бремени разрешилась. Муж едва ума не потерял. И что же? Дня не промедлили, далее двинулись!

-- По такой адской дороге! Может ли статья? -- сказал изумленный Саша.

-- Побыли бы на моем месте, так сказали бы, что под нынешним царем все может статья! -- сердито ответил офицер.

-- Однако я вижу, у нас в России ныне стали поговаривать весьма вольно! -- заметил удивленный Саша.

-- И стали говорить вольно. Потому что все равно нет спасенья. Молчи - бьют, и говори -- бьют. Так лучше ж говорить. Коли не донесут, так оклеветают. Коли за неисправность не вышлют куда Макарка телят не гонял, так за исправность сто палок закатят, да и в Сибири сгноят. У нас, граф, народ в отчаяние впадает. А когда русский человек впал в отчаяние, ему море по колено. Пойдемте в почтовый дом, там наслушаетесь достаточно. На все бока честят, особенно бабы. Вот там карета госпожи Жеребцовой стоит. А сама она на чистой половине пребывает. Послушайте, что она говорит. А окна открыты и всякого народа полно.

-- Возможно ли, и Ольга Александровна Жеребцова выслана из Петербурга, -- вскричал Рибопьер.

-- Кажется, сами от греха выезжают из пределов Российской империи вслед за английским посланником Витвортом. Он уже неделю как нас миновал.

Саша велел подъехать к крыльцу почтового дома и, поспешно выскочив из повозки, вошел внутрь.

Сени были завалены пожитками.

Налево обширная комната набита была разнообразным народом обоего пола и всякого звания, смешавшимся в полном беспорядке, сидевшим даже на полу, на узлах и сундуках.

Направо была названная офицером "чистой половиной" другая комната. В ней Саша неожиданно застал целое общество хороших петербургских знакомых. На старых вольтеровских креслах, обитых простой рогожей, да и то порванной, сидела в собольей, крытой алым бархатом шубейке чернобровая, сероглазая, румяная, пышная и красивая Ольга Александровна. Против же, на стуле, помещался граф Шуазель.

Несколько дам со своими мужьями, высылаемыми по высочайшему повелению в их деревни, сидели у стола и играли в карты.

Несколько гвардейских офицеров, по собственной сообразительности торопившиеся скрыться из столицы, стояли кружком около красавицы Ольги Александровны и старались услужить ей. То несли ей под ножки скамеечку в виде полена, обернутого чьим-то кафтаном, то раскуривали

для нее трубку высекая в русской печке огонь при помощи кремня и трута. Жеребцова любила в дороге курить. Каждый из них надеялся за услуги удостоиться чести быть приглашенным в спутники, в карету ее, хотя б до следующей станции. А кто знает? Если понравится, то, быть может, и в Англию с собой захватит Все это общество неумолчно стрекотало по-французски.

Неслыханные по вольности восклицания поразили уши Саши Рибопьера, едва он переступил порог комнаты.

-- Тиран! Вампир! Бесчеловечный изверг! Позор Европы! -- кричал один из гвардейцев.

-- Пора же, наконец, нам переменить свою constitution и ограничить зверообразное самовластие! -- воскликнул другой.

-- Нельзя же доверять судьбы целой страны и миллионы подданных умалишенному!

Саша остолбенел, слыша все это, публично провозглашаемое, при открытых окнах, когда кругом сновал всякий народ.

Вошедший вслед за ним "дядька" Дитрих безмолвно улыбался щучьим своим рылом.

-- Саша! Вас ли я вижу! -- вдруг воскликнула Жеребцова, взглядевшись во вновь прибывшего.

Все обернулись на это восклицание и, узнав Рибопьера, с живостью приветствовали юного камергера.

-- Откуда вы взялись, граф? Неужели возвращаетесь в Петербург? Кажется, вы были на побывке в Вене? Что влечет вас, новый Даниил, в ров львиный? -- такие и подобные вопросы и восклицания сыпались на Рибопьера.

-- Оставьте его, господа, -- сказала Жеребцова. -- Вы его совсем затормошили. После Европы ему чудно попасть в наш хаос. Он растерялся прямо Подите, Саша, ко мне! -- поманила красавица, по своему обыкновению выставляя для поцелуя полные, прелестные локотки свои и пряча пальцы, которые она не любила, находя слишком большими. И единственным признаваемым ею в себе недостатком. -- Садитесь вот тут, на этот бочонок. Он немного засалит вас, но вы и так залеплены дорожной грязью. Да и где тут думать об опрятности, когда Петербург превратился в истый свиной хлев!

-- Или в лабиринт, где живет Минотавр, пожиратель людей! -- крикнул один из гвардейцев.

-- И сторожащий прелестную Ариадну! -- прибавил другой.

-- Поджидающую нового Тезея! -- ввернул третий.

-- Думаю, что от древнего Минотавра было менее навоза, чем от всероссийской свиньи в ее хлеву! -- заключил четвертый.

-- Перестаньте, господа, прошу вас! -- приказала красавица. -- Вы окончательно оглушили нашего милого графа, который, сказать á parte, замечательно возмужал и похорошел за свое пребывание в Вене.

-- О, после такого вступления можно ожидать что графу предложено будет ради безопасности повернуть обратно в карете Ольги

Александровны! -- проворчал толстый гвардейский полковник, сидевший на другом бочонке.

-- Молчите! -- крикнула ему красавица. -- Милый Саша, расскажите, как вышло, что вы покинули Вену и возвратились в отечество?

IV. Туда и обратно

Рибопьер скромно сообщил, что он вместе с другом своим, ротмистром Дитрихом, возвращается из Вены в Петербург по высочайшему повелению государя и не ожидал видеть и слышать то, что представилось ему здесь.

-- То ли еще услышите, -- сказал толстый полковник, -- если неделю только проживете в Петербурге.

-- Вот что я скажу вам, граф, -- начала Жеребцова, -- у нас теперь конец октября, и видите, я уезжаю из Петербурга и из России совсем, в Англию, у меня слава Богу, есть друзья в Лондоне. Его величество король Георг очень со мною близок. Лорд Витворт выехал раньше меня и приготовит мне отель, где я проживу до весны... В конце марта месяца или в начале апреля, когда пройдет суровость погоды, теплое веяние растопит ледяные покровы земли, засияет новое, молодое солнце, тогда, в светлый праздник освобождения и возрождения России, я вернусь. Надеюсь, что найду вас в полном благополучии, милый Саша. Хотя ныне всякий обыватель Петербурга живет в нем, как на вулкане. Я удивляюсь тому, что венские друзья не задержали вас и отпустили в Россию.

-- Но граф Разумовский получил высочайшее повеление.

-- Ах, Саша, каждый день выходят повеления, отменяющие предшествующие, и часто высланные из столицы, промедлив в пути, возвращаются обратно с фельдъегерем, посланным им вдогонку. Нами играет прихоть случая. Никто не знает, что будет с ним завтра...

-- Но все убеждены, что долго так продлиться не может, -- досказал толстый полковник.

-- Долго так продлиться не может, -- хором подхватили гвардейцы. -- Перемена необходима! Она неминуема.

-- Вы удивляетесь тому, что слышите здесь, на почтовом дворе, на народе, при открытых окнах, -- опять заговорил полковник. -- Но поймите, мы дошли до предела. Всякая безопасность утрачена. Молчи, говори, делай так или иначе, ступи вправо или влево, все равно ни за что нельзя ручаться. Мы долго трепетали молча. Но все же надеялись, все же не постигали всего ужаса нашего положения. Теперь нет никаких уже сомнений. Если так продлится, мы все осуждены на бесчестье, ссылку, каторгу, на самую казнь. За что? Про что? Деспотический вихрь нас подхватил и несет в бездну. Без революции, среди глубокого мира в стране мы переживаем террор и не хуже французского. Более полтора ста офицеров гвардии вышли в отставку и добровольно уединились в дальних поместьях. Те, что еще служат, идя на вахтпарад, на всякий случай зашивают в подкладку деньги, ибо часто прямо с парада сажают в

тележку -- и марш-марш! Да всего ни рассказать, ни описать. Надо самому пережить. Что ж?

Русский человек таков по природе своей, что крайняя опасность делает его равнодушным к самой гибели и развязывает ему язык.!

-- Я уже слышал это сейчас, -- сказал Саша Рибопьер.

-- От кого?

-- От офицера на заставе.

-- Ну, вот, видите!

-- Я полагал, что найду вас в Петербурге, -- обращаясь к Шуазелю, продолжал Рибопьер, -- а нахожу здесь. Я везу вам теплые приветствия от принца де Линь!

-- Ах, принц де Линь! Старый друг! Как я вам благодарен! -- обрадовался Шуазель. -- Ну, что он, так же увлекателен, этот Протей мысли? Как его здоровье? Что нового в Вене?

Старик засыпал Рибопьера сотней вопросов, касавшихся двора и венских гостиных.

Рибопьер удовлетворил по мере возможности старика, который казался совершенно подавленным, опустившимся, дряхлым, чему способствовали беспорядок его костюма, измятое, грязное жабо, порванные кружева манжет, криво сидящий парик и запачканный кафтан. Старику пришлось спать не раздеваясь в кордегардии и он выехал, не успев ничего захватить из вещей, только снабженный кредитивом знакомым английским купцом, тоже сидевшим с ним в кордегардии и затем высланным в Лондон морем.

-- Да! да! Принц де Линь, старый друг... -- шамкал старик. -- А мы, эмигранты, лишились милости его величества, да! -- с горестью говорил он. -- Принц Конде выслан! Король Людовик и доблестная дочь мученика Елизавета скитаются по лесам и степям Литвы! Да! да! Нас оклеветали, и дело роялистов погубило... погубило... -- повторял Шуазель, и голова его задрожала. -- Мы переживаем в России вторую революцию и террор!

Рибопьер извинился и попросил позволения удалиться, чтобы распорядиться относительно повозки и лошадей.

Когда он вышел, толстый полковник сказал:

-- Этот мальчик рожден дипломатом. Впрочем, он еще напитан венским воздухом. Поживет в Петербурге -- переменится.

Оказалось, что Дитрих уже все наладил. Повозку лечили трое кузнецов, что-то накаливая и наваривая, в то время как в нее уже впрягали свежих лошадей, и сам смотритель почтового дома наблюдал, стоя перед Дитрихом на вытяжку. Такое волшебное действие кавалерист саксонской службы оказывал на всех смотрителей империи.

Он предложил Саше поесть из дорожного запаса тут же в экипаже и трогать дальше, чтобы "папенька раньше обрадовать", с необыкновенной ужимкой, по-русски объяснил Дитрих. Саша согласился. Вдруг кто-то тронул его за рукав.

Он обернулся. Перед ним стоял худой и мертвенно бледный, высокий человек. На нем было офицерское платье, но превратившееся почти в

рубище нищего. Лицо обросло бородой, и лысая голова была обвязана какой-то рванью. На ногах его были мужичьи лапти и онучи, да и те разбиты и оборваны.

-- Граф, ради Христа, -- умоляюще сказал он. -- Войдите в наше ужасное положение!

-- Что такое? -- спросил удивленный Саша. -- Кто вы, государь мой?

-- Я не нищий, граф, -- поспешил объяснить неизвестный. -- Я -- дворянин и офицер, и честный человек. Но со мной жена и двое малюток. И мы уже неделю ютимся здесь, питаюсь подаянием проезжающих, не имея сил и средств двинуться дальше. И это в виду Петербурга, где, уверены мы, милость монаршая утрет слезы невинных страдальцев... И мы не одни тут! Здесь полная изба таких же несчастных офицеров, и некоторые тоже с женами и детьми... Без копейки, в рубище; питаемые только милосердием проезжающих, тщетно умоляем мы довести до начальства о нашем ужасном положении... Как же мы в таком состоянии покажемся на улицах столицы. Рассудите, граф, сами!..

С возрастающим изумлением, состраданием и прямо ужасом слушал Саша несчастного.

-- Но я не могу понять, как все это могло случиться? -- сказал он. -- Объясните, государь мой, как попали вы, дворяне и офицеры, в столь затруднительное положение.

-- Ах, граф! Нас множество таких! Со всей России по всем трактам пешком бредут такие же несчастливцы, как и мы. О, граф, если бы вы знали все ужасы, мной и несчастной женой и детьми моими уже претерпленные, вы... Простите слабость мою, граф! -- несчастный зарыдал, закрываясь руками.

Саша чувствовал, что у него самого подступают и щиплют в горле слезы. Схватив за руку офицера, он просил его успокоиться и рассказать по порядку все.

-- Верьте, что я помогу вам всем, чем только возможно для меня будет.

-- Граф, -- поборов волнение и глубоко вздохнув, заговорил офицер. -- Из многих полков армии, по всей России стоящих, по ложным доносам пред его императорским величеством были многие офицеры оклеветаны и подверглись ссылке, некоторые в дальние города Сибири. Однако по расследовании невинность их стала явной, и по высочайшему повелению возвращены им звания, отличия и позволено вступить в те же полки чином выше, в коих и раньше служили, но при том для личного представления государю императору должны мы все без всякого промедления к Санкт-Петербургу явиться. Что ж, высочайшая сия милость в пущую кару обратилась нам, несчастным, испытуемым Промыслом! И без того небогатые, лишившись имущества при высылке и, конечно, обнищав в Сибири, принуждены мы многие с женами и детьми, пешком, Христовым именем в столицу пробираться! У многих поумерли жены и дети. Иные сами пропали. Все переболели и претерпели великие злоключения от стужи, голода, унижений! Ах, граф, истинно заглянули мы в пучину человеческого бедства, и только тем утешались,

что многих столь же страждущих рабов встречали, кои свой последний кусок мякинного хлеба с нами делили и последним лоскутком холстины детей наших укрывали! То видя, Бога славили, но и в самом лютом злострадании не теряли надежды на милость и правосудие доброго нашего государя! Жена моя, бедняжка... Ах, граф, она лишь на высочайшую щедроту живет надеждою, веруя, что отца встретит, лишь бы нам к его величеству достичь! Ведь он всех бедств наших не знает, Он хотел нас, призывая к себе, возвеличить. Знал ли он, что из того воспоследует? Огорчив невинных, как отец, к себе в столицу, призывает, желая обласкать и одарить из своих рук. Ведь те же рабы крепостные, подданные немилостивых господ, прославляют государя Павла Петровича, облегчившего участь их положением три дня работать барщину, а три на себя. Крут государь к гвардейцам, да к каким? К богатым, нежным маменькиным сынкам-офицерам, а к гвардейским солдатам нам известна милость царская, всегда дарит щедро. Так мы не теряем на его величество надежды. Но начальники -- злодеи! Они что с нами делают? Как не донесут государю, что и голодны мы, и хладны, и босы, и раздеты! Имеем мы по прибытии в столицу явиться к его сиятельству Санкт-Петербургскому военному губернатору, графу фон дер Палену. Да ведь как же в рублище мы в столицу войдем? И стыдно, как офицеру и дворянину, и субординация не позволяет! А паче жена и детишки больные не имеют сил оставшиеся немногие версты до столицы по невылазной грязи, в дожде, холоде, ветре пройти... Также и многие офицеры больные в нашей избе. И дети и жены больные же! А между тем и из сей избы смотритель нас гонит и отказывается печь в ней топить. И он прав. Дрова казенные. Пройдите к нам, граф! Убедитесь своими глазами, что все сказанное мною не ложно, и, прибыв в столицу, доведите о сем до сведения его сиятельства военного губернатора фон дер Палена!

V. Под отчей кровлей

Не столько утомленный дорогой и умиленный сладостью свидания с близкими, сколько взволнованный первыми впечатлениями отечества и потрясенный ужасным положением нищих офицеров армии, их жен и детей, -- и это в тридцати верстах от столицы! -- Саша Рибопьер входил под отеческую кровлю тихого дома на Моховой. Здесь все было по-старому: и вещи, и слуги; отец по-старому принял его с тихой неопределенной улыбкой, с тихими объятиями и поцелуем и с тихими словами о своем удовольствии видеть сына здоровым, возмужавшим и преуспевшим по службе. Потом появилась величавая шатан и скромные выросшие и похорошевшие девицы-сестры. Их привет был столь же тих и порядлив. И тотчас же послали за священником отслужить благодарственный молебен Господу Богу, возвратившему сына семье и отечеству.

-- Рара, кроме молитвы, освятите день моего возвращения благотворением, -- сказал тогда Саша, и все, что накопело в его сердце, хлынуло потоком беспорядочных слов.

-- Поймите, папа, дворяне и офицеры, с женами и детьми, без копейки, почти в рубище, голодные. И это в тридцати верстах от столицы! Подумайте, сколько еще несчастных влечется в пути... Офицеры армии, проливающие кровь за отечество, пострадавшие невинно, возвращенные государем, ввергнуты бессмысленным распоряжением начальства в пучину бедства! Можно ли остаться равнодушным? Не должно ли немедленно оказать им всякое содействие! Обратиться к государю, к великому князю Александру, к Палену, к Ливену...

Мудрый "Dieu du Silence" зорко смотрел на сына во время внезапной, порывистой и сбивчивой его речи.

-- Обратиться к государю, к великому князю, к Палену, к Ливену... -- повторил он за ним, как бы вслушиваясь в звук этих имен. -- Постой! Постой! Нельзя так, вдруг, не сообразясь. Вот мы помолимся, ты почишься, покушаешь, отдохнешь с дороги, и мы тогда обсудим дело обстоятельно, бесстрастно, не спеша.

-- Папенька, невозможно! -- воскликнул Саша. -- Маменька и сестрицы, невозможно!

-- Что невозможно? Молиться или чиститься и кушать? -- с улыбкой спросил старый Рибопьер.

-- Невозможно даже и молиться, зная, что эти несчастные... Ах, если бы вы видели и слышали их!

-- Ну, хорошо. Обсудим это дело сейчас. Но прежде все-таки позволь поблагодарить твоего наставника господина ротмистра фон Дитриха за все его о тебе попечения и предложить ему удобство, стол и отдых. Господин фон Дитрих, сердечно благодарю вас! -- продолжал старый Рибопьер, обращаясь к "дядьке", который вошел вслед за юношей и был безмолвным зрителем встречи, семейных объятий и благородного порыва Саши. -- Еще особенно и усиленно благодарить вас имею! Но это -- завтра. А теперь прошу вас на антресоли.

Но Дитрих, улыбаясь щучьим рылом, ответил что он тоже не может ни "чистить себя", ни "кушать", ни "молидва", ни "засыпать", а должен сейчас ехать в "свой казарма", к "своей начальник" генераль-аншеф Брискорн фон Ленау-Вюльшенбург-Толль.

-- Как угодно, господин фон Дитрих, как угодно! Служба -- прежде всего, -- сказал старый Рибопьер. -- А завтра навестите меня после полудня для особенной моей благодарности.

-- О, да! непременно буду, -- ответил "дядька" и удалился, оставив в комнате струю специфического княстерного смрада.

-- Наконец-то я свободен от этого уroda! -- сказал облегченно Саша.

-- Еще ли свободен, увидим, -- загадочно возразил старый Рибопьер. -- Но оставьте нас с Сашей, мы потолкуем обстоятельно... Да приготовьте ему все же кушать. Да уведите людей от дверей.

В дверях действительно толпилась дворня и впереди всех кормилица Саши и нянюшка его, проливавшие слезы и причитавшие, какой-де он стал красавец, какой умник, какой мужчина и т. д.

В один прыжок Саша очутился у дверей, обнял и расцеловал всех, подбежал к другим дверям и там всех перецеловал.

Вслед за тем оставили сына с отцом наедине.

Старый Рибопьер подождал, потом тщательно запер двери, предварительно убедившись, что за ними никого не осталось, задвинул их тяжелыми драпировками и, подойдя затем к сыну, нежно обнял его вдруг дрожащими руками и безмолвно, но страстно стал осыпать лицо и голову сына поцелуями. Затем отстранил его, вытер влажные глаза, сел в кресло, а на другое, возле себя, указал сыну.

-- Потолкуем, -- сказал он. -- Ну! Quid? Quis? Ubi? Cur? Quomodo? Quando? Quibus auxiliis? (*Что? Кто? Где? Почему? Каким образом? Когда? При чьей помощи?*)

Саша знал эту манеру отца каждое дело обсуждать по риторической хрии, по которой и иезуиты исповедуют духовных овец своих.

Он не спеша повторил все, что слышал на почтовом дворе в Софии. Рассказал и про Жеребцову с гвардейцами.

-- Удивляюсь тому, что армейские офицеры, столь преданные государю, страждут, а гвардейцы открыто поносят его, не боясь доноса! -- заключил он рассказ свой.

-- Да, это странно, конечно, по-видимости, -- сказал задумчиво старый Рибопьер, -- но на свете нет действий без причин. Если эти гвардейцы так говорили, то почему-либо считали сие для себя безопасным.

-- Как может безопасной быть такая неосторожность, легкомыслие и неосмотрительность! -- удивился юный Рибопьер.

-- И неосторожность и легкомыслие могут иногда быть следствием весьма осмысленного, предустановленного плана. Венские дипломаты разве сего тебе не объяснили? -- сказал старый.

-- Меня многому в Вене научили, о чем сейчас и доложу вам, батюшка. Однако, скорее можно принять объяснение офицера на заставе, что отчаяние развязало, всем языки, -- сказал юный.

-- О, друг мой, ведь все заставы и караулы в непосредственном ведении военного генерал-губернатора столицы, графа фон дер Палена. Он у нас ныне главная персона. Все от него исходит и к нему возвращается. Он имеет в своем заведовании иностранные дела, финансы, почту, полицию, а как состоит военным губернатором столицы, то сия должность предоставляет ему начальство над гвардией.

-- Но если так, то и вольные толки караульных и гвардейцев, и бедствия армейских офицеров на почтовом дворе в Софии, в тридцати верстах от столицы, непосредственно касаются Палена и даже не могут не быть ему известны?

-- Да, непосредственно касаются. Да, не могут не быть ему известны, -- спокойно подтвердил старый Рибопьер.

-- Но как же это так? -- в совершенном изумлении спросил юный Рибопьер.

Dieu du Silence молчал.

-- Мне, впрочем, нет дела до вольных толков гвардейцев... -- заговорил опять Саша.

-- Ну, конечно. Рибопьеры никогда не были доносчиками, -- вставил отец.

-- Но я не могу презреть просьбы невинных страдальцев. Я клялся употребить все мои старания к облегчению злосчастной участи их и всех возвращаемых невинно пострадавших, коих принуждают на собственное иждивение являться в столицу где бы и в каком бы положении их не застало высочайшее повеление, -- продолжал сын.

-- Что же ты намерен делать? Воля государя императора священна и должна быть в точности выполняема, -- сказал отец.

-- Но государь, конечно, и не ведает о том, что выходит из его повеления. Мог ли он бы тогда на нем настаивать? Он хотел оказать милость невинным страдальцам, и если узнает, что из этого проистекло, конечно, отменит свое повеление или прикажет снабдить их прогонами и одеждой, устроить их семьи.

-- Так, если ему это все доложить, то все сие, конечно, и воспоследует именно так, как ты говоришь. От природы государь имеет прекрасное, человеколюбивое и благородное сердце и в светлые минуты доступен высоким порывам, честно соглашается даже, что ошибался. Но кто будет ему сие дело докладывать?

-- Папенька, поезжайте сейчас во дворец и попросите кого-нибудь, чтобы доложили о вас государю и все ему расскажите.

-- Поехать сейчас во дворец? Попросить кого-нибудь! Но кто же; однако, сей всемогущий чародей "кто-нибудь"?

-- Ну, барон Николаи или граф Кутайсов.

-- Николаи? Кутайсов? Нет, я не поеду во дворец просить их о таком деле. Притом же повеление отдано Палену. Значит, и обратиться надо к нему. Или к военному министру Ливену. Если ты так тронут участью сих офицеров, то и обратись к ним сам.

-- Отлично. Я сейчас поеду! Переоденусь и поеду! -- вскакивая, сказал юноша.

-- Постой. Странно, ты в Вене возмужал, тебе уже девятнадцатый год. Немного, конечно, но Ливену всего 25, а он уже третий год управляет военным министерством. А ты, право, мальчиком, до отъезда был степеннее. Что ты торопишься? И доброе дело нужно делать с умом. И даже скажу, что добрые дела в наше время, быть может, опаснее злых. Итак сообрази, что теперь уже поздно. Завтра утром ты можешь все это выполнить спокойно, обдуманно и своевременно. Твои офицеры много и долго уже терпели. Потерпят и еще несколько часов. Тем слаще для них будет миг избавления. Я вот что тебе советую. Ты знаешь, что военный министр, граф Христиан Андреевич Ливен, уже генерал-адъютантом и пользуется полным доверием и милостью его величества. Он же твой

приятель. Служба его при особе государя начинается с 6³⁰ часов утра. Расстается он с государем только в обеденную пору, в час пополудни. В четыре часа Ливен опять уезжает во дворец и освобождается не ранее восьми часов вечера. Значит, если ты приедешь к нему в три часа, то в самую будет пору.

-- Да! да! Он прямо и может доложить все государю!

-- Прямо ли -- другой вопрос и его дело. Но ты знаешь, что он недавно женился на прелестном ребенке, -- ей только что минуло пятнадцать лет, -- Дашеньке Бенкендорф.

-- Знаю. В Вене еще слышал. Я помню Дашеньку на празднике в Смольном, как она бегала в горелки с государем, Понятовским и принцем Конде.

-- И на котором ты столь удачно танцевал вальс с Лопухиной, ныне княгиней Гагариной, -- улыбаясь, сказал старый Рибопьер.

-- Не напоминайте мне об этом проклятом вальсе! -- краснея, сказал Саша.

-- Что так? Или разлюбил? А Гагарина еще на днях у меня спрашивала о тебе и прямо заявила, что с тех пор, как ты уехал, и вальса протанцевать не с кем. Но вернемся к нашим планам. Ты можешь приехать в три часа к Ливенам. Это час, в который очень легко застать у них или самого графа Палена, или графа Бенигсена, который может устроить твоё свидание с военным губернатором, или обоих вместе. Значит, ты можешь сообщить о своих офицерах кому захочешь.

-- Я буду просить Ливена доложить о сем великому князю Александру. Сердце его есть чистое милосердие.

-- И ему, если хочешь. Значит, пока до завтра. А теперь расскажи мне о том, что открыли тебе венские дипломаты.

Саша передал весьма обстоятельно беседы свои с Разумовским и принцем де Линь.

-- Да, они взялись прозревать будущее, -- сказал, выслушав, родитель. -- Но кто знает уготованное грядущим днем? То правда, что здесь все пришло в расстройство и полное смущение. Умы в брожении. Казематы переполнены. Но это не останавливает толков. Действия и намерения государя противоречивы и часто загадочны. Скажу тебе для руководства, доброжелателям государя лучше помалкивать. И те, кто говорит о нем вольно и поносят его, в меньшей опасности, чем те, кто, зная его от природы высокую душу, пытаются спасти его гибнущую репутацию, предупредить его, остановить от ошибок и отзываются о нем с любовью. Да, любить Павла ныне едва ли не опаснее, чем ненавидеть. Это странно, очень странно. Но так. Спасать его -- пагубная мысль. К тому же, и тот, кто преклоняется, зная императора Павла, пред высокими сторонами удивительного его характера, признает, что невозможно иметь такого властелина. Но... погребите все сие в тайниках души своей, и даже, если возможно, истребите из самой памяти. Помни золотое правило, которым я всю жизнь руководствовался. Нашел -- молчи, потерял -- молчи, увидел -- молчи, услышал -- молчи.

VI. Норд-вест

Однако, если бы Саша и хотел истребить из памяти своей с самого отъезда из Вены преследовавшую его весть о скорых переменах в отечестве, он не мог бы этого сделать -- так все вокруг него было как бы насыщено ожиданием перемены, и в жуткой тишине замерзшей и затаившейся столицы, залитой непрерывными дождями, с постоянными наводнениями от дующего с моря бурного норд-веста, сиповатый вой которого не переставал в трубах, в напряженном этом смятении пришедшего в полное расстройство и хаос общества, ширились и росли невероятные слухи, не только шепотом, но и полным голосом передававшиеся за несомнительную истину.

Раздевать Сашу к ночи явился его лакей и друг детства, ныне уже совершеннолетний молодой человек Саввушка. Они вместе играли, учились, прокази ли, и теперь Саввушка с благоговением и восторгом взирал на своего барина, камергера и кавалера посольства. Саввушка был бледнолицый, белокурый, с большими голубыми глазами, чрезвычайно вежливый, набожный и начитанный юноша. Он даже сочинил нежную песню, какие в моде были тогда, и она была напечатана в журнале "Трудолюбец отдыхающий", серенькие листочки коего выпускал в свет знакомый его бакалавр богословия. Саввушка долго слушал рассказ молодого своего барина о венской жизни. Когда же тот спросил о петербургских новостях, то вздохнул и сказал: "Худо, очень все худо!" На вопрос, что же именно так уж "худо", Саввушка выложил целый ворох слухов, обращавшихся в среде дворовых столицы и крепостных мужиков, бывших здесь на оброке. Говорили разное. Но все приходило к тому, что надо ждать большой перемены. Слухи, шедшие от дворовых богатых домов Петербурга, были неблагоприятны императору Павлу Петровичу. Слуги здесь разделяли недовольство господ и толковали, что государь всю гвардию хочет перевести и всех офицеров выслать и заменить иностранцами, что собрался жениться на актрисе Шевалье, а государыню постричь в монахини, великих князей запереть в Шлиссельбурге, что, наконец, дрожа и оглядываясь, шептал Саввушка, государь сошел с ума и доктора, сколько ни лечат, вылечить его не могут; толки оброчных крестьян были прямо обратного содержания; все симпатии их, как и вообще простого народа, были на стороне Павла; оброчные толковали, что государь в великой опасности, что господа задумали известить его за то, что полегчил крестьянам -- повелел три дня в неделю править барщину, а три -- работать на себя самих; за это господа и возненавидели царя-батюшку, да за то еще, что при восшествии своем на престол повелел и от крепостных крестьян присягу принимать, чего прежде того не бывало; и тем государь народу давал волю, становились крепостные наравне с вольными, значит, но сенаторы, вельможи и бояре вольность в указе подскоблили, а царя окормили, так что он лишился рассудка. Таким образом, слухи сходились в этом пункте: Павел Петрович явно ославлен

был умалишенным. Когда же Саша рассказал о несчастных офицерах, Саввушка вдруг сообщил, что всюду говорят, что государь невзлюбил казаков и задумал всех перевести, а для того погонят их воевать Китай, через великие степи, где все они с голоду должны помереть. Саша изумился, как мог проникнуть в народ, хотя и искаженный, слух об индийском походе, о чем сообщал ему принц де Линь в Вене как о величайшей дипломатической тайне. Очевидно, немного на свете мудрецов, следующих золотому правилу его родителя.

Пополнив всеми рассказами Саввушки первые впечатления петербургской жизни, Саша уснул крепчайшим сном и встал по утру совершенно бодрый, веселый, кипящий энергией. Утро посвятил он на посещение некоторых из своих товарищей, и еще при этом наслушался всякой всячины. Множество знакомых домов были заколочены, и хозяева их со всей семьей и дворней перекочевали в поместья, подальше от греха. Многие знакомые гвардейцы были высланы. Опала при этом постигла их семьи и родных. Петропавловская крепость была переполнена. На гауптвахте ежедневно собиралось самое разнообразное общество. Кто попался с жилетом или круглой шляпой, в коих почитался революционный дух, кто произносил в обществе слова, исключенные по высочайшему повелению из русского языка и замененные другими; то какая-либо дама при встрече с государем не выскочила достаточно стремительно из экипажа; то другая не сделала достаточно глубокого реверанса, боясь перемочить в луже, среди которой судьба судила ей повстречать Павла Петровича, свои юбки. Бесчисленные анекдоты передавались товарищами Саше. Самые необыкновенные распоряжения сменялись еще более удивительными, отменялись, и внезапная отмена служила источником новых притеснений обывателей, действовавших по старому повелению, не ведая об его отмене, и попадающих впросак. Действительно, казалось, что какой-то злой дух издевается над столицей или расстроенный ум приводит все в хаос и на каждом шагу ставит затруднения, ввергает в несчастья и бедствия, приводит к разорению, лишает покоя и уверенности в безопасности, в завтрашнем дне. Понятным становился этот единомушный голос, что государь помешался.

Рибопьер пробовал заступиться за государя, приводя в пример положение возвращенных из ссылки офицеров, о котором государь, конечно, и не подозревает. Не делается ли то же постоянно начальниками, именем государя применяющими так его распоряжения, что из благих намерений монарха проистекают бедствия. Желая погубить государя, вызвать общее недовольство, эти начальники... Крики негодования, насмешки, хохот прервали рассуждения Саши.

-- Видно, что ты долго пробыл в Вене и не испытал на себе всего того, что испытали мы, если можешь заступаться за тирана! -- кричал один.

-- Это правление ужаса! Это позор Европы! -- кричал другой.

-- Доколе же нами будет распоряжаться умалишенный изверг? -- кричал третий.

И все смешалось в общем хоре.

-- Конституцию! Пора обуздать зверообразное самовластие! Мы довольно терпели. Нам нечего терять. Хуже быть не может. Один уже конец! Это продлиться долго не может!

Саша припомнил слова родителя, что теперь заступаться за Павла неприятнее и даже опаснее, нежели поносить его. Он умолк и перевел беседу на венские маскарады.

К трем часам он поехал к Ливенам. Они жили на Большой Миллионной, как раз напротив казармы первого батальона Преображенского полка.

Там он в самом деле застал и военного губернатора Палена и длинного, сухого, накрахмаленного и важного графа Бенигсена.

VII. Обезьяна в апартаментах

Пятнадцатилетняя прелестная женщина-ребенок, Дашенька Ливен, с золотистыми локонами и глазами-сапфирами, с тоненькой шейкой, прозрачными ручками, весело болтала около мужа, молодого идеального немца, высокого и стройного графа Христиана Андреевича, в 25 лет невступно генерал-адъютанта, военного министра и начальника военно-походной императорской квартиры.

Военный губернатор Пален сидел на обычном месте у вощеного круглого столика, на котором стоял необходимый ему огромный графин с лафитом, разбавленным водой. Пален ежедневно заезжал к Ливенам провести с ними час-другой.

Этот огромный, широкоплечий, лобастый немец все время сыпал шуточками и прибаутками, смешил Дашеньку и забавлял ее рассказами о различных приключениях столичного дня. Как начальнику полиции, ему было известно решительно все.

Когда же Палену надо было сообщить нечто важное военному министру, Дашеньку выпроваживали, и она, надув губки, уходила, жалуясь, что эти несносные дела отнимают у нее мужа даже в те немногие часы, когда он свободен от служебных обязанностей.

Если при этом присутствовал граф Бенигсен, то он не произносил ни слова. Но время от времени Пален просил его справиться у своей "памяти". Тогда Бенигсен методически и не спеша доставал толстейшую записную книжку, всю исписанную бисерным готическим письмом и, отыскав страничку, подносил ее Палену. Тот читал и возвращал книжку, каждый раз хваля осведомленность и отчетливость Бенигсеновой "памяти".

Появление Саши Рибопьера встречено было супругами Ливенами с живейшей радостью. Военный министр обнял Сашу и поздравил с благополучным прибытием в отечество.

Дашенька, протянув ему ручку для поцелуя, выразила удовольствие, что теперь возвратился один из лучших вальсеров Петербурга.

-- Как княгиня Гагарина будет рада! -- воскликнула Дашенька. -- Она всем жалуется, что после вашего отъезда ей не с кем вальс танцевать!

Садитесь, однако, и послушайте ужасно потешное, что нам милый Пален рассказывает.

Огромный Пален с ужимками буффона налил стакан лафита и выпил залпом, заливая "танталову" жажду, обычно пожиравшую его внутренности. Потом продолжал рассказ, прерванный появлением Рибопьера, состоявший в том, что у какой-то княгини, большой кокетки, есть маленькая обезьянка. Эта обезьянка, привязанная на длинной цепочке, жила в чуланчике, рядом с уборной княгини. Но однажды в ее отсутствие порвала цепочку и пробралась в уборную. А так как из своего чуланчика она хорошо могла видеть все, что делала около туалета ее хозяйка, то и не преминула заняться украшением своей особы. Все коробки, флаконы были открыты. Обезьянка облила себя всевозможными духами, потом вымазалась помадой от макушки до кончика хвоста; затем высыпала на пол всю пудру и тщательно в ней вывалялась...

Серебристый неудержимый смех Дашеньки прервал военного губернатора.

-- Ах, как потешно! Какая прелесть! -- воскликнула она, хлопая в ладони. -- Рассказывайте, что было дальше, милый Пален! Рибопьер, слушайте, слушайте! Наверно в вашей Вене не бывало такого удивительно смешного?

-- Il se regarda au miroire, -- продолжал Пален, -- et, satisfait de cette transformation, il la rendit compéte en s'appliquant du rouge et des mouches, ainsi qu'il l'avait vu faire sa maitresse; seulement il se mit le rouge sur le nez, et la mouche au milieu du front... [*Она посмотрела в зеркало и, довольная этим преобразованием, решила его сделать полным при помощи румян и мушек, как видела она, поступает ее хозяйка; только румяна она положила себе на нос а мушку прилепила посреди лба*]

-- Le rouge sur le nez! ха! ха! ха! -- в восторге залилась, как серебряный колокольчик, звонким смехом Дашенька. -- Et la mouche au milieu du front! ха! ха! ха! Рибопьер вы только себе представьте: Le rouge sur le nez!

-- Ce ne fut pas tout! [*Это еще не все!*] -- продолжал Пален.

-- Обезьянка прикрыла верх хвоста кружевным чепчиком княгини, ленты же обвязала вокруг пояса, и внезапно, когда меньше всего ее могли ожидать, посреди ужина появилась в столовой, вскочила на стол и побежала через блюда, все опрокидывая на пути, к хозяйке. Дамы подняли крик. Они думали, что это появился дьявол. Все вскочили. Но когда рассмотрели, что это любезный Альманзор, -- так звали обезьянку, -- подняли общий дружный хохот.

-- Милый Альманзор! Какая прелесть!

-- Христиан! Непременно купи мне обезьянку! -- обратилась Дашенька к мужу.

Военный министр, однако, рассудительно заметил:

-- Я нахожу, что обезьяны весьма потешны, если смотреть на них издали, но держать их в апартаментах невозможно. Они там позволяют себе всякие шалости и от них замечается нечистота и дурной запах.

-- Совершенно верно, -- сказал Пален, -- обезьяны потешны издали. Но иметь постоянно общение с глупой, избалованной, злой и нечистоплотной обезьяной в апартаментах, слуга покорный.

И Пален, подмигнув Бенигсену, захохотал. Grimаса улыбки исказила вытянутое лицо графа. Что касается Ливена, то он опустил глаза и придал лицу самое безразличное, "общегвардейское" выражение.

Заметив, что Рибопьер, видимо, не расположен потешаться рассказом о проказливом Альманзоре, а последняя выходка Палена насчет "обезьяны в апартаментах" повергла его в недоумение, военный министр завел с ним серьезный разговор о последних военных действиях итальянской армии. Рибопьер готовился перейти к мучившему его делу несчастных офицеров, когда появился лакей и доложил Ливену:

-- К вашему сиятельству с повелением государя императора флигель-адъютант полковник Альбедиль!

И сейчас же в гостиную скорым шагом в полной парадной форме вбежал запыхавшийся толстый, курносый, низенький, коротконогий немец.

Остановившись во фронт, он выпучил глаза и громко проговорил:

-- Имею честь доложить вашему сиятельству, что государь император мне высочайше повелеть соизволил доложить вам, что ваше сиятельство изволите быть...

Полковник Альбедиль остановился, багровый, с выпученными глазами, широко раскрытым ртом и выражением крайней степени ужаса на толстом лице.

Это было до того неожиданно и комично, что Дашенька опять расхохоталась, как звонкий серебряный колокольчик.

-- Дурак! -- вдруг выпалил Альбедиль, и схватившись за голову, жестом полного отчаяния, повернул направо кругом и со всех ног бросился вон из гостиной. Он питал глубочайшее почтение к Ливену, начальнику военно-походной императорской квартиры и его непосредственному командиру и преисполнен был чувств беспредельной к нему пре данности. Поэтому необходимость исполнить столь своеобразное повеление государя повергло его в неопиcуемый ужас и горе.

-- Вот она, -- обезьяна в апартаментах! -- проговорил сквозь зубы граф Пален.

Дашенька, еще не понимая, что такое произошло, продолжала смеяться. Ливен был мертвенно бледен, яростно сжимал кулаки и кусал себе губы, стараясь овладеть собой.

-- Не хотите ли стакан лафиту? -- предложил, посмотрев на него пронизательно, Пален.

Но хотя Ливену и было всего 25 лет, он не даром занимал третий год пост министра. Совершенно овладев собой, он попросил Дашеньку прекратить смех, неуместный, когда дело идет о неудовольствии государя.

-- Дело весьма серьезно, Дашенька, друг мой! Если государь так на меня разгневался, то, может быть, я уже не министр и не генерал-адъютант ничто. Может быть, сейчас... -- он не договорил.

-- Все может быть! -- сказал себе под нос Пален.

Слова мужа привели впечатлительную Дашеньку к другой крайности. Она вдруг смертельно напугалась, всплеснула руками, и на ее сапфирах забегали слезинки.

-- Боже мой! Чем же ты прогневал государя? -- воскликнула она.

-- Решительно не могу уразуметь. Кажется, ничего такого... Ах, Боже мой! -- вдруг вскричал Ливен, ударяя себя по лбу. -- Вспомнил! Ах, Боже мой! Как я мог забыть! Какая неисправность! Я погиб, пропал! О, Боже мой!

-- Что такое, Христиан, что такое? -- мгновенно облившись слезами и простирая ручки к мужу вскричала Дашенька.

-- Император, -- с выражением холодного трагического ужаса на правильном, красивом лице сказал Ливен, -- продиктовал мне вчера благодарность карабинерному, его высочества Морица Саксонского, полку и велел мне быть на вахтпараде и прочесть рескрипт, когда после церемониального марша государь повернется и скажет: "Ливен, читай!" А я...

-- А ты? Что же ты? -- всплеснув руками, вскричала, рыдая Дашенька.

-- А я, -- с тем же трагическим спокойствием договорил Ливен, -- я о приказании государя позабыл, а как от присутствия на парадах вообще освобожден, то и не явился на ревю.

-- Воображаю себе государя, как он поворачивается и говорит: "Ливен, читай". А Ливена нет! Тут последовали гром, молния, землетрясение и посылка бедного толстяка Альбедиля, -- говорил Пален.

-- Я должен сейчас же ехать во дворец. Может быть не все еще пропало. Дашенька, друг мой, успокойся! Я сейчас о всем извещу маменьку.

Маменька графа Ливена, строжайшая статс-дама императрицы Марии Федоровны, пользовалась громадным авторитетом при дворе. Но Дашенька, перепуганная, рыдала, восклицая:

-- Мы погибли! Государь разгневался! Он нас вышлет! Он отправит Христиана в Ишимск! Он посадит его в крепость!

С бедной девочкой сделалась истерика. Граф Пален устремился к ней со своим стаканом лафита. Ливен вызвал женщин и сдал Дашеньку им на руки.

Затем он позвал Рибопьера в соседнюю комнату и сказал ему:

-- Милый друг, ты видишь сам, в каких я обстоятельствах. Однако надо кончать твое дело. При тебе, конечно, письма от Химеры к Амуру?

Рибопьер показал на свою грудь.

-- Прекрасно. Передай их сейчас же мне и через полчаса они уже будут в руках Селаниры.

-- Неужели мне не будет дарована награда лично передать ей эти письма? -- спросил Рибопьер.

-- Сейчас это невозможно, совершенно невозможно. А оставлять письма при тебе еще хотя бы на день значило бы подвергать тебя без всякой надобности крайней опасности. Отдай же мне письма и не беспокойся. Знай, что услуга твоя без награды не останется.

Рибопьер достал письма и отдал их Ливену, который сейчас же их спрятал за широчайший обшлаг долгополого кафтана.

Чувствуя, что выбирает неподходящую минуту, Рибопьер не мог, однако, противиться голосу человеколюбия и сказал:

-- У меня есть просьба к тебе, граф!

-- Какая? Я готов все для тебя сделать. Только говори поскорее. Для меня дорога каждая минута.

Но едва Рибопьер стал рассказывать о бедствиях офицеров на заставе, лицо военного министра выразило крайнюю степень разочарования, неудовольствия и досады.

-- Ах, Саша, -- сказал он. -- Ну, есть ли мне теперь время слушать о каких-то офицерах, как бы ни были они несчастны, и тем менее могу я о сем докладывать государю, когда я сам, быть может, через полчаса буду навеки несчастным! К тому же заставы в ведении военного губернатора. Пален здесь. Обратись к нему. Прости меня! В другое время и всякую другую просьбу я всегда выполню. Считаю меня своим должником. А теперь...

Не договорив, военный министр поспешно ушел.

VIII. Стакан лафита

Рибопьер вошел в гостиную, где Пален и Бенигсен продолжали сидеть безмолвно и невозмутимо, один прихлебывая лафит, а другой в позе египетской статуи.

-- Позвольте мне обратиться с покорнейшей просьбой к вашему сиятельству! -- сказал Саша, подсаживаясь к Палену.

-- Сделайте одолжение, граф, -- прищурился Пален. -- Не хотите ли стакан лафита?

-- Я не хочу лафита, благодарю вас.

И Саша стал рассказывать не раз уже рассказанное им за это утро.

-- Офицеры в Софии, в почтовом доме, с женами, детьми, без средств, в бедственном положении? -- переспросил Пален. -- Но как же это может быть? Офицеры гвардии, сосланные по высочайшему повелению, после того, как открылась их невинность, возвращены в их местности, но не получили права приезда в столицу. И, наконец, они не могут оказаться без средств, ибо конфискация имущества их в действие приведена не была.

-- Вы говорите об офицерах гвардии, я же сообщаю вам об армейских офицерах!

-- Об армейских?! А-а-а! -- протянул Пален. -- Чего же вы от меня хотите?

-- Я почел долгом своим довести до сведения вашего сиятельства как военного губернатора столицы, ведомству коего принадлежат заставы, о

столь печальном положении боевых офицеров, невинно пострадавших и взысканных милостью монаршей, и коим самая милость сия обратилась в злополучие, что, конечно, не было в путях монарших предусмотрено.

-- Если моему ведомству подлежат заставы, то из этого следует, что меня касается лишь печальное положение самих сих застав, будь таковые в неисправности, а совсем не тех проезжих, кои на сих заставах в почтовых домах по нерадению застряли.

-- Но войдите же в положение несчастных, граф! -- взмолился Саша. -- Человеколюбие возмущается, взирая...

-- Ба! ба! ба! Мой юный дипломат! Вы не знаете этой армейщины! Он дорогой проигрался, промотался, в банях, парясь с девками в Валдае, пропился и теперь не имеет штанов! А вы верите! Вы, граф, есть еще неопытный.

-- Но если это и так окажется, то я прошу хоть расследовать дело. Уверен, что это подлинно страждущие не по своей вине. И во всяком разе жены и дети невинны в мотовстве мужей.

-- Э, граф, да не сделала ли впечатления на ваше сердце какая-либо из сих армейских Эвридик и Антигон? Хе! хе! Впрочем, обратитесь к Ливену. Ему, как военному министру, это более подведомственно, нежели мне.

-- Да я только что к нему обращался!

-- Ну, и что же?

-- Он послал меня к вашему сиятельству.

Граф Пален развел руками.

Негодование овладело юношей. Взвинченные нервы не выдержали. Это бесчеловечие, это ледяное равнодушие возмутило его до глубины сердца.

-- Граф, -- сказал он, и голос его юношески зазвенел. -- Вы упомянули о гвардейских офицерах. Я тоже видел несколько их в Софии. Не мое дело доносить на них, но я убежден, что вы, начальник полиции, не можете не быть осведомлены о том, что кричат при открытых окнах, что, наконец, и здесь громко говорят в среде гвардейцев. И вот, граф, в то время, как гвардейские офицеры, осыпанные милостями, сыновья богатых родителей, имеющие связи, состояния, имения, взысканные судьбою баловни, только за строгость военного устава, только за тягости караулов и вахтпарада, только потому, что открыто не могут метать банк и фараон и принуждены носить букли, косу и старопрусский кафтан, громко, не стесняясь, поносят государя при своих недостатках, полного высокого рыцарства и лучших намерений, и это проходит для них безнаказанно, -- в то время, говорю я, офицеры армии, проливавшие кровь в боях, губившие силы и здоровье в походах, невинно пострадавшие и для кого самая милость монарха в кару обратилась, голодные, холодные, босые и видящие в болезнях, голоде и холоде жен и детей, -- как они говорят о государе?! О, если бы вы слышали их! Сколько беззаветной преданности, веры, любви к царю в этих простых сердцем честных рубаках! Сколько истинно русской покорности Промыслу и Божию помазаннику! И что же? Когда я говорю о незаслуженных, вопиющих страданиях верных слуг

царя и отечества, говорю военному министру, говорю вам, военному губернатору, что встречаю я в вас? Полное равнодушие! Полное безучастие!

Задыхаясь, Саша остановился.

И Пален и Бенигсен сидели недвижимо, устремив на него пылавшие злобой глаза.

-- Да... не хотите ли... стакан лафита? -- медленно, тихим, шипящим, сдавленным голосом произнес, наконец, фон дер Пален.

-- Я не хочу лафита! Я вам уже сказал!.. -- теряя всякое самообладание, крикнул Рибопьер. -- Нет, я так не оставлю этого дела! Я найду путь довести о нем до сведения государя! Я скажу ему, что начальники так исполняют его повеления, что даже милость царскую обращают в бедствие подданных!

-- А знаете, юноша, -- зловеще проговорил Пален, -- что вы затеваете опаснейшую игру.

-- Я ему скажу, -- совершенно ослепленный чувством благородного негодования и своими девятнадцатью годами, продолжал Саша. -- Я скажу все государю! Как! Ни за что ссылаются сотни офицеров, обнесенных пред царем! И когда ошибка открылась, когда он их прощает, хочет видеть, что бы лично утешить, вознаградить за все напрасные страдания, начальники так устраивают, что они нищими, в рубище прибывают к столице! И когда я говорю это людям, имеющим власть, надо мной смеются! О, где же правда? Где честь? И что же это такое? Сколько таких офицеров? Ропот гвардейцев я знаю. Что же, хотят восстановить против государя и армию? Но я этому воспротивлюсь. Долг, честь и совесть мне то повелевают! Я спасу государя!

-- Ого! Какой острый юноша! -- крикнул Пален. -- Да... не хотите ли стакан лафита? -- прямо проскрежетал он в ярости.

Глаза Бенигсена пламенели, как у волка. Но он не произносил ни звука.

Вдруг в гостиную вошел граф Ливен. Он сиял счастьем.

-- Все кончилось благополучно! Маленькое землетрясение... Государь вышел в ботфортах, шляпе и с тростью... Два раза принимался метать молнии. Я стоял опустив глаза... Наконец, вулкан иссяк, потух, и тогда... все обошлось... Мы сидели на софе рядом и говорили, как друзья... Благодарение Богу" Государь опять ко мне милостив! И надо признаться что в светлые минуты он опять обаятелен. Я руку его, на моем плече лежащую, целовал, как у любовницы. Ведь я не чаял и возвратиться к вам, мои добрые! Что это вы сидите с такими физиономиями? Рибопьер, что с тобой? Ты сообщил свою просьбу графу?

-- Да, вот прикатил к нам из Вены дипломат начиненный порохом. Хочет спасти государя!

-- Что такое, что? -- внимательно вслушавшись переспросил Ливен.

-- А вот сам расскажет. А мы с Бенигсеном пойдем. Нас призывают дела службы и мы не читали "Новой Элоизы". До завтра, Ливен!

IX. Противоречия

-- Что у тебя-то с ним вышло? Расскажи, пожалуй. Что ты затеял? Как это -- спасти государя?!. -- в крайнем беспокойстве спрашивал Ливен, когда они остались одни с Рибопьером.

Тот передал весь разговор и свое намерение довести до сведения государя о несчастных офицерах.

-- Как ты неосторожен, милый друг! И как наивен! Я не ожидал этого от тебя. Что с тобой сделали в Вене? Ты совсем мальчиком отправился и тебе можно было поверить весьма важное поручение. И ты выполнил его блестяще. Знаешь, письма уже в руках Селаниры. Она благодарит тебя. Ты скоро удостоен будешь и аудиенции. Конечно, если не наглупишь! Ведь вот выпал денек! Впрочем, и я дал же маху, непостижимым образом позабыл высочайший приказ. А это со мною в первый раз случилось. Так можно и тебя извинить. Очевидно, ты-таки отвык от российской действительности в счастливой Вене, и она ударила тебе столь сильно в голову, что ты угорел. И подлинно, мы живем в каком-то смещении бреда и бдения, в кровавом тумане, в хаосе, засасывающем нас. Надо привыкнуть, приспособиться. Успокойся. Что с тобой?

Саша действительно почувствовал головокружение и присел на кресло.

-- Ах, в самом деле, я угорел от России и Петербурга! -- сказал бедный юноша.

-- На, выпей вот! -- наливая из паленского графина и подавая стакан Саше, сказал Ливен.

И Саша отведал-таки лафита с водой.

-- Государь меня отпустил сегодня. Вечерних занятий не будет, -- продолжал Ливен. -- Сейчас я только схожу к Дашеньке и успокою ее. Я вернусь через четверть часа. Вон на клавишине флейта и ноты. Вспомни прежнее и посвисти.

Так как четверть часа растянулась в добрый час, то Саша от скуки посвистел немного. Гармония успокоила его.

Наконец, явился Ливен. На лице его сиял тихий свет влюбленности. Гименей связывал эту чету еще цветочными узами.

-- Выслушай меня, милый друг, -- сказал Ливен. -- Я дам тебе в руки путеводную нить, при помощи которой ты безопасно будешь странствовать по нашему лабиринту. Я не скрою от тебя, да это ведь все и всюду говорят, что долго так продолжаться не может и в скорости произойдут великие перемены. Но в чем они будут состоять, я не знаю и не желаю знать. Я исполняю долг службы и не стараюсь проникнуть в тайны, знание которых слишком опасно, даже невыносимо ужасно. Ты с беспечностью, отвагой и неопытностью юности устремился по тропе, к сим тайнам ведущей. Что будет, если ты ее разгадал, если ты напал на тот план, которым полагают придти к избавлению России от безумного самовластия. Как должен ты поступить со столь опасной тайною, тобою угаданной? Ты говоришь, долг повелевает спасти императора. Ах, друг мой, это долг каждого верноподданного. Ты действуешь. Но что же дальше? Ведь это будет равносильно тому, чтобы предать императору на отомщение и суровый гнев все великое и возвышенное, что имеется

налицо в России. Бедствия отечества, гонения, притеснения, запрещение ввоза книг, закрытие типографий, все это терзает сердца патриотов, лучших сынов России. И подумай, сколь сии недовольные многочисленны. Можно сказать -- все общество. И сколько среди них твоих родных, близких, товарищей, знакомых! Значит -- эшафоты, ссылка и тюрьма для всех? А дальше что же последует? Еще пущий гнев, чем тот, под бременем которого изнемогает вся Россия! Подумай обо всем этом.

-- Ливен, клянусь тебе, та нить, которую ты мне, по словам твоим, даешь в руки, только глубже завела меня в лабиринт! -- сказал Рибопьер. -
- Я не постигаю твоих намеков. Или, вернее, не хочу постичь то ужасное, что в них скрыто. Когда я сегодня ехал к тебе, я видел перед собой столько несчастных, требующих помощи. Когда я встретил в тебе и в Палене упорное нежелание помочь, страшная мысль возникла в моем сознании: нарочно так выполняют высочайшее повеление, чтобы недовольство из гвардии перешло и в армию. Тут мелькнула предо мною опасность, грозящая государю, и я ужаснулся! Но теперь ты говоришь, и предо мною еще шире развернулся адский план погубить государя: нарочно все его приказания, все намерения исполняя так, как он и не предполагает, сделать его ненавистным всем и...

-- Несчастный, замолчи! -- крикнул Ливен, бледный, как полотно. Я ничего не слышал, понимаешь ты, ничего! Ты сумасбродствуешь! Что за демон обуял тобою? Что ты болтаешь? Куда влечет тебя ослепление страстей? Что ты хочешь делать?

-- То, что велит долг и честь.

-- Ну, так знай же, что если ты и спасешь государя, ты погубишь других... Ты погубишь ее... Селаниру и того, кого сам всегда называл Фебом лучезарным солнцем России! Да, ты их погубишь! Знаешь ли ты, что было на этих днях? Государь случайно вошел в его комнату и, подойдя к столу, увидел трагедии Вольтера. Книга была раскрыта на словах Брута после смерти Цезаря:

Rome est libre: il suffit.

...Rendons grâces aux dieux!

[*Рим освобожден и доволен воздадим благодарность богам!*]

-- Если на столе лежали трагедии Вольтера, -- сказал Рибопьер, -- то, конечно, не одни заключительные стихи могли возбудить подозрения императора... Знаток французского театра, государь, конечно, помнит, что, по Вольтеру, заговорщик Брут был сыном Цезаря; помнит и эти слова Кассия, обращенные им к Бруту:

Toi, son fils! Rome enfin n'est-elle plus ta mère?

Chacun des conjurés n'est-il donc plus ton frère?

Qu'importe qu'un tyran, esclave de l'amour,

Ait séduit Servilie et t'ait donné le jour?

Laisse-là tes erreurs et l'hymen de ta mère:

Caton forma tes moeurs, Caton seul est ton père,
Tu lui dois ta vertu, ton Bme est' toute á lui,
Brise l'indigne noeud gue l'on toffre aujourd'hui
Qu'a nos serments communs ta fermeté réponde.
Et tu n'as de parents que les vengeurs du monde [*]

[*] - Ты его сын. Но разве Рим столица мира не более является твоей матерью? И не более тебе брат каждый из заговорщиков? Что из того, если тиран, раб похоти обольстил Сильвию и дал тебе жизнь? Оставь ошибки и гимен твоей матери! Катон образовал твои нравы, один Катон твой отец, ему ты обязан своей добродетелью, вся душа твоя дана тебе им, разбей же недостойные узы, которые накладывают на тебя ныне, пусть нашим общим клятвам отвечает твоя стой кость, и у тебя нет родных кроме мстителей вселенной.

И ответ Брута:

Je ne trahirai point mon pays pour mon père,
Que l'on approuve ou non ma fermete severe. [*]

[*] - Я не изменю своей стране ради моего отца, одобрят ли или нет мою суровую стойкость.

-- У тебя отличная память, -- сказал Ливен, -- но слушай, что дальше. Государь ушел в свои апартаменты и взял в библиотеке историю Петра Великого сочиненную Вольтером, открыл на той странице, где описана смерть царевича Алексея, и приказал графу Ростопчину снести книгу нашему Фебу и дать ему прочесть эту страницу. Видишь ли, в какие пропасти заглянул ты, по своей неопытности и неосторожности. Ты, как щенок на кеглях, впутался в сложную игру великих страстей, в игру, от исхода которой зависит судьба России и всей Европы, и своими прыжками перепутаешь кегли, все приведешь в расстройство, никого не спасешь, все расстроишь и сам погибнешь. Уже одно должно тебя остановить, что ты восстановил против себя фон дер Палена. А этот человек... Как бы тебе сказать...

Er hat die Pfiffologie studiert!
[Он изучил науку козней]

Х. Розовое письмо с золотой каемкой

В самом смутном настроении, боримый противоречивыми чувствами, мыслями и намерениями, вернулся Саша домой от военного министра.

Саввушка сообщил ему, что за ним приезжала дама из Зимнего дворца, беседовала с папенькой и оставила розовое письмо с золотой каемкой. "Папенька, -- прибавил Саввушка, -- спрашивал о вас хотели даже

посылать за вами нарочного к министру, но раздумали и велели сказать, как прибудете, чтобы шли к ним сию минуту".

Заинтересованный в высшей степени, Саша поспешил к родителю. Он не сомневался, что этим письмом назначалась ему желанная аудиенция у таинственной дамы его рыцарского служения, царевны Селаниры.

Мудрый Dieu du Silence сидел в шлафроке в креслах у топившегося тонкими липовыми дровами камелька и, согреваясь его живительной теплотой, вслух скандировал стихи Овидия.

-- Тебе из Зимнего письмо, розовое с золотой каемкой, -- сказал он, лукаво улыбаясь. -- Вон там на буле возьми под гранатовым яблоком.

Саша, стараясь не выказать волнения и торопливости, взял письмо в указанном месте и, дрожащими пальцами распечатав его, прежде всего посмотрел на подпись и не мог скрыть разочарования.

-- Да это письмо от княгини Гагариной!

-- Ну, да, от Гагариной, а ты от кого же ожидал? -- пронизательно посмотрев на сына, спросил старик.

-- Я... ни от кого! Это от Гагариной.

-- Письмо привезла твоя старая приятельница госпожа Жербер; она теперь за Гагариной во дворец переселилась, дуэньей. Княгиня зовет тебя. Прочти же письмо! Видно, тебя в Вене избаловали дамы.

Саша равнодушно пробежал французские строки розового письма. Княгиня выражала радость, что старый ее приятель возвратился в отечество, и просила его приехать в Зимний (подъезд был указан) на чашку шоколада, поболтать о старом и новом, о венских удовольствиях и петербургских веселостях. "Государь знает и позволил", прибавляла княгиня.

-- Едешь? -- спросил старик.

-- Не могу не ехать, -- пожал плечами, отвечал Саша.

-- Так поди, переоденься, пора.

-- Я полагаю, фрак и шпага, -- сказал рассеянно Саша. -- В Вене так всегда приезжают на вечера.

-- Нет, положительно надо за каждым шагом твоим следить, -- сказал старик в необычном для него беспокойстве. И даже поднялся с кресла, уронив на ковер томик Овидия. -- Ты в вольной венской жизни совсем отвык от наших порядков и позабыл все принятые здесь обычаи. Он хочет ехать в Зимний во фраке! Ты прямо не в своем уме! Да тебя и во дворец не пустят, а прямо плац-адъютант отошлет на гауптвахту. А государь сочтет это намеренной дерзостью и признаком того, что ты заразился за границей вольномыслием. Самое меньшее, если вышлет, а ведь под какую минуту попадешь. Можешь и в Сибирь угодить. А за тобой и все мы. Ах, Саша! Саша! Где твоя уравновешенность? Что с тобой случилось? В дороге по ухабам тебя, что ли, очень наколотило, и все дрожжи юности в тебе поднялись и забурили! Во фраке! Силы небесные! В Зимний во фраке! И в жилете? Пожалуй, и в круглой шляпе?! Я просто похолодел весь и теперь не согреюсь до ночи, несмотря на яркое пламя моего камелька. Ужели ты позабыл, мог позабыть, что по высочайшему повелению фраки,

жилеты, круглые шляпы запрещены строжайше, как внешнее проявление вольного духа якобинства, безбожия, развратных правил, йод страхом тягчайшего наказания! Посмотрел бы ты, что было в утро, когда повеление вышло и еще о нем знали одни сенаторы! Полиция бегала по улицам и со всякого встречного рвала шляпы, жилеты, срывала длинноволосые парики и все это тут же драла в мелкие клочья. Улицы были усыпаны частями одежды; тряпки и волосы летели по ветру. А потом все это оборванное стадо гнали на гауптвахту.

-- Простите, папенька, мою рассеянность. Впредь буду следить за собой, -- сказал Саша.

-- Да, друг мой, следи за собой. Я дам тебе реестр всех приказов государя. У меня списаны они в особливую книжку. Изволь, потрудись для себя списать, да и на зубок вытверди; я тебя проэкзаменую.

-- Не упушу исполнить приказание ваше, батюшка, -- смиренно сказал Саша. Но он действительно чувствовал в себе пробудившегося демона возмущения и бурлящие дрожжи вольнодумства. Только не против государя.

-- Да, я выучу все приказы, -- продолжал он, не будучи в силах скрыть терзавшую его мысль, -- но все больше я убеждаюсь, что эти приказы исполняются подлежащими начальствами как можно обременительнее для подданных, и что имеется в них странного, то возводится уже в нелепое. И так разжигают в обществе недовольство.

-- Ты все рассуждаешь! Ты все рассуждаешь! -- с огорчением сказал старый Рибопьер, покачивая головой -- Нет, пребывание в Вене пользы тебе не принесло. И не диво: это город прожектеров, дипломатов на письменных столах и стратегов на александрийских листах. Что сказал тебе Ливен на просьбу твою за офицеров? Или не просил остеречься? Вот еще была нужда чужих детей качать!

-- Это не чужие дети, но лучшие сыны отечества, батюшка! -- пылко сказал Саша.

-- Сыны отечества! Вот как ты их вызволишь, да они тебе, по российскому обычаю, хорошенько в благодарность нагадят, так и поймешь, какие они сыны. Но полно. Отвечай мне: говорил Ливену? Видел у него Палена?

-- Видел Палена и обоим им говорил, батюшка.

-- И что же?

-- Отнесли с полным безучастием.

-- Ага! Ну, милый друг, если ты будешь продолжать в этом деле упорствовать, как некий Дон-Кишот, то добра не увидишь. Вот ты едешь к Гагариной. Не вздумай и ей надоедать со своими несчастными. Ступай теперь. Переоденься и поезжай. Храни тебя Минерва.

XI. Jus primae noctis

За последние месяцы княгиня Анна Петровна пережила необычайное волнение. Как только состоялось ее бракосочетание с князем Гагариным,

отношение к ней государя, до тех пор рыцарски-почтительное, совершенно переменялось. Павел стал преследовать Анну Петровну самыми настойчивыми и определенными исканиями, по-видимому, поставив своей целью низвести ее в ранг обыкновенной вульгарной куртизанки и фаворитки. Казалось, Павел мстил этими преследованиями за ту идеализацию, в свете которой романтическое воображение его видело некогда даму сердца. Этот идеальный образ был для него разрушен с той минуты, как он убедился, что избранница его могла лгать перед ним и трусливо от него таить привязанность к тайному своему обрученнику. Но княгиня противилась исканиям государя всеми силами, и не потому, что любила мужа. Увы, эта детская привязанность быстро отцвела и заменилась сперва удивлением, потом негодованием и, наконец, презрением и ненавистью.

Да, княгиня Анна Петровна возненавидела мужа, в первый же месяц их супружества. С невыразимым цинизмом князь объявил ей, что, сочетавшись с ней браком по высочайшему повелению, он, однако, не настолько глуп, чтобы пользоваться своими супружескими правами и тем навлекать на себя гнев истинного обладателя ее прелестей; что он понимает требования такта и не хочет потерять милость монаршую, а то и угодить в Сибирь. Ведь если того захочет монарх, то и подведут и упекут даже невинного. А то и просто без всякого повода сгноят в Шлиссельбурге.

Когда же изумленная, оскорбленная княгиня в слезах стала напоминать ему клятвы юности и обручения и все то, что говорил иерей у святого алтаря, сочетая их, князь Гагарин прямо расхохотался.

-- Я удивляюсь, княгиня, к чему вся эта комедия? -- сказал он. -- Или вы станете утверждать, что у вас не было уговора с государем? Неужели же вы считаете меня таким глупцом, что не понимаю своей роли? Наконец, не вы ли первая нарушили клятвы юности и обручения? Не вы ли сошли на ложе монарха простой наемницей, за почести и чины родителей и за свои четыре звезды? Брак наш есть брак по наружности. Ваше же настойчивое преследование ласками меня я могу только объяснить коварством. Сами побудив меня к безумству, вы затем донесете государю на оскорбление, мною нанесенное его величеству, и быстро меня спровадите. Конечно, на положении вдовы вам будет удобнее припустить к ложу своему ваших любовников! Я понимаю это отлично. Я ведь не идиот!

-- Чудовище! Что говорите вы? Какая наглая клевета! -- вскричала княгиня. -- О каких любовниках смеете вы упоминать? Это наглая ложь.

-- Однако весь свет знает и называет, потому что его сам император всей Европе пальцем указал, выслав в Вену. Я видел этого подлеца и тщательно испытывал. Преувертливый, прескрытый и очень хорошенький мальчик!

-- Саша Рибопьер! Какая низость! Какая клевета! Государь на него рассердился просто за то, что он, танцуя со мной вальс, держал меня за талию по-модному, и послал его кавалером посольства в Вену. Но никаких

интимностей между нами не было. Вы в великом, вообще, заблуждении. И отношения мои к государю чисты и непорочны. Кроме почтительного поцелуя руки, кроме рыцарского обожания, государь ничего не позволял себе со мною.

-- Ха! ха! ха! ха!.. -- залился смехом князь Гагарин. -- Подлинно женщина вся соткана из лжи! И к чему вы меня морочите, не понимаю? Вы же умная женщина. К чему же комедии? Оставьте это госпоже Шевалье.

-- Я -- девственница, -- сказала княгиня Анна Петровна.

-- Ха! ха! ха! ха!.. -- заливался смехом князь Гагарин. -- Она девственница! Это весьма обидно для его величества и может быть истолковано им как желание уронить его репутацию мужчины.

-- Я -- девственница, и по праву мужа вы можете убедиться в правде моих слов! -- пламенея от стыда и негодования, сказала княгиня.

Тон слов ее прервал легкомысленный смех князя Гагарина. Он стал серьезен.

-- Что я слышу от вас? Могу ли верить сему?

-- Клянусь тебе спасением души моей, что я чиста и невинна перед тобой, мой милый, любезный друг! -- заливаясь слезами и простирая руки к избраннику своей юности, сказала бедная княгиня.

-- Я этого не ожидал! Я этого не ожидал! -- отстраняясь с испугом, бормотал поверивший, наконец, Гагарин. -- Но если это истина, то тем более не осмелюсь я коснуться собственности его величества, и, как верный вассал, уступлю ему право первой ночи.

-- Подлец! -- сказала княгиня Анна Петровна и плюнула в лицо князя Гагарина.

Он выбежал из ее спальни, крича:

-- *Jus primae noctis! Jus primae noctis!*

* * *

Положение княгини было ужасное. Избегаемая мужем, ни девица, ни жена, ни вдова, преследуемая настойчивыми исканиями императора, которого не могла полюбить, противящаяся роли простой фаворитки-наложницы и всем светом почитаемая за таковую, оскорбленная в святейших правах и чувствах женщины, одинокая, без опоры, без друга, преследуемая ненавистью развратной мачехи, встречающая холодного интригана и честолюбца в отце, окруженная интригами и врагами, сотней глаз следящими за каждым ее шагом, движением, словом, с целью погубить ее, по обязанности придворной дамы постоянно приглашенная ко двору, княгиня Анна Петровна молилась и плакала ночи напролет, но от этого становилась еще прекраснее, еще обаятельнее. Род ее красоты был таков.

С 17 июля 1800 г. по сентябрь двор пребывал в Царском Селе. Император Павел сначала совершенно забросил Царское, ненавистное ему воспоминаниями о матери, и на поддержание его никаких сумм не

велел отпускать. Все начало глхнуть, порастать крапивой, покрываться тиной, портиться, валиться, приходиться в ветхость и разрушение.

Случайно во время маневров посетив заглохшие царскосельские сады, Павел восхитился и приказал за два летних месяца переехать сюда. Но его восхитила, видимо, именно эта мерзость запустения, где все было покрыто памятниками предшествующего царствования. В самом деле, он запретил касаться чего-либо, и аллеи стояли, устланные гнилыми листьями. На старых деревьях чернели гнезда грачей, успевших с кончины Екатерины облюбовать запущенные парки. Их немолчный крик оглашал поляны, на которых стояли потрескавшиеся статуи, колонны,obelisks. В прудах зацвела вода и квакали лягушки. И екатерининские гордые лебеди пачкали белоснежные крылья в липкой тине. И вот посреди этого запустения, обрушенных мостиков, скамеек, беседок, поваленных бурями и зимним снегом, и неубранных деревьев, гулял Павел Петрович и ухаживал за княгиней Гагариной, печальный вид которой, постоянно заплаканные черные очи и разметанные по плечам черные кудри как нельзя более подходили к сей романтической обстановке.

Император говорил, что царскосельские сады и парки напоминают ему спящее царство в сказке и себя он воображает счастливым принцем, долженствующим пробудить красавицу-принцессу, вместе с царством усыпленную чарами злой волшебницы.

Императрица Мария Федоровна с грустью наблюдала все это и не решалась даже выйти в запущенные и грязные аллеи парка.

Наконец, княгиня не вынесла и объявив госпоже Жербер, что едет в Петербург к отцу и больше ко двору не вернется, потребовала подать ей карету. Госпожа Жербер была в страшном затруднении что делать? Совещалась с графом Кутайсовым и решили, не докладывая государю, просто кареты не давать. Но княгиня через каждые пять минут спрашивала:

-- Что же карета?

Наконец, ей почтительно доложили, что все кареты и лошади в разгоне и раньше ночи не освободятся. Что же, я здесь в заточении, в плену, лишена свободы, как невольница в стамбульском серале султана! Если не дадут кареты, я пойду пешком. Это было так сказано, что карета немедленно была подана. Княгиня села в нее и захлопнула дверцу перед носом госпожи Жербер, хотевшей сесть вместе с ней.

Княгиня умчалась в Петербург.

В этот день Павел Петрович был мрачен и расстроен. Самолюбие его сильно страдало. Упорство княгини, как ни был он рыцарски деликатен и вежлив с женщинами, начинало его бесить и возмущать привыкшую к неограниченному самовластию волю. Утром, гуляя с Гагариной около косматого, обросшего дикими кустами и неприступного "Каприза", посреди гигантских лопухов, опутанной розовыми нитями чужеродной повилики, крапивы, ростом с императора и сладко пахнущей медом, цветущей белыми воздушными метелками сныти, под крик грачей, он

стал упрекать предмет своих ухаживаний в бессердечии и неблагодарности, упомянув о милостях, коими он осыпал ее, ее мужа и родителей.

-- Я не искала милостей, государь, -- сказала княгиня Анна Петровна. -- И в моем положении они только цепи для меня. Я уже раз просила вас отпустить меня в монастырь. И ныне вновь умоляю вас о сей истинной милости.

-- Tout cela, ce sont des exagérations! -- вскричав сиповатым голосом, император принялся пыхтеть и отдуваться, подхватил даму свою крепко под руку и скорым шагом по кучам прелых листьев, по сучкам и сору, через мостики, по кротовым кучам повел ее во дворец.

Расставаясь с ней у дверей своих апартаментов, он еще раз неистово крикнул:

-- Tout cela, ce sont des exagérations! -- и исчез. После бегства княгини придворные совещались как быть? Доложить государю о внезапном самовольном отъезде княгини взялся ее двоюродный брат, флигель-адъютант Лопухин. А вслед за нею помчался граф Кутайсов. Так как княгине нарочито были даны самые старые клячи из всей императорской конюшни, то Кутайсов легко догнал и перегнал княгиню и задолго до ее прибытия уже достиг Петербурга и Невской набережной и подкатил, только не к подъезду Лопухиных, а рядом, к подъезду дома актрисы Шевалье...

* * *

Вечером, после доклада, флигель-адъютант Лопухин попросил позволения у его величества ехать в Петербург.

-- Болван, на что тебе? -- крикнул Павел.

-- Желал бы поскорее видеть сестру Анну. Она уехала совершенно расстроенная, -- доложил, как самую обыкновенную вещь, Лопухин.

-- Как уехала? Когда? Куда уехала? -- закричал Павел Петрович.

Тем же равнодушным тоном Лопухин доложил, что сестра Анна потребовала карету и уехала в Петербург к отцу еще утром сейчас после прогулки с его величеством:

-- Tout cela, ce sont des exagérations [*Все это -- преувеличение!*] -- в третий раз сказал пораженный Павел.

И долго, молча, усиленно сопел носом.

* * *

Княгиня Анна Петровна, в крайнем нервном возбуждении всю дорогу плакала, молилась и разговаривала сама с собой.

Отец ее встретил равнодушно и как бы не замечая ужасного состояния дочери. Он дал ей вылить накопившиеся чувства в беспорядочных словах, в которых смешались упреки, жалобы, мольбы и заявления о желании уйти из мира в келью, постричься, постричься!..

Когда, наконец, обессиленная княгиня умолкла и лишь тихо всхлипывала, князь-отец спокойно сказал:

-- Пока ты была в девицах, я по отцовской обязанности тебя защищал; теперь ты замужем, у тебя есть защитник; мне до вас дела никакого нет. Впрочем, я тебя не гоню. Поживи под отчей кровлей, на девичьем положении, успокой себя. Ты будешь одна здесь и полной хозяйкой. Мать уже в подмосковной, и я туда сию минуту выезжаю, извини, уж и карета подается. А ты поживи, поживи... Вообрази, что это монастырь! -- посмеиваясь, кончил старый князь.

-- Хорошо, папенька! Спасибо, что не гоните, папенька! -- машинально твердила бедная княгиня.

-- Милый друг, я тебе все же отец, -- с благородным великодушием сказал князь Лопухин. -- Уже смеркается. После волнения, слез и езды в карете покушать не вредно. Я тебе велел приготовить ужин в моей библиотеке, что с моей спальней рядом. Поди туда, Я замечал, что присутствие книг, сих лучших друзей человечества, удивительно успокаивает. *Nous autres savants!*.. Поди, моя милая, в библиотеку. Поди, поди!

Княжна повиновалась. Князь-отец уехал.

В библиотеке открыты были огромные окна, выходившие на Неву. Белая июльская ночь лежала на водах. Взад и вперед скользили крытые лодки, везшие веселые компании господ. Доносился вместе с ропотом струй под веслами то звонкий смех, то песня гребцов.

Белые сумерки смешивались с освещением тихого покоя и придавали ему странную тусклость. Нога тонула в великолепном смирнском ковре. Посреди покоя, на драгоценном мозаиковом столе, опиравшемся на четырех филинах, изваянных из ляпис-лазури, с яхонтовыми глазами, на плато из живых цветов стоял изысканный ужин, великолепные вазы с фруктами и конфетами, бутылки, закуски в различных прикрытых хрустальными колпаками блюдах и три прибора дивного севра. Двери библиотеки были широко распахнуты в роскошную, парадную спальню князя. Там высилось широкое ложе под балдахин, украшенным короной, амурами с факелами, пуками страусовых перьев. Внутри, в складках балдахина были приспособлены зеркала, отражавшие свет горевших на стенах восковых разноцветных свеч и как бы осыпавшие лучами пышные подушки в валансьенских кружевах, одеяло, шелковое, вышитое гладью, не имевшее цены по искусству работы, и ослепительное полотно простынь.

Безучастным взором окинула княжна Анна все эти приготовления, не понимая их значения.

Потом присела на кресло у окна, и любуясь величавой Невой; замечталась и забылась...

Вдруг шорох легких шагов раздался за ней. Она вздрогнула, обернулась и вскрикнула от неожиданности.

Перед ней стояла высокая, прелестная женщина; в ушах ее покачивались и сверкали огромные солитеры.

-- Кто это? -- спросила княгиня. И с изумлением узнала актрису Шевалье.

-- Такая же несчастная, такая же оскорбленная в святейших требованиях сердца, как и вы, дитя мое! -- сказала незнакомка гармоничным, шепчущим, низким, грудным голосом и, опустившись на колени, взяла за руку княгиню и стала говорить ей, глядя эти бледные ручки, целуя их, целуя заплаканные очи. Княгиня доверчиво отвечала.

О чем они говорили, то осталось тайной. Но всего через час обе уже сидели за столом, кушали и пили вино, смеясь и болтая.

-- Пейте, дорогая, пейте! Вино дано несчастным для утешения! -- повторяла блистательная Шевалье.

Еще через час княгиня Гагарина неверным почерком написала несколько французских строк на листе алой бумаги с золотой каймой. Потом, чувствуя утомление, она перешла в спальню, не раздеваясь прилегла на ложе, но не могла заснуть, так как сидевшая у ее изголовья прекрасная женщина ее поминутно будила, смешила, щекотала, что-то рассказывала... Княгиня не понимала, что делается с ней. Забытье и бдение смешались в розовато-золотистых видениях. Все в покое светилось... Шевалье представлялась ей сказочной феей. Сколько времени прошло, она не знала. Но вдруг Шевалье исчезла. На мгновение, казалось ей, комнату прикрыли черным крепом. Потом она засияла ослепительно. Боги и богини сошли с Олимпа, изображенного на потолке библиотеки, и чопорно прошли по обеим сторонам кровати. На голубом облаке подплыл к ней Зевс. Княгиня взгляделась... То был Павел Петрович. Его прекрасные, мягкие, большие глаза с любовью смотрели на нее. В первый раз заметила княжна, как величествен и дивно прекрасен император. С легким криком восторга бросила она руки ему на плечи и привлекла его в свои объятия...

* * *

Через неделю происходил спуск нового судна, наименованного "Благодатью", в честь фаворитки [*Анна значит "благодать"*].

Счастливый, сияющий Павел Петрович совершал торжественную церемонию. Рядом с ним стояла бледная, холодная, неподвижная, как мраморная статуя, княгиня Анна Петровна Гагарина. Когда судно двинулось и легко, красиво сошло на сверкающие воды залива, при громе орудейного салюта, играя флагами, стоявший в толпе придворных граф Ростопчин шепнул на ухо накрахмаленному, напыщенному, словно аршин проглотившему графу Бенигсену:

-- Анна сошла плавно!

На что Бенигсен ничего не ответил, но на устах его появилось подобие той гримасы, которая искажает лицо человека, неожиданно понюхавшего крепкого уксуса.

Это немец улыбнулся.

ХII. В Зимнем

Княгиня Гагарина не то заплакала, не то засмеялась, увидев Сашу Рибопьера.

Она приняла его в гостиной, такой же розовой, с золочеными панелями и карнизами, как и ее письмо.

Белый хитон, надетый на ней, перевязывал радужный эшарп. Медальон с портретом Павла Петровича покоился на груди. В черных волосах ее, перевитых нитями крупного жемчуга, алела роза. Но ни кровинки не было в ее печальном лице, и черные глаза, полные невыразимой скорбью, лишь на мгновение, при виде гостя, выразили радость.

Глубокая вертикальная морщинка врезалась между ее сведенных внутренней болью бровей.

При свидании присутствовала сильно постаревшая госпожа Жербер. Но после церемонного реверанса, она села в глубине покоя и занялась шитьем, стараясь быть незаметной.

-- Как я вам рада. Как я вам рада, Саша... Я могу вас так называть? Вы уже взрослый, дипломат кавалер посольства... Ведь это было так давно, давно, когда мы встречались с вами у Долгоруковых... И танцевали... Давно? Впрочем, давно ли? Ах, мне, кажется, что годы, десятки лет, целая вечность прошли с тех пор!..

Произнося эти беспорядочные слова, княгиня хваталась за висок, точно от боли, и беспокойно оглядывалась. Взор ее то останавливался на госте, то блуждал, как бы с диким изумлением встречая предметы. Рибопьер не успевал ответить ей, потому что речь ее хлынула неудержимым потоком и неслась, несвязная, странная. Она вспоминала детство, московский дом, слуг, шута Иванушку, сад под Москвой-рекой и потом перескакивала к их танцам и играм в доме Долгоруковых, потом опять переходила к московским дням, говорила о монастыре, где они бывали у заутрени, о доброй настоятельнице и сестрах, угощавших ее лакомствами, и опять бросалась в сторону, говорила о свадьбах великих княжон, о том, как гадко в запущенном царскосельском саду и, вдруг, стала спрашивать о Суворове, о битве при Требии, о переходе через Чертов мост.

Саша Рибопьер, пытавшийся сначала вставлять и свои замечания, наконец, умолк и слушал с возрастающим недоумением. Сердце его начинало давить невыразимая тоска. Он ясно видел, что дух бедной княгини в совершенном расстройстве и что она, видимо, порой смешивает его с кем-то другим, говоря о таких вещах, которых он не мог знать, как будто они вместе их пережили.

Когда она заговорила о битве при Требии, госпожа Жербер вдруг встала и, подойдя к княгине, пошептала ей что-то на ухо.

-- Ах, да! Ну, конечно... Ах, я смешала! Ничего! Да! да! -- кивая головой на ее шепот, сказала княгиня, умолкла, стала оправлять на себе платье и улыбаться деревянной улыбкой.

Вдруг слышались шаги, и в гостиную вошел Павел Петрович, одетый так, как обычно посещал он *incognito* Анну Петровну, еще в то время, когда она проживала в родительском доме.

Рибопьер преклонил колени. Княгиня, не переставая улыбаться, и госпожа Жербер присели в низком реверансе.

-- Здравствуйте, кавалер, -- сказал император, милостиво протягивая руку для поцелуя Рибопьеру и потом делая ему знак подняться. -- Очень рад, что вы прибыли из Вены. Княгиня скучала без вас. Она находит, что никто не может вас заменить в вальсе. Не правда ли, княгиня?

-- О, да, ваше величество, -- улыбаясь, сказала Анна Петровна. -- Я всегда вспоминаю о тех днях... счастливых днях... -- Она вздохнула, продолжая улыбаться. -- Мы были так беспечны и резвились, как дети! Ах, будем ли и теперь мы так же беспечно петь, смеяться и танцевать? -- Она поднесла руку к виску. -- Эта битва с Макдональдом при Требии у меня с ума нейдет! -- произнесла она с искаженным от боли лицом.

Мадам Жербер тихо взяла ее за руку и стала ласково гладить ее.

-- Ах, да! да! Ну, конечно... Ах, я смешала! Ничего! да! да! -- кивая головой и улыбаясь, сказала княгиня и села.

-- Конечно, я ничего не имею против вальса, -- сказал государь, -- если только его танцуют благопристойно, а не так, как вы себе тогда позволили!

Император шутя погрозил пальцем Рибопьеру.

Потом он стал задумчив и, взглянув раза два на княгиню Гагарину, улыбающуюся и разбирающую складки своего хитона, взял кавалера за локоть и отвел в конец обширного покоя.

-- Княгиня последнее время немного расстроена, -- сказал он. -- Все это пройдет. *Tout cela, ce sont des exagérations!*

Она стал прохаживаться поперек комнаты, задавая быстрые и разнообразные вопросы о венском дворе и обществе, новинках венского театра, искусств, расспрашивал о посещении Суворовым столицы и расхохотался, услышав о том, как фельдмаршал упорно кричал "Виват, Иосиф".

-- Да, да, покойный знал австрийцев, этих прожектеров, интриганов и предателей, которые любят только загребать жар чужими руками!

И государь с горестью отозвался о великой утрате, понесенной Россией в лице полководца. Как всегда, мысль государя шла скачками, но он быстро набросал картину австрийских интриг и ничтожных эгоистических целей, ради которых они погубили великое предприятие. Он отлично понимал происки барона Тугута, не давшие Суворову перенести войну во Францию. Но теперь, когда Суворова не стало, безумно враждовать с Бонапартом. Государь живыми чертами означил гений этого человека, который дал порядок Франции, вывел ее из анархии и террора. Он понимает административный, политический и военный гений первого консула. Он долго верил в эмиграцию, но убедился в полной ее ничтожности. Все эти Конде, Шуазели, Сегюры и сам Людовик XVIII, которого он не намерен кормить за счет русского народа, ему надоели. Кроме интриг, подкопов друг под друга, они ни на что не способны. И все они жалкие наемники Англии. Но, соединяясь с Бонапартом, имея Мальту и флот в Средиземном и Черном морях,

государь убежден в том, что могущество Англии на море будет сломлено. Вся революция была совершена на английские деньги и началась во флоте, в грозном французском флоте, который Англия и погубила. Если теперь Англия поддерживает эмигрантов-роялистов, она, которая вырыла пропасть под трон Людовика и сыпала золото в карманы якобинцев, то это потому, что во Франции явился гений, способный вознести ее величие на недостижимую высоту. Но, бросив в Индии своих казаков, русский монарх потрясет Англию и вслед за тем овладеет Константинополем, Иерусалимом и св. Гробом. Тогда он поделит с Бонапартом Европу!

Между тем, в Мальтийском ордене объединится дворянство Европы и возродится рыцарство, и русской шляхетство очистит заматерелые свои нравы, вскормленные подлым ласкательством, а крестьянство получит просвещенных господ, кои насадят у подданных своих ремесла, улучшенные способы земледелия и сделают их счастливыми и достаточными.

Рибопьер сперва внимательно приглядывался к государю, с целью убедиться, правы ли те, кто распространял вести о его помешательстве. Но глаза Павла Петровича сияли высоким разумом, и, наконец, юноша был совершенно увлечен широкими картинами будущего величия России, к которому, казалось, вел свою страну и народ император!

"Нет, это не умалишенный! -- думал Саша. Так кто же он? Гений?"

Государь вдруг умолк и быстро повернулся в сторону княгини Гагариной: она пила что-то из чашки, поднесенной Жербер, и казалась более спокойной.

-- Проститесь теперь с княгиней, сказал император. -- Она утомлена. Но я рассчитываю на ваш веселый нрав. Вы будете влиять полезно на ее взволнованный дух.

Они подошли к княгине:

-- Прощайте, милый Саша! -- сказала она. -- Ваше величество позвольте мне так именовать моего старого приятеля? Я сердечно рада видеть вас. Поклонитесь от меня чтимому батюшке вашему. Я не совсем здорова... Эта битва с Макдональдом при Требии... Прощайте! Прощайте! -- поспешно сказала она, заметив, что император недовольно хмурится.

Откланиваясь, Рибопьер вышел, не оборачиваясь лицом к двери.

И только уже отъехав от Зимнего, вспомнил о своих злополучных офицерах, о которых и запамятовал, поглощенный впечатлениями от необыкновенного свидания с государем и фавориткой.

XIII. Zu bleue Eselin

Бурный ветер со взморья бушевал на мокрой площади перед Зимним дворцом. Небо, загроможденное взволнованными горами туч, низко нависло и грозило разразиться ливнем. На площади был мрак. Редкие огоньки фонарей на краях ее мерцали слабыми искрами.

Так же темно и бурно было в душе молодого человека, когда он переезжал площадь.

Непримиримые противоречия терзали его. То в ушах его звучали слезные просьбы несчастных офицеров, мольбы их жен, детей, представлялась страшная картина по всей России по осенней распутице бредущих и едущих к столице несчастливцев. Тут же представилась ему бездушная, насмешливая фигура Палена и ненависть к этому интригану, ради своих тайных целей не останавливающемуся перед таким адским средством вызвать недовольство в армии, -- ненависть слепая, страстная жгла грудь юноше. Но тут слышались ему предостережения родителя и Ливена. Настаивая на своем, восстановив против себя всемогущего военного губернатора, каким опасностям подвергнет он не только себя, но и всю свою семью, родню, друзей, знакомых! Опала косит всех полосой, захватив раз одного. Но попытка его открыть глаза императору грозила опасностью той, рыцарским обожанием и служением которой жило и трепетало его сердце! Прекрасная Селанира и ее супруг, лучезарный Феб, будущее счастье России!.. Предостережения Ливена вспоминались юноше. Но весь еще под обаянием беседы с императором, он не мог не возмущаться клеветой, распространенной в обществе и народе о его помешательстве. Нет, с ним беседовал не помешанный, а великий монарх, взор которого видел дальше своего времени, изумительно оценивал политические комбинации и полагал основы величию и счастью своего народа. Что Павел Петрович не был умалишенным, ясно было Саше по противоположению с несчастной княгиней Гагариной, дух которой, несомненно, был потрясен. Саше вспомнились надежды, с которыми встретил новое царствование его родитель, радовавшийся тогда, что молодой монарх подтянет чиновников и гвардейцев. Саша вспоминал слова отца: "Мир живет примером государя". В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра. С той же поры в вице-канцелярском доме, что был против дворца, все люстры и каминны пылали. Сенаторы с восьми часов утра сидели за красным столом. Возрождение по военной части было еще явственнее. "С головы началось!" -- говорил тогда старый Рибопьер.

Страшный заговор против государя во всей полноте представился теперь воображению юноши. Распоряжения монарха, направленные к благу подданных, так приводятся в исполнение, что у всех получается такое впечатление, что Россией правит помешанный!.. Что же делать? Саша теряется в противоречиях и не находит прямого пути.

Требования чести и долга сталкивались с требованиями сердца, личной безопасности, любви к семье, обязанностями его рыцарского служения.

Саша выехал на Невскую перспективу. Здесь было больше света из окошек домов и от фонарей, скрипевших на перекинутых через улицу от крыши до крыши цепях. Ветер качал, гнул вершины, хлестал ветви деревьев, растущих в две линии посреди этой длиннейшей из столичных улиц. Никого почти не было видно на перспективе. Редкие прохожие закутывались в плащи и брели, шлепая по лужам, подгоняемые ветром.

Этот ночной хаос, лужи, ветер, темное мрачное небо, низкие дома, первобытные фонари, визг и скрежет цепей, на коих они висели, --

соответствовали хаосу и буре в уме и сердце молодого человека. Вспоминалась ему пленительная Вена, дух порядка, довольства, изящного вкуса, там царивший! Он не узнавал самого себя, так в три дня русская действительность преобразила юного дипломата, выехавшего из России беспечным мальчиком, вернувшегося возмужалым осмысленным юношей.

Вдруг бурный топот коней, хлопанье бича, крики "пади" раздались за ним, и сейчас поровнялась с его каретой другая. Из окна ее высунулся бравый молодой Преображенский офицер и крикнул:

-- Сашка, ты, что ли, обезьяна заграничная?..

Это был Нефедьев, одновременно с Рибопьером от конной гвардии, Неклюдовым от Семеновского полка и Опочининым от Измайловского назначенный оруженосцем к великому магистру.

-- Нефе душка, милый друг мой! -- обрадовался истомленный одиночеством Саша.

-- Я заезжал к тебе, обезьяна! Сказали, счастливцев поехал строить куры Гагариной в Зимний. Оставил было записку. Сегодня мы, оруженосцы, назначили попойку в кабачке. Прикажи, обезьяна, заворотить в наш старый притон. Помнишь, чай?!..

-- Zu bleue Eselin?..

-- Zu bleue Eselin!..

Немецкий герберг под вывеской "Голубая Ослица" находился по Невской перспективе недалеко от адмиралтейства и до отъезда Саши служил местом еженедельных заседаний четырех оруженосцев.

Теперь около него стояло несколько карет. Маленькие окошки были закрыты ставнями. Внутри набилось в душных, прокопченных и наполненных тучами табачного дыма низких комнатах десятка два гвардейских офицеров разных полков. Они пели, шутили с хорошенькими немочками, разносившими пиво и сосиски, и играли в лото.

Появление Нефедьева с Рибопьером встречено было громкими приветственными криками:

-- Виват, кавалер и камергер! Виват, победитель венских престелниц! Виват! Виват!

Опочинин и Неклюдов поднялись из-за стола, уже отягченного бутылками и яствами, навстречу двум оруженосцам и заключили Сашу в объятия.

Все четверо, еще два года назад мальчики, теперь возмужали и находили друг в друге множество перемен.

Посыпались вопросы, начались рассказы о полковых новостях, повышениях, актрисах, приключениях и попойках.

Между тем девушки принесли огромные кружки, из которых валила пена.

-- Господа, -- крикнул Нефедьев, стуча кружкой по столу, -- прошу внимания!

Общий говор прервался. Все обернулись в сторону Нефедьева.

-- Господа, -- сегодня в наш приют возвратился камергер его величества, кавалер российского посольства в Вене и оруженосец великого магистра, прозванный в нашем кругу Сашка Обезьяна. Мы, его товарищи, оруженосцы великого магистра, прозванные Нефедушко Малый, Петя Улитка и Неклюдов Неуклюжий Медведь, предлагаем исполнить в честь прибывшего "Большую песнь Голубой Ослицы".

-- Одобряем! Исполнить! Начинай, Нефедушко, начинай!

Оруженосцы поднялись с огромными кружками в руках, и Нефедьев запел:

Прекрасно вся вселенна
Устроена для нас, --
С гренками кружка пенна,
С похмелья хрен и квас!

Все сидевшие в кабачке подхватили хором, хлопая в такт кружками:

Дай Бог тому здоровье,
Кто выдумал сие!
Виват! Виват!
Кто выдумал сие!

Рибопьер пропел второй куплет "Большой песни Голубой Ослицы":

У Голубой Ослицы --
Хмельное молоко!
А надобны девицы --
Ходить не далеко!

-- Чего -- далеко! Под каждым локтем по сударке! -- крикнул Нефедьев, подхватывая за талии двух немочек и последовательно каждой вlepляя по поцелую в розовые губки, между тем как они с притворным смущением отворачивались от оруженосца и, хихикая, рвались из его мощных дланей.

Хор голосил вразброд:
Дай Бог тому здоровье,
Кто выдумал сие!
Виват! Виват!
Кто выдумал сие!

Третий куплет пропел Опочинин:

Красотки поцелуем
Вас нежат вечерком,
Мы пьяные танцуем
И вертимся волчком!

Хор подхватил:
Дай Бог тому здоровье,
Кто выдумал сие!
Виват! Виват!
Кто выдумал сие!

Последний куплет пропел, вернее, проревел по-медвежьи огромный семеновец Неклюдов:

Но что тому дивиться
И много рассуждать --
Вселенна вся вертится
Так нам не устоять!

-- Не устоять, брат, не устоять! -- закричал Нефедьев.

Хор голосил.
Дай Бог тому здоровье,
Кто выдумал сие!
Виват! Виват!
Кто выдумал сие!

Оруженосцы состукнули неизмеримые свои кружки и, запрокинув свои головы, принялись тянуть содержимое без передышки, пока не вытянули до дна. Тогда опрокинули кружки вверх дном и показали всему обществу в удостоверение выполнения принятого ритуала.

-- Виват! Виват! Возвеселитесь, пьяницы! Рукоплещите все пьющие вино! -- заорала компания.

Огромное количество проглоченного пива ошеломило Сашу, отвыкшего от "Большой песни Голубой Ослицы". В голову ему ударило. На мгновение комната пошла кругом. Потом в голове немного прочистилось, но приятное расслабление и пьяная смешливость овладели юношей.

Он грохнулся на лавку и захохотал.

-- Все по-старому кабак! -- проговорил он.

-- Ты сейчас убедишься, что не по-старому, -- сказал ему Нефедьев серьезно.

Действительно, из-за одного стола поднялся совершенно трезвый офицер с бледным, энергичным лицом. Парик его висел возле на стене, и клоки черных волос осеняли высокий лоб. Впавшие глаза лихорадочно горели под черными бровями, подбородок загибался вверх и верхняя губа каким-то крепким клювом смыкала тонкую и змеящуюся нижнюю.

В руке он держал бокал с игристым вином.

-- Только радостью, которую пробудило в нас возвращение Рибоьера, объясняется, что мы в эти мрачные дни общего уныния и злострадания отечества пропели шуточный гимн прежних, мальчишеских наших попок! Не для того мы теперь здесь собираемся. Мы знаем долг, который

лежит на всех патриотах. Сыны отечества, оно ожидает вашего содействия! Оно томится во мраке, в неволе, в узах зверообразного самовластия и ждет сияющего дня освобождения!

-- Освобождение! Освобождение! -- закричали все, наполняя бокалы игристым вином и высоко поднимая их.

-- Выпьем за освобождение! -- крикнул бледный офицер, осушил бокал до дна и, швырнув его о пол, разбил вдребезги.

-- Так да сокрушится самовластие и гордый идол, снаружи позлащенный, внутри полный безумия и мерзости, на выях человеческих взгромоздившийся, да падет и распадется и не восстанет никогда!

-- Да сокрушится самовластие! Освобождение! Освобождение! -- закричали все, осушая и разбивая бокалы.

-- Что же ты не наполнил своего, не встал и не пил! -- шепнул Нефедьев с недоумением и даже опасливым страхом Саше Рибопьеру. -- Все пили, а ты -- нет. Это для всех заметно будет, и ты у товарищей на дурном счету окажешься.

Рибопьер не отвечал и отвернулся, нахмурившись.

Вдруг сидевший по соседству низенький офицер, с неприятным, прыщавым лицом и косыми глазами, наполнив бокал вином, протянул его Рибопьеру.

-- Если вы не хотите пить за освобождение вашего отечества, -- сказал он нагло, -- то не хотите ли выпить за освобождение прекрасной Селаниры от объятий ласкающей ее Химеры!

Саша задрожал и воззрился на дерзкого.

-- Что такое? О какой Селанире вы говорите? Что вам о ней известно? -- спросил он.

-- Селанира -- героиня романа, который прочитали все любители изящного, -- нагло улыбаясь, отвечал офицер.

-- Значит, вы предлагаете мне почему-то пить за создание воображения? -- спросил Саша.

-- *Nihil est in intellectu, quod non est in sensu*, -- отвечал офицер.

-- Но что говорите вы о Химере?

-- Химера! Это, говорят, польский князь, который ласкает Селаниру!

-- Государь мой, что значит ваше нелепое предположение пить за героев романа?

-- Что же в этом обидного для вас, графчик, если любовь Селаниры и Химеры -- мечта авторского воображения?

-- Вы забываетесь! -- поднимаясь, бледный крикнул Рибопьер. -- Вы, государь мой, наглец!

-- А вы -- предатель, если не хотите пить за освобождение отечества!

-- Вы -- подлец! Я вас вызываю, -- проскрежетал Саша в неистовом гневе.

-- Мои секунданты будут у вас завтра утром, графчик!

-- Что такое? Вызов? -- слышались голоса.

-- Рибопьер вызвал кого-то... -- Его оскорбил фон Фогель! -- В чем дело? -- Из-за какой-то Селаниры? Кто такая Селанира, господа? -- И кто -

- Химера? -- Но Рибопьер не выпил за освобождение отечества! -- Не может быть! Он не способен на такую низость! -- Я видел. Он сидел и не пил. -- Странно! -- Вот Рибопьер уходит! -- Друзья его остались за столом! -- Странно! -- Кто такая Селанира? Гагарина? -- А Химера уже не... -- Вот почему он не пил за освобождение!

-- Menage á trois! -- Ну, нет, это даже menage á quatre! -- Подойдемте к фон Фогелю, он нам, быть может, объяснит, из-за чего дерется!

Но господин Фогель ничего не отвечал на расспросы и тоже встал, раскланялся и исчез.

XIV. Усмирение своенравного

Вернувшись домой, Саша не сказал ничего родителю о столкновении в кабачке и предстоящей дуэли. Саввушка, заметив возбужденное состояние своего молодого барина, даже постарался незаметно и бесшумно проводить его на покой. Саввушка ждал его возвращения в прихожей и сам отворил. Впрочем предположив, что Саша непременно будет справлять возвращение в отечество, и зная, что за ним заезжал Нефедьев, старик не беспокоился о сыне.

Однако, когда Саша поздно проснулся на другой день утром с тяжелой головой и вспомнил все происшедшее, с ним, он смутился. Что он скажет отцу? Он не знал и не решался открыть ему вчерашний под виг. Он сидел на кровати и в ушах его звучали глупейшие слова ослиного гимна:

Прекрасно вся вселенна
Устроена для нас, --
С гренками кружка пенна,
С похмелья хрен и квас!

Вошел Саввушка и таинственно доложил, что к папеньке чуть свет приезжал адъютант фон дер Палена и о чем-то долго беседовал.

Едва Саша оделся, явились секунданты господина Фогеля для предварительных переговоров. Саша написал записки к своим приятелям, прося содействия. Было решено, что секунданты обеих сторон съедутся сегодня вечером для обсуждения всего казуса и условий поединка.

Они уехали. Саша прохаживался по комнате своей на антресолях, не решаясь спуститься вниз к родителям. Вдруг сам старик Рибопьер вошел к нему. Он был в парике и кафтане и имел суровую и торжественную внешность.

Сын хотел поцеловать руку родителя, но тот не дал и отстранил его.

-- Окончательно убеждаюсь, -- сказал он строго, -- что пребывание в Вене на пользу тебе не послужило. Как! Прямо из дворца, только что ошастливленный аудиенцией княгини в присутствии его величества, ты изволишь отправиться в харчевню и там, в компании распутников, пьянствуешь пьешь здоровье Гагариной, начинаешь из-за нее ссору и вызываешь на поединок. Все это уже дошло до сведения государя. Он

повелеть мне соизволил, пока не рассмотрел обстоятельно твое дело, подвергнуть тебя домашнему аресту на хлебе и воде, что я и не премину исполнить в точности. Государь особенно недоволен тем, что в пьяную ссору впутано имя княгини Гагариной и ты затеял выступить каким-то паладином. И надо признать, глупее ничего выдумать ты не мог!

-- Батюшка, княгиня Гагарина тут ни при чем, -- сказал пораженный Саша. -- Ее имени даже и не было произнесено. Я дерусь совсем не за нее, а за даму, скрытую под вымышленным наименованием героини из романа.

-- Ты драться не будешь. Твой противник уже на гауптвахте. А тебя я сейчас запру на ключ. Сиди, читай молитвенник. Я сам тебе буду носить хлеб и воду. Ты меня осрамил. И как еще повернется дело, неизвестно. Сиди.

Старый Рибопьер повернулся и вышел из комнаты, которую и замкнул за собой на ключ.

Вне себя от изумления, Саша даже не мог унывать. Все это приключение было так дико, так нелепо, что он два раза ущипнул себя, дабы убедиться, что не спит.

Он просидел весь день, и отец в самом деле принес ему кружку воды и большой ломоть хлеба, посыпанный крупной солью, причем на его мольбу простить доставленное им беспокойство ничего не отвечал.

Впрочем, Саша проголодался и с великим удовольствием скушал весь ломоть, запивая водою. Но тут раздался стук в форточку. Оказалось, что Саввушка умудрился спустить в кулке на веревочке разных съедобностей из слухового окна. Саша легко достал кулек и великолепно полакомился.

Молитвенник он читать и не думал, а принялся на старой своей флейте свистеть под сурдину.

Время шло. Наконец, сильно смеркло. Вдруг послышались шаги на лестнице. Замок щелкнул. Вошел отец, а за ним адъютант Палена. За ними из двери выглядывало отчаянное лицо Саввушки.

-- По высочайшему повелению я вас арестую, -- сказал адъютант. -- Отдайте вашу шпагу.

Саша повиновался.

-- Извольте следовать за мной, -- сказал адъютант и вышел.

Тогда старый Рибопьер задержал сына и, обняв его, прошептал на ухо:

-- Ни о чем не беспокойся и нисколько не страшись. В крепости ты будешь в большей безопасности, нежели на свободе. Храни тебя Минерва!

Он нежно поцеловал сына и подтолкнул к выходу.

На лестнице кинулся к Саше, всхлипывая и целуя ему руки, верный Саввушка.

Внизу, в передней, стояло несколько солдат.

Матери и сестер Саша и не видал. Он сел в карету с адъютантом и они помчались к дому военного губернатора.

Адъютант всю дорогу расспрашивал его о Вене и сам сообщил множество анекдотов из петербургской жизни.

Палена они ждали около часа в проходной комнате, через которую из разных дверей проводили к нему и дам и мужчин из всех слоев общества. По тяжким вздохам, убитому виду, слезам всех этих добровольных и недобровольных посетителей видно было, что все то жертвы "деспотического вихря", свирепствовавшего в северной столице.

Наконец, дошла очередь и до Саши.

Пален сидел в совершенно пустой, украшенной только портретом государя, комнате, в кресле, возле круглого столика с неизменным графином.

-- А, юноша, -- сказал он, посмеиваясь, -- не хотите ли стакан лафита?

Саша молча поклонился, чувствуя, как тяжкая злоба мутит его разум при сознании, что он в руках этого огромного, лобастого, зловещего орангутанга в ботфортах. Саша стиснул зубы и решился молчать, что бы ни говорил его мучитель.

-- Ну, что ж, юноша, придется вас отправить на казенную квартиру, -- продолжал Пален. -- Такова воля государя императора. А воля монаршая священна. Не унывайте, юноша. Может быть, это спасло вас от шальной пули или удара сталью не в безопасное место. Я знаю, что противник ваш отличный дуэлянт. Он из гейдельбергских студентов, а там не столько пишут на бумаге пером, сколько на человеческих лицах шпагой. Видите, что быть благотворителем небезопасно. Я вас предупреждал. Впрочем, опять говорю вам, не унывайте. К тому же сегодня пришлось вам, а завтра, быть может, и до меня очередь дойдет. Я всем это говорю. Видели, сколько народа ко мне валит? Того высылают, а у него дела не окончены. Просит отсрочки. Разориться должен иначе. Или, положим, больны жена, дети, мать, отец. И мало ли еще что? Невозможно, невысказано. Воля монаршая священна и должна быть приводима в действие без промедления по точной силе приказа. Ступайте же, милый юноша, в крепость! Я приказал подыскать вам удобную, по возможности сухую келью. Обед вам будет доставляться самый изысканный. Книжки -- какие пожелаете. Я даже распорядился, чтобы арестовали и вслед за вами отправили вашего лакея Саввушку. Продувной малый. Он будет вам прислуживать в крепости. Государь приказал не слишком сурово вас держать, а отечески, отечески! Э, в крепости вы будете в большей безопасности, нежели на свободе. Теперь же наступает темное, зимнее время. В вашем возрасте к тому же полезно так побыть наедине с собой, познать самого себя, поразмыслить, сосредоточиться. Посидите до весны. Когда же пройдут иды марта, благорастворенный Фавоний растопит ледяные оковы, земля станет пробуждаться для новой жизни, и наступят светлые дни весеннего освобождения всей природы, тогда и вы, я уверен в этом, покинете свою тихую келью [*Граф Александр Иванович Рибоньер вместе со многими другими узниками был выпущен из Петропавловской крепости в первые же дни по воцарении Александра Первого. Выходя из камеры, граф мелом написал на дверях ее: "Свободен от постоя, -- так*

он веровал в силу либеральных намерений юного императора. Предсказание графа не оправдалось. Петропавловская крепость не свободна от "постоя" даже и до сего дня. (Прим. автора)].

Часть 5

Le beau coup a faire, ma chere Atropos! Remplissons d'étonnement l'Europe et l'Asie; tranchez ce fil c'est un meurtre digne de nous. Otons la vie et la couronne á ce jeune empereur qui fait concevoir á ses peuples de si belles espérances.

(Прекрасный случай для удара ножницами, моя дорогая Атропос! Исполни им удивления Европу и Азию; перережьте эту нить; это покойник достойный нас. Лишим жизни и короны этого молодого императора, который внушил народам столь прекрасные надежды).
Lesage. Une journée des parques

Il est dans la destinée des peuples, comme dans celle des individus, de vivre dans un état presque perpétuel de souffrance; aussi les peuples, comme les malades, aiment á changer de position: tout mouvement leur donne l'espoir de se trouver mieux.

(Участь народов, как и отдельных личностей, -- жить в состоянии почти непрерывного страдания; потому народы, как и больные, любят менять положение: всякая перемена даст им надежду, что им станет от того лучше).
Comte de Ségur

I. Принц из Карлсруэ

Вечером 17 февраля 1801 года объемистая возок-кареeta остановилась около здания первого кадетского шляхетного корпуса на Васильевском острове.

Двери подъезда с угрюмыми колоннами отворились, и толпа служителей со свечами в руках выбежала на подъезд, толкаясь и спеша.

Ветер задувал оплывавшие и чадившие сальные свечи и засыпал служителей сухим струящимся снегом. Огромное пространство темной Невы дышало ледяным веянием. В небе дрожало и переливалось северное сияние.

Служители стали помогать выйти сидевшим в карете.

Первым вышел или, скорее, был вынесен, некто очень невысокий, закутанный в долгополую лисью шубу с бобровым воротником.

За ним последовала другая столь же невысокая фигурка в такой же шубе. Наконец, вышел иностранный офицер -- красивый, складный немец высокого роста в щегольском полушубке, украшенном шкурами на груди...

Прибывшие вступили в вестибюль здания, ярко освещенный и озаренный целым костром дров, пылавших в камине. На лестнице, шедшей прямо и круто, как на колокольне, вверх из вестибюля, стояли шпалерами в полной форме офицеры драгунского полка с их командиром во главе.

Служители раскутали две шубы. Из одной поя вился толстый, коротенький подросток, облеченный однако, в старого образца драгунскую форму генерал-майора, в зеленый кафтан, желтый узкий жилет и желтые панталоны -- необычайное соединение цветов, напоминавшее яичницу с луком.

Только конечности и голова маленького генерала не были обряжены по форме из-за мороза и дорожных обстоятельств. На ногах были валенки, внутри подбитые мехом, а на голове соболья шапка с наушниками, малиновым верхом и бисерной кистью. Из-под шапки вырывались каскадом великолепные золотые волосы, отросшие за долгий путь, совершенный из Карлсруэ в Петербург. Из другой шубы вытащили такого же роста карикатурнейшего старикашку в старопрусском кафтане, в парике с косичкой, который сверху защищал от мороза убор, не сколько напоминавший женский капор, подбитый кошачьим мехом. Ноги старикашки тоже были в валенках. Он поспешил снять капор и оправить парик.

Трудно изобразить впечатление, которое теперь производило это маленькое, невыразимо уродливое существо. Можно было сравнить его с болваном, что в цирюльнях служит для надевания париков, с механической куклой-щелкунчиком, разгрызающей орехи, или с теми безобразными фарфоровыми фигурками, которые ставились иногда на обеденные столы у немецких принцев старомодных, незначительных дворов.

Маленький генерал снял соболью шапку. Открылись его большие голубые глаза и окончательно освободились золотые локоны. То были принц Евгений Вюртембергский, сын известного героя Семилетней войны, родной племянник императрицы Марии Федоровны, и нарочито посланный за ним в замок Карлсруэ, в Силезии, близ города Оппельна (не смешивать с многолюдным городом Карлсруэ в Западной Германии!) и привезший принца в Россию, по повелению государя Павла Петровича, генерал барон Дибич, служивший под начальством отца принца в Семилетнюю войну в офицерском чине и раненый под Цорндорфом. Особливую милость государя барон заслужил еще тем, что написал книгу о домашней жизни Фридриха Великого, поклонником коего был Павел.

Командир драгунского полка церемониальным шагом подошел, поздравил его высочество с благополучным прибытием в российские пределы и рапортовал, как шефу полка, о состоянии последнего.

Затем принц в сопровождении барона Дибича и иностранного офицера, учителя военных наук принца, последовательно прошедшего саксонскую, голландскую и прусскую службу, ротмистра фон Требра, стал подниматься по лестнице.

За ними и перед ними толпой бежали слуги со свечами. Другая толпа слуг со свечами встретила их наверху, когда они вступили в анфиладу огромных, великолепно убранных комнат.

Все они изъявляли шумную радость, толкали друг друга и спешили показать путь его высочеству и осветить его, хотя и без помощи их оплывавших и чадивших сальных свечек в высоких шандалах достаточно давали света стенные канделябры и всюду зажженные люстры.

Слуги проводили принца в столовую, где был накрыт на три прибора великолепно сервированный стол.

За креслами стояли придворные лакеи, а парадный метрдотель еще с целым отрядом официантов готовился командовать трапезой августейшего гостя.

Командир драгунского полка, сопровождавший своего шефа, взял за локоть ротмистра фон Требра, учтиво по-французски сообщил ему, что собственно ему предстоит ужинать за столом офицеров внизу.

Неудовольствие изобразилось на красивом лице статного немца, и он отвечал тоже по-французски, но с самым дурным произношением:

-- Я вижу, однако, три прибора и, как наставник его высочества, не могу быть лишен преимущества, коего удостоен барон Дибич!

-- Третий прибор предназначается лично для господина премьер-директора корпуса, вас же я прошу разделить трапезу со мной и с офицерами полка, шефом коего состоит его высочество! -- любезно, но настойчиво объяснил командир.

-- Конечно, я к вашим услугам и почту честью познакомиться с офицерами столь почтенного полка, но предпочтение, оказанное барону, не соответствует...

Фон Требра не кончил, ибо вся орава лакеев со свечами по знаку командира устремилась, кланяясь и указывая путь, вперед, и находившиеся теперь среди этой толпы командир и ротмистр принуждены были скорым шагом миновать опять бесконечную анфиладу огромных, гулких, остывших и великолепных покоев; опять спуститься по круглой лестнице между шеренгами офицеров и, уже окруженные последними и опять-таки нижней толпой лакеев со свечами, пройти по неизмеримой длины коридору со сводами в офицерскую столовую корпуса. После мороза, ночной тьмы и тесного пространства возка, ротмистр совсем ошалел от множества огней, обширности здания, суеты и многолюдства. К тому же сейчас ротмистр был подведен к столу с закусками и водкой-травником, называемым "ерофеичем" и, убеждаемый с дороги после морозу погреться, осушил объемистую чарку. Затем началась шумная и обильно поливаемая винами трапеза.

Между тем, едва командир повел ротмистра в столовую, где надлежало трапезовать сам-третьей маленькому принцу, вошел генерал, в звездах и в мундире.

-- Имею честь представиться вашему высочеству! -- почтительно сказал он по-немецки, -- премьер-директор и шеф шляхетного корпуса, вступлением в среду воспитанников коего мы осчастливлены вашим

высочеством, -- князь Платон Зубов! Благополучно ли совершили путь ваш, принц?

-- Благодарю вашу светлость... -- начал было в ответ золотокудрий генерал.

Но Дибич прильнул к его уху и яростно прошептал:

-- Этого господчика не надо величать светлостью!..

-- Благодарю вас... -- поперхнувшись повторил мальчик. -- Мы ехали прекрасно, прекрасно.

-- Не страдали ли от российского мороза, ваше высочество?

-- Нисколько, благодаря шубе, шапке и этим мягким русским сапогам! В возке было очень тепло и укрыто.

-- Возок имел нарочитое приспособление, -- невыразимо скрипучим голосом сказал барон Дибич. -- Под сиденьем приспособлен железный ящик, наполняемый на каждой станции горячими угольями.

-- О, с таким приспособлением мороз не страшен! -- согласился князь Зубов.

Он сам отодвинул кресла, предназначенные для принца. Мальчик сел. Взгромоздился на другое кресло и барон. Сел и Зубов.

Он угощал принца, ведя с ним любезнейшую беседу. Барон вставлял скрипучие, отрывистые замечания и жевал, странно двигая и прищелкивая челюстями и непомерно разевая рот, когда подносил к нему кусок или кубок.

В последнем случае длинный нос его едва не обмакивался в благодородную виноградную влагу.

II. На сон грядущий

Когда ужин был окончен, князь Зубов любезно показал принцу приготовленные для него покои и спальню.

Почему-то для последней была выбрана особенно обширная комната, почти пустая с кроватью под балдахин, напоминавшей саркофаг. Несмотря на истопленную изразцовую печь, покой был достаточно прохладен. Огромные окна ничем занавешены не были и выходили на ледяное пространство Невы. Северное сияние все вспыхивало и переливалось в величественных пространствах небесных. И в покое и за окнами все было так огромно, пустынно, великолепно и холодно.

-- Желаю вашему высочеству спокойной ночи на новоселье! -- сказал князь Зубов и вслед за тем удалился.

-- Да знаете ли вы, что это за человек? -- спросил Дибич.

-- Поскольку могу судить из беседы, приятный, -- отвечал маленький генерал, с тоской поглядывая на ложе и потирая стывшие руки.

-- Это один из известнейших и коварнейших любимцев императрицы Екатерины! Но теперь он и братья его в упадке. При дворе перед ним не извольте слишком расточать ваших любезностей!

-- В придворных сплетнях, барон, я еще неопытен, как крестьянский мальчик, -- сказал принц Евгений.

-- Тем более должно вам следовать моим указаниям! -- возразил барон Дибич. -- Вы в самом деле так разговаривали с князем Зубовым, будто находились с ним где-нибудь на охотничьем бивуаке.

-- Я слышал, что придворная жизнь уподобляется лесу, где охотятся за крупной дичью чинов, орденов, милостей. То, значит, в сем лесу возможны и бивуаки.

-- Вы блистаете остроумием, ваше высочество. А я вас предупредил. Хотя Зубовы и возвращены из ссылки, но император им показывает холодность. Вы же болтали с ним и, вообще, осыпали его милостивыми словами...

-- Ах, Дибич! Сейчас всего больше устрашает меня, что эта пышная кровать показывает холодность! Ну, как я буду здесь спать!

Тут в спальню вошел ротмистр фон Требра с сильно покрасневшим от тостов лицом.

-- Ну, сейчас начнут они ссориться! -- подумал принц Евгений.

Дибич и фон Требра всю дорогу вздорили, каждый заявлял исключительные права на принца, один -- как его наставник, другой -- как посланный императором.

И теперь, едва ротмистр вошел, Дибич принял вызывающую осанку, вздернув голову, причем парик его едва не слетел на пол и коса задорно выгнулась крючком. Со своей стороны, ротмистр заложил руки за спину и с высоты окинул пренебрежительным взором карикатурную фигурку барона.

-- Господин барон фон Дибич! -- сказал он резко, -- уведомился я, что его величеству угодно завтра же дать аудиенцию его высочеству!

-- Господин ротмистр фон Требра, -- самым скрипучим голосом отвечал Дибич. -- Если это так, то вы тут при чем?

-- При чем я тут?! -- закричал ротмистр, и его покрасневшее лицо стало пламенным. -- Странно слышать мне это от вас, барон, когда вам известно, что его высочество мой воспитанник и родителем его препоручен моему надзору.

-- Мне же препоручено самим императором доставление его высочества в столицу Российской империи! -- наступая, проскрипел Дибич.

-- Так что же! -- в свою очередь наступая, кричал ротмистр, -- вы препорученное вам исполнили, а доставление ко двору его высочества не прямая ли обязанность воспитателя?

-- В каких правилах воспитывали вы принца? В якобинских? -- все еще наступая, кричал Дибич.

-- В правилах чести, барон! Ибо я преподавал принцу токмо военные науки! -- тоже наступая, кричал фон Требра.

-- Вы есть якобинец! Вы последователь известного кенигсбергского вольнодумца Иммануила Канта У вас под подушкой вместо молитвенника его всеразрушающая "Kritik der reinen Vernunft"! Вы -- безбожник!

-- А вы есть известный клеветник! Что у меня под подушкой лежало, до того вам дела нет. Я преподавал принцу не "Kritik", а воинский устав прусской службы!

-- А я сей устав производил в действие на полях Цорндорфа!

-- Что вы производили в действие на полях Цорндорфа, я не знаю!

-- Весь свет о сем известен! И сам великий Фридрих...

-- Я знаю одно, что завтра имею сопровождать его высочество во дворец на аудиенцию!

-- Никогда!

-- Нет, им-имею!!.

-- Ни-когда!!.

-- Н-нет, им-м-ме-е-ю!!!..

-- Ни-ког-да!!!..

Произнося последние слова, каждый из споривших поднимал палец кверху и потом махал им перед носом противника, причем коротенький барон приподнимался на цыпочки и подскакивал, чтобы дотянуться до физиономии рослого ротмистра.

Затем оба отступили, словно два петуха.

-- Я есмь друг императора Павла! -- крикнул, ударяя себя кулаком в грудь, барон Дибич. -- Это я имею доставить его высочество во дворец!

-- А я назначен принцем-родителем иметь неотступное смотрение за его высочеством и потому сопровождаю его завтра! -- тоже ударив себя кулаком в грудь, крикнул ротмистр.

-- Господа, -- сказал, наконец, принц, уставший от этих пререканий, -- идите ссориться куда-нибудь в другое место и дайте мне спать!

Наставники рассеянно оглянулись на принца и шумно вышли, продолжая браниться.

III. Несчастья принца Евгения

Принц остался один. Нечего было делать! Он набожно сложил руки, прочел вечерние молитвы, потом разделся и забрался в холодную кровать, где, свернувшись, старался как-нибудь согреться. Несмотря на дорожное утомление, он не мог заснуть. Странно и страшно было на новом месте. Одиноким мальчик вспоминал далекий родительский замок и чувствовал себя очень несчастным.

-- Бедный Евгений! Бедный, бедный принц! -- повторял он тоскливо.

В самом деле, принц Евгений был игрушкой прихоти русского императора, без ведома мальчика устроившего судьбу его в противность всем природным склонностям принца. Все несчастья мальчика начались после того, как в замок Карлсруэ приехал фельдъегерь русского императора, возвестил о восшествии на престол Павла Петровича и передал пакет, где для матушки принца находился орден св. Екатерины и на имя самого принца Евгения рескрипт. Император производил его в драгунские полковники.

Евгению было тогда всего восемь лет. Не стесняемый никем, под благодушным присмотром дядьки, старого гусара, целые дни проводил он в цветущих гвоздикой лугах и в рощах, окружающих замок, в перелесках, в зеленых канавах, играл с крестьянскими девочками, слушал простые сельские песни и был вполне счастлив. Зимой он играл с пажами и фрейлинами в старинных залах замка, ласкаемый всей дворней. Ему рассказывали сказки, старинные преданья, и его воображение обогатилось особым миром поэтических образов. Лесной король в короне из еловых шишек с длинной седой бородой кивал ему из-за вершин старых елей; его дочери плясали с белыми шарфами в вечерние часы на лесных полянах... Все стихии населились кобольдами, эльфами, прекрасными ундинами. И вдруг этот чудный сон золотой свободы прервался!

Когда родители принца узнали, с чем приехал фельдъегерь, конечно, не было конца их ликования. В рескрипте императора возвещалось, что со временем подготовленный к прохождению военной службы принц Евгений отличится под российскими знаменами. Широкие дали открывались воображению родителей принца!

Они пожелали сделать сюрприз Евгению и, ничего не сказав мальчику о перемене в его судьбе, разрешили ему съездить в близлежащий Бреславль к золотых дел мастеру и часовщику, брату его дядьки, старого гусара. Сюрприз предполагался по возвращении.

Мальчик был в восторге от поездки, так как лавка искусного часовщика была в его воображении царством чудес. Там были всякие металлические игрушки, куранты с выходящими под музыку фигурами, и сам часовщик представлялся ему чародеем, по мановению которого живут и движутся эти занимательные существа, и все эти гири, колеса, маятники двигаются, качаются, стучат денно и ночью, наполняя разнообразными звуками дом в три этажа, выстроенный так, что верхний этаж выдвигался над нижним, с резными украшениями, причудливой вывеской, высокими трубами, с аистом и множеством ласточек под карнизами. Кроме рассматривания механических сокровищ лавки, принца ожидали здесь и другие удовольствия. Жена часовщика угощала его пряниками с перцем, а белокурые дочки показывали ему садик, полный цветущих роз, не менее цветущий огород и двор со всякой живностью. Кроме того, город Бреславль наполнен был всевозможными достопримечательностями. Однако на этот раз посещение часовщика было кратко. И сам часовщик, и жена его, и дочери после того, как дядька с ними о чем-то перешепнулся, стали убеждать принца с многозначительным видом поскорее вернуться в замок... Делать нечего, Евгений отправился домой. Здесь его ожидало необыкновенное торжество. На ступенях лестницы Карлсруйского замка его встретило благородное юношество Оппельна, главного города регентства (в городе считалось до пяти тысяч жителей), одетое в национальные старосилезские костюмы и певшее хором хвалебную песнь в честь наследника принца-регента. В то же время девицы, благородные дочери почетных граждан города Оппельна, одетые в белые платья, осыпали его путь цветами. Примадонна труппы его высочества принца-

регента Оппельн-Карлсруэ-Вюртембергского, игравшей в городском театре, одетая сценической принцессой, произнесла торжественную речь, наполненную мифологическими картинками и тонкими политическими намеками на отношения Оппельна к соседним государствам, городам и странам, Берлину, Польше, Моравии, Богемии и России, и похвалами будущим военным подвигам принца Евгения. Эту речь в звучных немецких стихах сочинил придворный поэт его высочества, господин Гагеман, оппельнский театральный режиссер и автор многих трагедий, опер и прологов.

На верху лестницы Евгения встретили родитель и украшенная орденом св. Екатерины родительница, окруженные придворным штатом, состоявшим из обер-камергера, обер-церемониймейстера, обер-шталмейстера, обер-статс-дамы, обер-статс-фрейлины и некоторых других особ, нарочито съехавшихся из своих имений; все они были в парадных костюмах.

Тут принц узнал причину необыкновенного торжества, но, против ожидания всех, известие о пожаловании его русским императором в полковники, вместо радостного восторга, извлекло из глаз его потоки слез.

-- Я не хочу быть русским полковником! -- восклицал, рыдая, принц Евгений. -- Я хочу быть прусским гусарским корнетом.

Это неожиданное заявление и слезы чрезвычайно огорчили придворных, городскую молодежь и даже господина Гагемана, придворного и театрального поэта, так как все торжество было испорчено, и сюрприз не удался. Что касается родителя Евгения, то он чрезвычайно разгневался.

-- Как, неблагодарный! -- вскричал он. -- Сам император российский препровождает твоей матушке брильянтами осыпанный орден, а тебя, восьмилетнего молокососа, жалует драгунским полковником, а ты ревешь и кричишь, что этого не хочешь! Да я немедленно крепко и больно высеку тебя за такую дерзость! И откуда ты взял, что быть прусским гусарским корнетом лучше, чем русским полковником? Кто вбил тебе это в голову? Нет, должно приняться за твое образование!..

-- Да, да, должно приставить опытных наставников к молодому принцу! -- хором поддержали придворные.

-- Осмелюсь донести вашему высочеству, -- сказал почтительно обер-церемониймейстер, -- что эти длинные волосы, которые носит его высочество, скорее приличны пажу, чем наследному принцу нашего знаменитого регентства Оппельн. Необходимо заплетать принцу косу!

-- О, да! принцу должно заплетать косу! -- хором поддержали придворные.

-- Его высочеству пора носить косу! -- подхватили городская депутация, театральная примадонна и господин Гагеман, поэт и режиссер.

Действительно, на другой же день роскошные, золотые, низко спускавшиеся кудри маленького принца обращены были в туго заплетенную косу. Но это единственно явилось следствием производства его в русские драгунские полковники. В остальном все осталось по-

старому, и ментором принца по-прежнему был старый гусар-дядька, хотя это именно он внушил ему убеждение, что не может быть на свете большего благополучия, как сделаться прусским гусарским корнетом. Однако коса была зловещим предзнаменованием! Прошло еще два года золотой свободы, и в замок примчался второй фельдъегерь российского монарха. Десятилетний принц производился в генерал-майоры и шефы драгунского полка.

IV. Продолжение несчастий принца Евгения

Свернувшись на торжественной кровати в огромном, остывшем покое, маленький принц не мог ни согреться, ни заснуть, и в воображении его вереницей проходила цепь событий, перебросивших его из ничтожного Оппельна в столицу неизмеримой, многомиллионной Российской империи.

Производство в генерал-майоры сразу оборвало светлые дни независимости, игр, мечтаний золотого детства. Теперь уже мало было одной косы. К ней присоединили еще круто завитые пукли. Толстенькую фигурку принца запрятали в узкий желтый жилет и зеленый кафтан, а короткие ножки в желтые панталоны и высокие жесткие сапоги с золотыми шпорами. На бок прицеплен был тяжелый палаш, а в руках генерал-майор в торжественные случаи должен был держать короткую, толстую, изукрашенную командирскую палку, между тем как сверху косы и локонов качалась на голове его плоская, как тарелка, трехрогая шляпа. О прежних веселых прыжках по полям, лугам и цветущим перелескам и думать было нечего! Все это заменилось пристойным и мерным прохождением обширной площади замка на пути из комнат принца к обеду в сопровождении нового наставника военных наук фон Требра.

Часто при этом палаш, попадая между ног мальчугана, повергал его на землю. Голова трещала и от крутой косы с пуклями, и от непрерывного зубрения вокабул, военных уставов и различных трактатов по стратегии, тактике, осаде крепостей и кавалерийскому делу, не считая уже зубрений отличий в обмундировании различных частей и чинов российской армии. Несмотря, однако, на зубрение, муштровку, ежедневные военные экзерциции, принц не только не худел, но все толстел и, коротенький в ущерб росту, расплывался в ширину, что придавало еще больше комизма малютке генерал-майору.

Принц теперь должен был являться на парады и инспекторские смотры, причем эскадронные командиры присылали ему на ординарцы фридриховских гигантов-гренадер. Они прыскали со смеху, представляясь малютке. Вообще, торжественное появление генерал-майора, как пешком, так и верхом, всюду вызывало смех, шуточные замечания и сделало из него притчу всей Силезии. Невозможно передать всевозможные терзания, которым подвергалось все существо толстенького принца! Невозможно описать, как терзалось самолюбие

маленького человека и в какую пучину неисходных страданий ввергли его милости далекого русского императора!

Однажды на кантонир-квартирах недалеко от Бреславля крестьянские мальчики, окружив генерал-майора, забросали его с ног до головы грязью, приговаривая: "Подожди, ты, олух! Мы тебя, русского генерала, угостим прусской грязью!" Генерал обнажил палаш и замахнулся им со свирепым намерением обрубить уши ближайшему из обидчиков, но промахнулся и, перетянутый тяжелым для детской руки оружием, растянулся во весь рост, чем дал возможность мальчишкам угостить его новым залпом насмешек и грязи.

Это переполнило чашу страданий бедного принца! Он решил просить отца освободить его от ненавистного зеленого мундира, муштры, военного устава и дать ему свободу следовать своим склонностям. А склонности эти приняли совершенно неожиданное направление. Принцу уже не казалось высшим блаженством быть гусарским корнетом! Нет, он мечтал быть поэтом и драматургом! Он свел дружбу с господином Гагеманом, поэтом и режиссером, который давал ему тайно книги, так что он познакомился с драмами Клингера и Коцебу и с другими произведениями немецкой драматургии начинавшегося романтического периода "бури и натиска". Воображение его особенно увлекалось битвой под Прагой, и Вильгельм, жених-привидение Леоноры, увозящий красавицу в свою могилу, тревожил сон принца! Ротмистр фон Требра не препятствовал этому опасному знакомству, так как сам был поклонником Канта, новой поэзии и страстный театрал, чему способствовало томящее однообразие жизни глухого Оппельна и прелести примадонны городского театра. Впрочем, и сердечко генерал-майора не оставалось равнодушным к театральной принцессе, и что-то в нем творилось непостижимо сладкое, когда примадонна сажала генерала себе на колени и заглядывала ему в глаза, обдавала огнем черных очей и серебристым смехом. Потом ночью принцу представлялось, что он сидит с ней на пышащем огнем коне и они куда-то мчатся, мчатся, мчатся, как Вильгельм с Леонорой, -- но только не на кладбище.

Понятно, однако, к чему привела принца попытка заявить строгому родителю о желании следовать своим природным склонностям.

-- Как, неблагодарный, ты отказываешься от блистательного поприща, открываемого пред тобой безмерными милостями российского императора? -- сказал принц-отец. -- Дерзкий, неблагодарный мальчишка! Он желает следовать своим природным склонностям! Вы должны следовать примеру доблестных предков, ваше высочество! -- указывая на длинный ряд портретов с перекошенными лицами, в латах, мантиях, с жезлами и мечами, грозным сонмом уставивших в пространство злые глаза, торжественно произнес принц-отец. -- И к чему влекут вас природные склонности, прошу сказать?

-- К занятиям свободными науками и искусствами! -- пролепетал принц.

-- И эти свободные науки и искусства поведут вас к свободной жизни гейдельбергских буршей, к длинным волосам, мензурам, трактирным

попойкам и долгам! Не правда ли? А свободная жизнь гейдельбергского студента даст свободное развитие всем вашим порочным наклонностям, семена которых таятся в каждом человеческом сердце. Извольте посмотреть, ваше высочество, на этот сад, -- продолжал родитель, подойдя к окну и указывая на разбитый в подражание (конечно, миниатюрное, соответствовавшее доходам регентства Оппель) версальским садам прихотливое произведение придворного садовника замка. -- Извольте посмотреть! Вы видите здесь очаровательные картины, прелестные боскеты, лужайки, клумбы, дорожки, деревья, которые радуют взор прихотливыми формами куба, шара, конуса, различных зверей и, наконец, -- верх искусства! -- двум искривленным соснам приданы профили нашего благодетеля, императора Павла и Фридриха Великого! А что бы вышло, если бы устранить бдительную и искусную руку мудрого садовника, его кривой нож, пилу, заступ, ножницы и всему предоставить, как вы выразились, свободно следовать своим природным склонностям? В несколько месяцев нельзя было бы узнать это прелестное место, составляющее редкостное украшение замка Карлсруэ! Все бы разрослось в разные стороны, выйдя из меры. Сорные травы заглушили бы клумбы и куртины, косматые ветви уничтожили бы изящные формы боскетов, скверным сором обросли бы дорожки; все наводило бы уныние! Вот что значит следовать своим природным склонностям!

-- Но теперь уже выходят из моды подстриженные сады, -- осмелился возразить Евгений. -- Находят, что человек только портит мудрый план свободной природы и, желая ее улучшить, вносит в вольные красоты естества принужденность, однообразие, скуку и холод пустой симметрии и регулярности.

-- Что слышу от моего сына! -- в ужасе вскричал принц-отец. -- Да это якобинство, чистейшее якобинство! Послушайте, мой любезный, где вы почерпнули столь вольные мысли? Отвечайте мне немедленно! Свобода! Мудрый план природы! Вольное следование природным склонностям! А! Это говорит щедро осыпанный милостями российского императора генерал-майор и шеф драгун его величества! Это говорит принц Вюртембергский! -- обращая взор к перекошенным физиономиям предков на стенах, восклицал родитель.

-- Откуда вы заразились сими гибельными мыслями? Отвечайте! Отвечайте! -- топая ногами, страшным голосом кричал принц-родитель.

-- Но, батюшка, это все говорят, -- сказал трепетным голосом мальчик. -- Это в воздухе носится!..

-- А, понимаю! Носится в воздухе -- как семена сорных трав! Но я поступлю, как мудрый садовник, и извлеку сии зловредные злаки из вашего сердца, пока еще оно мягко и юно и плевелы в нем не укоренились! Я сам ежедневно буду преподавать вам прусский воинский устав и историю войн Великого Фридриха, в коих с честью, думаю, сам принимал участие! И, кроме того, хотя ты и генерал, я высеку тебя сегодня же крепко и больно!

-- Ах, я лишу себя жизни, если лишен свободы! -- в отчаянии, заливаясь слезами, вскричал Евгений.

-- Ка-ак! Что вы сказали, ваше высочество? Вы хотите лишить себя жизни? Извольте сейчас отдать ваш палаш! Ну, каким способом вы теперь лишите себя жизни?

-- Я перережу себе горло, -- всхлипывая, сказал мальчик, -- ножницами.

-- Нож-ни-ца-ми?!. Согласно старому прусскому закону неудачного самоубийцу судят, как дезертира, посягнувшего на похищение у короля его собственности. Ибо каждый способный быть солдатом подданный прусского короля есть собственность его величества и отечества. Ты есть неудачный самоубийца, ибо сейчас будешь заперт под арест в библиотечной башне. И ты есть солдат. Значит, ты есть дезертир. Знаешь, чему по воинскому уставу подвержен дезертир?

-- Смертной казни через повешение, -- прошептал бедный принц, повеся голову.

-- А-а! Ну, а кому подсуден дезертир?

-- Военному совету.

-- Прекрасно! Ротмистр фон Требра! Позвать ротмистра фон Требра!

Ротмистр явился.

-- Ротмистр фон Требра! -- торжественно сказал принц-отец, -- сей молодой человек имел преступное намерение дезертировать. Он арестован. Извольте отвести его в библиотечную башню, запереть там и приставить караул к дверям! А я сейчас соберу военный совет для суждения сего злоумышленника по законам военного времени!

* * *

Бледный, дрожащий, рыдающий принц Евгений был отведен ротмистром фон Требра в башню замка, где помещалось пыльное собрание толстых фолиантов, латинских трактатов по теологии и геральдике, хроник и всевозможных хартий и документов. В башне был всегда угрюмый сумрак, сырость, пахло плесенью и мышами.

Преступник был здесь заперт, и два инвалида с нарочито выданными кортиками и мушкетами стали на часах у дверей башни.

Преступник чувствовал себя настоящим преступником и не сомневался, что он дезертир короля прусского и подлежит смертной казни через повешение, если только король не подтверждает приговора, милостиво заменит казнь вечным заточением в крепости. Но странно, среди рыданий, среди ужасных мыслей маленький дезертир все больше ощущал в сердечке своем и наслаждение необыкновенной занимательностью такого трагического положения... Особенно усилилось это чувство, когда за дверью послышался громкий шепот, пыхтение и борьба. То пришла старая девяностолетняя няня принца. Она яростно, но шепотом ругалась с инвалидами, бесстрашно ухватив дрожащими пальцами раструбы древних мушкетеров, которые отважные витязи приставили было к ее груди, грозя расстрелять ее, если она не уберется прочь!

-- Стреляйте, убивайте! Мне все равно. Но я хочу слышать голос моего дитяти и услышу его!

Нянька-таки настояла на своем. Инвалиды отступились. Она прильнула к замочной скважине и, рыдая, звала Евгения, называя его самыми нежными уменьшительными, ругая на чем свет стоит ротмистра фон Требра, мучающего и пугающего милое дитя, и сообщая, что все в замке и сама матушка принца плачут навзрыд, узнав о жестоком над ним тиранстве, и что она принесла ему пряников с перцем и сахарных королей и принцесс с сусальными коронами. И няня стала совать в щель источенной червями, рассохшейся двери башни гостинцы.

Участие няни, сообщенное ею известие, что матушка и все в замке плачут о злключении его, равно как и гостинцы, сильно обрадовали принца Евгения. Но появление именно няни у дверей его темницы затронуло самолюбие мальчика. Он вспомнил, что имеет честь быть генерал-майором и шефом драгун его величества императора российского; с другой стороны, чувство военной дисциплины и субординации в нем возмутилось грубым нарушением нянькой и часовыми распоряжения его родителя.

Подойдя к двери, он благодарил няню и всех, принимающих в нем участие, но в то же время твердо потребовал, чтобы няня ушла и знала, что ротмистр фон Требра тут ни при чем, что он лишен свободы по приказанию самого родителя, как дезертир, и, вероятно, будет казнен; он просит няню передать его последнее прощание матушке и всем в замке. Часовым принц Евгений напомнил присягу и то наказание, которому они подвергаются по воинскому уставу, допуская переговоры посторонних с государственным преступником. Услыша все эти страшные слова из уст самого принца, древняя няня поверила и просто обезумела от ужаса и горя. С воплями затем кинулась она в залу, где происходило заседание военного совета под председательством самого принца-родителя и состоявшего из ротмистра фон Требра, лейб-медика Отто Пумперникеля, бывшего ротного хирурга, и дядьки-гусара. Совет важно и по всем правилам военной юриспруденции обсуждал преступление принца Евгения, который "имел намерение дезертировать". Дверь залы сторожили два других инвалида с мушкетонами.

Суд только что вынес приговор, обсудив дело всесторонне и приняв во внимание все смягчающие вину обстоятельства, как, к примеру, несовершеннолетие принца и все обстоятельства, вину отягчающие, хотя бы чин генерал-майора и шефа и звание принца, обязующие к особо строжайшему выполнению долга, когда за дверью послышались пронзительные на этот раз вопли няньки и затем она ворвалась в залу, волоча за собой инвалидов, ухвативших ее за широкие одежды.

-- Что такое? Как смели впустить стороннее лицо в залу военного совета! -- сказал строго и торжественно принц-регент, поднимаясь с кресел. Нянька вырвалась, оставив целое полотнище в руках воинов, и с воплями и причитаниями кинулась в ноги принцу, умоляя его простить сына и не казнить его.

-- Ротмистр фон Требра! -- приказал принц. -- Взять старую дуру и вывести ее из залы военного совета! Посадить ее на хлеб и на воду в оружейную башню замка!

Но едва ротмистр приступился к старухе, она поднялась грозная, как орлица, у которой отнимают орленка, и принялась осыпать ругательствами и принца; и ротмистра, и лейб-медика, и самого прусского короля, называя их варварами, извергами, иродами, пьющими кровь младенцев, и т.д.

-- Но это прямой бунт и возмущение против власти верховной! -- сказал было принц, но тут старуха грохнулась на пол в обмороке.

Члены военного совета смутились и поспешили оказать помощь нянюшке, чувствуя, что зашли несколько далеко. Когда она пришла в чувство, принц стал объяснять ей, что вся история предпринята им лишь примерно, с воспитательными целями, дабы не дать укорениться в мягком, детском сердце зловредным плевелам непослушания. В этом случае он отчасти руководился примером короля Фридриха-Вильгельма, отца великого Фридриха, который говаривал, что дезертирство вышло из ада; что это дело чад дьявола, и никогда Божьи чады в нем не провинятся; а когда сын его попытался бежать, так как старый король разорвал его "Генриаду" и переломил об его голову флейту, на которой тот любил свистать, то лишь вмешательство голландских штатов, королей Швеции и Польши и императора Германии спасло наследника прусского престола от смертной казни за дезертирство!..

Принц-родитель поспешил в библиотечную башню и объявил сыну приговор военного совета:

-- Лишить косы и мундира на две недели!

Засим Евгений был свободен.

Можно себе представить его радость!

Наказание было ему лучшей наградой. Он поспешил в объятия родительницы, которая, впрочем, заранее была предупреждена о "примерной" экзекуции, хотя и находила чрезмерным такой воспитательный прием; няня не помнила себя от радости, хотя потрясение, пережитое ею, не прошло для нее даром. Старуха заболела. Все в замке праздновали освобождение принца. История его дезертирства разнеслась по городу и окрестностям замка, и Евгений две недели чувствовал себя героем. Потом опять заплели ему косу и затянули его в зеленый мундир с желтым жилетом.

Быстро минуло еще три года...

И в первых числах января 1801 года в Карлсруэ прибыл генерал барон Дибич с поручением императора привезти в Россию принца Евгения. Эта уродливая фигурка произвела невыразимое впечатление на принца!

Барон держал себя с величайшей важностью, повторяя поминутно:

-- Император -- мой друг! Император -- мой Друг!

Родители принца не знали, как посадить и угостить уродца, расточая перед ним, послом могущественного российского монарха, самую изысканную любезность, которую тот принимал как должное.

Барон проэкзаменовал принца из военных наук и тут впервые он столкнулся с ротмистром фон Требра, который ему доказал, что сам он более силен в знании домашних обычаев Фридриха Великого, чем в тактике и стратегии.

День отъезда был назначен, наступил и принцу пришлось проститься с родителями и старым замком, с полями, лесами, рощами, с городом Отдельном, примадонной и театральным поэтом, господином Гагеманом.

Тоска разрывала сердце Евгения, когда он сел с бароном и ротмистром в карету-возок и по зимней дороге понесся в неведомую грозную даль. Тем страшнее было покидать родной Оппельн, что сюда уже дошли положительные слухи, что российский император помешался и все трепещет от его необузданного тиранства; что иступленное бешенство его становится кровожадным; что каждый день десятки невинных ссылаются в Сибирь и самая милость императора опасна, ибо приближает к нему и заставляет ежеминутно трепетать в ожидании перемены его настроения. Конечно, эти слухи известны были и родителям принца и они отпускали сына с тяжелым чувством и всю надежду возлагали на барона Дибича, который не переставал самодовольно повторять:

-- Император -- мой друг!

При переезде границы близ Гродны принца встретили местные русские власти, затем, по прибытии в Гродну, начались приемы, парады, торжественные обеды, что весьма быстро принцу наскучило и утомило его. Утешительницей явилась прекрасная молодая полька, хозяйка того дома, где принц остановился. Она обедала с ним и образ ее снился ночью Евгению. Новые торжества, приемы и парады разных частей местных войск настолько утомили его высочество, что, вернувшись домой, он ударился в слезы. Тут прекрасная хозяйка наедине, отбросив в сторону всякие этикетки, прижимала генеральчика к груди своей, с особенной нежностью гладила его по головке и старалась ему втолковать, что в мире сем сладкие эссенции никогда не доводится глотать без примеси к ним некоторой доли более горьких экстрактов, но что это не должно отвращать от наслаждения. После этого принц от души танцевал и чувствовал себя блаженным.

-- И теперь образ прекрасной польки, мешаясь с образом театральной принцессы города Оппельна, возник в дремлющем воображении принца и окутал его продрогшие члены сладкой теплотой. Принц заснул крепко на торжественном ложе в парадном помещении шляхетного корпуса.

-- Ваше высочество, извольте встать! Встать извольте!

Скрипучий голос барона Дибича безжалостно прервал сладкий предутренний сон принца.

-- Извольте вставать! Костюмеры ждут! -- продолжал будить барон.

Принц открыл глаза. В покой смотрело раннее, туманное, угрюмое утро. Но было еще очень сумрачно. Холод в спальне стоял нестерпимый и резал горло принца.

-- Костюмеры должны по форме причесать ваше высочество, -- объяснил барон Дибич, и пар валил из его рта клубами, -- а это займет не мало времени.

Делать нечего, принц принужден был покинуть кровать и, дрожа, всунуть ноги в туфли, а тело облачить в приготовленный шлафрок.

Затем он перешел в соседнюю уборную, тоже огромную комнату. Здесь находилось шесть костюмеров в сажень росту, поставлены были три скамьи, на одной из них уже сидел ротмистр фон Требра и один из костюмеров производил операцию над его головой. Вместо пудромантеля на плечах его был попросту рогожный куль.

Евгению предложено было тоже сесть на скамью и такой же рогожный пудромантель закрыл его плечи.

-- А не то промочишь белье! -- объяснил гигант-костюмер.

Взяв довольно тупые ножницы, он остриг переднюю часть головы принца под гребенку, а затем начал с товарищем натирать остриженное место мелко толченным мелом. Комната завертелась кругом принца, искры и слезы посыпались из глаз!

-- Тише! Бога ради, тише! -- взмолился он.

-- Мы и так не крепко, ваше высочество! -- уверяли костюмеры. И, видимо, они говорили правду, ибо в этот момент ротмистр фон Требра, за натирание мелом головы которого тоже принялись, но, видно, уже как следует, заорал во все горло, посылая костюмеров к дьяволу и уверяя, что они так сдерут с его головы скальп, как дикие американские индейцы.

-- Сухой проделки на голове довольно! -- решил хладнокровно старший костюмер. -- Теперь только надо смочить да засушить!

Бедный принц задрожал.

-- Начинай мокрую операцию! -- скомандовал обер-костюмер.

-- Хведор, подай артельного кваса! -- фистулой крикнул другой обер-костюмер подручному.

Принесено было ведро солдатского артельного кваса и большой ковш. Костюмер стал против принца ровно в разрезе на две половины лица с ковшом квасу в руках.

Набрав российского квасу в рот, так что багровые щеки его надулись, как две половинки яблока, костюмер начал из уст своих, как из пожарной трубы, опрыскивать черепоздание немецкого принца.

Едва он увлажнил по шву головы, другой костюмер принялся обильно сыпать пуховкой на голову муку во всех направлениях.

-- Прочесывай волосы! -- скомандовал обер.

Костюмеры ухватили необыкновенных размеров гребни и с обеих сторон принялись усердно драть ими волосы принца, словно они имели дело с лошадиной гривой.

-- Сидите смиренно, ваше высочество, -- сказал обер, когда прочесывание кончилось. -- Не ворочайте головы. Дайте время образоваться клейстер-коре!

Оглянувшись, принц имел утешение увидеть, что барон и ротмистр на своих скамейках подверглись такой же операции и сидели в ожидании образования "клейстер-коры"...

В скорости принцу сзади в волосы привязали железный, длиной восьми вершков прут для образования косы по форме. Заплетя ее, дали просохнуть и вытащили вон прут. Коса затвердела и торчала трубой. Тут и пукли приделали войлочные, огромной природы посредством согнутой дугой проволоки, которая огибала череп и держала войлочные фальконеты с обеих сторон на высоте уха.

Составившаяся из муки кора затвердела на черепе, как изверженная лава вулкана, мучительно натянув волосы. Тут послужила принцу предварительная школа в виде тугой косы. Он выносил прическу стоически.

Принца затем одели в светло-зеленый мундир с красным воротником и обшлагами и с золотым аксельбантом. Ноги вдеты были в сапоги с высоким раструбом и шпорами. Части костюма оказались несоответствовавшими размерам членов принца. Он утешался тем, что когда заглянул в большое зеркало, то увидел в нем отразившиеся три огородных чучела. Рослый ротмистр и карикатурный щелкун Дибич представляли достойное зрелище.

Барон доложил, что генерал Клиндер, директор корпуса, будет присутствовать за утренним столом принца и дожидает выхода его высочества в приемной.

-- Клиндер! Сам великий Клиндер! Как! я увижу этого мужа! О, ведите меня поскорее, чтобы я мог поцеловать руку величайшего драматурга Германии, руку, написавшую такие бессмертные произведения! -- вскричал восторженный Евгений.

-- Генерал Клиндер точно считается знаменитым автором в его отечестве, но здесь, в России, он начальник корпуса и только, -- наставительно сказал Дибич. -- По собственному его настоянию даже запрещен в пределы империи ввоз его произведений, для которых российская публика, едва вышедшая из варварства, по мнению генерала, не созрела.

-- Возможно ли? Великие произведения изъяты самим автором! Он сам закрывает источник чистой поэзии! В его драмах раскрыто, так сказать, евангелие природы. Это мне не раз объяснял господин Гагеман, наш оппельнский театральный поэт. Великий Клиндер! Поклонник Руссо, Канта...

-- Т-с-с-с! Ради Бога, принц, не произносите здесь этих имен. Сие может погубить и вас и меня. Что касается генерала Клиндера, то я убедительнейше вас прошу даже и виду не показывать, что вы знакомы с его произведениями! Иначе он вас аттестует императору как якобинца.

Принц вздохнул и умерил свой восторженный порыв. Но в голове его никак не могло уместиться различие поэта-романтика Клиндера, которым бредила вся молодежь Германии, и генерала Клиндера, неумолимого формалиста, начальника русского корпуса!

В приемной его дождался не один генерал Клиндер, но и граф Кутайсов.

-- От имени государя императора, -- сказал он, -- имею честь осведомиться о здоровье вашего высочества и просить на высочайшую аудиенцию в Михайловский замок.

К величайшему неудовольствию ротмистра фон Требра оказалось, что сопровождать принца должен только один барон Дибич.

V. Холодный замок

Пронзительный ветер, бушевавший над белой пустыней Невы, леденил лицо и руки и захватывал дыхание. Загроможденное серыми тучами февральское небо нависло бездушно и грозно над северной столицей. Стекла кареты, в которой ехал принц Евгений с бароном Дибичем, мороз расписал причудливыми арабесками, и принц с большим трудом дыханием и пальцами протаял небольшое отверстие, чтобы видеть новый для него город.

Теперь, без шубы и меховой шапки, в узкой парадной форме и принц и спутник его жестоко страдали от холода и усиленно хлопали руками и стучали ногами, чтобы хоть несколько согреться.

-- Это хорошо, что окна замерзли и нас нельзя видеть, как мы танцуем сарабанду! -- заметил Дибич, ухватив себя за посиневший длинный нюхательный орган.

Карета быстро катилась. Мелькали будки, шлагбаумы -- полосатые, черно-красно-белые...

"Как у нас в Пруссии!" -- думал принц. Миновали занесенные снегом сады, дома, вельмож и домишки линий острова. Претерпев жестокую снежную пустыню среди Невы, где ветер воздвиг прямо снежную бурю и скрыл из глаз окрестности, выехали к зданию сената, и принц увидел медного гиганта на медном вздернутом на дыбы коне, который, презирая снежную бурю, летел в пространство над созданной его могуществом столицей.

В огромные окна вице-канцлерского дома было видно, что там все люстры и все каминные печи пылают.

Тут принц заметил чиновников, которые шли на службу в мундирах, ботфортах с короткими толстыми тростями в руках по форме. Несчастные бежали, подгоняемые морозом и ветром и повязав уши свертками и шляпы платками. Казалось, что это они гонятся за кем-то со своими палками, намереваясь ими разделаться.

-- Уши повязаны! -- заметил Дибич, -- это не по форме.

Миновали огромный Зимний дворец и прилегающие здания и вновь потерялись в пустыне Марсова поля, в снежной буре, пока, наконец, не показалась выкрашенная краской огромная уродливая каменная масса, окруженная экзерциргаузами, рвами, подъемными мостами и вооруженная двадцатью новыми бронзовыми пушками, блестящие жерла которых зияли во все стороны.

-- Михайловский замок! -- прошептал Дибич помертвевшими губами и, сложив руки, несколько раз твердил: Nun, Gott, sei uns gnadig! -- Боже, будь к нам милостив.

Пустыня Марсова поля, огромные сады с голыми деревьями, над которыми с карканьем летело множество галок и ворон, и красноватая груда замка-крепости -- все казалось мертвым, уснувшим под темным небом в вихрях снежной бури и подавляло неумолимым величием. Так вот оно, убежище безумца, повелевающего миллионами в Европе и Азии, неограниченного монарха неизмеримой империи! Все крутом было недвижно и не замечалось в этот ранний час утра ни единой живой души. Когда карета обогнула сады и подъезжала со стороны Невской перспективы к трем решетчатым воротам замка, между четырьмя гранитными столбами, снежные тучи раздвинулись, ветер упал, и вдруг яркое солнце озарило улицы, сады и замок, камни которого, выкрашенные рыцарственным Павлом по данной им для образца красной перчатке чернокудрой княгини Гагариной, казались теперь вымазанными кровью...

-- Признаюсь, окраска замка не кажется мне удачной, -- заметил принц.

Дибич с ужасом посмотрел на него и замахал руками, запрещая критику.

Треск барабанов гулко отдался среди зданий. Им встретилась императорская лейб-гвардия, роскошно освещенная лучами солнца. Офицеры в зеленых мундирах, с белым аксельбантом, в белых панталонах, в ботфортах одной рукой держали эспантон -- род алебарды на длинном тонком древке, конец которой был воткнут в фалду. В другой руке была короткая толстая палка. Руки были в кожаных желтых перчатках. Зеленые мундиры рядовых были богато испещрены золотыми галунами. Заостренные прусские томпаковой жести шапки так блестели на солнце, что ослепляли зрителя.

Пудренные прически, косы аршинные, старомодный покрой мундиров -- все придавало лейб-гвардейцам вид толпы комедиантов.

Но возникновение этой идеи сейчас же подавлялось серьезностью, написанной на всех лицах. А строго размеренный торжественный шаг, как бы нарочно удалявший близкую цель марша в беспредельное пространство, скорее заставлял думать, что они совершают похоронное шествие или сопровождают на казнь преступника, а не идут на ежедневную смену караула.

Все трое ворот замка, где император поместился всего две недели тому назад, вели в широкую аллею из старых, дуплистых лип и берез, посаженных еще при императрице Анне, когда здесь находился старый деревянный летний дворец. Одновременно в одни ворота вступил караул, а в другие въехала карета принца.

Барабаны трещали, и вороны, галки с криком срывались с деревьев и бестолково летели в разные стороны.

По сторонам аллеи были экзерциргаузы и конюшни, как бы в воспоминание о любителе лошадей и берейторства герцоге Бироне. Далее

высились симметрично два павильона для чинов двора и карета загремела по спущенному подъемному мосту через ров, окружавший замок.

Затем въехала она на "коннетабль", или большую дворцовую площадь.

Здесь высилась колоссальная конная статуя Петра Великого работы Мартелли, отлитая еще при Елизавете в 1744 году.

Павел Петрович отыскал ее где-то в сараях, велел отчистить от наросшей зелени и поставил на "коннетабле" своего с чудесной быстротой воздвигнутого чудовищного замка.

Лошадь идет на этом монументе шагом, и всадник в одеянии римского цезаря с лавровым венком на голове кажется погруженным в раздумье...

"Прадеду -- правнук!" прочитал надпись принц Евгений.

Замок составлял совершенно правильный квадрат, окруженный со всех сторон рвами, облицованными гранитом, с пятью подъемными мостами.

Подвалы и нижний этаж замка были из тесаного гранита; верх -- из кирпича и мрамора.

Обращал на себя внимание портал замка и фронтоны из паросского мрамора работы братьев Стаджи, изображавший историю в виде Молвы, как мы это видим на колонке Траяна.

На фризе принц прочитал золотую загадочную, мистическую надпись:

"Дому Твоему подобает святыня Господня в долготу дней!"

Со стороны "коннетабля" в замок вели ворота, называвшиеся Воскресенскими.

Проезд во внутренний восьмиугольный двор с каждой стороны имел колоннаду из двадцати четырех дорического ордера колонн. Между ними на пьедесталах стояли великолепные вазы из белого мрамора.

Въезжать в этот двор позволялось лишь членам императорского семейства и посланникам.

Как только карета с громом подкатила ко дворцу, один взгляд на побледневшее лицо Дибича дал понять всю важность предстоящей решительной минуты. Судорожная дрожь старика заставляла опасаться за его существование.

Прикосновение его холодной руки напоминало статую командора в "Дон Жуане".

-- Напрасно, видно, толковал, что государь ему друг! -- подумал принц. -
- Вот так друг!

VI. Заплесневелое великолепие

Четыре лестницы вели со двора во внутренность дворца и запирались большими стеклянными, великолепными дверями; из них парадная с гранитными ступенями шла между двумя балюстрадами из серого сибирского мрамора с пилястрами из полированной бронзы. Стены выложены были мраморами разных сортов.

Выйдя из кареты, два маленьких генерала стали маленькими прыжками подниматься по этой бесконечной лестнице, чувствуя себя среди этого

мрачного величия неизмеримых стен и сводов, между глыбами гранита и мрамора совершенно ничтожными букашками.

Медленное восхождение сопровождалось Дибичем длинными наставлениями замирающим шепотом...

На одной из площадок лестницы помещалась на пьедестале из драгоценных мраморов разного цвета превосходная копия знаменитой умирающей с присосавшимся к обнаженной груди аспидом Клеопатры Капитолийского музея.

Около статуи стоял придворный в пудре, который отвесил низкий поклон принцу.

-- Имею честь предоставить себя милостивому благоволению вашего высочества, -- сказал он. -- Я -- Август фон Коцебу...

-- Август фон Коцебу! -- воскликнул было с порывом восторга принц Евгений и оглянулся на Дибича, вспомнив историю с Клингером. Удивительная судьба свела его с обоими немецкими драматургами новой, романтической школы, произведениями которых он бредил еще в Оппельне, а имена которых благодаря режиссеру Гагемаку привык почитать. Но если Клингер в России был только корпусным начальником, то кто знает, может быть, и Коцебу здесь не терпел упоминания о его драмах и отправлял должность какого-нибудь главного смотрителя дворцовых кордегардий!..

Итак, принц поспешил подавить движение сердца и умолк.

-- Кажется, мое скромное имя несколько известно вашему высочеству, -- склонив голову на бочок, сладким голосом сказал Коцебу. -- Как составляющему описание сего грандиозного архитектурного создания государь император повелел мне высочайше соизволить показать и объяснить вам, принц, достопримечательности замка!

И с сими словами Коцебу повел гостя и его спутника во внутренность дворца, сперва с целью дать ему понятие о размерах здания. Это был истинный лабиринт темных лестниц и мрачных коридоров, в которых день и ночь горели масляные лампы и всюду пронизывали сырые сквозняки. Попадавшиеся навстречу придворные служители неизменно чихали, кашляли, хрипели, плевали, охали, страдая зубной болью, простуженные в ужасных подвальных помещениях, им отведенных.

Своды циклопических коридоров тонули во мраке, и лестницы поминутно то поднимались, то опускались. Казалось, то был какой-то мрачный пургаторий, и гул шагов, разнообразные звуки, разносившиеся в гулких пустотах, рисовали в воображении толпы томящихся здесь призраков. Когда же Коцебу стал повествовать о системе подвалов со сводами на множестве гранитных столбов, о колодцах, потайных ходах и других скрытых приспособлениях, то принцу представился под ногами его истый мрачный Ад.

Но вот Коцебу довел гостей до великолепных дверей красного дерева, богато украшенных щитами, оружием и медуз иными головами из бронзы.

-- Дверь в парадные апартаменты императора! -- торжественно возвестил драматург.

Овальная передняя украшена была бюстом Густава-Адольфа, славного короля Швеции. За ней следовала обширнейшая зала; стены ее были отделаны желтым с пятнами мрамором. Огромные картины русского художника Угрюмова изображали Полтавскую битву, покорение Казани, венчание на царство Михаила Романова, Дмитрия Донского на Куликовом поле, крещение Руси.

Страшный холод царил в этой патриотической зале, несмотря на огромные костры пылающих дров в двух каминах.

Полосы льда в дюйм толщиной, а шириной в несколько ладоней сверху донизу намерзли по углам. Туман стоял в зале.

-- Признаться должно, что в замке местами несколько сыровато, -- заметил умильно Коцебу. -- Причиной тому чудесная быстрота стройки; еще не успевшая просохнуть известь стен дает при топке испарения. Но сие, конечно, временно и не мешает величию сооружения, коему мало в свете подобных!

Пройдя колоннаду, вступили в новую грандиозную залу.

-- Тронная зала, -- благоговейно прошептал Коцебу. -- Убранство превосходно! Извольте обратить ваше внимание, принц! Здесь стены обтянуты зеленым бархатом с золотом... Печь в тринадцать аршин обложена художественной бронзой, изображающей муки св. Лаврентия на раскаленной решетке. Трон -- красного бархата! Балдахин -- шатер с лесом страусовых перьев -- преизряден... По стенам -- гербы областей российских... Рыцарская мысль! Заметьте это зеркало. Оно цельное и самое большое во всем дворце. К несчастью, несколько пострадало от сырости и благодаря тому потускнело! Но вообще убранство превосходно!

Убранство, действительно, было превосходно, но, к сожалению, сырость испортила не одно зеркало. Зеленый бархат стен не только покрылся плесенью, но и мохнатыми, белыми, отвратительными грибами, разрастающимися целыми плантациями.

Принц вспомнил, что появление в жилище грибов -- очень дурная примета, возвещающая покойника, но, конечно, промолчал об этой примете, между тем как Дибич истоичился в выражении восторга убранством тронной залы российского могущественного императора.

-- Галерея арабесков! -- возвестил Коцебу, выходя из большой тронной залы. -- Обратите внимание на фрески...

Фрески были лучших мастеров, но зловещие черные пятна сырости поедали их...

-- Бюст Марка Аврелия, коему приданы черты лица государя! И по достоинству. Монарх великодушнейший! Всякий это скажет, кто чужд косо глядящей подлости, из чьих очей сияет чистая невинность!

-- Галерея Лаокоона, борющегося со змеями! Группа высечена из одной глыбы мрамора без пятен и жилок!.. Гобелены, принц! Обратите внимание на гобелены! Тут изображена рыбная ловля св. Апостола Петра,

а тут Диана и Эндимион! Тут -- Воскресение Лазаря, а рядом -- Амур и Психея!

Такое соединение евангельских образов с языческими было довольно странно, но, все равно, гобелены совершенно посерели и позеленели от налета все пожирающей плесени и разобрать что-либо не представлялось возможности.

Два унтер-офицера лейб-гвардии с эспантонами в руках стояли у входа в овальную гостиную -- интимный покой императора.

Мебель в ней была огненного цвета, отделанная серебряными шнурками и кистями, что действительно давало восхитительный эффект. Сырость пощадила этот покой. Плафон работы Виги очаровывал красками. Юпитер на нем словно плавал в море света с сонмом богов и богинь.

Далее прошли в малую круглую тронную залу. Но она была великолепнее большой. Шестнадцать атлантов поддерживали купол.

-- Все предметы и украшения залы, -- сказал Коцебу, -- ` даже и трон должны быть сделаны из массивного серебра. Серебряных дел мастерам уже отпущено на этот предмет 40 пудов серебра!

-- Эта дверь во внутренние апартаменты императрицы. А сюда, через Рафаэлевскую ложу, во внутренние апартаменты государя...

Обитая светло-голубыми коврами с видами Павловска, вытканными на них с высоким совершенством, комната вела на половину Марии Федоровны.

Но они пошли в Рафаэлевскую ложу и вступили в частную библиотеку Павла Петровича. Там стояло шесть шкафов красного дерева, а на них двадцать великолепных ваз.

-- Эта дверь, -- сказал, понизив голос, Коцебу, -- в кабинет-спальню его величества! Подождите здесь. Император в скорости выйдет.

Коцебу исчез.

Принц и спутник его остались перед роковой дверью. Этот огромный, ледяной дворец, по бесконечным, великолепным покоем которого они блуждали, казался принцу сказочным. Это был Рай, но такой же ужасный, полный повисшего под потолками тумана, с пятнами плесени, с наросшими хлопьями грибов, с намерзшим льдом и комами изморози, как и Пургаторий колоннад, лестниц и лабиринта коридоров и как мрачный Ад сокровенных недр крепости, окруженной со всех сторон глубокими каналами, тонущей в постоянных туманах.

И за этими дверями скрывался властитель холодного замка и всех его сырых плесневелых и обледенелых великолепий.

-- Nun, Gott sei uns gnadig! -- боязливо творил молитву Дибич.

VII. Bravo! Bravo!

Роковая дверь отворилась.

В библиотеку вошел император.

Павел Петрович был совершенно такой, каким принц его давно знал по множеству портретов: сухопарый человек среднего роста с крайне

невзрачными чертами бледно-желтого лица. Глаза его были сощурены, словно его слепил дневной свет; верхняя губа отвисла, нижняя выпятилась вперед; нос короткий и приплюснутый.

На нем был старомодный, синевато-зеленый мундир с простым красным воротником и такими же обшлагами, без лацканов, без золотых пуговиц, аксельбантов и белого сукна панталоны в высоких ботфортах. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. В прорези мундира вдет шпага. Шитья не было, но левую сторону груди украшали две звезды. Несмотря на странное впечатление, производимое его внешностью во всей ее совокупности взор императора не имел ничего устрашающего и даже показался принцу добрым, быть может, потому, что он настроен был увидеть какое-нибудь чудовище вроде сказочного людоеда...

По данному ему наставлению, принц должен был преклонить одно колено перед самодержцем, но это никак ему не удавалось.

Напрасно силясь согнуть жесткое голенище высокой ботфорты на левой ноге, он внезапно рухнул на оба колена. От императора не укрылось, чего стоило принцу все это усилие и как твердо он преодолевал упорство своего голенища. Он улыбнулся, причем неприятные черты лица его озарились светом и смягчились, потом поднял принца обеими руками вверх, опустил на стул и сказал своим особенным сиповатым голосом:

-- Садитесь, милостивый государь! Как вы провели ночь у нас? Что вам снилось?

-- Ничего, ваше величество, не снилось, -- простодушно отвечал принц.

Ответ этот, по-видимому, совершенно поразил и ужаснул Дибича. "Друг" государя, более удачно преклонив колено перед монархом и облобызав поданную ему Павлом руку, теперь стоял с белым лицом, опустив глаза, и дрожал мелкой дрожью.

-- Да, да, -- поспешил прибавить принц беспечно, кивая Дибичу, чтобы ободрить его, -- я слишком устал, и потому не видел никакого сна.

Дибич посинел, словно на горле его затянули петлю.

-- Вы еще в том счастливом возрасте, когда ночью часто ничего не снится, а наяву грезятся прекраснейшие сны, -- милостиво сказал император.

Взор Дибича прояснился, и он несколько отдохнул, хотя продолжал пребывать в оцепенении от смелости принца, так запросто беседующего с грозным властелином.

-- Подлинно, ваше величество, мне наяву снятся изумительные сны, -- бойко говорил принц Евгений. -- Разве это не сон наяву: вдруг из маленького Оппельна перенестись в столицу величайшей в свете империи, в этот дворец и беседовать с вами?

-- Да, да, вы правы, милостивый государь! -- подтвердил Павел, -- вы совершенно правы. Жизнь человеческая -- сон. И когда мы умираем, то просыпаемся. Это великая мысль!

-- Но я бы желал пока подольше не просыпаться, -- сказал принц.

-- Ну, конечно, обманчивый сон земной жизни еще нов для вас и занимателен. Это еще розовый, утренний сон. И я когда-то знал его. Но

под осень дней жизнь наша становится хмурым бредом, и мы, наконец, жаждем пробуждения; только цепи долга заставляют нас идти земной, скорбной долиной.

-- Я полагаю, ваше величество, -- вспомнив прусский закон о дезертирах и всю историю, которую ему пришлось из-за него претерпеть, сказал принц Евгений, -- я полагаю, ваше величество, что сам человек не имеет права распоряжаться своей жизнью Старый прусский закон гласит, что неудачный самоубийца должен быть судим, как дезертир короля.

-- Прекрасно, милостивый государь! Если самоубийцы и не могут почитаться дезертирами своих царей, то они явно дезертиры Царя царей, пославшего их сюда на борьбу со своими страстями и по роками и со злом и князем мира сего, клеветником и оболъстителем. Самоубийца -- дезертир христианской армии Царя царей! Поэтому он и получит строжайшее осуждение в загробной жизни. А, Дибич! -- коснувшись плеча барона, милостиво сказал государь, -- какого философа ты привез к нам!

-- О, ваше величество, успехи его высочества чрезвычайны!.. -- проговорил тут Дибич, расцветая, и по-петушиному даже вздернул голову.

Но император уже опять обратился к принцу:

-- Вам понравится у нас, -- сказал он. -- Сколько вам лет?

-- Тринадцать, ваше величество.

-- Видели свет?

-- Я имел честь вам доложить, что увидел его тринадцать лет тому назад.

-- Не о том речь, -- возразил с улыбкой император. -- Я спрашиваю, случалось ли вам путешествовать? Видели ль людей и...

На этом принц прервал его. Дибич побледнел снова.

Принц, не обращая на него внимания, оживленно заговорил:

-- Я мало еще видел посторонних людей и никогда почти не покидал своего местожительства; но люди везде одинаковы и здесь такие же, как у нас.

-- Я этому рад, -- возразил, от души засмеявшись, император, и черты лица Дибича озарились счастьем. -- Я рад, что вы так скоро освоились с нами; а чего еще не знаете, тому скоро научитесь.

-- Ах, Боже мой! -- воскликнул принц. -- Жизнь слишком коротка, чтобы научиться всему, чему мы должны и чему хотели бы научиться.

-- Bravo! -- вскричал император, значительно взглянув на Дибича и милостиво подмигнув принцу.

Затем он быстро встал со стула и, послав принцу поцелуй рукой, вышел, приговаривая:

-- Очень рад, милостивый государь, нашему знакомству! Очень рад! Очень рад! Подождите, я доложу о вас императрице.

Император все время говорил по-немецки совершенно чисто.

Когда звук шагов государя затих в Рафаэлевской галерее, ведущей на половину государыни, Дибич воздел глаза и ладони к потолку библиотеки и прошептал:

-- Благодарение Богу! Император к нам милостив!

VIII. C'est excellent!

Через некоторое время в библиотеку вошла под руку с государем императрица Мария Федоровна.

Появление ее было подобно сошествию олимпийской богини из тех, что купались в море света на плафоне в овальной гостиной замка. Как зеркало светлые, черты ее прекрасного лица составляли разительную противоположность с курносой маской императора.

Она остановилась в нескольких шагах и сказала супругу, пристально глядя на Евгения:

-- Il a l'air bien nourri!

-- C'est un joli garçon! -- отвечал император.

Принц поспешил произнести довольно витиеватое приветствие по-французски.

-- Смотрите, он весьма недурно говорит по-французски! -- сказал император. -- Bravo, милостивый государь!

-- Ваше величество, я обучен несколько и русскому языку, -- поспешил похвастать Евгений.

-- Вот как! Но ведь русский язык чрезвычайно труден для вас, немцев. И где же вы этому выучились?

-- Дома в Карлсруэ у меня был учитель русского языка.

-- Русский учитель в Карлсруэ! Прекрасно! -- хлопая в ладони, сказал Павел. -- Нет, как он обучен, а? Не то, что наши российские олухи!

-- Это меня удивляет, -- сказала императрица. -- Родители моего племянника, конечно, сделали все возможное, чтобы Евгений был достоин ваших милостей, государь.

-- Он обучен отлично, я это и говорю. Но почему наши русские растут невеждами? Сыновья вельмож в его лета только и знают, что лазить на голубятни.

Тут одобренный похвалами принц чересчур развязно вмешался в разговор:

-- Ваше величество совершенно ошибаетесь, я боюсь, что не выдержу экзамена, но буду прилежно учиться и, может быть, наверстаю то, чего мне недостает.

-- Bravo! bravo! -- вдруг громко сказал император. -- Bravo! bravo! bravo!

И так повторял в продолжение целой минуты почти беспрестанно.

Императрица, видимо, несколько встревожилась этими бесконечными " bravo " и заметила, что в Европе юноши более путешествуют, причем многое видят.

-- Да, конечно, путешествия развивают человека и необходимы для его образования, -- согласился император, успокаиваясь.

-- Знаете, ваше величество, путешествия не делают человека умнее, -- еще развязнее и бойче сказал принц.

-- Почему вы так думаете? -- с улыбкой спросил Павел Петрович.

-- Да потому, что Иммануил Кант никогда не выезжал из Кенигсберга, а мысль его обнимала весь мир, -- брякнул мальчик фразу, которую двадцать раз слышал от ротмистра фон Требра.

Лицо Павла Петровича омрачилось. Императрица стала подобна мраморной статуе.

Дибич опять посинел, словно ему затянули петлю на шее.

У Павла Петровича началась одышка. Он откинул голову назад. Морщины бороздили его лоб, как сильный ветер поверхность вод. Вдруг он сильно топнул ногой.

-- А что такое, маленький человечек, знаете вы о Канте? -- сурово спросил он у Евгения.

В голове принца мелькнула мысль о решительном отвращении Павла Петровича ко всем философам, которых он считал причиной революции, источником безбожия и якобинства и всех развратных правил и воспалительного состояния умов, потрясшего троны и алтари Европы.

-- Я ничего не знаю о творениях Канта, ваше величество, -- бойко поспешил поправиться мальчик. -- Они для меня иероглифы. Но этот мыслитель сам сделался историческим лицом, и его не обходят молчанием в классах истории.

Император судорожно расхохотался.

-- C'est excellent! -- вскричал он, схватил принца за обе руки. -- C'est excellent! C'est excellent! -- повторил он раз. десять подряд. Повернулся потом столь же судорожно к императрице, снова захохотал изо всей мочи, и, как бы довольный собою, ударил себя ладонью несколько раз в грудь.

Эхо разнесло дикий хохот императора под гулками сводами грандиозных покоев замка.

-- C'est excellent! ха! ха! C'est excellent! ха! ха! ха! -- смеялся император.

И вдруг успокоился.

-- Savez vous, que ce petit dr ole a fait ma conquete? [*Знаете ли вы, что этот маленький проказник меня завоевал?*] -- сказал он императрице, со странным выражением напирая на последнем слове.

И столь же неожиданно вышел, послав еще раз принцу рукой поцелуй и напевая какие-то трели...

Слова: "J'en suis charmée" -- замерли на устах встревоженной императрицы. Следя за удаляющимся императором, она, казалось, вдумывалась с беспокойством в причину этой странной выходки.

Потом, обратясь к принцу, произнесла по-немецки, скороговоркой, полукротко, полусерьезно и слегка грозя ему пальцем:

-- А все же ты маленький смельчак! Сыночек мой, ведь здесь слова взвешиваются строже, чем в Карлсруэ. Да и вообще ребенку приличнее

молчать, чем слишком много говорить. Прими это к сведению, если хочешь быть счастливым. Пойдем ко мне.

Императрица ласково обняла за шею мальчика и провела его в свою голубую гостиную.

-- Если ты хочешь быть счастливым, -- продолжала императрица, -- то знай, что здесь каждое слово может тебе повредить.

-- Ах! вне отечества для меня нет счастья! -- сказал принц. -- Но воля родителей для меня священна.

-- Молчи, коль скоро их любишь.

-- Я буду нем, милая тетя, как рыба. Но я не умею притворяться.

-- Кто же тебя к этому принуждает?

-- Генерал Дибич. Он того мнения, что его любил Фридрих Великий. Отсюда он выводит, что великий знаток искусства подстраиваться к монарху, который...

Императрица вздрогнула и зажала мальчику рот рукой.

-- Ради Бога, только не надо подобных рассуждений! Ты доброе, невинное дитя, но тебя надо заботливо охранять, чтоб ты не обжегся на огне.

-- Ах, милая тетя, -- указывая на пар, выходящий из их уст, сказал принц Евгений, -- тут скорее можно замерзнуть, чем обжечься.

Императрица улыбнулась.

-- Неисправимое дитя! -- сказала она. -- Но я не дам тебе ни обжечься, ни замерзнуть. Я заменю тебе здесь мать и не дам тебя в обиду.

Императрица с любовью прижала его к груди, словно скрывая в объятиях от грозящей опасности, и поцеловала.

-- Ты напомнил мне моего любимого брата! -- сказала она, и в очах ее засверкали слезы.

Принц поцеловал ее платье.

-- Расскажи мне о родителях, о том, что ты делал в Карлсруэ!

IX. В покоях императрицы

Поощренный царственной тетей, принц Евгений стал рассказывать о приключениях в Карлсруэ, заставляя императрицу то улыбаться и качать головой, то задумываться и вздыхать.

Она спросила, был ли он в ее родном замке Монтбельяре, где протекли светлые дни ее детства и девичества, и, узнав, что еще не был, сама отдалась воспоминаниям.

-- Воспоминания ранней юности подобны сохранным цветам, -- говорила она мечтательно. -- Любишь вдыхать их далекое благоухание. Воображение оживляет их поблекшие краски. И видишь их вновь такими прекрасными и такими свежими!

Императрица вспоминала огромные мощные здания -- соединение монастыря с крепостью -- замка Монтбельяра, на обрывистой горе, над старым городом графства. Она вспоминала мощные ливанские кедры, которые окружали замок (они выросли из семян, привезенных из Святой

земли графом Монтбельяром в 1400 году), и огромные каштаны и березы, дававшие столько тени в широких дворах внутри замка. Она вспоминала летнюю резиденцию -- изящный и милый Этюп!

-- Я перенесла свои воспоминания в Россию, -- говорила императрица. -- Я ими живу и здесь. Посмотри, это виды Павловска! Вот и Этюп. В нем все почти так же, как и в моем родном Монтбельяре..

Императрица показала на ковры "en haute lice", которыми покрыты были стены гостиной.

На светло-голубом фоне ковров были вытканы сельские уголки, шале, гроты, различные виды Павловска, но они не гармонировали с торжественным великолепием прочего убранства гостиной, с нишей в глубине ее, поддерживаемой двумя великолепными порфировыми колоннами ионического ордера, перед которой стояла группа из каррарского мрамора, изображавшая Аполлона и Дафну -- копия с Беллиниевой скульптуры. Но ниша скорее напоминала пещеру Борея, таким холодом несло из ее заплесневелой глубины. Роскошная дверь вела в кабинет императрицы. Императрица продолжала рассказывать о счастливом правлении принца, отца ее, она говорила, что в Монтбельяре и Вюртемберге всюду пели и танцевали: и у богатых и у бедных: она вспоминала чиновников ее отца, советников, носивших средневековую одежду наполовину черную, наполовину желтую -- цветов Вюртембергского дома, вспоминала знамя графства Монтбельяра, лазурное с золотыми рогатыми морскими рыбами. Она перечисляла достопримечательности Этюпа: вспоминала оранжерею, считавшуюся лучшей в Германии; беседку из роз с высокими штамбами, образующую храм; ее ароматный свод был самым пленительным местом в мире, чтобы там читать или болтать! А молочная в виде швейцарского домика, где были великолепные фаянсовые вазы, poteries XVI столетия, грубо расписанные красками, но высоко ценившиеся знатоками искусства! А гроты Этюпа! Они полны сталактитов, при свете факелов сверкающих подобно бриллиантам! А множество искусственных островков на речке, соединенных китайскими мостиками! А триумфальная арка, построенная из капителей и обломков колонн, привезенных из развалин древнего римского поселения Eromandugum, находящегося на юге от города Монтбельяра! Арка посвящена была Фридриху Великому. А "избушка угольщика" в лесу! Мебель этой избушки элегантно простой вся привезена была из Парижа.

Императрица, улыбаясь, припомнила, как однажды она, уже будучи невестой, переночевала в этой избушке, что привело в истинный ужас старую дежурную даму госпожу Гендель, ходившую всегда в шумящем лиловом платье с огненными лентами и помешанную на этикетке и величии Вюртембергского дома. Много лет подряд госпожа Гендель при каждом упоминании избушки угольщика с парижской мебелью с трагическим жестом говорила:

-- Когда подумаешь, что будущая императрица московитов и такого обширного государства ночевала там!.

И она произносила французское слово *vaste* (обширный), открывая рот во всю его вертикальную ширину.

Смешная, старая, добрая госпожа Гендель! Тогда в моде была экстравагантная прическа, называвшаяся "*roufs au sentiment*". Это было в 1774 году, когда Людовик XVI вступил на трон.

Волосы украшали изображением любимого лица или предмета.

То были портреты отца, матери, любимого человека или любимой кошки, собачки, птички...

-- Я носила изображение дамы со связкой ключей в руках, напоминавшей госпожу Гендель. И госпожа Гендель не помнила себя от счастья и гордости, что ее портрет носит будущая императрица -- *de si va-a-aste Etat!* А между тем Вюртембергских стали титуловать *Altesses sérénissimes* только по повелению императора Леопольда I, а раньше их именовали просто *Votre GrБсе*. -- И Мария Федоровна вздыхала о счастливом времени, когда она была еще Доротеей. Задумавшись, она шептала:

Nos sun maggior dolore
Che ricordarsi del tempro felice
Nella miseria...

[Нет больше горя, как в бедствии вспоминать о счастливом прошлом (Данте)]

-- *Miseria! Miseria!* -- повторяла императрица, склонив прекрасную голову на руку. И ее слова странно и мрачно звучали в этом великолепном дворце ее супруга, неограниченного повелителя великой империи, многомиллионной, неизмеримой. Императрица стала вспоминать посещение Страсбурга Марией Антуанеттой, в 1770 году, тогда еще счастливой "*Madame de dauphine*".

-- Пойдем, я покажу тебе розу из ее букета. Она хранится в моем "*herbier de souvenir*"!

Императрица, не останавливаясь, провела Евгения через огромный кабинет, обремененный украшениями и художественными предметами до такой степени, что они утомляли глаза, и не обличавший никакого признака обитания его хозяйкой.

Столь же быстро прошли они и парадную спальню с мраморными, ослепительными стенами, где за балюстрадой из массивного серебра стояла кровать, украшенная богатой вызолоченной резьбой, под светло-голубым балдахином с серебряными кистями. При низкой температуре покоя надо было в самом деле принадлежать к бессмертным Олимпа, привыкшим почивать в облаках, чтобы пользоваться этой спальней. Коринфские колонны поддерживали лазурный купол покоя. Между колоннами стояли голубые бархатные диваны, и в стены вделаны были цельные огромные зеркала. Замечателен был карниз спальни, расписанный арабесками на золотом полированном фоне.

Принц Евгений был поражен всей этой красотой, но едва успел окинуть взглядом великолепие олимпийского чертога, так быстро шла императрица, спеша в "жилой" покой. То была ее рабочая комната, вся отделанная белым деревом, и потому менее доступная сырости. Книжные шкапы и комоды были из лучшего красного и душистого розового дерева.

Середину комнаты занимал письменный стол.

Показав мальчику розу из букета "Madame de dauphine" 1770 года, сморщенные лепестки которой ничего ровно не сказали ему, императрица повела принца знакомиться с кузинами, в соседнем покое занимавшимися под присмотром самой строжайшей, величественной гофмейстерины Ливен, которая показала принцу злым грифоном. Великие княжны Мария и Екатерина, которых сторожил этот старый грифон, были истинно прекрасны, как Грации. Они обошлись с очаровательной приветливостью с гостем, но все время графиня Ливен не спускала с него грозного, испытующего взгляда, видимо, находя, что принц плохо воспитан, слишком развязан, мужиковат. Взвешивая каждое его слово и каждое движение, гофмейстерина, видимо, все осуждала и зловеще качала головой. Как мало походила она на ворчливых, но добродушных и любящих придворных старушек замка Монтбельяра, о которых только что рассказывала императрица. Мальчик скоро почувствовал себя связанным по рукам и ногам ядовитыми взорами грифона. Ему казалось, что графиня Ливен опутывает его невидимой сетью; он становился все более неловок, угловат и оглядывался на графиню исподлобья.

Заметив это, императрица повела его на половину великого князя Александра и его супруги Елизаветы, чтобы познакомить и с ними.

Великие княжны, с видом остерегаемых драконом античных нимф, кротко простились с кузенком. Опять начались сказочно великолепные покои. Гостиная великой княгини Елизаветы была обтянута лионской материей; две прекрасные колонны олонецкого мрамора, красного с белым, украшали нишу; около нее были две мраморные статуи: горящая женщина, подпершая голову рукой, и молодая девушка, играющая с голубем. Смежный кабинет весь был в зеркалах с мебелью, обтянутой розовым бархатом. Трудно описать отрадное и успокоительное впечатление, которое производило это убранство. И комната была жилая. Письменный стол, покрытый книгами, и фортепиано доказывали, что не одна муза нашла здесь себе приют. Но в спальне уже невозможно было жить, несмотря на дивное убранство ее. Здесь господствовала такая сырость, что Елизавета несколько раз от нее заболела, тем более, что спальня была почему-то смежна с огромной залой антиков, в которой стояло до сотни статуй, бюстов и саркофагов. Все это немое население залы тревожило воображение Елизаветы и, когда ее душил кошмар под влиянием сырости спальни, герои и олимпийцы процессией входили к ней, брали ее и клали в скульптурный саркофаг, готовясь прикрыть крышкой, или самое ее помещали, превращенную в мрамор, на крышке саркофага...

Елизавета и Александр, оба юные, златокудые, прекрасные не менее императрицы и великих княжон, напоминали олимпийцев в земном изгнании. Сколько доброты и любезности светилось во взорах Александра! Как мила была Елизавета в греческой тунике с золотой широкой бахромой, с высоко под прелестной девственно округленной грудью опоясанным блестящим эшарпом стройным станом, с цветами в локонах.

Принц не удержался и воскликнул, целуя ее руку:

-- Так вот она -- царевна Селанира!

Елизавета смутилась. Императрица нахмурилась и только проговорила сквозь сжатые губы:

-- Как, ты уже читал романы, маленький плут!

Александр странно улыбался.

Х. Следствие императорской благосклонности

Когда принц с генералом своим сходил с лестницы дворца, то последний, задыхаясь от счастья, что величайшая опасность миновала благополучно, бросился принцу на шею, и при этом радостном движении с него слетел парик.

Принц поднял парик. Дибич поцеловал его руку.

В карете он предался еще более шумной радости, повторяя тысячу раз:

-- Благодарение Богу, император к нам милостив! Многолетняя придворная опытность не могла бы произвести такого действия, какое произвела ваша детская простота и откровенность. Да! Да!., не злоупотребляйте сею простотой, мой дорогой принц!

Огромное скопление экипажей, запрудивших всю набережную Невы перед корпусом, поразило принца.

-- Что это значит? Почему такой съезд? -- удивился принц.

Но барон Дибич только улыбался и самодовольно потирал руки.

Надо было видеть комическое величие, с которым эта карикатура на человеческое существо вышла из кареты и вступила в вестибюль и на лестницу корпуса, запруженные лакеями с шубами их господ.

Приемные покои помещения, занятого принцем, оказались наполненными посетителями. Тут были чины двора, дипломатические чиновники, генералы, наконец, дамы разного возраста, но все разряженные, бросающие томные, загадочные взоры на юного принца...

Едва принц показался, ему навстречу поспешил камер-паж императора и поднес знак Мальтийского ордена.

Дибич украсил грудь Евгения сверкающим бриллиантами орденом и поздравил его.

-- Но что должен я делать с этой толпой? -- тихо спросил его принц.

Дибич, вздернув голову, похаживал вокруг принца и кидал пренебрежительные, незрящие взгляды на толпу посетителей.

-- Ничего, ваше высочество, равно ничего! -- сказал он в ответ на вопрос принца. -- Вы можете осчастливить некоторых милостивыми вопросами.

Но еще лучше будет, если вы сейчас же удалитесь во внутренние покои, а мне прикажете уведомить всех их, что чувствуете себя крайне утомленным и сегодня никого не можете принять.

-- Очень рад. Сделайте так, -- согласился принц и удалился.

Когда через четверть часа к нему вошел Дибич, принц спросил:

-- Что, собственно, вся эта комедия значит?

-- Благосклонность императора! -- торжественно поднимая палец кверху, сказал маленький щелкун. -- Благосклонность императора! Она сообщила вашему высочеству как бы некую магнетическую силу. И вот со всех мест пылинки устремляются прилепиться к вашему магниту. Но.... не доверяйте никому, ибо они все лукавы, как кошки.

-- Это очень скучно. Что им от меня надо, не понимаю! И вовсе не желаю быть каким-то магнитом для чиновной и придворной пыли. Я приехал сюда учиться.

-- Корпус ваш -- дворец, принц.

-- Я бы хотел быть простым кадетом.

-- Во всяком случае прежде должно вашему высочеству после дороги отдохнуть. И я бы просил вас оказать мне высокую честь. Для отдохновения пожалуйста сегодня вечером ко мне. В комнатах моих, веселом кругу знакомых, обычно собирающихся в семействе моем, кроткие забавы вам понравятся. Будут очень хорошенькие девушки. Также будет начальник корпуса Клиnger и секретарь его величества Август фон Коцебу.

-- Охотно буду, -- сказал принц, -- но лишь в том случае, если у вас будут не начальник корпуса и секретарь его величества, а драматические авторы Коцебу и Клиnger.

-- О, принц! В кругу близких и своих Клиnger совсем другой человек. В комнатах моих это тот Клиnger, которым знает его отечество, Германия.

-- Я буду. Но вот что! Непременно пригласите и ротмистра фон Требра. Он страстный поклонник новой немецкой драматургии и мне любопытно послушать его ученую беседу с Клиngerом и Коцебу.

Чрезвычайное неудовольствие изобразилось на физиономии Дибича.

-- Если нам угодно, принц, -- сказал он, -- то я приглашу ротмистра.

XI. Амур и Психея

В комнатах Дибича принц неожиданно нашел самое милое общество. Во-первых, в домашнем костюме и домашней обстановке принц совсем не узнал своего щелкуна. Исчезла карикатурная натянутость и важность. Это был милейший, смешной старикашка. А жена его оказалась прямо восхитительной старушкой. Комнаты Дибича помещались на антресолях и потому были малы, но уютны и наполнены самой смешной, старинной мебелью, множеством цветов, кустов, деревьев в фигурных больших горшках, убраны различными коврами, ковриками, подушками работы хозяйки, разными Механическими картинами, фигуры на которых двигались с помощью заведенных пружин и внутри играла музыка,

букетами из самых неожиданных материалов -- из хлеба, пробок, стружек и т. п. под стеклянными колпаками. Множество собачек, кошек, попугай, канарейки, ученая сорока, клест оглашали комнаты различными звуками. У Дибича были взрослые сыновья, явившиеся с женами и чадами, и дочери; кроме того, другие немцы и немки привели своих дочерей, и принц нашел действительно целый цветник хорошеньких девочек и девушек. Сейчас же затеялись разговоры, танцы, поднялся смех, играли ах *petits jeux*, и принцу не пришлось внимать беседе ротмистра фон Требра с Клингером и Коцебу о драматургии, тем более, что ротмистр явился распарженный, накрахмаленный и высоко недоброжелательный ко всему и ко всем в комнатах личного врага его и конкурента Дибича.

Он встал у печки, скрестив на груди руки, и отвечал односложно на все обращаемые к нему вопросы. Принц, увлеченный играми, скоро, впрочем, позабыл и о нем, и о немецкой драматургии.

Заведовал играми преподаватель мифологии в шляхетном корпусе, родом эльзасец, полковник фон Обенхейм, необыкновенно белокурый, тонкий, как хлыст, и сентиментальный. Он предложил играть в Амура и Психею.

-- Да! да! станем играть в Амура и Психею! -- хором закричала молодежь.

-- Кто же будет Психеей? -- спросил преподаватель мифологии.

-- Конечно, Лотхен! Конечно, Лотхен! Милая Лотхен! Прелесть Лотхен!

Действительно, Лотхен -- прелестная четырнадцатилетняя девушка -- напоминала Психею.

-- Древние представляли Психею, -- закатывая глаза, нежным тенором стал объяснять преподаватель мифологии кадетского шляхетного корпуса полковник Обенхейм, -- в образе юной и прелестной красоты, полной грации, являющей совершенство форм и...

-- *Ayant des ailes de papillon aux épaules!* -- подхватила молодежь. -- Мы знаем, знаем и сто раз слышали от вас! -- Где бабочкины крылья! -- Несите крылья! -- Фриц, где крылья? -- Ах, Анета, я почему знаю! -- Отто, принеси же крылья! -- Они под кроватью у... -- Косолапый Отто, беги же и лезь под кровать!

-- Да, Психея имела радужные крылышки мотылька на плечиках, -- продолжал лекторально томный полковник, -- чтобы обозначить подвижность души, символом коей является сие Легкое насекомое.

Отто, очевидно, слазил под кровать, потому что явился со следами пыли на кафтане и с пухом на косе и принес крылья, которые и привязаны были лентами к плечикам заалевшейся Лотхен.

-- А кому же быть Амуром?

Поднялся спор.

Но преподаватель мифологии решил, что это зависит от свободного выбора самой Психеи.

-- Ибо душа свободна в выборе предмета, -- сентиментально пояснил он, -- и никакие узы над нею не властны!

Мальчики стали кружком около Психеи.

Она опустила глазки и конфузливый жестом пальчика указала на принца Евгения.

-- Принц будет Амуром! Ура! -- закричали все -- Несите лук! -- Где колчан со стрелами? -- Отто, где колчан? -- Я видел, что Фриц стрелял из лука сегодня в кошку! -- Фриц, ты стрелял! Где лук? -- Он, кажется, в темной комнате, где... Т-с-с-с! Какой он дурак!

-- Древние не всегда изображали Амура с луком и стрелами! -- опять начал объяснения преподаватель мифологии, -- его изображали и с горящим факелом и с розой в руке или с пальцем, положенным на уста. Иногда его помещали на колеснице, запряженной львами и тиграми, с крыльями лазурными, пурпурными и золотыми.

-- Но где же мы возьмем колесницу с пантерами и львами?

-- Три стула могут изображать львов и пантер!

-- Или кот Микромегас и котовна Пульхерия!

Все эти предложения были отвергнуты. И кота Микромегаса и котовну Пульхерию, весьма почтенных и древних четвероногих, оставили спокойно дремать на коврике у камина, Принца вооружили луком и колчаном и привязали ему к спине два гусиных крыла, порядочно грязных, ибо они служили для обметания пыли с механических картин и стеклянных колпаков над цветами из необыкновенных материалов.

Затем распределили прочие роли: отца, матери и завистливых сестер Психеи, наконец, народа, сопровождающего Психею во исполнение оракула в пустыню, к дикой горе, где должно ее взять чудовище, назначенное в супруги Психее гневной Венерой.

Началась игра.

Народ плакал. Отец и мать, причитая, обнимали Психею, прощаясь с нею. Сестры злорадно улыбались.

-- *Le morne silence!* Мы забыли *le morne silence!* -- вдруг закричал кто-то из играющих.

-- Да! да! мы это забыли! В последнюю минуту прощания наступило *le morne silence!* -- Ну, к чему это, Лора! -- Ах, Катеринхен, вы ничего не понимаете в чувствах!..

Поднялся крик, спор. Наконец решили, что должно быть "*morne silence*" и помолчали добрых две минуты. Только Фриц не выдержал и фыркнул, за что и получил тумака от Отто.

Далее потребовалась "*un sentier escarpé*", по которой уходит на гору Психея, и "*les abymes*", на которые она "*plonge avec effroi ses yeux*" ожидая, что из них покажется чудовище, нареченное богами ей в супруги. Скалистую тропинку устроили с помощью стульев и дивана, расстояния между ними названы были безднами, и Психея, подобрав платице и показывая крохотные ножки, вскарабкалась на это сооружение и пошла по стульям, боязливо бросая взоры в воображаемые пропасти. На диване она должна была присесть и уснуть, утомленная раздирающими мыслями о чудовище -- *fatigué par ces pensées déchirantes*.

Во время ее сна дикая гора должна была превратиться в великолепный дворец из золота, мрамора и кристалла, окруженный садом с цветами,

боскетами, душистыми деревьями и повсюду должны были играть незримые инструменты. Все это было устроено очень быстро. Из ширм, шалей и эшарпов над Психеей соорудили род шатра; обставили кругом горшками с растениями и завели музыку на механических картинах; одна играла "Мальбрука", другая -- менуэт, третья -- арию из "Орфея в аду".

Психея пробудилась и стала выражать восхищение дворцом и садом и искать хозяина. Скрытый за китайской ширмой принц-Амур должен был изображать "нежный, невидимый голос" и сказать:

-- Ici vous êtes souveraine! Désrez! [*Вы здесь повелительница! Желайте!*]

Но вот наступает ночь, и Психея ложится спать. Огонь в комнате был потушен. Должен явиться "l'Éroux terrible".

-- Ну, что же вы, принц! Идите же! -- взволнованно зашептали девочки и пихнули переконфуженного "ужасного супруга" к Психее.

Принц несмело двинулся в темноте, простирая руки, и вдруг столкнулся с горячими, дрожащими ручками Лотхен. В то же время эти ручки крепко охватили шею принца и притянули его голову к трепетной груди так близко, что щеки мальчика ожгло горячее, ароматное дыхание Психеи и он услышал, как безумно стучало ее сердечко. Голова мальчика закружилась, в ушах зазвенело, разноцветные точки запрыгали перед глазами. Он обнял Психею и покрыв ее лицо поцелуями.

-- Le monstre lui prodiguait de brûlantes caresses! [*Чудовище расточает ей жгучие ласки!*] -- послышался за ними взволнованный шепот девочек, повторявших фразу из учебника мифологии.

"Монстр" исчезает. Наступает утро. Психея пробуждается, шурясь от внесенных свеч. Ее щеки пылают, из-под опущенных ресниц прорывается томный пламень, едва очерченная грудь дышит неровно. Психея ищет своего супруга, восклицая:

-- Si vous m'aimez, o monstre adorable, prouvez le moi en vous montrant à mes regards! [*Если вы меня любите, обожаемое чудовище, докажите это, показавшись мне на глаза!*]

Но "monstre adorable", красный, растерянный, не смеет поднять глаз и прячется за спинами товарищей и товаров по игре. Взрослые, следящие за игрой из соседнего покоя, переглядываются и качают головами.

Девочки совершенно поглощены игрой и подсказывают принцу:

-- Скажите: O, Psyshé! la curiosité souvent est l'ecueil du bonheur! [*О, Психея! Любопытство -- часто подводный камень счастья!*]

-- O, Psyché... -- начал было тоненьким, дрожащим голосом принц, но в это мгновение ротмистр фон Требра вдруг отделился от печки и торжественно заявил:

-- В качестве воспитателя принца, я должен настаивать на прекращении странной этой игры, так как она противоречит инструкциям, данным мне его высочеством родителем принца на предмет охранения нравственности моего августейшего ученика!

ХII. Три воспитателя

Слова ротмистра произвели чрезвычайное волнение.

Игравшие дети подняли негодующий, плачевный вопль: "Почему нельзя играть в эту игру?" Они всегда в нее играли. И в Язона и Медею! И в троянского коня! И в лабиринт с Минотавром и Ариадной! И в освобождение Андромеды Персеем! Они все это учили в мифологии и знают, что все это представляют в Эрмитаже и смотрит сам государь! Остается еще самое интересное, а им запрещает этот противный!

Еще должна говорить сестра Психеи и ее подучивать! Потом она прячет лампу и меч и ночью внезапно освещает монстра с целью отсечь ему голову и видит Амура! Это так интересно! Они наливали в чашку воды и спирта. Спирт горел, и Психея капает на щеку Амуру! А потом еще работы, которые Венера задает Психее! *Puiser á une fontaine une onde noire et fetide!* [*Черпать из фонтана черную и смрадную волну!*] Это так смешно! Потом идти в ад к Прозерпине за коробкой, которую нельзя открывать! Это так интересно! Они насыпали в коробку толченого угля и, открывая ее, Психея вытряхивала себе уголь на лицо!

Девочки окружили ротмистра и, пуская в дело бессознательное кокетство, умоляли позволить продолжать игру. Только Амур и Психея не говорили ни слова.

Ротмистр был неумолим.

-- Я должен вам заметить, ротмистр, -- сказал самым скрипучим голосом Дибич, вновь теряя добродушие и превращаясь в обычную деревянную, напыщенную фигурку, -- я должен заметить, что я тоже имею честь быть воспитателем принца, уже по званию моему помощника начальника корпуса. И я не нахожу ничего предосудительного в забаве детей. Как бы иначе я и допустил сию забаву!

-- Со своей стороны, и я должен сказать то же самое, -- вмешался преподаватель мифологии. -- Миф о Психее и Амуре есть один из возвышеннейших в баснословии древних. Это признано учеными давно. Этот миф, как и другие, я имею честь преподавать благородному юношеству шляхетного корпуса и всегда снискивал признательность моего начальника, что его превосходительство, здесь самолично присутствуя, сами подтвердить имеют:

-- Да! да! да! -- подтвердил генерал Клингер. -- Мифология преподается в корпусе по высочайше утвержденной инструкции!

-- Ввиду сего, -- подхватил преподаватель мифологии, -- замечание ротмистра я нахожу лично для меня обидным и совершенно неосновательным!

-- Играйте, дети! -- решил Дибич.

-- Да! да! пусть играют! -- рассеянно сказал Клингер, погруженный в расчеты партии пикета.

-- Пусть играют, но только его высочество воздержится от участия в сей странной игре и играть не будет!

-- Нет, будет играть принц! -- наступая на ротмистра и тыча ему мимо носа пальцем, -- крикнул Дибич.

-- Нет, принц играть не будет! -- тоже наступая и тоже тыча пальцем, кричал ротмистр.

-- Нет, будет!

-- Н-нет не б-будет!

-- Н-н-не-е-т б-б-у-у-дет!

-- Н-н-не-е-т н-не б-б-у-у-д-дет!

-- Я как преподаватель мифологии шляхетного корпуса, имею высочайше на сей счет преподанные указания, сам предложил детям сию забаву, развивающую воображение и сердце нежностью ужасного и ужасом нежного в связи с чистейшей нравственностью, коей сей мир благоухает! -- кричал преподаватель мифологии полковник фон Обенхейм.

-- Инструкции корпуса для меня неизвестны, я соображаю с инструкциями принца-родителя, поручившего мне нравственность августейшего дитяти! -- кричал в ответ ротмистр фон Требра. -- И во всяком случае я завтра же представлю все на усмотрение обер-гофмейстерины ее величества графини Ливен.

Едва ротмистр произнес это имя, как воцарилось зловещее молчание.

Затем Дибич переменившимся, голосом сказал, что, впрочем, не о чем спорить, так как все равно пора идти ужинать.

Дети хором тоже заявили, что им уж и не хочется больше играть.

Клингер, оттолкнув карты, встал и, подойдя к ротмистру, взял его под руку и увлек в столовую, заговорив о системах воспитания и свидетельствуя ему особое уважение как педагогу, о талантах и знаниях которого он много услышал еще утром от барона Дибича.

ХIII. Тетушкин секретный кабинет

Сколько лестного ни говорил генерал Клингер за ужином ротмистру фон Требра, сколько ни старался его смягчить, представляя, что принц б юношеской невинности обошелся, может быть, во время игры фамильярнее, чем допускала благопристойность, с фрейлиной Лотхен, но что она сама, как дочь весьма почтенных родителей, дышит невинностью первобытного рая, все же отвращение фон Требра к вечерним собраниям у Дибича побудило его доложить на другое утро обер-гофмейстерине графине Шарлотте Карловне о совершаемых у Дибича бесчинствах.

Купидон уже никогда более не видал своей Психеи.

Было сравнительно поздно. В сладкой дремоте принц Евгений нежился в пуховой торжественной постели. На этот раз спальня прогрелась стараниями истопника, с которым принц уже успел вступить в самую тесную дружбу. Несмотря на свой комический русский язык, он имел с ним перед сном долгую беседу, в то время, как тот вторично, сидя на корточках, топил печь покоя.

Ротмистр вдруг отдернул занавеси кровати со строгим выговором за вчерашнее поведение.

-- Вставайте, ваше высочество, вставайте, -- говорил ротмистр. -- Вам придется дать ответ Шарлотте Карловне!

-- Что такое? -- вскакивая, спрашивал принц. -- Какая Шарлотта Карловна?

Он ничего не помнил и не понимал.

-- О вашем непристойном вчера обхождении с девицей Лотхен уже известно обер-гофмейстерине ее величества!

Принц вспомнил вчерашнее и сладкие золотые сны, которые снились всю ночь, когда он то ловил Психею, носясь за ней на крылышках над цветами, то обнимал и целовал ее в голубой парадной спальне императрицы, то вдруг ротмистр в виде чудовищного шмеля, вываленного в толченом угле, напал на них и чернил нежные, алые щеки и радужные крылышки Психеи! Принц весело засмеялся этим снам.

-- Смейтесь, ваше высочество, смейтесь! -- строго сказал ротмистр. -- Как бы не заплакать.

-- Ах, ротмистр! А я еще сам попросил Дибича пригласить вас на вечеринку, чтобы вы могли поговорить с Клингером и Коцебу о новой немецкой драматургии и философии Канта! -- сказал принц.

-- Прошу ваше высочество помнить, что мы не в Германии. Я здесь только выполняю инструкцию вашего родителя, а драматургию и Канта оставил по ту сторону русской границы!

-- И вы тоже! -- горестно сказал принц и стал одеваться.

Когда он был готов, ротмистр объявил, что после кофе они сейчас же должны ехать во дворец к Шарлотте Карловне.

Мурашки пошли по коже мальчика, когда он представил себе старого грифона. Теперь он подъезжал к Михайловскому замку почти в таком же состоянии, как накануне Дибич.

Входя в приемную строжайшей и серьезнейшей обер-гофмейстерины своей тетки, он про себя повторил молитву Дибича:

-- Nun, Gott sei uns gnadig!

Шарлотта Карловна, выйдя, сначала окинула трепещущего принца с ног до головы взглядом точащей яд виперы и скорее сунула, чем подала, ему в губы руку для поцелуя.

Резким голосом, по-немецки, принялась она читать ему длинейшую предиду, выставляя на вид все неприличие вчерашнего его поведения.

-- Соучастница во вчерашней вашей непристойной игре по моему приказанию уже подвергнута наказанию розгами. Что касается вас, то сие находится в зависимости от высокой руки императрицы! Ее величество сами определяют степень вины вашего высочества и соразмерное наказание!

Вслед за тем обер-гофмейстерина повела Евгения в покои императрицы-тети.

Императрица встретила Евгения расстроенная и сейчас же стала говорить о том, как она огорчена его дурным поведением, о коем должна написать его родителям. Она говорила так проникновенно, что и сама, наконец, заплакала и принц стал проливать слезы, целуя ее руки и платье

и умоляя о прощении. Императрица, наконец, привлекла его к себе и целовала в лоб, повторяя: "Как ты напоминаешь мне моего брата!"

После этого принц уже не сомневался, что тем дело и кончится.

Но вдруг императрица встала и, вздохнув, кротко произнесла:

-- Делать нечего, пойдём!

Вслед за тем она крепко взяла его за руку и повела по холодным великолепным залам дворца. При прохождении мимо одних дверей, в щель их мелькнули розовые личики великих княжон и раздался их громкий шепот:

-- Его ведут в секретный кабинет.

Услышав слова о "секретном кабинете", его высочество генерал-майор и шеф драгунского полка, кавалер Мальтийского ордена, почувствовал себя очень неприятно.

Роковой тетушкин кабинет находился в отдаленнейшем уголке дворца. Что там произошло, на то в анналах Российской империи не сохранилось никаких указаний, и самые тщательные архивные разыскания в означенном направлении ученых исследователей, надо думать, не дадут никаких результатов.

Известно только, что когда императрица Мария Федоровна и принц Евгений вышли из секретного кабинета, из глаз обоих капали крупные слезы.

Единственное лицо, которому принц вечером поведал все, что произошло в кабинете, был истопник, но этот русский простой мужик не оставил мемуаров, так как был неграмотен.

XIV. Вечернее собрание

Принц Евгений с воспитателем бароном Дибичем должен был присутствовать на вечерних интимнейших собраниях императора, которые отличались тем, что на них все было совершенно так, как бывало на вечерних собраниях Фридриха Великого.

До начала собрания вся августейшая фамилия сошлась в покоях императрицы. Ровно в половине седьмого с шумом распахнулись обе половины двери и появился император.

С легким наклоном головы проходя мимо собравшихся, он отдал низкий поклон императрице ласково кивнул великой княгине Анне, супруге Константина Павловича, много страдавшей от бешеного характера мужа, которого несколько сдерживал лишь страх перед родителем, и с особым благоволением быстро подошел к принцу Евгению.

-- Как поживаете, милостивый государь? -- спросил он мальчика. -- Освоились ли с нашим климатом?

-- Еще не совершенно, ваше величество, -- отвечал Евгений.

Странно, когда все трепетали перед Павлом Петровичем, принц, наоборот, чувствовал себя особенно непринужденно в его присутствии, вероятно, потому, что видел симпатию императора, который наперед уже

был склонен находить всякое слово мальчика необыкновенно остроумным.

-- Bravo, милостивый государь! -- сказал император, окинув присутствующих значительным взглядом. -- Что же мешает, вам, милостивый государь, освоиться совершенно? Наши морозы или наши оттепели?

-- Быстрая смена тех и других, ваше величество!

Император засмеялся и захлопал в ладони.

-- C'est excellent! Нет, как он обучен а? Как обучен!

И вдруг, повернувшись к императрице, Павел Петрович подал ей руку и открыл шествие в гостиную.

Пара за парой вся августейшая фамилия двинулась за ним.

Принц скромно оставался один позади, так что дамой его оказалась обер-гофмейстерина графиня Ливен, одна имевшая право находиться при императрице в эти часы. Принц не только, однако, не решался предложить руку Шарлотте Карловне, но пятился от нее, как от гремучей змеи.

-- Идите же! -- прошипела она по-немецки и без всякой церемонии втокнула принца в двери.

В не очень большой парадной гостиной находилась интимные лица вечерних императорских собраний. Тут был граф фон дер Пален, в военном мундире, статный, высокий, он показался принцу преклонных лет, с лицом приятным и внушительным, на коем начертано было откровенное прямодушие совершенно честного малого... В мальтийских малиновых мундирах Строганов, Нарышкин, Кутайсов.

Обер-камергер Нарышкин был тучен и приземист; на устах его, как у балетных танцовщиц, порхала любезная улыбка.

Напротив того, Строганов, низенький, сухопарый, скорченный, олицетворял собою дипломата и придворного остряка, с неизменным успехом повторявшего постоянно свои старые парижские анекдоты, рассказываемые им с элегантностью старых салонов королевской Франции.

Гости встретили монарха с натянутым благоговением. Он обратился к Палену, который при своей рослости принужден был наклониться к государю. Павел Петрович что-то стал шептать ему, странно поглядывая то на императрицу, то на великого князя Александра.

Между тем Строганов и Нарышкин подошли к принцу Евгению и пустились взапуски любезничать с ним.

-- Ваше высочество, конечно, не чужды искусствам, судя по отзыву его величества об отличном образовании вашем? Пластические искусства, формы прекрасного в красках и мраморе, конечно, привлекают ваше внимание? -- говорил Строганов.

-- Но и муза гармонии, и Терпсихора, и Талия, -- подхватил Нарышкин, - не были исключены из вашего образования, принц?

-- Если вам угодно осмотреть художественные сокровища столицы, принц, то я думаю, могу быть вам полезен как директор здешней академии художеств.

-- Со своей стороны, как директор театров я могу служить с этой стороны вашему высочеству!

-- Скажите, принц, вы, конечно, знакомы с французской школой живописи? Буше, Грез, Фрогосар... О! Какая прелесть сюжета и исполнения!. Что вы скажете на этот счет, принц?

-- Полагаю, что опера в ваши лета всегда бывает любимым родом зрелищ, хотя Вольтер и сказал: "Опера есть зрелище, столь же странное, сколь и великолепное, где глаза и уши более бывают удовлетворены, нежели ум, где приспособление слов к музыке делает необходимыми самые смешные ошибки, где приходится петь ариетты при разрушении города и танцевать вокруг могилы", -- цитировал Нарышкин.

-- Прекрасно, граф, -- возразил Строганов, -- но я напому вам строфу того же Вольтера:

Les Muses y filles du ciel,
Sont des soeurs sans jalousie:
Elies vivent d'ambrosiey
Et non d'absinthe et de fiel!

[Музы, дочери неба сестры чуждые ревности / Они питаются амброзией, а не полынью и желчью!]

-- Однако известная доля горечи и желчи необходима в искусстве, особенно театральном, граф! Как ваше мнение, принц?

Евгений хотел повторить несколько сентенций о драматургии, которые запомнил из речей господина Гагемана, театрального поэта и режиссера города Оппельна, но, взглянув на государя, заметил, что тот косится на своих придворных остряков и показывает знаки неудовольствия.

В то же время в уме его мелькнули слова Дибича:

-- Не доверяйте никому из придворных. Все они лукавы, как кошки.

Мальчик сказал громко:

-- Я считаю себе не по плечу разговоры с дипломатами и остряками, так как я еще только начинающий службу драгун.

Император одобрительно потер руки и подал знак, чтобы сядились.

Сам он сел с императрицей на софе.

Все прочие поместились вокруг стоявшего перед императорской четой круглого, закусочного стола.

Евгению указано было место против государя, милостиво ему подмигивающего.

Вечерние собрания Павла I, как было уже сказано, представляли точное воспроизведение привычек Фридриха II и состояли лишь в том, что беспрерывно разносились разные закуски, причем император отпивал из нескольких рюмок разного вина и был словоохотлив.

Говорил он только со Строгановым, от которого ожидалась аттическая соль.

И на этот раз государь обратился к графу:

-- Скажи, Строганов, о чем ты насвистывал нашему родственнику?

-- Государь, насвистывают только безголосых соловьев, -- сказал Строганов, -- а его высочество имеет в себе орлиную кровь.

-- Да, птичка-невеличка, а ноготок остер! Он, кажется, уже царапнул вас с Нарышкиным?

-- Его высочество пожелал скрыть от нас свои познания под драгунским мундиром.

-- Разве нельзя быть драгуном и обладать познаниями, Строганов?

-- Лучшее доказательство последнего, государь, сам его высочество, генерал-майор и шеф драгун вашего величества.

-- Да, да, он отлично обучен, отлично обучен! -- повторил полюбившуюся фразу Павел Петрович, как будто речь шла об отлично натасканном щенке. -- Он обладает познаниями, достаточными для его лет, хотя и не обучался якобинству у Ромма, а манерам у Теруань де Мерикур, как твой сын Павел! -- кольнул Строганова государь в самое болезненное место.

Сын Строганова в разгар революции очутился с воспитателем своим Роммом в Париже, поступил в клуб якобинцев, участвовал в осаде Бастилии, присутствовал на заседаниях национального собрания, практически проходя курс политических наук, как объяснял в письмах к отцу его премудрый Ромм. По приказанию Екатерины, Строганов послал за сыном графа Кочубея, едва вытащившего мальчика из революционной клоаки.

Сказав колкость Строганову, император хрипло захохотал. И так как все у него делалось по часам, то вдруг он поднялся с места, и в то же время все, как бы вследствие электрического тока, вскочили на ноги.

XV. Новый отец

Император удалился на одну минуту и, возвратясь, подал императрице руку, чтобы идти к столу, накрытому в соседней зале.

Ужин начинался в половине девятого и оканчивался ровно в девять.

Принц Евгений за столом посажен был между графиней Шарлоттой Карловной и великой княжной Марией.

За каждым стулом стоял паж.

За стулом императора -- два камер-пажа в малиновых кафтанах.

На одном конце стола стоял, облокотясь на свою трость, пажеский гофмейстер чином полковник; на противоположном конце -- обер-гоф-фурьер Крылов в том же чине.

Оба -- мальтийские рыцари.

Разговаривали за ужином мало. Мешало обилие стремительно обносимых блюд. И так едва доставало времени отведать кушанья.

Принцу Евгению, кроме того, препятствовало насыщаться столом российского императора соседство Шарлотты Карловны, один взгляд которой охлаждал кровь в жилах мальчика.

Легкое прикосновение императора к стоявшему против него блюду с разным мороженым служило преддверием близости вставания из-за стола, что происходило неизбежно по первому удару заповедных девяти часов.

Аппетитнейшая внешность заключительного кушанья императорского ужина заставила принца забыть и соседство Шарлотты Карловны и внимательное наблюдение за ним через стол барона Дибича.

Не успели, однако, губы принца коснуться мороженого, представлявшегося его жадным взорам в образе всевозможных восхитительнейших плодов жаркого пояса, как наступила роковая минута вставания.

Огромные часы столовой ударили медлительно-протяжным боем. Император поднялся. За ним все вскочили, опять словно от электрического удара.

Поднялся и принц. Но он не мог преодолеть сразу силу стремления к мороженому, столь близкому к устам его и уже ускользавшему, а поэтому несколько мгновений оставался в согбенном положении над своей порцией. К тому же шпоры его запутались в скатерти, а паж стремительно выдернул стул.

Принц шлепнулся на пол.

Принц и сам не мог удержаться от смеха, да к тому же он видел, еще не поднявшись с пола, как император подал пример ко всеобщему хохоту.

Но внезапно лицо его нахмурилось. Он сурово что-то заметил великому князю Константину, смеявшемуся больше всех.

-- Не ушиблись ли вы, милостивый государь? -- спросил он принца с участием, когда тот, наконец, встал на ноги. И с недовольством быстро вышел из зала.

Графиня Шарлотта Карловна бросила на принца строжайший взгляд.

Императрица-тетя проговорила, уходя:

-- *Vous êtes un étourdi, mon ami!* [*Какой вы ветреник, мой друг!*]

Великие князья продолжали смеяться. Великая княжна Мария Павловна глядела на принца с состраданием, наследованным от матери, полагая, что ему очень больно. Екатерина, более чопорная, выражала на восхитительном своем личике недоумение. Супруга цесаревича качала головой, а Елизавета, с видом Гебы, ему умильно улыбалась.

Барон Дибич во время этой сцены попеременно переходил от отчаяния к восторгу. А господа придворные при прощании кланялись принцу еще ниже, чем прежде.

Евгений остался, наконец, с одними пажами, которые, не обращая никакого внимания на маленького императорского любимца, толпой кинулись на конфеты, оставленные по заведенному обычаю в жертву их хищничеству.

Так всегда бывало у Фридриха Великого! Пажи исполняли обычай с особым рвением, вовсе не потому, чтобы их пленяли конфеты, а лишь будучи осведомлены, что государю это угодно и приятно, и так как пажи Фридриха Великого всегда дрались за конфеты, то и они подняли шум, толкались, вырывали с видом жадных обезьян друг у друга добычу и угощали друг друга примерными пинками, щипками и затрещинами.

Принц стоял молча в стороне. И как же он завидовал пажам.

Между тем генерал Дибич был поспешно потребован в кабинет к императору и долго там оставался. Наконец, он возвратился. Вся карикатурная фигурка его блистала загадочным радостным упоением. Миновали колоннады, мрачные коридоры, в вечернем освещении особенно пугавшие воображение, спустились по бесконечным лестницам и, наконец, сели в карету.

Едва дверцы захлопнулись и карета с грохотом откатилась от великолепных дверей замка, миновала гулкие своды проезда, прогремела по подъемному мосту, который вслед за ней сейчас же был поднят на ночь, когда замок обращался в неприступную крепость; едва встревоженные галки и вороны в старой Аннинской аллее с громким криком стали срывать с ветвей и карета потонула в мокром тумане гнилой оттепели, как генерал Дибич, вдруг покинув свое место, встал на колени, прижал лицо к рукам принца и, орошая их слезами, заговорил, как пьяный, по-немецки:

-- Возлюбленный, добрейший господин! Что я услышал в кабинете его величества! Возможно ли? Постижимо ли? Вероятно ли это?

-- Да, что же это, ваше превосходительство? Что еще нового? -- вскричал принц с нетерпением.

-- Ах, что же, как не то, -- отвечал Дибич, сильно вскрикнув и покрыв руки принца новыми поцелуями, -- что же, как не то, что вас ожидает великокняжеский титул! Штатгальтерство! Вице-королевство!

-- Что такое? Как? Я ничего не понимаю ровно! Объясните мне все толком, ваше превосходительство. Не за то ли все сие мне сваливается, что я сам сегодня ловко шлепнулся за императорским ужином?

-- Возлюбленный, добрейший, великодушнейший господин мой и повелитель! -- возопил Дибич, захлебываясь от душивших его восторженных чувств. -- Если я действительно первый возвещаю вам о новых щедрейших монарших милостях, коими государь в скорости имеет вас осыпать, то как же благодарю моего доброго Бога, что мне дарована возможность быть счастливым вестником моего принца! О, Gott! Gott! Gott!

Старик стал всхлипывать.

-- Сядьте же, ваше превосходительство, и успокойтесь. Может быть, вы передаете мне и счастливые вести, но так бестолково, что я ничего понять не могу, -- сказал принц.

Дибич уселся, наконец, на свое место, но несколько времени только всхлипывал, вздыхал, сморкался и вскоре проговорил:

-- Император хочет вас усыновить!

Невозможно передать чувства ужаса и горести, наполнившие сердце мальчика, едва он услышал это счастливое, по мнению Дибича, известие.

-- Но ему должно еще спросить меня, желаю ли я быть усыновленным! - вскричал принц.

-- Добрейший, милостивый господин, -- всплеснув руками, изумился Дибич, -- но кто же откажется от счастья быть усыновленным могущественным российским императором!

-- Но у меня есть отец, которого я обожаю, люблю и не променяю его ни на кого, будь он императором вселенной!

-- Вы наполняете меня горестнейшим изумлением, мой добрейший господин! -- возопил Дибич.

-- Не менее и вы меня, ваше превосходительство! Переменить отца! Возможно ли так издеваться над сыновними чувствами! Пусть он ищет сам себе отца, которого, кажется, никто не может назвать в точности!

-- О, что вы говорите! -- в полном ужасе восклицал Дибич. -- Боже храни вас от повторения подобных слов!

-- Мне не надо ни штатгальтерства, ни вице-королевства, ни великокняжеского титула! Пусть я останусь простым драгуном, но я не могу называть, своим отцом чужого мне человека! -- говорил с неудержимым порывом негодования принц.

-- Император -- Отец, истинный отец своего народа и ваш отец, покрывающий вас тысячами милостей! -- попробовал Дибич остановить поток несдержанных слов принца.

-- Император -- умалишенный, -- отрезал тот, -- я это слышал в Карлсруэ, слышал в Риге, а теперь вижу это отлично сам!

Дибич отбросился вглубь кареты, как будто перед носом его грянула бомба, причем парик слетел с его черепа. Разинув рот, выпучив глаза, синий, сидел он, близкий к обмороку, чувствуя уже кандалы на руках своих, видя перед собой каземат, пыточную камеру, палачей и кнутмейстеров, Сибирь, виселицу!.. Невыразимая горесть и гнев бушевали в сердце бедного, одинокого мальчика. Еще полчаса тому Павел Петрович не казался ему ни страшным, ни безумцем. Напротив. Но теперь он чувствовал к нему жгучую ненависть, как к коварному тирану и сумасшедшему. Он вдруг ощутил себя ничтожным червяком, которого давит ботфорты Павла. Император лишал его отца, лишал и матери. Принц уважал императрицу Марию Федоровну, но разве она в самом деле могла заменить ему родную мать? Ярко представились ему ласки далекой родимой... Променять ее на титул великого князя? Никогда! И разве великие князья и княжны признают его своим братом?

Тут принц заметил, что карета уже недалеко от корпуса.

-- Мы у дома, ваше превосходительство. Прошу вас придти в себя! -- с истинным величием августейшей особы сказал мальчик. -- И отныне прошу мне никогда ни словом не напоминать о предмете, мне чуждом и о котором я и знать не хочу.

Дибич оправился, надел свой парик, пристально посмотрел на принца и вдруг глазки его загорелись волчьим светом. Самым скрипучим своим тоном он сказал:

-- Исполню приказание вашего высочества, однако прошу вас помнить, что если все сказанное вами будет мною доложено его величеству, то это может привести к самым печальным последствиям не только для вас, но даже и для родителей ваших. Столь могущественный монарх без больших хлопот лишит их владений, столь близких к границе его империи, просто включив их в российские пределы. Кто осмелится воспротивиться сему, когда император даже у Британии не задумывается отнять ее индийские владения и двинуть туда своих казаков!

XVI. Кошмар

Неспокоен был сон принца Евгения в эту ночь, не то что в первую ночь по прибытии в Петербург когда он спал без всяких сновидений. Теперь северная столица, мрачно великолепный Михайловский замок и Павел Петрович заразили дурными снами принца. Кошмар душил его всю ночь.

Ему снилось, что он и Психея -- одно существо, и бродит по лабиринту коридоров, дворцов, лестниц, ледяных зал и сквозных колоннад Михайловского дворца, где живет чудовище, предназначенное ему в отцы. За колоннами прячутся Клингер, Дибич, Коцебу и фон Требра и следят за ним. Только это полулюди, полуволки и полулисицы. Он хочет спастись и от соглядатаев, и от грозящего ему чудовища, ищет, где спрятаться, и вбегает в огромную залу -- тронную залу с куполом, который поддерживают атланты. Но это не камень, не статуи, это живые гвардейцы-колоссы. В зале -- трон, на котором сидит Павел Петрович. А кругом стоят на коленях императрица, великие князья и княжны и родители принца. На руках и ногах у них тяжелые кандалы. С воплем, рыдая, бросается принц к своим родителям, обнимает и целует их и требует, чтобы сейчас же их освободили, сейчас же сняли с них оковы.

С трона поднимается император. Синий, как мертвец, он ужасен.

-- *C'est excellent!* -- говорит он сиповатым голосом. -- Как он обучен!

-- Ваше величество, умоляю вас, заклинаю всеми святыми, снимите оковы с моих родителей и отпустите меня с ними домой, в Оппельн! -- плачет принц.

-- Невозможно, милостивый государь! -- отвечает император, кривясь ртом и шеей. -- Невозможно! И с чего вы взяли, что это ваши родители? Ваши отец и мать, милостивый государь, мои ботфорты! Вот ваши родители! Знаете, как в казацкой песне поется? Наши сестры -- пики, сабли востры! Поцелуйте мои ботфорты!

Император снимает и остается в одних подворотках. Он ставит ботфорты на трон и начинает приплясывать, потирая руки и приговаривая:

-- Bravo! bravo! bravo!

Но вдруг колоссы-гвардейцы, поддерживающие купол, приподнимают плечи. Купол трескается, рушится, падает. Адский гром... и принц просыпается с мучительно бьющимся сердцем.

В раздвинутые занавески кровати он видит, что это друг его истопник Прохоров, принес дрова, свалил их перед печкой и теперь сидит на корточках и зажигает лучинки.

-- Прохор! Прохор! -- зовет истопника принц.

-- Так точно, ваше высочество! -- отвечает истопник, оборачиваясь.

-- Прохор, идите близко! -- просит принц.

-- Сию минуту, ваше высочество, только растопки подложу.

-- Оставьте топки. Вы гремел. Я пугался, -- со слезами на глазах говорит принц.

-- Виноват, ваше высочество. Не извольте беспокоиться. Настыло очень, так я пораньше затопил. Такое здание, ваше высочество, совсем холодное здание.

-- Идите близко, -- повторил принц.

Прохоров подходит к кровати.

-- Садитесь, -- просит принц. -- Говорите мне о ваш матушка и батюшка.

Прохоров садится на краешек кровати и начинает рассказывать о своей деревне, родителях, любимой сестре, о курочке, необыкновенно ноской, коте, который умеет глину есть, о том, как в овине хорошо картошки печь и с салом есть. Принц слушает и успокаивается мало-помалу.

-- Я видел страшный сон, Прохор! -- говорит он со вздохом.

-- Страшен сон, да милостив Бог, ваше высочество! -- отвечает истопник. -- Вот печь растопится, обогреется кроватка ваша, и опять заснете. Я около вас посижу, песенку вам попою.

-- Сидите, Прохор, сидите! -- говорит принц.

И, в самом деле, истопник начинает тихонько петь длинную песню о худом киселе, -- не то поет, не то приговаривает. Дрова в печи разгораются, шипят, разрываются с треском, рассыпая искры, пламя воеет, и теплые лучи согревают остывшую комнату и кровать принца. Он свертывается клубочком. Ему хорошо, тепло. И под пение доброго мужика тринадцатилетний одинокий мальчик, генерал-майор и шеф драгунского полка, кавалер Мальтийского ордена, почти штатгальтер, великий князь и вице-король, принц Евгений Вюртембергский сладко засыпает и видит в утреннем легком сне кота, который умеет есть глину, хохлатую курочку и худой кисель в большом горшке, покрытом грубой самодельной крестьянской холстиной.

XVII. Белая Лилия

Собственноручной запиской императрица-тетушка по приказанию императора звала принца на концерт.

Генерала Дибича не было. Вызвался ехать с принцем в замок ротмистр фон Требра. Но ему этикет воспрещал появление при дворе и он с величайшей досадой принужден был уступить настояниям

церемониймейстера и покинул принца на волю судеб у дверей концертной залы.

Уже слышались знакомые принцу звуки любимой увертюры императора, фанатического "глюкиста", из "Ифигении". И лишь только принц отворил дверь, его встретили предупреждающие "с-с-с-с!"

Опоздать к назначенному сроку в глазах Павла было преступлением; но нет правила без исключения.

"Непостижимо!" -- шептали друг другу на ухо присутствующие, когда император, при виде принца, милостиво с ним поздоровался, извинился, что концерт начали без него, и пригласил занять свободное место в первом ряду кресел, возле великой княгини Елизаветы. Стул принца находился на правом фланге, который огибался в виде полукруга вторым рядом кресел; в образовавшемся тут узком пространстве очутился соседом с одной стороны великой княгини, этой Гебы Олимпа Михайловского замка, если императрица являлась на нем Юноной, прочие великие княжны и княгиня Анна -- Грациями, великий князь Александр -- златокудрым Фебом, а Константин -- Вулканом, хотя и не хромоногим.

Елизавета сияла тихой улыбкой, и одной ей свойственным кротким приветом коралловых уст. Но воображение принца заняла другая его соседка, прехорошенькая дама с простой прической белокурых, чудных волос, убранных незабудками.

Колена принца и незнакомки, благодаря узости пространства соприкасались при всяком движении, и частые извинения со стороны принца подали первый повод к разговорам во время антрактов.

Наряд этой соседки был в высшей степени изящен; блеск ее, очевидно, фамильных драгоценностей давал повод заключить о ее знатном происхождении; а то обстоятельство, что ее драгоценности бросались в глаза не количеством, а качеством, доказывало, что вкус этой прекрасной Белой Лилии направлен был к благородной простоте. Все это принц при всей своей молодости отлично осознал и оценил, но не осмелился осведомиться ни у кого о имени незнакомки и удовлетворился наименованием царицы цветов, которое мысленно присвоил прелестной.

Незнакомка произвела на мальчика непостижимое впечатление; в какие-нибудь полчаса в груди его родилось огромное смешанное со сладкой болью таинственное чувство, и он боялся расспросами обнаружить перед другими это чувство... Как будто драгоценную чашу, полную пьянящей, чудной, живоносной влаги нес он теперь в руках своих и боялся ее расплескать. Будучи еще совершенным ребенком, принц не понимал собственных чувств, настоящие свойства которых не мог себе объяснить, несмотря на рано развитое воображение и на робость и застенчивость, которые овладевали им каждый раз при взгляде на хорошенькое женское личико.

Принц попеременно отвечал то на вопросы великой княгини Елизаветы, то на вопросы Белой Лилии, и сам спрашивал насчет старомодно костюмированных артистов, стоявших перед ними и, несмотря на их

непривлекательную внешность, поражавших слух самыми восхитительными звуками.

Внезапно появилась среди этого кружка певцов величественная красавица, вошедшая под руку с мужчиной небольшого роста. Дивной игры неоценимые солитеры сверкали в ее изящных ушках. Ее ленивые движения полны были грации и неги. Оглушительные "браво" и аплодисменты императора встретили ее прежде, чем она успела издать первые ноты очаровательного голоса. То была Шевалье.

Она запела знаменитую арию Глюка:

O malheureuse Iphigénie!
Ta patrie est anéantie!
Vous n'avez plus de roi
Je n'ai plus de parents!
Mélez vos cris plaintifs
A mes gémissément!
Vous n'avez plus de roi,
Je n'ai plus de parents!
O malheureuse, malheureuse Iphigénie [*]

[] - О, несчастная Ифигения! Твое отечество уничтожено! У вас нет более короля. А у меня более нет родителей! Смешайте ваши жалобные крики с моими стонами! У вас нет более короля, а у меня не стало родителей! О, несчастная, несчастная Ифигения!*

Певица передала с истинным трагическим пафосом звуки, которые сами по себе составляли высшее проявление гения Глюка. Огромное впечатление от арии разделялось всеми бывшими в зале, начиная императором. Но принц видел только свою Белую Лилию. И когда она вдруг крепко сжала в руках веер и прекрасные глаза ее наполнились слезами, он не мог выдержать и, коснувшись ее платья, сказал:

-- Что с вами? Как вы волнуетесь?

-- Оставьте, -- прошептала незнакомка. -- Пение разнеживает мне душу! И если бы вы знали, дитя мое, какой смысл приобретают слова арии в этой обстановке!

В антракте она встала и увлекла принца в один из салонов, окружающих залу. Она попросила принести ей мороженого, но более побуждала самого его есть, сама чуть коснувшись изделий императорского кондитера. Она болтала, расспрашивала его, и принц в детском простодушии многое поверил ей такое, что ее, видимо, потревожило.

Но она не подала вида принцу и вдруг, приветливо кивнув ему и наградив самым чудным, сияющим взором и самой ласковой улыбкой, от которой сердце мальчика заныло и покатилося, встала, смешалась с толпой придворных и как в воду канула.

Напрасно потом принц искал ее, обегал все салоны, прилежавшую колоннаду, лестницу, даже заглянул в какую-то ледяную залу, наполненную белыми призраками мраморных статуй...

Прекрасная исчезла, как сновидение.

XVIII. Битва педагогов

Образ Белой Лилии вытеснил из сердца и воображения принца Евгения и Психею, и гродненскую хозяйку, и примадонну театра города Оппельна. Но в корпусе его ожидало неприятное объяснение с генералом Дибичем на другой день.

День был воскресный и принцу надлежало явиться на высочайший выход. Он собирался обновить прическу головы своей, и костюмеры ожидали его в уборной, когда в спальню вошел Дибич. Маленький шелкун весь был красен от гнева.

-- Прекрасно, ваше высочество! -- заскрипел старикашка. -- Вот как вы платите за труды мои и о вас все попечения! Вы знаете, что я по обязанности моей имею сопровождать вас во дворец всегда и что таково повеление императора, и вы уезжаете без меня с ротмистром, не имеющим даже права приезда ко двору.

-- Я тут ни при чем, барон, -- отвечал принц. -- Вас не было. А я и так опоздал к началу концерта.

-- Вы опоздали к началу концерта? -- в ужасе сказал Дибич. -- И что же государь?

-- Ничего. Был более любезен, чем когда-либо.

-- А! Удивительно! Непостижимо! Но, мой добрейший господин, что же будет со мной? Государь подумает, что я пренебрегаю своими обязанностями, -- и я погиб!

-- Но я же вам оставил записку, -- сказал принц. -- Я велел передать ее вам сейчас же.

-- Не может быть!

-- Я сказал правду.

-- Но я не получал записки.

-- Между тем, я приказал передать ее немедленно с курьером.

-- О, что же вы писали там?

-- Я предлагал вам сейчас же ехать во дворец.

-- Это непостижимо! Я записки не получал. И потому на концерте не был! И вышло так, будто я своей должностью пренебрег! И государь это, конечно, заметил! И я навсегда несчастным стал!

-- Почему же вы полагаете, что вы столь заметная особа при дворе? -- уязвил маленького человека принц. -- Государь, верно, о вас и не вспомнил.

-- Вы обычно блистаете остроумием, ваше высочество! -- возразил Дибич. -- Но если государь не заметил моего отсутствия, то это еще хуже.

-- Что ж, дело поправимое. Мы сейчас едем на выход.

-- Едем, ваше высочество! Но прежде я должен расследовать непостижимую историю с письмом вашим! Я должен узнать, чье тут коварство!

Дибич поспешно вышел и через минут двадцать вернулся еще более красный и взбешенный.

-- Коварство объявилось! -- кричал он. -- Коварство объявилось совершенно!

-- Ну, в чем дело? -- улыбаясь, спросил принц.

Маленький человечек задыхался и только воздевал руки к потолку, как бы призывая громы небесные на виновника коварства, которое объявилось.

-- Записку вашего высочества... -- выговорил наконец Дибич.

-- Ну, что такое? Говорите.

-- Записку вашего высочества... -- задыхался Дибич.

-- Ну! ну!

-- Записку вашего высочества ротмистр фон Требра запретил передавать и взял ее назад! -- наконец проскрипел в последней степени возбуждения Дибич.

-- Он не имел права этого делать, -- согласился принц.

-- Но он это сделал! Да! Ротмистр это сделал!

-- Это дурно.

-- Нет, ваше высочество, это есть преступление! Это -- коварство и подлость! Это самый гнусный, недостойный звания офицера поступок! О-о-о-о!

-- Я тоже нахожу, что ротмистр не должен был так поступать.

-- Но он так поступил! Он взял записку обратно, якобы по приказанию вашего высочества, и спрятал ее за обшлаг. Но на концерт не попал. И остался скот и дурак.

-- Успокойтесь, барон. Может быть, ротмистр даст удовлетворительные объяснения.

-- Объяснения! О-о-о-о!.. Я у него потребую, действительно, объяснения его подлости! Я потребую! О-о-о-о! Где он? Вот он! Это он! Я слышу его голос!

И Дибич устремился в соседнюю комнату, где слышался голос ротмистра. Едва принц приступил к своему туалету, как услышал рев словопрения между двумя ревнивыми педагогами.

Все громче и громче раздавался крик, и только что принц кончил свой наряд, чтобы ехать ко двору, как вбежал слуга и, задыхаясь, закричал:

-- Ваше высочество! Они схватились за волосы!

-- Боже мой! -- воскликнул принц. -- В таком случае фон Требра погиб. Хотя он и обладает большою силою, но есть за что ухватиться, тогда как Дибич на дню столько раз теряет парик, что ему и теперь ничего не стоит оставить его в руках противника. А схватить на собственном его черепе решительно не за что!

Однако битва эта весьма заинтересовала принца и он поспешил к двери, за которой слышались дикие крики, визг, стук и гром падающих предметов, пыхтение, сопение и звуки ударов по мягкому.

Вместе со своим костюмером и двумя лакеями принц не без злорадства наблюдал в замочную скважину битву педагогов.

Восхищенным глазам его представлялась такая картина.

Генерал Дибич, лишенный парика, лежал под столом, но и разорванное платье неприятеля его свидетельствовало об ущербе, понесенном в кулачном бою.

Ротмистр фон Требра, подобно ощеренной кошке, озирался кругом и швырял в противника всем, что только мог отделить от своей особы. Предметы эти генерал Дибич с такой же энергией возвращал обратно, так что шпага, табакерка, платок, парик перелетали от одного к другому, и вся комната наполнилась пудрой.

Мало-помалу мальчишеское злорадство и любопытство сменилось у принца прирожденными чувствами долга, субординации и порядочности.

-- И эти люди должны служить тебе примером! -- подумал он с горестным негодованием.

И вдруг, отворив дверь, вошел в комнату, где происходило сражение.

Появление принца совершенно смутило педагогов. Ротмистр поспешно стал собирать свои разбросанные вещи. Генерал вылез из-под стола с париком в руке. Педагоги понимали, что они теперь в руках принца и что их честь и дальнейшее служебное преуспеяние зависят от его молчания.

-- Господа, -- сказал принц. -- Художественное изображение вами битвы Гектора с Ахиллесом покрыло вас бранной пылью и совершенно расстроило ваш туалет. Но я не могу ждать, когда вы сотрете с себя следы ваших боевых подвигов, тем более, что некоторые из них потребуют нескольких дней для исчезновения. Поэтому я оставляю вас здесь и уезжаю один!

И принц повернулся к педагогам спиной и вышел.

XIX. На выходе

На воскресном выходе императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии обязательно присутствовали придворные, гражданские и военные чины. Последние собирались в длинной галерее перед аудиенц-залой.

Офицеры всех гвардейских полков и высший генералитет выстраивались по чинам.

Принцу Евгению было назначено самое первое место. Возле него стояли братья Зубовы -- князь Платон с миной смиренной лисицы, упрямый бык граф Николай и воспетый Державиным герой Кавказа граф Валериан. Великие князья Александр и Константин стояли впереди офицеров своих полков. Командиры искали представиться принцу, и граф Пален подводил их к нему одного за другим. Принц запомнил со свойственной ему наследственной Памятью на имена и лица генерал-майора Бенигсена,

командира Преображенского полка Талызина, о котором уже слышал как об одном из самых чтимых за благородство характера и просвещенный ум в русских войсках; шефов полков: Кексгольмского -- Вердеревского, сенатских батальонов -- Ушакова, первого артиллерийского полка -- Тучкова, затем командиров гвардейских полков: Уварова -- Кавалергардского, Янковича-Демитриева -- Конногвардейского, Депрерадовича -- Семеновского, князя Вяземского -- шефа 4-го батальона Преображенского полка; далее принцу представились того же полка полковники: Запольский и Аргамаков, потом капитаны Шеншин и барон Розен, поручики Марин, Леонтьев и два брата Аргамаковы граф Толстой, полковник Семеновского полка, адъютант великого князя Александра Павловича князь Волконский, поручики Савельев, Кикин, Писарев, Полторацкий, Ефимович; Измайловского полка полковник Мансуров; поручики -- Волховской, Скарятин, Кутузов; Кавалергардского полка полковник Голенищев-Кутузов; ротмистр Титов; артиллерийский полковник князь Яшвиль; Татаринов, Горголи, флотский капитан командор Клокачев и еще некоторые.

Представляя всех сих, лиц принцу, граф Пален кратко аттестовал каждого с лучшей стороны и закончил представление словами:

-- Вот, принц, цвет ума, просвещения, доблести и благородства нашей гвардии! Вам представлена вся *compagnie noble* (почетная рота)! Все наши "сорок пять", как мы их прозвали между собой! Не правда ли, ваше высочество? -- со странной улыбкой спросил военный губернатор у великого князя Александра.

Испуг отразился в больших близоруких глазах царственного юноши. Он вдруг утратил свой облик олимпийца в изгнании, сгорбился более, нежели обыкновенно, и было что-то заячье в поспешности с которой он скрыл себя за фронтом офицеров.

В аудиенц-зале собравшиеся все придворные и гражданские чины первых пяти классов были, -- что необходимо требовалось этикетом, введенным государем, -- во французских кафтанах, газетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом или, по меньшей мере, шелком, или со стразовыми пуговицами. Дамы были в старинных робах с длинным шлейфом и огромными фишбейнами на боках, которые бабками их были уже забыты.

Вдруг распахнулись двери из внутренних покоев его величества.

Слово "государь!" пробежало по залам и заставило всех вытянуться в струнку.

Затем раздались громогласные командные слова, и единовременный стук ружей и палашей грянул по всему пути следования императора, вдоль коего построены были фронтом великорослые кавалергарды под шлемами и в латах.

Император появился в большом наряде магистра Мальтийского ордена, в шляпе с бриллиантовой розеткой, в ботфортах, в огромных с раструбами перчатках, с перевязью, на которой вышиты были страдания Спасителя. Пажи несли край его черной траурной мантии. Четыре оруженосца,

юноши в золотых шлемах и латах, в пурпурных плащах, с обнаженными мечами окружали монарха. Принц не мог разобраться в странном впечатлении, которое произвел на него этот невысокий человек с некрасивым, курносым, желто-бледным лицом.

То было впечатление величия сана, носимого с фанатическим убеждением в сверхъестественных полномочиях, смешанное с впечатлением чего-то донельзя странного, почти шутовского. Таково было и выражение лица властителя. Величие во взоре и верхнем очерке головы соединялось с буфонской маской задранного круглого носа и покривленного на сторону рта. Именно это смешение высокого с пошлым заставляло сердце холодеть от неотвратимого стихийного ужаса. То был монарх, не столько освященный изливанием благодати помазания, сколько отмеченный роком древних трагедий. И это жуткое, все нараставшее во времени торжественного шествия чувство, видимо, было у всех. Роковое выражение установилось на всех лицах.

Члены августейшей фамилии следовали за императором в процессии и за ними графиня Екатерина Литта, по первому мужу Скавронская, урожденная Энгельгардт, одна из племянниц великолепного Таврического князя и бывший польский король Станислав Понятовский под золотой порфирой на горностае, край которой несом был императорским камер-юнкером.

Император остановился в аудиенц-зале, на ковре под балдахинном. Первый, вызванный графом Паленом по имени и преклонивший перед монархом колена, был арап Аннибал в морском мундире, младший сын известного "арапа Петра Великого".

Император обласкал принца Евгения и опять пленил его сердце. Невозможно передать обаятельности тех кратких милостивых слов, с которыми он обратился к принцу. Сказал император с замечательно холодным выражением лица и несколько слов господам Зубовым.

Как только император удалился из аудиенц-залы, тотчас все хлынули в покои, где собрались для парадного представления императрице дамы.

Никогда не виданное великолепие туалетов Поразило принца и дало высокое понятие о блеске, строгости чина, изящества и торжественности русского двора и о несметном богатстве русских вельмож.

Глядя на это собрание красавиц, на изящные формы и на их старинные своеобразные костюмы, сверкавшие золотом, серебром и драгоценными камнями, принц приходил к убеждению, что здесь обычаи, тон, облик давно прошедших веков и новейший вкус сочетались в общее стремление доставить красоте, к какому бы виду она ни принадлежала, подобающую ей дань удивления. Здесь были типы женской красоты всех веков и народов. Революция, разрушившая европейское общество, донесла бурным стремлением своим в Россию образцы аристократии всех дворов. В сонме дам, окружавших императрицу, великих княгинь и княжон, первенствовавших среди них не только саном, но и совершенством чарующей прелести всех обаяний и чар античной прямо красоты, -- в этом сонме были образцы и французской, и английской, и итальянской, и

испанской, и восточной женской красоты в ее совершеннейших типах и, наконец, красоты славянской, польской в лице хотя бы графини Юзефы из Мнишков Потоцкой, разведенной с мужем своим, знаменитым маршалом Торговицкой конфедерации Щенным-Потоцким, но по особой благосклонности Павла имевшей проезд ко двору, и красоты великороссийской.

Так думал восхищенный принц. И это восхищение достигло особого напряжения, когда он увидел в этом величественном собрании знакомую ему юную соседку концерта, дивную Белую Лилию, которая в этот раз в залитом золотым шитьем и бриллиантами старинном необыкновенном наряде являла еще более признаков своего высокого общественного положения, но была так же прекрасна, как и накануне.

И как же польщено было самолюбие принца, когда она заметила мальчика и подозвала к себе!

XX. Белая Лилия предлагает дружбу принцу

Она просила принца сесть возле и сказала, что он вчера поверил ей многое такое, что ее потревожило, внушило ей симпатию к принцу, но в то же время и опасения.

-- Не осмеливаясь чем-либо затронуть высокое уважение к августейшим, родителям вашего высочества, -- сказала далее незнакомка, -- но просто как женщина, видя вас, почти ребенка, на чужбине, одного, среди отношений сложных и грозящих вам тысячами опасностей, я не могу не удивляться, как это родители решились отпустить вас сюда!

-- Но они рассчитывали на родственное попечение обо мне императрицы-тети, -- возразил принц. И вспомнил тетушкин "секретный кабинет".

-- Ах, мой милый принц! -- сказала Белая Лилия. -- Если бы вы знали, под какой грозой стоит ваша тетя! Но полно об этом.

Тут она с грустью в прелестных очах взяла принца за руку и продолжала растроганным голосом:

-- Хотите вы иметь меня другом? Я буду вашей охранительницей. Обращайтесь ко мне всегда, если вам что покажется сомнительным, если вы не будете знать, как вам поступить, или в отношении к вам того или другого лица почувствуется вам перемена.

-- Ваша доброта, ваше дружеское расположение ко мне драгоценны для меня, -- сказал принц, весь загораясь под чудным взором прелестной незнакомки и впивая, как чудную музыку, ее проникновенные слова. -- Но где я могу видеть вас?

-- Я часто приезжаю ко двору, -- отвечала Белая Лилия.

И принц не осмелился спросить ее, может ли он бывать в ее доме и где, собственно, этот дом.

-- Я часто приезжаю ко двору, -- повторила красавица, -- но молчите о нашей дружбе. Под этим только условием я с вами не раззнакомлюсь. Обещаете?

-- Обещаю! -- сказал принц. -- Но почему эта тайна?

-- На первый раз довольно вам узнать, что мы живем в такое тяжелое время, когда самые блестящие надежды бывают обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны. Да! да! -- повторила Белая Лилия. -- Ревность покровителя может грозить величайшей опасностью покровительствуемому. Она может поставить его среди водоворота бурных, противоборствующих стремлений, низвергнуть на невинную голову мщение тех, кому от того создается препятствие.

-- До сих пор я только однажды навлек на себя неудовольствие императрицы-тети моим поведением, но с тех пор очень осмотрителен, -- сказал принц, относя опасности, о которых говорила Белая Лилия, к каким-нибудь шалостям, которые могли бы лишить его царской милости.

-- Бедное дитя! Невинное дитя! -- с грустью и состраданием во взоре сказала красавица. -- Он ничего не знает и не понимает.

Последние слова задели самолюбие мальчика, и он рассказал о драке своих педагогов.

-- Таким образом, -- хитро улыбаясь, заключил он картинный рассказ, заставивший искренне рассмеяться его собеседницу, -- я обоих держу теперь в руках.

-- Да, вы оказались в этом случае мудрым принцем, -- согласилась красавица. -- Распря ваших педагогов передала вам в руки властвование ими. Но борьба более важная и за преимущества более существенные совершается вокруг вас, мой мальчик.

-- О, существеннейшее преимущество я уже получил, -- сказал принц, -- дружбу вашу.

-- Вы ею пользуетесь, пока скромны! -- положив пальчик на восхитительный подбородок, сказала Белая Лилия.

-- Я дал уже вам обещание и исполню его.

В самом деле принц мог нарушить данный ей обет скромности, разве только увлекшись чувствами, которыми он был проникнут к ней самой, со всею силою, к которой способно сердце тринадцатилетнего развитого мальчика.

Но он не мог понять, в каком отношении требует скромности его новая приятельница.

-- Вы рассказали мне достаточно о ваших наставниках, -- продолжала она. -- Но что вы скажете о князе Платоне Зубове, шефе вашего корпуса? Вы с ним познакомились?

-- В первый же веч ер моего приезда в Петербург, -- отвечал принц. И рассказал о своей беседе с князем.

-- Но генерал Дибич предостерегал меня от сближения с князем, -- закончил принц.

-- Ага, он вас предостерегал! -- сказала красавица. -- Но почему?

-- Он говорил, что князь в немилости у государя.

-- Ага, он это говорил! Кого еще вы узнали из генералов и офицеров гвардии? -- продолжала она расспросы.

-- Кого? О, я познакомился со всей *compagnie noble*, со всеми "сорока пятью", -- беспечно отвечал принц.

В очах красавицы изобразился испуг и она взяла принца за руку, беспокойно озираясь кругом, не слышал ли кто последних слов принца.

-- Мой друг, что вы этим хотите сказать? -- спросила она. -- Откуда и что вам об этом известно?

-- Что именно известно? -- удивился принц.

-- Вы сейчас сказали... Почему вы это сказали?

-- Я повторил только слова графа Палена, которые он сказал мне, представив почти четыре дюжины гвардии офицеров, полковников и генералов. Он назвал их всех кружком "сорока пяти".

-- Какая смелость! -- как бы про себя произнесла Белая Лилия. -- Теперь особенно ясно для меня, как вы нуждаетесь в опытной руке, которая бы руководила вами в этом гибельном Дедале!

-- О, я в самом деле сегодня едва отыскал дорогу и чуть не заблудился среди всех этих лестниц, колоннад, дворов, зал и комнат, -- сказал мальчик, полагая, что собеседница его говорит о Михайловском замке.

Они помолчали.

-- Знакома ли вам история? -- вдруг спросила Белая Лилия.

-- Да, -- отвечал несколько удивленный принц.

-- В таком случае вы должны содрогаться перед судьбою молодых английских принцев, которых Ричард III велел бросить в подвалы Тауэра.

-- Ох, эта сцена со всеми подробностями мне отлично знакома, -- сказал принц. -- У нас в замке, в Карлсруэ, висит большая гравюра, изображающая это историческое событие.

Красавица смотрела прямо в глаза мальчику. Он так же -- не мигая и не отрываясь -- смотрел в ее прекрасные глаза.

Она вздохнула.

В эту минуту военный генерал со смуглым, горбоносим восточным лицом прошел мимо них.

-- Кто это? -- спросил принц.

-- Это? -- рассеянно оглянулась на проходившего красавица. -- Это князь Багратион.

-- Так это знаменитый князь Багратион! -- так громко и одушевленно сказал принц, что сподвижник великого Суворова и герой итальянского похода конфузливо обратил в его сторону маслинообразные глаза и, улыбнувшись, ускорил шаг.

-- Если хотите, принц, видеть здесь что-либо замечательное, -- наставительно сказала Белая Лилия, -- то вот смотрите на восходящее солнце России.

Она указала глазами на великого князя Александра.

-- Его вы должны держаться как Спасителя! Он должен быть вашим идолом! Он, один только он!

-- Но этим я, пожалуй, нарушу заповедь "не сотвори себе кумира", -- сказал принц.

-- Не относитесь к словам моим легко, -- строго остановила его красавица. -- Повторяю вам, Александр -- восходящее светило русского небосклона. Правьте путь ваш на него.

-- А не на светило ваших очей? -- сказал мальчик и переконфузился попытке разыграть ухаживателя.

-- Видите, как вам не идет это, мой дорогой мальчик, -- сказала грустно Белая Лилия. -- Вы серьезное, чистое сердцем, честное дитя и будьте им... Бойтесь, кроме меня, всех придворных дам. Бойтесь и повторяйте чужие слова, раз их точный смысл вам неизвестен, как вы повторили мне сейчас слова графа Палена. Еще никому вы их не повторяли?

-- Никому.

-- Изгладьте их совсем из вашей памяти. Или... вы сказали, что знаете историю. Помните вы из истории Франции, кто там назывался почетной ротой сорока пяти?

-- Запомню.

-- Рота гвардии Генриха III, состоявшая из сорока пяти человек.

-- Ну, так что же?

-- Ничего.

Незнакомка встала.

-- До свидания. Вы увидите меня еще сегодня на придворном маскараде.

И она скользнула вон из зала, смешавшись с толпой и вдруг исчезнув со свойственной ей манерой.

Вернувшись к себе в корпус, принц пошел в библиотеку и взял там толстый том истории Франции. В ней он прочел, что ротой гвардии короля Генриха III, состоявшей из 45 человек, было совершено убийство герцога Гиза в Блуа. Принц подумал, что незнакомка сама не особенно тверда в истории, указав такое неподходящее событие и "неподходящих исторических персонажей". И сейчас же забыл и Гиза, и роту Генриха. Воображение его всецело отдалось мечте о вечерней встрече в маскараде с прекрасной приятельницей. Он не сомневался, что влюблен в нее совсем как взрослый и, бросившись на постель, зарылся в подушки и представлял себе ее очи и улыбку.

XXI. Маскарад императора Павла Первого

Павел Петрович объявил Михайловский замок "загородным". Учреждена была особая почта на прусский манер в виде полосатой кареты; при звуке трубы два раза в день эта почта привозила в "загородный" замок письма и рапорты столицы.

Затем император устроил в "загородном" замке маскарад для дворянства и купечества столицы, быть может, в подражание своему прадеду Петру Великому, на ассамблеях которого сходились вместе вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах и корабельные мастера в куртках.

На маскарад по особливому настоянию полиции явилось до трех тысяч лиц обоего пола. Преобладали черные маски и черные домино, что делало всю эту толпу весьма однообразной, тем более, что ни малейшего признака оживления и непринужденности среди маскированных не замечалось.

Гости должны были наслаждаться прекрасной музыкой, обильно предложенными лакомствами, конфетами, фруктами, прохладительными напитками и любоваться роскошью и изяществом убранства только что отстроенных чертогов. Но крайняя сырость этих чертогов сильно тому помешала. В залах во время празднества образовался густой туман и несмотря на тысячи горевших свечей всюду господствовал полумрак, что придавало собранию мрачный оттенок.

В перспективах зал, гостиных, колоннад и галерей в тумане очертания фигур расплывались, и маскированные принимали облик печальных теней-призраков Елисейских полей древности. Самая музыка в отсыревшей громаде замка звучала странно, мрачно отдаваясь под полинявшими и изъеденными пятнами зловещей плесени расписными плафонами. Несмотря на курильницы с ароматами, запах тления, сырой извести, грибной запах плесени каким-то дыханием кладбища поражал обоняние, и это новое здание казалось сколь нежилым, столь же и преждевременно обветшавшим. Мрачность общего впечатления усилилась еще от того обстоятельства, что уже к полуночи испарения трехтысячной толпы, осев на потолки и стены, стали крупными каплями падать оттуда вниз на толпу, образовав род дождя... Тогда залы "загородного" дворца стали напоминать третий круг Дантова "Ада", где толпы теней бредут под вечным дождем. Императорская фамилия удалилась раньше этого сюрприза Павел был до 21⁴⁵ часов, а государыня с прочими августейшими особами -- до 23¹⁵; быть может, первые капли охлажденных испарений, упавшие на нее, ускорили отбытие венценосной хозяйки, сделавшей все, чтобы ободрить и оживить гостей. Что касается государя, то его переходы от беспросветной мрачности к взрывам странного хохота с непонятными восклицаниями и еще более непонятными жестами, видимо, внушали непреодолимый ужас толпе.

На многих, и в числе их на принца Евгения, также крайне удручающе подействовало следующее обстоятельство. Видимо, желая полюбоваться общей картиной танцев в анфиладе зал, император сел в кресло на возвышенной эстраде. При этом густое облако тумана, носившееся над толпой, для стоявших вдали совершенно застлало верхнюю часть туловища императора. Видны были ботфорты, руки, но он казался обезглавленным. Эта зловещая игра света и тени в наполненном испарениями воздухе напомнила принцу Евгению странный сон, который он видел, когда в кошмаре грезился ему Павел Петрович, который будто бы снял ботфорта и поставил их на трон... Зловещее видение продолжалось несколько мгновений, ибо император, весь вечер объятый духом крайнего беспокойства и нетерпения, сейчас же вскочил с кресла и сошел с эстрады.

Однако его многие заметили и, не осмеливаясь кому-либо поверить странное впечатление, усилили своим унынием общее удрученное настроение. Когда стали падать с потолков и потекли по мрамору стен и колонн капли охлажденных испарений, те, кто был в черных домино, не пострадали заметно. Но те, кто были в светлых, сейчас же приняли самую неопрятную внешность: грязные пятна испачкали их, и это, конечно, ускорило разъезд, который, однако, начался лишь после отбытия августейших особ. Раньше покинуть мрачное празднество, рискуя навлечь гнев государя, никто, конечно, не решился. Так что маскарад совершенно кончился и последняя маска из него вышла в два часа ночи.

Принц Евгений одиноко скитался в толпе по залам, томимый скукой и разделяя общую удрученность. Он искал прекрасную незнакомку, обещавшую свидеться с ним в маскараде. Но как мог он ее узнать среди сотен домино? Свечи тускло горели в тумане, окруженные радужными кругами. Слышался кашель, чихание, сморкание простуженных в сквозняках дворца. Гости едва осмеливались обращаться друг к другу с незначительными вопросами, опасаясь ежеминутно дать повод к доносу. По большей части выражали восхищение убранством и роскошью царских чертогов. Но притворная интонация выдавала внутреннее настроение. Среди обычных домино было несколько характерных костюмов. Говорили, что это императорские артисты и артистки. Между прочим, одна маска изображала старого подагрика, всего обмотанного повязками с камфорой и лавандой. Он ходил хромя, опираясь на длинную трость и поминутно охая. Нельзя сказать, чтобы эта фигура увеселяла гостей. Но Павел Петрович был доволен, припомнив, что такая же точно маска старого подагрика появилась на одном из маскарадов Людовика XIV и танцевала с красавицей герцогиней Бургундской.

Принц Евгений, усталый и разочарованный, стоял, прислонясь к сырой колонне, когда подагрик, ковыляя, подошел к нему:

-- Послушайся старика, -- сказал он, -- климат здешний чрезвычайно тебе вреден и опасность угрожает твоему здоровью. Берегись!

-- Вместо того, чтобы давать советы молодым и здоровым, ты бы лучше своевременно воздержался от излишеств, причиняющих подагру, -- ответил принц.

-- Моя подагра произошла от вин здешнего погреба, юноша, -- отвечала маска, -- мой ревматизм -- от здешней сырости, паралич левой половины тела -- от неприятностей, причиненных мне коварством здешних обитателей. Берегись, юноша, чтобы не увянуть во цвете сил!

-- Ого, как ты дерзок! Ты порочишь жилище Юпитера, -- смеясь, возразил принц, довольный, что мог развлечься этой пикировкой посреди томящей скуки маскарада. -- Берегись, сам, старик! Громы в руках Юпитера!

-- Что мне громы лжебога, если, я поклоняюсь истинному Промыслителю вселенной! Я -- старик, ходячий мертвец. Мне -- камфора и лаванда. Но вы, милый юноша, полны кипящей жизнью! Для вас ее

розы и мед! Поберегите же себя от лихорадок, ревматизмов, горячек, притаившихся во всех углах этого здания, -- отвечал подагрик.

-- Ты зловещий прорицатель! -- сказал принц.

Подагрик поманил его рукой и, ковыляя, скрылся за колоннами. Принц пошел за ним. Подагрик прошел несколько покоев совершенно пустых и, наконец, остановился и дал знак принцу приблизиться.

-- Принц Евгений Вюртембергский! -- сказал подагрик по-немецки. Вы меня не знаете, но я послан вас предупредить особой, которая принимает в вас дружеское участие. Это та дама, с которой вы беседовали сегодня на высочайшем выходе, и которая напомнила вам о судьбе сыновей Генриха в Тауэре.

-- Но почему же она сама не приехала сюда? Или, может быть, она здесь и вы ее мне укажете? -- вскричал принц, разочарованный тем, что ему приходится вместо пленительной красавицы вести беседу со старым чучелом.

-- Ее здесь нет. И пока оставьте о ней всякую мысль, -- сказал подагрик. -- Слушайте меня и проникнитесь важностью моих речей, -- продолжал он глухим, суровым голосом. -- Вы назвали Юпитером безумного строителя этих катакомб, но лучше сравнить его с Сатурном, замыслившим пожрать своих детей и между ними Юпитера. Вы знаете, что Юпитер спасся. Он спасется и теперь. Особа дружественная вам указала того, кто должен быть для вас маяком. Знайте, что покровительство, внезапно осенившее вас, поставило вас на краю бездны. Но ваше чистосердечие, ваша детская незлобливость, неспособность к интригам честолубия вас спасла и отвела от сей бездны. Но помните, что и невинность гибла так жестоки законы политики. Вот почему принимающая в вас участие особа напомнила вам событие английской истории.

-- Чего же хотите вы от меня? -- спросил принц Он не мог уразуметь темных намеков, которыми полны были слова незнакомца, но они все же стихийным страхом наполнили его сердце.

-- Исполнения весьма немногого, -- сказал торжественный голос. -- Если не Господь созидал -- всеу трудился строитель. Я -- каменщик великого здания, созидаемого на благо человечества по планам премудрого Архитектора. И говорю вам -- стены этого чертога, воздвигнутого безумием самовластия, при самом создании были трухлявы, своды были сведены неправильно, фундамент гнил.

И сколь быстро сие здание воздвигалось, столь быстро оно и обрушится. Но тот, кто не остережется, кто будет под этими сводами в мгновение их крушения, хотя бы случайно, будет ими раздавлен. Итак, от имени прекрасной, питающей к вам дружество, я вам предлагаю немедленно сказаться больным и более не являться ко двору и нигде, храня глубокое обо всем молчание, проводя время в своих покоях, пока не пройдут иды марта, и апрельское солнце не взыграет радостными лучами, и не настанет весеннее освобождение всей России от хладных, ледяных

зимних покровов, и рев Норда сиповатый не сменится теплым и благорастворенным дыханием Фавона!

Часть 6
Последняя

César: Que peux-tu done hair en moi?

Brutus: La tyrannie.

Voltaire. La mort de César

Acte III. Scène IV

(Цезарь: Что же тебе может быть ненавистно во мне?

Брут: Самовластие.

Вольтер. Смерть Цезаря)

I. Иды марта

Начало марта 1801 года отличалось суровой погодой. Все время дул северо-восточный ветер. В предшествовавшие оттепели снежный наст оттаял и затем обледенел. Трудно стало ходить по скользким улицам. Небо заволакивали клубящиеся тучи. Воздух был полон едким, желтоватым туманом. Казалось, природа соответствовала тому состоянию мрачного ужаса, подавленности и ожидания каких-то страшных событий, в котором пребывали все петербуржцы, прятавшиеся в своих домах. Не прекращались слухи об арестах, высылках; тюрьмы и крепость были переполнены. Страшная тайная канцелярия неутомимо работала, день и ночь подвергая допрашиваемых "неустанным увещеваниям" Люди, вышедшие по крайней нужде из дома, не возвращались и бесследно исчезали. Хотя император не показывался больше на улицах столицы, но хватали тех, кто не снимал шапку, проходя или проезжая мимо дворца. В зловещей тишине росли и ширились слухи, передавались самые невероятные рассказы. Говорили, что жена содержателя известной гостиницы, госпожа Демут, была за непочтительность к заиндевелым красным стенам Михайловского замка посажена на три недели в смирительный дом щипать смоляной канат вместе с непотребными содержавшимися там женщинами. И все дамы трепетали, что сегодня-завтра с каждой из них может приключиться такая же неприятность. По-прежнему в часы приема просители всех чинов и состояний осаждали военного губернатора графа Палена, справляясь об участи отцов, мужей, братьев, сыновей, рыдали женщины, бросаясь к ногам графа, сидевшего у знакомого воцаного столика с огромным графином и всех встречавшего неизменным восклицанием:

-- Вот так история! Хотите стакан лафита?.. Очередь дошла до вас. Завтра она дойдет и до меня.

И все соглашались с этим.

Двор, запертый в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости в валах бруствера, в облицованных гранитом каналах с подъемными мостами, влачил томительно скучное и однообразное существование. Строжайше соблюдался в замке устав крепости, находящейся в осаде, и поэтому каждый шаг обитателей замка подвергнут был суровой регламентации. Как мы сказали, император уже не выезжал, как он это делал прежде ежедневно, на прогулку верхом по столице. С семьей своей он только встречался на церемониях и за столом, причем соблюдение тягостного этикета удручалось неизменно раздражительным состоянием государя, отворачивавшегося от супруги и сыновей или хохотавшего им в лицо с жестами буффона. Болезнь принца Евгения Вюртембергского, которая мешала посещению им дворца, много способствовала мрачному расположению императора, постоянно повторявшего два стиха из Вольтеровой "Меропы":

Quoi! partout sous mes pas le sort crease in adime!

Je vois autour de moi le danger et le crime!

[И на всяком-то шагу судьба толкает меня в бездну! Я вижу вокруг себя опасность и преступление!]

Попытки императрицы и придворных рассеять мрачные подозрения государя вели к вспышкам слепого гнева. В их молчании чувлось ему злорадство и злоумышление. Часы отдохновения он проводил в покоях княгини Гагариной, в обществе фаворитки, расстроенное воображение которой гармонировало с его мятущимся духом, графа Кутайсова, какого-то французского актера, декламирующего перед ними отрывки из трагедий, и декоратора Гонзаго, пленившего государя своими декорациями развалин Афин в последнем балете, и с которым Павел обсуждал сооружение таких же декораций вокруг Летнего сада, но только из камня, с посадкой растений. Верховые прогулки императора ограничивались теперь так называвшимся третьим Летним садом, куда, кроме самого императора, императрицы, ближайших лиц свиты и берейторов, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались от снега и по замерзшей земле посыпались песком для зимних прогулок верхом. Обычными спутниками императорской четы были шталмейстер Муханов, один из немногих лиц, пользовавшихся глубочайшим и неизменным уважением Павла Петровичами доверенный флигель-адъютант императора Аргамаков, который один в целом замке заведовал спуском и подъемом мостов и пешеходных мостиков, знал все потайные лестницы, двери, ходы и переходы и мог входить в покои государя во всякое время дня и ночи. Но уже несколько дней суровая, ветреная погода препятствовала участию императрицы в ежедневных верховых прогулках. Государь катался один, несмотря ни на какие противодействия стихий.

Шестого марта к вечеру внезапно ветер переменился и сделалась оттепель. Вместе с тем сырой, расслабляющий туман повис над замком,

окутывая кусты и деревья, с голых черных ветвей которых падали крупные капли влаги. От оттепели аллеи парка стали скользки, несмотря даже на песок, так как его смыло с выпуклой поверхности мерзлой земли. Луна в виде большого красноватого круга в желтоватом ореоле смотрела сквозь туман. Бурный ветер налетал порывами. Но он лишь волновал туман, не прогоняя его, отчего все принимало призрачный, странный вид. В этот день император был необычно в духе и под вечер особенно весело разговаривал, шутил и смеялся с шталмейстером Мухановым. Наконец, взглянув в окно на таинственную картину туманной луны, темных деревьев и перспектив, он выразил желание совершить верховую прогулку в Летнем саду.

-- Только incognito, Муханов! Слышишь ли? Непременно incognito!

-- Как угодно вашему величеству, -- отвечал Муханов, зная, что "incognito" означает простой сюртук вместо мундира. -- Хотя, мне кажется, время выбрано для прогулки не совсем удачно. Туманная погода затемняет блеск луны и в аллеях будет сумрачно да и скользко!

-- Ты совершенно прав, Муханов, -- отвечал император, -- но мне хочется промяться. А когда я посмотрел в окно, мне кивнул головой мой старый друг, словно вызывая меня!

И государь со странной улыбкой указал на конную статую Петра Великого, гигантская фигура которого среди "коннетабля" замка в тумане принимала размеры еще грандиознее и, казалось, двигалась.

-- Металлическая консистенция вашего прадеда и его коня может выносить какую угодно погоду, -- сказал Муханов, -- но вам, его правнуку из костей и плоти, должно беречься сырых мартовских испарений.

-- О, милый друг, не этих испарений должно мне беречься, а чего-то другого! -- загадочно отвечал император. -- Взгляни в это зеркало. Видишь? У меня лицо покривило на сторону. Когда уже дошло до этого, пора укладывать свои мешки в дорогу!

-- Но, государь, я знаю это скверное зеркало... Оно одно в замке искажает отражение. На самом деле лицо ваше таково же, как и всегда.

-- Ты добрый, честный слуга, Муханов! Но у тебя нет чутья. Посмотри на Шпица! Какими печальными глазами он на нас смотрит? Шпиц, ты понимаешь, что грозит твоему хозяину? Да?

Маленькая, белая, любимая собачка императора Шпиц, жалобно заскулив, подошла к двери и стала царапать ее.

-- Вот и Шпиц захотел гулять! Идем, Муханов! Прикажи подать лошадей. Сейчас, прадедушка, сейчас! -- кивая в окно головой монументу, говорил в странном возбуждении Павел.

Так как выезд императора был incognito, лошадей подали к маленькой двери. От нее узкая потайная лестница вела прямо в покой, смежный с прихожей перед кабинетом-спальней императора. Флигель-адъютант Аргаматов не должен был сопровождать государя, но лишь распорядиться спуском мостика, собственно пешеходного, но по которому можно было проехать и всадникам, следуя друг за другом гуськом, в Летний сад.

II. Странный спутник

Луна поднялась настолько высоко, что пелена тумана, окутывавшая город, захватывала ее лик лишь редкими, взволнованными порывистым ветром волокнами. Облачные клубы, наполнявшие небо, в эту минуту не закрывали светила и проходили выше его, благодаря чему в аллеях под старыми липами и кленами Летнего сада разлилось сияние и от стволов легли густые черные тени. В то же время туман двигался волнами от Невы, цепляясь за стволы и купы кустов, и затем молочным морем окружал красноватую с освещенных сторон грудку камней Михайловского замка. Казалось, толпы призраков шли на приступ мрачной крепости. Император шагом ехал по аллее. Рядом с ним Муханов. Один из берейторов ехал впереди, а другой -- сзади, оба на таком расстоянии, чтобы им было невозможно слышать беседу государя с его спутником. Шаг лошадей звонко отдавался на мерзлом грунте. Множество ворон и галок обычно ночевало в саду на деревьях. Встревоженные, птицы стали с шумом подниматься и с криком носиться над вершинами. Затем они успокоились и вновь посели на ветки, с которых звонко падали капли скопившейся влаги. В насыщенном испарениями воздухе было разлито что-то нездоровое, раздражающее и расслабляющее. Фантастическая обстановка, странное смещение света и теней, голые, черные скелеты деревьев, волны тумана, проходившего на лунном сиянии полупрозрачными призраками, а дальше молочным морем заволакивавшего Марсово поле и все пространство вокруг замка, сам этот замок -- все настраивало воображение на необыкновенное. Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру Муханову, сказал сильно взволнованным голосом:

-- Мне показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю...

-- Государь, это, вероятно, действие оттепели, -- отвечал Муханов. -- Я уже имел смелость докладывать вашему величеству, что время для прогулки выбрано неудачно.

-- Неудачно? -- переспросил Павел.

-- Вредные испарения наполняют воздух и могут породить воспалительное состояние внутренних жидкостей организма. В такие часы лучше укрываться от стихий в теплом, хорошо протопленном помещении.

-- Я задыхался, -- сипло повторил Павел. -- Мне не хватало воздуха. Разве они хотят задушить меня? Разве они хотят задушить меня? -- дико косясь на левую от себя сторону, повторял император, обычно желто-бледное лицо которого, искаженное судорогой, при фантастическом лунном освещении казалось меловым.

-- Государь, вернемся в замок, -- просил встревоженный Муханов.

-- Нет, Муханов, нет! Ты честный человек! Ты верный слуга! Но ты простодушен. Ты не знаешь, что небо, земля и самый ад принимают участие в судьбах нас, царей! О, ты не знаешь всего ужаса, который

окружает нас, царей! Они хотят меня задушить. Но об этом лучше знает и скажет мне странный спутник наш слева.

-- Слева от вас тень, государь, -- сказал Муханов. -- Что же она вам может сказать?

-- Тень! -- вскричал император, хватая руку Муханова. -- Ты видишь тень?

-- Я вижу тень, падающую от вас и вашей лошади на обледенелый скат засыпанной снегом живой изгороди, и больше ничего. Об этой тени я и говорю.

-- А! об этой тени? А больше ты ничего не видишь?

-- Ничего, государь.

-- И ты не слышишь тяжелой поступи его коня, как будто камень ударяется о камень?

-- О чем вы говорите, государь? Я не понимаю вас! -- изумился шталмейстер.

-- Говорю тебе, Муханов, мы имеем странного спутника!

-- Какого спутника? -- опять спросил Муханов.

-- Вот того, который едет у меня слева и который, как мне кажется, производит достаточный шум.

Муханов в изумлении раскрывал глаза и уверял государя, что никого нет с левой стороны.

-- Как? Ты не видишь высокого и худого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе, едущего на вороном коне с левой стороны вот между этой грудой обледенелого снега, сброшенного с аллеи, и мною?

-- Ваше величество сами соприкасаетесь со снежной стеной аллеи, и нет места для другого всадника между вами и ею.

-- Действительно, я чувствую снег, я его касаюсь, -- протянув руку и пощупав обледенелый скат, сказал Павел. -- Но все-таки клянусь спасением моей души и всем священным на земле и на небе, что странный спутник наш тут и продолжает ехать со мною в ногу. И шаги его коня по-прежнему издают звук, подобный удару молота. Посмотри! Шпиц поднял шерсть на спине, визжит и жметесь к ногам моего коня! Посмотри, вороны вновь стали подниматься с деревьев, метаться и каркать! О, каким ледяным дыханием веет от него! Дрожь охватывает меня всего! Как только мы сели на коней у замка, он с грохотом, марш-маршем, выехал из-за угла, проскакал по спущенному мостику, так что он весь заходил, прогнулся и завизжал во всех склепах! Неужели ты и тогда ничего не видел и не слышал. Муханов?

-- Ничего подобного, государь. Я слышал только грохот цепей при спускании мостика и, кроме того, с крыши замка и в водосточной трубе обрушился подтаявший лед капли с обычным в таком случае шумом. Лунный свет и движение тумана обманывают зрение ваше, а воспаленные зловредными испарениями жидкости вашего организма способствуют появлению фантастических образов в воображении вашего величества.

Император не отвечал ни слова. Они ехали несколько времени молча. Император все внимательно вглядывался в левую сторону. Он видел странного спутника так явственно, что мог рассмотреть каждую складку его плаща. Из-под шляпы видения сверкнул на него невыразимо блестящий взгляд.

-- Ах, -- сказал император Муханову, -- я не могу передать что я чувствую!

Император дрожал, но не от страха, а от холода. Какое-то странное чувство постепенно охватывало его и проникало в сердце. Кровь застывала в его жилах. Вдруг глухой, строгий и скорбный, но хорошо знакомый государю голос раздался из-под плаща, закрывающего рот видения, и назвал его по имени.

-- Павел!

-- Это ты опять? -- отвечал император. -- Что тебе нужно?

-- Павел! -- повторило видение.

На этот раз голос имел ласковый, но еще более грустный оттенок. Таинственный всадник остановился. Император сделал то же.

Видение опустило руку с плащом, закрывавшим его лицо. Император невольно отодвинулся, увидел орлиный взор, смуглый лоб и строгую скорбь уст своего прадеда Петра Великого.

-- Павел! Бедный Павел! Бедный император! -- плачевно повторяло видение. -- Я говорил тебе, что ты меня снова увидишь, и исполнил свое обещание. Бедный Павел! вспомни, чего я желал от тебя? Я желал, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Я говорил тебе, чтобы ты жил согласно велениям чести и правды, если желаешь умереть спокойно. Я говорил тебе: не презирай укоров совести -- это злейшая мука для великой души. Павел, бедный, бедный Павел! Дни и часы твои сочтены.

-- Слышишь? -- спросил император Муханова.

-- Ничего, государь, не слышу. А вы?

-- Отъезжай в сторону, Муханов. Небом или адом послан мне опять этот странный спутник, я буду говорить с ним, святое помазание охранит меня. Но ты, Муханов; простой подданный, если не можешь видеть и слышать, что открыто моим глазам и моему слуху, не должен слышать и того, что я буду здесь говорить. Отъезжай к берейтору и жди моего знака.

-- Государь, умоляю вас, вернитесь в замок! Груды обледенелого снега, возле которого вы остановились, охлаждают левую часть вашего тела, от этого именно происходит...

-- Отъезжай прочь, Муханов! -- бешено крикнул Павел.

Муханов отъехал к заднему берейтору в полном убеждении, что Павел Петрович окончательно сошел с ума.

III. Императорский допрос

Седьмого марта в пять часов утра военный губернатор граф фон дер Пален вошел в прихожую императора с обычным ежедневным докладом о состоянии столицы, перед самым моментом, назначенным для приема.

В дверях с графом столкнулся один из придворных и быстро вложил в его руку маленькую записку.

Военный губернатор, сжав записку в кулак, стоял в прихожей, у топившейся печки, рассчитывая, что времени будет у него достаточно прочесть полученную записку и бросить ее в огонь. Прочесть записку он успел, но Павел неожиданно вышел в прихожую, увидел его, позвал и увлек в свой кабинет, плотно и тщательно сам заперев за ним дверь. Пален едва успел сунуть, записку в правый карман.

Спальня служила императору и рабочим кабинетом. Окна выходили на угол Марсова поля, за которым виднелись здания казарм первого Преображенского батальона, крыши Зимнего дворца и сверкающая золотая игла адмиралтейства. Против окон стоял письменный стол с точеной из слоновой кости решеткой изящной работы; множество бумаг и книг лежало на нем в систематическом порядке, отличавшем весь обиход Павла Петровича.

В стене, противоположной входной двери, была другая дверь, которая вела в прихожую парадных апартаментов императрицы.

Глубокая ниша двери была завешана ковром с мистическими изображениями и буквами.

В той же стене был камин, закрытый экраном. Стены во избежание сырости были отделаны белым деревом. На них висело множество ландшафтов работы Верне, Вувермана и Вандермейлена. Пейзажи Жозефа Верне старшего, прославленного восторженным пером Дидеро, изображали виды Тиволи и морские порты городов Бордо, Ларошеля, Рошфора и Диеппа -- подарок Людовика XVI, еще дофина, вывезенный Павлом из поездки его в бытность великим князем.

Комната была чрезвычайно глубокая и как бы разделялась на два покоя аркой с занавесью, двигавшейся на кольцах. Там стояла маленькая походная кровать без занавесок, за простыми ширмами. Над ней на стене висела картина Гвидо Рени, изображавшая ангела, шпага и шарф императора. В одном из углов сверкало полное вооружение рыцаря-знаменосца. Кроме того, в передней части покоя, служившей кабинетом, была конная статуэтка Фридриха Великого и портрет этого короля.

Введя военного губернатора в кабинет, император выслушал обычный доклад о состоянии столицы в истекшую ночь и задал несколько вопросов о незначительных вещах. Потом он вдруг схватил Палена за карманы.

-- Я хочу посмотреть, что там такое у вас! -- сказал он со зловещей улыбкой. -- Может быть, любовные письма. Мне хочется узнать ваши сердечные слабости.

На спокойном, благодушном лице военного губернатора не выразилось никакого волнения. Но внутренне он похолодел от ужаса. Какой силой магнетизма проник император в его тайну? Не будь Пален совершенно уверен, что император не мог ни видеть, ни как-либо осведомиться о

передаче записки, он подумал бы, что лицо, ее передавшее, изменило и предупредило государя. Обмирая внутренне, Пален сейчас же с комической ужимкой сказал императору:

-- Ваше величество! Что вы делаете? Оставьте! Ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю; носовой платок весь пропитан; вы перепачкаете себе руки, и они, надолго примут противный запах!

Император поспешно с брезгливостью отдернул руки.

-- Фи, какое свинство! -- сказал он.

Потом, пройдясь несколько раз по комнате, он вдруг остановился против Палена и молча смотрел на него минуты две с мрачной пытливостью снизу вверх. Огромный Пален с обычным открытым и светлым выражением перенес инквизиторский взгляд императора. А между тем мурашки поползли у него по спине и конечности стали стынуть и терять чувствительность.

-- Господин фон дер Пален! -- сипло сказал, наконец, император. -- Вы были в Петербурге в 1762 году!

"Вот оно!" -- как молния пронеслось в сознании испытуемого. Но, как бы без малейшего участия его самого, голос произнес с холодным равнодушием:

-- Да, государь, был. Но что вам угодно этим сказать?

-- Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни? -- спросил Павел.

И он был страшен в эту минуту. Желто-бледное лицо его расплылось в безобразную, искаженную, мертвую маску, руки барабанили по столу какой-то исступленный марш. Пол медленно стал уходить из-под ног Палена. Но голос его звучал прежним спокойным добродушием, и "зеркало души" выражало открытую простоту честного малого и служаки, когда он сказал:

-- Я был только свидетелем переворота, а не действовал.

-- Были свидетелем? Да, как? -- крикнул император.

-- Я был еще очень молод и в низших чинах в Конном полку, -- продолжал Пален. -- Как субалтерн-офицер я ехал на коне, в рядах полка, не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

-- Потому, -- отвечал император страшным, сиплым шепотом, впиваясь взглядом в лицо Палена и все выколачивая неистовую дробь обеими руками по столу, словно он тем изливал ежеминутно возраставший гнев, предупреждая тем взрыв и отдаляя его, -- потому, что и теперь замышляют то же самое, что было в 1762 году.

С молниеносной быстротой в уме Палена прошли тысячи изображений и ему самому странно было, внутренне изнывая в смертной тоске, слышать нимало не смущенный голос свой, сейчас же, нимало не медля, отвечавший:

-- Знаю, государь. Я сам в числе заговорщиков.

IV. Duellium

-- Как! Ты это знаешь и участвуешь в заговоре? Что ты мне такое говоришь?! -- вскричал, сбитый с толку, император.

-- Сущую правду, ваше величество. Должен я сделать вид, что участвую, принимая в резон мою должность. Как могу я узнать, что намерены делать заговорщики, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам?

-- А, это другое, брат, дело! -- сказал император, видимо, начиная, верить и значительно успокаиваясь, что сказалось на темпе выколачивания им марша. Но он все еще низал глазами Палена. Внутренне Пален отдохнул, но не дал охватившей его радости избавления от смертельной опасности сказаться в выражении лица и голоса. С деловой сухостью он докладывал:

-- Я вступил в число заговорщиков, чтобы следить за всем, и, зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас. Итак, ваше величество, не беспокойтесь, и скоро все станет вам известно.

-- Я хочу знать все сейчас, -- упрямо сказал император. Но Пален видел, что он уже совершенно ему поверил и внутренне отдыхает, испытывая то же блаженное ощущение минующей опасности, которое только что испытал сам Пален.

-- Дайте плоду созреть, ваше величество, -- говорил военный губернатор. -- Он сам спадет в ваши руки. Вы знаете, что я уже предупредил два заговора против вашей особы.

-- Знаю. Ты -- верный мне слуга! -- дружественно положив руку на плечо Палена и смотря на него изменившимся, мягким, глубоким, задумчивым взглядом, сказал Павел Петрович. -- Ты -- верный мне слуга! -- повторил он с оттенком благодарной признательности.

-- Да, ваше величество, я верен, -- сказал Пален, и слеза блеснула на его реснице.

-- Положение мое, однако, столь же опасно, как было и моего отца. Я удостоверен в этом из источника, который никому, кроме меня, недоступен. Я знаю на этот счет больше, чем знаешь ты. Положение мое опаснейшее, -- говорил император.

Пален отвечал:

-- Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский. Он русских не любил и удалял от себя. Вы русских приближаете и даровали крепостным, яко свободнорожденным, право присягать священной особе вашей. Вы возводите российское низменное шляхетство в рыцарское достоинство, вводя его сим в круг европейской аристократии. Отец ваш не был коронован, а вы коронованы. Он раздражил против себя гвардию, а вам она предана.

-- Кроме офицеров, Пален, кроме офицеров!

-- Но и их вы имеете в руках, введя в гвардейские полки гатчинские, модельные ваши войска. Отец ваш преследовал православное духовенство, а вы почитаете его и украсили знаками отличия митрополитов. В 1762 году не было, почитай, никакой полиции в

Петербурге, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома.

-- А намерения императрицы? -- спросил Павел, жадно ловивший утешительные слова проводимой генерал-губернатором параллели.

-- Каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает гением и смелостью вашей матери. У ней к тому же двадцатилетние дети, а вам в 1762 году было только 7 лет, -- не сморгнув глазом, отвечал Пален.

-- Все это правда. Но не надо дремать, -- сказал успокоенный император.

-- Я и не дремлю, ваше величество.

-- Если не дремлешь, скажи имена заговорщиков.

-- Одного я вам назвал, -- с открытым лицом, глядя прямо в глаза императору, сказал Пален, между тем как ум его усиленно работал над задачей вывернуться из нового затруднения.

-- Назови прочих, -- настойчиво приказал Павел.

-- Что будет, если я их вам назову. Где найдете вы ясные доказательства слов моих? Ибо преступное сие злоумышление еще только зреет в сердцах и воспаленных головах, почти одного меня и имея скрепой.

-- Так как же, братец? Что-то больно хитро, -- с сомнением уже допытывался Павел.

-- Надо вам видеть в лицо заговорщиков самому, слышать все и убедиться в их преступном замысле, -- говорил Пален, сам чувствуя, что сбивается и изобретательный ум его бьется в мучительном усилии найти лазейку.

-- Что же, ты дашь мне возможность скрыто присутствовать на собрании злоумышленников? -- спросил Павел.

Вдруг взор военного губернатора упал на великолепный, золотообрезный волюм, лежавший на столе императора, и он прочел четкую надпись на корешке. Мгновенно смелая до безумной дерзости мысль ослепила искушенный в кознях ум графа Палена.

"Ich habe die Pfiffologie sthudiren" -- повторил граф про себя любимую свою поговорку.

-- У меня есть особливый план, ваше величество, -- сказал он вслух.

V. Мышеловка

Пален обладал натурой игрока. Наслаждением его жизни был риск и преследование смелых, дерзких, прямо безумных целей, причем достижение их самыми необыкновенными путями. Кроме того, он знал натуру императора Павла и его склонность ко всему необычайному, странному, особенному. Он знал, что лучше всего можно подчинить себе государя, дав работу его воображению.

-- Осмелюсь спросить, ваше величество, -- сказал Пален, -- что это за книга на вашем столе? Если не ошибаюсь, Плутарх?

-- Да, Плутарх.

-- Великий писатель этот, точно, должен быть наставником царей! Откройте, государь, жизнеописание Артаксеркса и прочтите историю заговора его сына Дария на жизнь отца.

Пален знал, что описания всевозможных заговоров, какие только возникали в истории человечества когда-либо, были изучены подозрительным Павлом и постоянно он перебирал их в своем уме. Пален видел, что сразу поразил воображение государя и заинтересовал его чрезвычайно. Но Павел не подал виду и будто бы равнодушно сказал:

-- Возьми книгу и прочти в ней сам.

Пален взял золотообрезный том, отыскал жизнеописание Артаксеркса и начал читать:

"Число заговорщиков было уже велико, когда один евнух открыл царю тайну заговора и способ, каким хотели привести его в исполнение. Он знал наверное, что ночью решено было войти в его спальню и убить его в постели..."

-- Ах, злодеи! -- болезненно вскрикнул император. -- Но читай, читай дальше!

-- "...Царедворец Артабаз подкладывал огонь к огню и разжигал Дария. Он называл его Глупцом, раз его брат через содействие гарема хочет овладеть престолом; раз его отец слабохарактерен и труслив, и раз он, Дарий, думает, что трон обеспечен ему... Справедливо, конечно, и справедливо везде выражение Софокла: "Совет быстро ведет по дороге к преступлению".

-- Да, да, это справедливо везде и всегда, -- отозвался император, возбужденно прохаживаясь по комнате.

-- "Услыхав об этом заговоре от верного евнуха, Артаксеркс считал преступлением не принять меры для борьбы с грозной опасностью или не обратить внимание на донос, но еще большим преступлением считал он дать ему веру, не имея в руках доказательств..."

-- Да! да! Необходимо иметь в руках прямые доказательства, -- отозвался, расхаживая, Павел Петрович. -- Преступление слишком ужасно. Как же поступил Артаксеркс?

-- "Тогда он решил поступить следующим образом. Он приказал евнуху быть при заговорщиках и не выпускать их из виду, сам же велел у себя в спальне, сзади кровати, прорубить в стене дверь и прикрыть занавесью. В назначенный час, в то время, о котором его уведомил евнух, он остался на кровати и встал только тогда, когда увидел в лицо шедших к нему и ясно узнал каждого. Заметив, что они выхватили мечи и кинулись на него, он быстро поднял занавес, ушел во внутренние комнаты и хлопнул дверьми, подняв при этом громкий крик. Он увидел их в лицо. Их план не удался, и они бросились бежать к двери..."

Пален остановился и закрыл книгу.

-- Царь увидел убийц в лицо. Их план не удался, -- задумчиво повторил Павел. -- Ты кончил?

-- Кончил, ваше величество.

-- Дальше нечего и читать. Я помню, что случилось с Дарием. Но кто Дарий?

-- Увы, государь!

-- А кто Артабаз? Впрочем, не называй. Я знаю. Но у Плутарха ты еще прочел, что брат Дария через содействие гарема хотел овладеть престолом. Это же к чему?

-- Я не знаю, государь. Разве вы подозреваете еще кого-либо?

-- Что же делать?

-- Увидеть заговорщиков в лицо и всех их захватить с поличным.

-- Ага, мышеловка!

-- Точно так, государь. Я разделяю заговорщиков на две банды. Одна войдет к вам -- вот через эти двери и предъявит свои требования.

-- Какие?

-- Отречение от престола в пользу великого князя Александра.

-- Какая наглость! А ты что же?

-- С другими, верными вам людьми, я буду стоять за этой вот дверью и по первому вашему зову войду, и злодеи будут изобличены и схвачены.

-- Когда же, ты думаешь, можно будет выполнить этот план?

-- Государь, дайте только три дня сроку и не сомневайтесь в полном успехе. Имейте только в караулах особливо преданных вам, каков первый батальон гвардии Преображенского полка, а особливо Семеновский. Что касается Конного полка...

-- Я сам знаю, что там все якобинцы. Не беспокойся, полк этот мной будет расквартирован в губернии. Я не питаю к нему никакой доверенности.

-- Войска, кои со мной придут, обложат замок, и так измена будет изобличена и вырвана с корнем единым ударом.

Император пришел в восторг.

-- C'est excellent! -- повторил он несколько раз, с судорожным хохотом потирая руки. -- C'est excellent! Твой план великолепен, Пален! Мы поймаем лисицу в вырытой ею лазейке.

VI. Размышления императора

Отпустив графа Палена, император продолжал прохаживаться по кабинету и буря бушевала в его груди, выражаясь судорожными движениями рук и гримасами лица. Морщины бороздили лоб императора, как ветер волнует и рябит поверхность вод.

Глаза его пламенели. Он разговаривал сам с собой, и отрывистые восклицания вылетали из его уст.

-- А, ваше высочество!.. Мы узнаем, наконец, всю правду... План превосходен... Мы осуществим его, и тогда... что скажете вы пред лицом монарха и отца?! А, коварный, неблагодарный, изменник, крамольник!.. Сын хочет лишить престола своего родного отца! И небо допустит это? О, мои предчувствия! Вы сбываетесь слишком точно!.. То, что мне поведал он, оказалось правдой... Это было небесное предупреждение... За что они

ненавидят меня все, все? -- спрашивал император, остановившись у окна и глядя на пустынное Марсово поле. Потому что я прекратил распутство в гвардии, запретил записывать в полки грудных младенцев, очистил сенат и ленивых бездельников принудил к труду, прекратил неправду, хищения, ограничил роскошь и поощрил полезный труд... А, собаки, хуже собак! Развращенные тунеядцы, привыкшие к растленному женскому правлению, вы не прощаете того, кто извлек вас из глубины распутства! Но со мною мой Бог, и Он защитит меня, и я одолею ваше злодейское коварство!

Император пошел в ту часть комнаты за аркой, где стояла его кровать. Эта часть освещалась боковыми окнами, выходящими на внутренний треугольный двор. Он встал на обычное место, против висевшего на стене распятия, на колени. Пол в этом месте был вытерт долгими молитвенными стояниями государя.

Павел Петрович стал молиться, наполняя комнату тяжелыми вздохами и плачем. Эти вздохи, плач и молитвы часто в полночном безмолвии слышали караульные, стоявшие за дверями покоя императора.

Накануне с верховой прогулки в Летнем саду государь вернулся с окоченелой половиной тела и лишь после долгого растирания перцовкой и под толстым одеялом удалось, наконец, ему согреться. Видение, которое он имел, появилось не в первый раз. Еще наследников, он во время ночной прогулки по городу беседовал с таким же странным спутником, который довел его до площади против сената, на то самое место, где в скорости Екатерина воздвигла монумент его прадеду. Едва вступив на престол, Павел Петрович приступил к сносу старого Летнего дворца, в котором он и родился, еще построенного Петром Великим и перестроенного Елизаветой. Эта огромная, длинная, неуклюжая, обветшалая, заброшенная, необитаемая постройка стояла мрачно и одиноко среди столицы в запущенных садах, пугая воображение.

Обычный караул назначался к старому дворцу, и однажды в полночь человек, закутанный плащом, подошел к часовому и сказал ему:

-- Поди к императору и передай ему, что здесь он должен воздвигнуть храм во имя архангела Михаила! Не бойся. Император знает, что ты придешь к нему.

Прежде, чем часовой опомнился, видение исчезло. Часовой доложил о бывшем сержанту, а тот офицеру. Все они втроем доложили о словах неизвестного Павлу Петровичу.

-- Да, я это знаю, -- сказал только в ответ император.

Тогда же приступлено было к разбору старого здания и постройке нового великолепного дворца.

-- Я здесь родился. Здесь хочу и умереть, -- говорил Павел. -- Он всячески торопил постройку и въехал в здание, еще не просохшее, вредное для обитания, охваченный нетерпением запереться в неприступной крепости с ее катакомбами, ходами, двойными стенами и потайными лестницами. Найденная им отлитая при Елизавете Петровне

конная статуя прадеда была им поставлена на том самом месте, где окутанное плащом видение явилось часовому.

Мистический мир, в котором постоянно витало воображение Павла Петровича, вновь послал ему предупреждение, и оно подтвердилось немедленно.

Император кончил молитву и встал с колен успокоенный. Он занялся обычными делами, но им было принято непоколебимое решение.

Пален, действительно, знал, как овладеть душой императора. Постоянно терзаемый подозрениями, истомленный долгими годами безвластия и ничтожества при жизни матери, Павел развил в себе ужасную, всепоглощающую страсть ревнивого самовластия. Он привык всюду находить недоброжелательство, встречать противодействие, коварство, предательство, тайные подкопы. Душа его обременена была страшными тайнами царствования его матери и предшествовавших ей монархинь. Как будто самая самодержавная власть, пробыв в женских руках семьдесят пять лет, приобрела духовные качества этих женщин, правивших миллионами через любимцев, утолявших их ненасытное любопытство. Кровь и грязь распутного женского правления, казалось, сообщили самым регалиям властительства свойства женской природы -- взбалмошное самовластие, капризную переменчивость, бездушный эгоизм, циническую безнравственность, нечистоту воображения, кровавую слепую ревность. Император Павел хотел возродить, освятить; очистить верховную власть, доставшуюся ему. Но он не знал, что это возможно лишь в единении с народом, только в огне народного духа, освобожденного и объединенного. Павел, воспитанный в идеях просвещенного абсолютизма, имея своим идеалом Фридриха Великого, был далек от народа.

Павел был совершенно одинок и лишь в мистике находил источник поддерживавших его наитий. Но страстная возбужденность религиозного экстаза его одиноких молитв только нарушала еще больше равновесие его духа.

Обличенные уже не раз Паленом заговоры и многочисленные покушения на жизнь монарха внушили последнему непрестанный страх за свою безопасность и развили еще больше застарелую его подозрительность. Но по благородству души, зная за собой эту болезненную подозрительность, Павел в столь важном случае обвинения никогда не решился бы действовать только по подозрению. Ему нужна была полная очевидность. Именно при наивысшей подозрительности и ревности только полная очевидность может утолить человека, ибо он недоверчив к самому своему недоверию, подозрителен в отношении самих своих подозрений. Со свойственной ему дерзкой смелостью Пален рассчитал совершенно верно, что император ринется в открываемую перед ним ловушку полной очевидности и поимки с поличным на самом деле. Взяв золотообрезный волюм французского перевода Плутарха, император вновь и вновь перечитал указанное Паленом жизнеописание Артаксеркса, поражаясь сходством всех подробностей своего положения

и этого древнего царя и проникаясь гипнозом картин, нарисованных чудотворным пером древнего автора.

Но, вверяясь Палену, предоставляя ему вести начатый заговор с целью его полного обличения, Павел Петрович приготовил и средства обезопасить себя от возможной измены самого Палена, потому что и ему государь не мог поверить окончательно и бесповоротно. Меры были приняты государем еще до беседы с военным губернатором, ночью.

Павел Петрович был совершенно убежден, что меры эти, предпринятые через особливых людей, не могли быть известны Палену.

Но Павел Петрович ошибался. Он был слеп и не знал этого. Он не знал, что долгой, неустанной, кропотливой работой Пален набросил на его ум и сердце непроницаемую завесу, искусно вложив совершенно ложные представления о всем окружающем несчастному, обреченному в жертву адскому искусству коварного интригана, при всей своей подозрительности простодушному императору.

VII. Высочайше одобренный заговор

Выйдя из кабинета государя и проходя мимо толпившейся в прихожей печи, граф Пален ловко бросил в ярко пылавшую грудку угольев смятую в комок записку, мгновенно там сгоревшую. В этой записке находилось важнейшее известие, что император ночью распорядился послать особо доверенных фельдъегерей к бывшим в немилости удаленным им генералам Аракчееву и Линденеру. Обоим повелевал ось явиться в столицу через три дня, каковое время они должны были употребить на то, чтобы принять команду над некоторыми частями войск, расположенных в Петербургской и Новгородской губерниях, собрать их и затем привести в столицу с собой.

Если бы граф Пален своевременно не получил предуведомления об этом или если бы государь не побоялся табачного платка и, сунув руку в карман военного губернатора, нашел бы эту записку, все было бы кончено.

-- Ну, мне сегодня Бог помог, -- думал Пален, идя из покоев императора. -- Вернее, впрочем, что помог черт! -- Он внутренне рассмеялся, злобно торжествуя. Он знал, что генералы Аракчеев и Линденер ни в коем случае не попадут в столицу, все заставы в его распоряжении. А так как император убежден, что оба своевременно придут, то и совершенно вверится Палену, полагая себя безопасным от внезапной измены последнего.

Пален совершенно понял странные жесты, восклицания и хохот императора, которыми тот закончил беседу с ним. Уже давно Пален знал, что эти выходки сопровождали внутреннюю работу проницательного ума Павла Петровича в те мгновения, когда он полагал, что обнаружил чьи-либо замыслы, и предпринимал ловкое обходное движение. Вверяя Палену руководство заговором против своей особы с целью полного обличения злоумышленников, император предпринял и нарочитое

обходное движение. Генералы Аракчеев и Линденер с приведенными ими войсками обеспечивали совершение задуманного плана. Враги Палена и всей его партии, добившись их удаления, Аракчеев и Линденер явились бы контролерами действий военного губернатора.

Да, все это так и было бы, не получи Пален предупредительной записки. Она же побудила его на отчаянно смелый шаг, -- поставить себя в положение высочайше одобренного заговорщика.

Заговор против императора давно, зрел и, можно было сказать, вполне созрел. Исполнение его было назначено на иды марта, пятнадцатого числа, день убиения Цезаря. В этом отразился дух времени, когда все были напитаны классическими образами. У братьев Зубовых в салоне их сестры, госпожи Жеребцовой, любовницы английского посла Уитворта, до высылки их обоих, у генерала Тылызина и у командиров других гвардейских полков происходили постоянные собрания, обратившиеся в род политических клубов, где громко обсуждалось ужасное положение отечества, вверенного неограниченной власти умалишенного. Такие же политические заговоры велись в английском клубе и в масонских ложах Петербурга. Все во главе заговора ставили имя великого князя Александра. Однако ничего, кроме уклончивых ответов и вздохов, от него не мог добиться никто из пытавшихся вызнать, каково отношение великого князя к освобождению России от ига неистового самовластия монарха, безумие которого, по единодушному мнению, приняло уже кровожадный характер, и грозило безопасности самой августейшей фамилии.

Нерешительность и уклончивость цесаревича оставляли созревший заговор без нужного импульса сверху. А без этого он не мог быть приведен в действие. Но теперь благодаря дерзкой, отчаянной смелости Палена этот нужный импульс давал сам император. Руки Палена были совершенно развязаны. Он мог смело действовать, ничем не рискуя. Если бы заговор не удался, он раскроет его и обличит перед государем и только. Кроме благодарности монарха, ничего его в таком случае не ожидает. Если же заговор из примерного и "модельного" превратится в настоящий и Павел Петрович будет низложен и даже убит, опять-таки Палена ожидает только благодарность нового монарха.

Три дня, имевшиеся перед ним, конечно, огромный срок, в течение которого можно было ожидать перемены в расположении Павла. Но что бы ни произошло, военный губернатор фон дер Пален по должности своей окажется исправным. Решительными, быстрыми шагами Пален направился через парадные покои великого князя Александра Павловича и прямо вошел в кабинет его без предварительного доклада.

VIII. Великий князь Александр

Собственно жилые апартаменты великого князя Александра были малы и скромны, но к ним примыкало много парадных, со стужей и сыростью, и между ними зала, разделенная аркой на мраморных ионических белых

колоннах, украшенная подлинными картинами великих мастеров; так, тут была картина Рубенса "Вакханка, обнимающая Фавна". Когда Пален вошел в тесный кабинет Александра, тот рассматривал какие-то картинки, которые поспешно накрыл большим делом верховного совета Мальтийского ордена. Когда близорукие, прекрасные глаза златокудрого юноши узнали вошедшего, чрезвычайный испуг изобразился на лице его и он не нашелся, что спросить у Палена, смело к нему приблизившегося, так велико было его смущение. До сих пор сношения Палена с цесаревичем велись через третьих лиц.

-- Ваше высочество, я счел священным долгом своим явиться к вам, чтобы предупредить о величайшей опасности, коей вы подвергаетесь, -- сказал Пален. -- Сейчас, принимая меня в кабинете, его величество родитель ваш отдал мне положительные на ваш счет приказания. Знайте, что он хочет к вам применить планы, не удавшиеся вашему деду в 1762 году относительно его самого.

Прекрасное лицо юного Александра то бледнело, то краснело. Он горбился, слушая Палена, как будто за что-то незримое хотел укрыться от ужасных слов военного губернатора.

-- Но чем же... но чем же навлек я немилость его величества родителя моего? -- пролепетал он. -- На последнем вахтпараде его величество был особо доволен, когда скомандовал "с поля" и батальон по трем флигельманам выполнил в четырнадцать приемов экзерцицию весьма чисто, хотя она кончается тем, что ружья оборачивают дулом вниз, а прикладом кверху, что было чрезвычайно трудно.

И Александр печальными большими глазами гонимой лани смотрел на Палена. "Или ты в самом деле взрослый ребенок, или..." -- подумал про себя Пален.

-- Ваше высочество, обратите серьезнейшее внимание на слова мои, -- сказал он. -- Движимый только усердием к вам и страждущему отечеству, взял я не себя смелость предупредить вас о страшной опасности. Известно ли вам в точности, что предпринимал в 1762 году Петр Третий относительно супруги своей?

Александр молчал.

-- Он хотел заточить ее в крепость или постричь в монахини, и только своевременно и быстро предпринятый и совершенный переворот сие предупредил.

Александр глубоко вздохнул и молчал.

-- Ваше высочество, таковая же страшная опасность угрожает вам и брату вашему с супругами, великим княжнам и самой августейшей родительнице вашей. Сегодня, едва я вошел в кабинет государя, как он мне сказал: что не удалось родителю моему в 1762 году, то я произведу в действие, ибо иначе со мной будет то же, что и с отцом моим случилось, "Вы участвовали, -- спросил меня государь, -- в событиях 1762 года?". На это доложил я его величеству, что был тогда лишь свидетелем, а не действовал, и как субалтерн-офицер лишь ехал на коне, в рядах полка, ничего не подозревая. "И теперь, -- сказал государь, -- хотите повторить

со мной то же. Но я намерен предупредить. Пален, я на тебя рассчитываю. Приказ об арестовании злоумышленников против жизни и власти моей членов моего семейства уже мною подписан. Еще три дня и я передам его тебе для исполнения". Говоря сие, его величество казался явно вне себя и оказывал полное помрачение памяти и разума. Лицо его исказилось судорогами и все члены производили беспорядочные движения. Я был поражен ужасом и счел долгом своим вас предупредить немедленно. Что вы намерены предпринять в таких чрезвычайных обстоятельствах, ваше высочество?

Александр вздыхал, горбился и растерянно озирался по сторонам, но молчал.

-- Вашему высочеству известно, -- продолжал Пален, приближаясь к великому князю, -- что не мало есть людей, преданных вам и ужасающихся при виде страданий отечества, явно ведомого к гибели деспотическим вихрем больной воли вашего родителя. Но они бессильны приступить к действиям, пока не знают расположения вашего высочества и намерений ваших. На вас сии патриоты и верные сыны отечества смотрят как на грядущее солнце России, живительными лучами долженствующее согреть скованную льдами деспотизма страну. Все они хотят видеть во главе правления монарха кроткого, а не тирана.

-- Благодарю вас, граф, за преданность и в ней не сомневаюсь, равно как и в тех лицах, от чьего имени вы сейчас говорили, -- вздыхая, с глазами полными слез, сказал, наконец, Александр. -- Но я далек от желания царствовать. Напротив, жребий сей меня устрашает. Желал бы удалиться к частной жизни и жить где-нибудь в тихом сельском уединении на Рейне с любезной женой, предаваясь изучению наук, поэзии, художеств. Там был бы я только счастлив!

-- Но было бы несчастно отечество! -- патетически возразил Пален. -- Ваше высочество, для всякого, кто знает ангельскую чистоту характера вашего, не может быть никаких сомнений в том, что мечты честолюбия не касаются ясного, как расцветающее утро весны, воображения вашего. Но отечество требует от вас взять на свои плечи тяжкое иго правления, и вы не можете ему отказать в этом, ибо оно страдает, оно на краю гибели.

-- Почему вы обращаетесь ко мне, а не к брату или к матушке? -- опуская глаза, спросил Александр.

-- Потому что вы избранник великой бабки вашей -- мудрой Екатерины, и только вы можете править по сердцу сей монархини, облагодетельствовавшей свой народ! -- твердо отвечал Пален.

-- Но чего же хотят от меня? Чего же хотят от меня? -- взволнованно спрашивал Александр.

-- Благородный характер и высокий от природы разум родителя вашего помрачены болезнью. О сем доктора Бек и Роджерсон, постоянно наблюдающие организм и душевные расположения державного больного, представили уже вашему высочеству достаточные доказательства, как это и мне известно.

Александр наклонил утвердительно голову.

-- К несчастью, они удостоверяют болезнь родителя, -- прошептал он, вздыхая.

-- Вы молоды, ваше высочество. Все видят, что вы скорбите и терзаетесь за других, оплакивая жертвы подозрительной тирании и зная, что сия тирания -- следствие опасной, все возрастающей и, видимо, неизлечимой болезни родителя вашего. Все скорбят, все жалеют вас, зная, что воспаление рассудка и возрастающее бешенство воли, грозящее стать кровожадным и почти уже таковым и ставшее, прежде всего на вас отражается. До сих пор, однако, полагали, что болезнь монаршая не достигла степени пагубной. Полагали, что обращение к императору решительных и энергичных требований от особ, приближенных к престолу, преданных служению родине и славе империи, образумит императора и он отменит жестокие указы, смягчит невыносимое самовластие, вернется к образу действия более умеренному. О сем именно вашему высочеству представляли покойный генерал де Рибас и граф Панин в бытность его на посту вице-канцлера империи. Но ныне, когда болезнь императора стала буйной и кровожадной, и сих мер было бы недовольно.

-- Чего же вы хотите? -- опять спросил Александр.

-- Должно овладеть особой императора и увести его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором, и где бы он был лишен возможности делать зло, -- решительно и твердо ответил Пален.

-- И где бы при отдыхе от державных трудов родитель получал правильное лечение и уход врачей, дабы по восстановлению здоровья вновь принять власть, ему принадлежащую, -- сказал Александр. -- Что если бы баронет Виллие с господами Беком и Роджерсоном, составив консилиум, в сем смысле от себя именем науки и властью докторской сделали родителю представление в светлую минуту?

И Александр устремил на Палена ясный, близорукий взор прекрасных очей своих.

Тяжкая злоба поднялась в груди курляндской лисицы. Но ответный взор Палена и "зеркало души" его были столь же ясны и простодушны.

-- Увы! -- сказал Палеи, -- именем науки и властью докторской невозможно привести в действие то, что должно совершать именем отечества и волей народного единодушия. Только на вас одного нация может возлагать доверие! Только вы один способны предупредить роковые последствия продолжения сего царства ужаса! Вы поставлены между сыновними обязанностями и долгом по отношению ваших народов! Но в сию минуту последний долг согласован с первым. Как военный губернатор столицы я убеждаю вас согласиться на переворот!

-- Переворот! -- с ужасом отступая, прошептал Александр.

-- Да, ваше высочество, необходим переворот. Ибо революция, вызванная всеобщим недовольством, должна вспыхнуть не сегодня-завтра. Мне в точности известно о мнениях и недовольстве столицы, на которую можно смотреть, как на орган всей нации. Должно спешить, чтобы предупредить опасные следствия отчаяния и нетерпения, с каким

общество жаждет избавиться от этого железного гнета, от царства ужаса, от деспотического вихря, разбивающего ежедневно благосостояние сотен лиц, множества семейств, гибнущих в ссылке, в заточении теряющих имущество. Сия отчаянием порожденная общая революция может изрыть внезапно ров гибели и под родителем вашим, и под вами, и под троном вашим! В тайных собраниях столицы уже кричат не только "конституция", но и "республика". Должно провести неотложную меру сверху, не ожидая, чтобы ее потребовали снизу! Ваше высочество, умоляю вас именем отечества и нации, жаждущих освобождения, и мало того, -- именем Европы и человечества, коим грозит страшная опасность, когда революция, возникнув из деспотического вихря и монархического террора, потрясет империю, -- прикажите мне и преданным вам лицам арестовать императора и дозвольте затем предложить вам от имени нации бразды правления.

-- Я не могу этого! Я не в силах! -- заломив в отчаянии руки и обливаясь слезами, прошептал Александр и, бросившись ничком на диван, зарыл свое лицо в подушки.

Пален стоял над ним несколько мгновений молча.

Потом вдруг склонился к его уху и прошептал:

-- Указ, подписанный императором о вашем арестовании и препровождении в крепость, у меня в кармане. Сего не довольно. Усыновление принца Евгения Вюртембергского и провозглашение его наследником престола решено государем.

Эти слова подействовали на великого князя, как прикосновение электрического тока. Он мгновенно поднялся на диване. Лицо его пылало, и в первый раз Пален увидел стальной блеск в больших, прекрасных глазах Александра.

Но вдруг гримаса плача опять исказила лицо юноши, и он опять повалился на диван, вздыхая, всхлипывая и повторяя:

-- Это ужасно, что вы от меня хотите, это ужасно!

-- Решайтесь, ваше высочество! -- повторил над ним граф Пален.

Тяжкие вздохи были ответом, и, не поднимая головы, Александр только спросил:

-- Когда?

-- Завтра бы вечером, ваше высочество!

-- О-о-о! -- застонал Александр. -- Невозможно... так скоро... лучше... через три дня... -- говорил он прерывающимся от вздохов и плача голосом, -- назначим... на одиннадцатое... когда дежурным будет... третий батальон... моего Семеновского полка...

-- Не без труда могу согласиться на сию отсрочку, ваше высочество. Не без тревоги буду в следующие дни. Но будь по-вашему.

Великий князь поднялся с дивана.

-- Пален, -- сказал он, -- поклянитесь мне, что жизнь моего родителя будет в безопасности.

-- Клянусь, -- поднимая руку, сказал Пален, -- что жизнь вашего родителя будет в безопасности.

В уме Пален окончил клятву свою так: "Доколе сие не будет противоречить благу отечества и нации!".

IX. Диспозиция дьявола

Одиннадцатого марта утром граф Пален прохаживался по комнатам в своем частном доме и посвистывал, когда вошел граф Бенигсен. Отвесив Палену официальный поклон, Бенигсен сел в одно из кресел, в порядке стоявших вдоль стены под чехлами.

Несколько времени оба молчали. Бенигсен сидел невозмутимо, а военный губернатор по-прежнему похаживал и посвистывал.

-- Встретил князя Зубова, в санях едущего по Невской перспективе, -- вдруг сказал Бенигсен.

-- Ну, и что же? -- спросил Пален.

-- Пригласил меня к себе ужинать.

-- Будете?

-- Я согласился, хотя собираюсь завтра выехать из Петербурга в свое имение в Литву.

-- Что так?

-- Император показывает мне явные знаки немилости, чего и ожидать должно было...

-- Вот так история! Не хотите ли стакан лафита?

-- Благодарю вас, граф. Я именно явился просить у вас, как у военного губернатора, необходимого мне паспорта на выезд.

Пален посмотрел на Бенигсена, улыбаясь и качая головой. Улыбался и Бенигсен обычной своей улыбкой, как будто нюхал крепкий уксус.

-- Отложите свой отъезд, мы еще послужим вместе! -- сказал, наконец, Пален.

-- В самом деле? -- отозвался Бенигсен.

-- Да. И князь Зубов вам скажет остальное!

Они опять посмотрели друг на друга и вдруг разразились хохотом, как два авгура.

-- Довольно шутить, граф! -- сказал затем Бенигсен, становясь мрачно серьезным. -- Говорите мне дело. Хотя я и ожидал со дня на день сей перемены, но, признаюсь, я не думал, что время уже настало.

-- Сегодня в полночь! -- важно отвечал фон дер Пален.

-- А! -- равнодушно отозвался Бенигсен. -- И какой план?

-- Я уже говорил, что князь Зубов вам все скажет. Приезжайте к нему в десять часов. Там застанете его брата Николая, сенатора Трощинского, генерала Талызина и князя Волконского. Все посвящены в тайну.

-- А! -- отозвался Бенигсен и стал жевать губами. -- Я не могу ужинать перед самой дорогой. Я страдаю желудком. -- Он помолчал.

-- Позвольте мне паспорт для выезда в Литву, -- вдруг сказал он.

-- Точно, и выезд и въезд в моих руках. Но как ни сегодня, ни завтра я не допущу въехать в столицу генералов Аракчеева и Линденера, за которыми посланы фельдъегери государем, так и вас не допущу из

столицы выехать ни сегодня, ни завтра. Я уже сказал, что мы с вами еще послужим вместе!

-- Государь послал за Линденером и Аракчеевым? -- переспросил Бенигсен. -- Это есть весьма важно. Но мы связаны дружбой издавна, граф. А посему диспозицию сегодняшней ночи должно от вас мне узнать, а не от князя Зубова.

-- Вы ее и узнаете сейчас. Мою диспозицию, -- напирая на местоимение, сказал Пален. -- От князя Зубова вы услышите то, что он вам скажет. И вы от него в первый раз о замысле с глубоким изумлением узнаете и будете колебаться. Вы меня поняли?

-- Так, я с глубоким изумлением в первый раз о замысле от князя Зубова узнаю и буду колебаться! -- повторил, как эхо, Бенигсен, репетируя на своем лице и фигуре будущее удивление и колебание.

-- Наконец, вы спросите таинственно: кто стоит во главе заговора? Когда же князь Зубов назовет это лицо, тогда вы не колеблясь примкнете к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти нацию от пропасти.

-- Когда узнаю лицо, -- повторил, репетируя роль, Бенигсен, -- тогда не колеблясь примкну, ибо, хотя шаг и опасен есть весьма, однако тем более необходим для спасения отечества и нации!

-- Князь Зубов тогда вам скажет, что лица, известные в публике своим умом и преданностью отечеству, составили план освобождения нации от самовластия тирана, безумие коего стало уже кровожадным. Сих всех освободителей, гвардии генералов, полковников и поручиков, вы с изумлением в первый раз встретите на ужине совокупившимися.

-- Освободители! -- с презрением сказал Бенигсен. -- Ватага вертопрахов! Люди все молодые, неопытные, без испытанного мужества!

-- Да, Выбор из числа трехсот молодых ветреников и кутил, буйных, легкомысленных и несдержанных был нелегко, -- согласился Пален. Но если струсят или изменят, меч падет только на их безмозглые башки. Мы с вами, Бенигсен, во всяком разе получим монаршую благодарность. И это благодаря моей диспозиции, с которой я имею вас сейчас ознакомить.

-- Да! да! А то до сих пор были только свистки для подманивая куропаток, -- сочувственно заворочался в кресле Бенигсен и, приложив руку к уху, приготовился слушать с особливим вниманием.

-- Князь Зубов, на вопрос ваш, кто стоит во главе заговора, ответит...

-- Великий князь Александр, -- закончил Бенигсен.

-- Да. Так вам ответит князь Зубов. Я же на тот же вопрос скажу: Император Павел Первый.

-- Что вы говорите? -- в полном изумлении воскликнул Бенигсен.

Граф Пален с торжественной важностью подошел к Бенигсену, и, сев рядом с ним в кресло, стал шептать ему на ухо. Бенигсен напряженно слушал, приложив к уху руку, и жевал губами, соображая.

-- Императору известно, что сегодня в полночь в спальню его войдут лица, желающие, чтобы он подписал отречение от престола. Доверенные лица императора -- я и вы, граф, по моему указанию. Лица, принимавшие

участие в сем предприятии, разделены будут на два отряда. Во главе одного стану я. Во главе другого -- вы. Вы войдете в кабинет-спальню императора со стороны библиотеки его величества. Зубовы будут с вами. Император будет уверен, что я с моим отрядом буду находиться в прихожей, отделяющей его спальню от парадных комнат императрицы. Он будет уверен в том, что как только возвысит голос и крикнет: "Вон!" -- я войду с людьми и арестую мятежников. Но меня не будет за дверью, завешанной ковром, на котором изображен треугольник, куб, чаша и прочие вам понятные знаки. Я расположусь на главной аллее у замка с несколькими батальонами гвардии. При мне будет и генерал Талызин. И я буду ждать от вас посланного, чтобы, глядя по обстоятельствам, или явиться на, помощь императору Павлу, или для провозглашения его преемника Александра. Вот почему я и сказал, что как бы по сей моей диспозиции ни повернулись обстоятельства, нам с вами обеспечена монаршая благодарность.

Пален умолк. Бенигсен долго сидел, погруженный в глубокие размышления.

Наконец, он улыбнулся укусной своей улыбкой и сказал:

-- Да, сам дьявол не придумал бы лучшей диспозиции!

Х. Якобинский наряд

Когда около десяти часов вечера генерал Бенигсен прибыл к князю Платону Зубову, он действительно застал у него, кроме брата его Николая, генерал-инспектора войск, находившихся в Петербурге, командира Преображенского полка Талызина, сенатора Трощинского, Конного полка полковника Уварова, любовника мачехи фаворитки императора, и адъютанта цесаревича князя Волконского. Последние два только что прибыли с ужина во дворце и улыбаясь рассказывали, что император был в ужасном настроении, разражался диким смехом в лицо императрицы; что великие князья сидят под арестом в их покоях, а, возвращаясь с ужина, император объявил дежурному полковнику Саблукову, что все в Конном полку якобинцы.

-- Я шел непосредственно за спиной государя, который был в башмаках и чулках, как заведено у него для ужина. Едва часовой крикнул "вон!" и караул пред спальней его величества вышел и выстроился, как государь, подойдя к Саблукову, сказал: "Все в вашем полку якобинцы!" Тот ему смело: "Вы, государь, ошибаетесь!" А государь только фыркнул в ответ: "А я лучше знаю. Сводить караул!" Саблуков командует: "По отделениям, направо! Марш!" Меня за спиной у государя смех разбирает! Корнет Андреевский вывел караул и отправился с ним домой. А государь обратился к двум лакеям-гусарам: "Вы, -- говорит, -- два займете этот пост". Поклонился Саблукову весьма милостиво и ушел в кабинет.

Зубовы и Волконский захохотали.

-- Кого Юпитер хочет наказать, у того отнимает разум! -- серьезно сказал генерал Талызин. -- Но у нас не много времени, приступим к совещанию.

-- Да! да! Надо торопиться! -- сказал князь Волконский. -- Я только покажусь на ужине и затем с Уваровым побудем во дворце, чтобы находиться в покоях великого князя. Ни он, ни супруга его, конечно, в эту ночь ни раздеваться, ни спать не будут.

-- Ужин назначен у меня и съезд уже начался, -- сказал генерал Талызин.

-- Почему же это, -- вдруг спросил Бенигсен, -- великий князь с супругой не будут в эту ночь ни спать, ни раздеваться?

Он казался теперь особенно дряхлым, прямо придурковатым от старости и улыбался уксусной своей улыбкой.

-- Я сейчас объясню это вам, -- сказал Платон Зубов. -- Страдания отечества побудили патриотов возревновать об освобождении его от безумного самовластия, которое уже стало кровожадным...

-- Приступим прямо к делу, -- прервал его Талызин. И в кратких, точных словах он изложил Бенигсену цель и план заговора. -- Присоединяетесь ли вы к нам? -- заключил он.

Бенигсен казался пораженным. Старческий кашель стал трясти его. Голова его, руки и ноги дрожали.

-- Вы все молодые люди, кипящие отвагой. А я уже стар и слаб, -- прошамкал он наконец, -- и собирался завтра отбыть в мое имение... Предложение ваше застало меня неподготовленным, неосведомленным.

-- Так что же? Как вы намерены поступить? -- опять спросил Талызин.

-- Я признаю, что мера, вами предпринимаемая, хотя весьма опасная, однако, необходимая. И... и... я желаю знать кто стоит во главе заговора?

-- Ну, конечно, Александр! Кто же этого не знает? -- с досадой крикнул Николай Зубов.

Мощный, здоровенный, с геркулесовскими мышцами, он как бы смотрел исподлобья, вертя в толстых, униженных перстнях, волосатых пальцах с четырехугольными грязными ногтями огромную золотую табакерку.

-- Это имя все разрешает, -- прошамкал Бенигсен. -- Я готов следовать за вами, господа, если только участие иностранца, ганноверца, в таком патриотическом предприятии не покажется странным...

-- Мы все друзья человечества, -- сказал князь Платон Зубов. -- Самовластие тирана грозит гибелью целой Европе.

-- Итак, вы с нами? -- спросил Талызин.

-- Да, я с вами... Сколько сил моих хватит... -- прошамкал, дурашливо улыбаясь, Бенигсен.

-- В таком случае едем! -- сказал Талызин и встал.

-- Подождите немного. Я переоденусь, -- попросил князь Зубов.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении камердинера и двух лакеев.

Он был одет во фрак, круглый жилет, панталоны английского фасона, то есть длинные, доходящие до ступни. Сверху был плащ со множеством

отложных воротничков. На голове, причесанной á la Titus, была круглая, широкополая шляпа. В руках он держал запечатанную колоду карт.

Камердинер нес шубу для предохранения князя от дувшего холодного ветра и пронизывающего тумана мартовской ночи. Лакеи тащили большие узлы.

-- Alia jacta est! Жребий брошен, господа! В этом виде я решил явиться на ужин, чтобы одушевить наших товарищей. Другая одежда в этих узлах со мной прибудет. Перед отбытием к его величеству я быстро переоденусь, прикрою голову пуклями с косой, а тело -- прусским кафтаном. И надеюсь, что это будет в последний раз.

-- Выдумка недурна, -- сказал князь Волконский. -- Ничто так не раздражает нашу военную молодежь, как запрещение одеваться по моде. Якобинский наряд ваш, князь, будет для всех осязательным предуказанием тех благих следствий, которые принесет освобождение отечества от тирана.

XI. Дворянская конституция

В этот вечер заговорщики сначала разбились на небольшие кружки, собравшись для предварительного совещания у командиров своих полков. В начале одиннадцатого все соединились вместе на квартире генерала Талызина.

Генералы, полковники и офицеры были в полном мундире, в шарфах и орденах. Все ожидали прибытия самого хозяина, Зубовых и Палена. В большой зале толпа слуг Суетилась около приготовленных столов. Другая толпа слуг разносила между собравшимися в гостиных закуски, водку и даже пунш, что сразу подняло настроение. Шли громкие разговоры, и никто не стеснялся входивших и выходивших служителей.

Вдруг вошли Талызин, Пален, Бенигсен, а за ними в якобинском своем наряде, не снимая круглой шляпы, с колодой карт в руке, князь Платон Зубов.

Оглушительные аплодисменты встретили князя.

-- Освобождение! Освобождение! -- закричали все в восторге.

Князь Зубов подошел к столу и, распечатав колоду, предложил прометать "на счастье".

Банк был игрой, строго запрещенной вместе с другими азартными играми нарочитыми указами императора.

Достав из кармана огромный шелковый кошелек, князь Зубов позвонил золотом, которым он был наполнен, и бросил его на стол.

Многие со смехом вытащили тоже увесистые кошельки и, звоня золотом, подошли к столу и поставили карты "на счастье".

Князь Зубов прометал несколько.

-- Господин военный губернатор! -- крикнул кто-то. -- Что же вы не арестуете князя за его якобинский наряд и упражнение в запрещенной игре?

-- Довольно дурачества, господа, -- сказал строго Пален. -- Вспомните, какие опасности сопряжены с нашим предприятием и как страдает отечество.

Князь Зубов бросил карты. Все направились к накрытым столам. Сейчас же запенилось в бокалах шампанское. Но за стол не садились, а стояли вокруг, закусывая холодными блюдами.

-- Господа, -- сказал князь Зубов, -- роковой час наступил! Еще раз я обращаюсь к вашему патриотизму. Настоящее бедственное положение отечества грозит гибелью государству. Самовластие императора Павла губит Россию. Его кровожадное бешенство угрожает тысячам безвинных жертв, беззащитных от его произвола и прихоти. Есть одно средство предотвратить еще большие несчастья, это -- принудить Павла отречься от трона. Сам наследник престола признает необходимой эту решительную меру. Поднимаю бокал за успех нашего предприятия! Долой тирана!

-- Долой тирана! -- поднимая и осушая бокалы, закричали все. -- Освобождение! Освобождение!

-- Освобождение и конституция! -- кричали другие.

-- Республика! -- ломающимся голосом крикнул молоденький кавалергард.

-- Господа, я слышу здесь требование изменения формы правления, -- начал опять князь Зубов. -- О сем предмете точно должно подумать, ибо одна перемена правителя еще не обеспечивает отечество от будущих злоупотреблений самовластия. Все мы возлагаем наши надежды на прекрасное сердце Александра. Но он сам ненавидит самовластие. Господа, о сем предмете я немало думал и брал нарочно у генерала Клингера сочинение Делолма об английской конституции. Совещался со многими государственными мужами на сей предмет. И ясно оказалось, что конституция нам потребна, с нашими нравами соображенная. И при народном невежестве, кажется мне, надобно на первое время ограничить самовластие твердыми аристократическими институциями. В кармане у меня лежит бумага, план таковых излагающая. Предлагаю я установить политическую свободу, сначала для одного дворянства, в учреждении верховного сената, которого часть несменяемых членов -- *inamovibles*, -- пояснил Зубов французским термином, -- назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством от своего сословия лиц. Под сенатом, в иерархической постепенности, были бы дворянские собрания, как губернские, так и уездные. Сенат был бы облечен полною властью законодательной, императорам оставалась бы исполнительная власть с правом утверждать обсужденные и принятые сенатом законы и обнародовать их. Сия конституция великую пользу принесет отечеству. И, полагаю, Александр ее с охотой сегодня же подпишет.

-- Превосходно! Конституция! Конституция! Взять с Александра запись! Ограничить самовластие, непременно ограничить! Это позор Европы! -- закричали заговорщики.

-- Vive la republique et senatus consultus! -- кричал мальчишеским, петушиным голосом кавалергардский подпоручик.

-- Не могу с сим предложением согласиться, -- вдруг громко и важно сказал генерал Талызин: -- Аристократические институты кажутся мне еще худшим злом, нежели самодержавная власть; олигархия поведет наше отечество к распадению, подобно Польше.

-- Мы должны освободить и Польшу! -- крикнул вдруг капитан Шеншин. -- Мы должны дать особую конституцию Польше с Литвой и Белоруссией!

-- Верно! Верно! -- подхватило несколько голосов. -- Мы должны искупить нашу вину перед поляками! Золотая свобода! Золотая свобода!

-- Прежде освободим от тирана свое отечество, а Польша и подождать может! -- закричали другие.

-- Мне кажется, -- вдруг на дурном русском языке заявил Преображенского полка штабс-капитан барон Розен, -- что и герцогство Курляндское должно иметь особливую от имперской конституцию!

Но Пален метнул в его сторону злобный взгляд, и Розен умолк, поперхнувшись шампанским.

-- Выслушайте меня, господа! -- возвысил голос Талызин. -- Отечество требует низложения тирана, болезненное воспаление рассудка которого стало кровожадным. Сын Екатерины, презря светлые начала сей властительницы, господствует всеобщим ужасом, не как монарх законный, но яко узурпатор. Он казнит без вины, награждает без заслуг, отнял стыд у казни, у награды прелесть. Он умертвил в наших полках благородный дух воинский под предлогом искоренения некоторых злоупотреблений, подлинно вкравшихся, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам Румянцевым, Суворовым, учил маршировать. Презирая душу, уважает пукли, косы, воротники да шляпы. Он питается желчью зла и вымышляет ежедневно способы ужасать людей. Довольно! Терпеть больше мы не можем, не хотим, не смеем. Отечество нас призывает! Сегодня, сейчас он будет низложен!

-- Долой тирана! -- единодушно закричали все заговорщики.

-- Павел будет низложен, -- продолжал Талызин, когда волнение утихло. -- Престол занимает Александр. Надо ли вязать его волю аристократическими институтами? Сенатом дворян? Никогда! Вместо одного тирана мы увидим многих, к тому же между собой враждующих. Дворянский сенат принесет интересы отечества в жертву сословным дворянским интересам. Отечество не того ожидает от Александра. Он должен освободить от оков миллионы несчастных, под властью жестоких господ изнывающих, лишенных прав человека и гражданина, крепостных людей! Вы хотите низложения тирана в Михайловском замке. Но в каждой господской усадьбе сидит тиран и узурпатор, безбожно властительствуя нередко один над тысячами своих братьев и в наложницы себе принуждает зверски жен чужих и невинных дев. Сие зло прекратить должно. Сих тиранов ниспровергнуть. А дворянская

конституция и дворянский сенат лишь закрепят это зло и поругание человечества.

Натянутое молчание было ответом Талызину. Старшие пожимали плечами и улыбались. Младшие устремляли взор на старших, чтобы принять их мнение. Раздались ворчливые вполголоса замечания:

-- Далеко хватил! Дворянин идет против своей же братии -- дворян! Не все подданных своих тиранят! Объяви им волю, они завтра же всех господ перережут! Особливо дворовая челядь! У каждого за голенищем нож! Вспомнил бы Пугачева!

-- И при прислуге столь неосторожно говорить! -- заметил кто-то по -- французски, -- а они и рот разинули, рады.

Сенатор Трощинский почел долгом вступить и сказал несколько примиряющих фраз, что, конечно, должно злых господ, мучающих подданных своих, обуздать, и вообще на сей предмет поставить правила, но что благородное сословие дворян в сенате, конечно, само позаботится о сем и порочных членов непременно извергнет.

-- Господа, не довольно ли разговоров? -- сказал Пален. -- Прежде надо дело сделать, а потом рассуждать о конституциях. Некую запись можно взять с Александра. Но прежде задуманное исполнить в точности. Плюю на тех, кто говорит только, а дела не делает. Каждый должен сегодня свой долг перед отечеством исполнить. А диспозиция объявлена. Итак, выпьем последний кубок и вперед!

-- Вперед! Нечего рассуждать! Там видно будет! -- закричали заговорщики.

-- *Rappelez-vous, messieurs*, -- отдельно, четко, громовым голосом сказал военный губернатор граф Пален, -- *rappelez-vous, messieurs, que pour manger une omelette il faut commencer par casser les oeufs!* [*Помните, господа, чтобы полакомиться яичницей, надо прежде всего разбить яйца*]

И, осушив свой бокал, Пален бросил его на пол и разбил вдребезги. Многие последовали его примеру.

ХII. Разъезд

Первыми с ужина отбыли генералы Талызин и Депрерадович. Они должны были собрать участвовавшие в заговоре батальоны: генерал Талызин своих преобразенцев на дворе дома английского клуба близ Летнего сада; генерал Депрерадович -- семеновцев на Невской перспективе вблизи Гостиного двора против улицы, ведущей к воротам главной ал леи Михайловского замка. Пикеты семеновцев должны были занять внутренние коридоры и проходы замка. Бывшие на ужине генералы, полковники и офицеры различных гвардейских полков были разделены на две колонны. Военный губернатор Пален и генерал Уваров с небольшим числом лиц должны были присоединиться к батальону семеновцев генерала Депрерадовича.

Князь Платон и граф Николай Зубовы, Бенигсен и большая часть заговорщиков должны были ехать в английский клуб и стать во главе батальона преображенцев генерала Талызина. Именно заговорщикам второй колонны предстояло пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне, отвезти в крепость и там предложить ему подписать акт отречения от престола.

Большая часть заговорщиков вполне оправдывала мнение о них Палена и Бенигсена как о "ватаге вертопрахов". Уже то умственное напряжение, которого потребовали речи Зубова и Талызина, их утомило, и они спешили в непринужденной болтовне, остротах и каламбурах вылить свое мозговое раздражение. Наиболее серьезные и дельные из заговорщиков отбыли с Талызиным и Депрерадовичем, чтобы вести солдат к замку. Эти почти не пили за ужином и были в суровом, твердом и мужественном настроении. Им было поручено расставить внешние и внутренние караульные пикеты. Совершенно трезвы были и солдаты.

Но оставшиеся еще в пиршественной зале про являли крайнее легкомыслие. Под влиянием винных паров предприятие им казалось весьма легким и удобоисполнимым. Одни с хохотом и остротами помогали переодеваться князю Платону, напевая

Le nom de patrie
Fait battre mon coeur!
Mon âme est romplie
D'une sainte ardeur.

[Имя отечества заставляет биться мое сердце, моя душа полна святой горячностью]

Им представлялось, что они "освободители", как они себя именовали, разыгрывают Вольтерова "Брута" или "Смерть Цезаря". Кавалергардский подпоручик с жестикулировкой российского императора воображал, что он Брут, "républicain farouche", "cruel citoyen" -- Brutus -- "ce puissant génie, ce héros armé contre la tyranie" [*Брут -- суровый республиканец, жестокий гражданин, могущественный гений, герой, вооруженный против тирании*].

И он напыщенно декламировал александрины Вольтера:

Toujours indépendant, et toujours citoyen,
Mon devoir me suffit, tout le reste n'est rien
Aller, ne songer plus qu'à sortir d'esclavage!

[Я всегда -- независимость и только гражданин во всем; с меня достаточно чувства долга; остальное для меня не существует; идем, не будем думать ни о чем более, кроме избавления от рабства]

И полковник князь Яшвиль, желая высказать начитанность и знакомство с Вольтеровой трагедией, закатывая глаза, подавал реплику кавалергардскому подпоручику:

O mânes de Caton, soutenez ma vertu! [*О, тень Катона! Поддержи мою добродетель!*]

-- Вы, молодые люди, еще неопытны суть, -- вдруг резким, неприятным голосом сказал генерал Бенигсен, поднимаясь и выпрямившись. Старческой слабости, с которой он до сих пор, улыбаясь укусной улыбкой, присутствовал на ужине и при начавшемся разъезде, как не бывало. Глаза его горели зловещим огнем под косматыми бровями, и весь он напоминал огромную ночную хищную птицу.

-- Вы суть неопытные и полагаете, что низложить императора России -- то же самое, что играть на сцене трагедию. Есть небольшая разница!

-- Если вы так опытны в этих делах, -- закричал князь Яшвиль, -- то и ведите нас, генерал!

-- Вперед! Не о чем более размышлять! -- устремляясь вон, закричал кавалергардский полковник граф Голенищев-Кутузов. -- Но благодарен подпоручику, воодушевляющему нас благородными строфами великого фернейского старца! -- И, обращаясь к нему, граф Голенищев-Кутузов продекламировал слова Кассия:

Jurons d'exterminer
Quiconque ainsi que lui prétendra gouverner;
Fussent nos propres fils, nos frères, ou nos pères,
S'ils sont tyrans, Brutus, ils sont pos adversaires!
Un vrai républicain n'a pour père et pour fils
Que la vertu, les dieux, les tois et son pays.

[Клянемся истребить всякого, кто замыслит управлять подобно ему, будь то наши собственные сыновья, братья, отцы; но если они тираны, Брут, они наши противники. Для истинного республиканца нет ни отца, ни сына, кроме добродетели, отечественных богов, законов и родины]

Брут и Кассий из Кавалергардского собственного государыни императрицы полка пожали крепко друг другу руки.

Наши сестры -- сабли, сабли остры!
Вот и наши сестры!

-- затянул кто-то из гвардейцев, выходя на лестницу.

Наши жены -- ружья заряжены!
Вот и наши жены!

-- подхватили хором заговорщики.

Наши дяди...

Внизу в большие сани с богатым ковром садился граф Пален. Два полицейских чиновника -- итальянец Морелли и француз по фамилии Тиран из войск Конде -- садились с ним.

-- Тиран едет низлагать тирана! -- скаламбурил кто-то.

Пьяный хохот был ответом на плоскую остроту.

Гвардейцы садились на своих рысаков, обмениваясь французскими фразами, как будто на обыкновенном разъезде с товарищеской попойки.

-- Выпив шампанского, приятно проехаться для освежения за город! -- острили они, намекая на то, что Михайловский замок объявлен был императором "загородным".

ХIII. Движение войск

По прибытии к семеновцам и преображенцам, Пален и Бенигсен должны были начать движение одновременно, за полчаса до полуночи.

Еще с девяти часов вечера по регламенту столица погружалась в глубокий мрак, так как все ставни в домах наглухо запирались и в окнах не было видно ни одной свечки. Спали обыватели или бодрствовали? Это невозможно было узнать, так тщательно запирались ворота, калитки, двери и окна. Немногие уличные фонари, раскачиваемые на цепях пронзительным, ледяным ветром, уныло скрипели, и слабый свет сальных плашек, в них горевших, тонул во мраке облачной, безлунной ночи. Концы улиц, запертые рогатками, охранялись караульными. Разъезжавшие патрули опрашивали всякого, кого только самонужнейшая причина выгоняла из дому Малейшего сомнения было достаточно, чтобы несчастливца отправляли на гауптвахту. Беспрепятственно пропускались только доктора, повивальные бабки, гробовщики, попы, городские фурлейты (императорским указом переименованные так из "фурманов") и профосы. Казалось, то был город в неприятельской осаде.

В эту мартовскую ненастную ночь, в безмолвии темного казавшегося вымершим города раздавался только свист бурного ветра, лай и вой псов, в то время неизменно имевшихся на каждом дворе, и протяжные окрики часовых.

Разделив семеновцев на несколько пикетов и вручив команду ими прибывшим с Депрерадовичем офицерам, Пален скорым шагом повел людей к воротам на главной аллее замка.

У ворот их встретил брат полкового адъютанта императора. Сам Аргамаков стоял в это время у пешеходного мостика на рву против Летнего сада и встречал там вторую колонну заговорщиков с преображенцами, которую вели Бенигсен и Талызин.

Прибывшие вслед за Паленом заговорщики составляли как бы штаб его и шли отдельной бандой вслед за ним.

Аргамаков спросил пароль и лозунг.

-- Граф Пален! Золотой овен!

Ворота отворились. Отряд за отрядом вступали в темную, осененную старыми деревьями аллею Много видели это деревья! Они видели

царевича Алексея Петровича, в кандалах вывозимого в крепость! Они видели старого, больного Остермана, несомого на креслах к умирающей императрице Анне Ивановне! Они видели герцога Бирона, Анну Леопольдовну, сопровождающую младенца-императора Иоанна Антоновича, Елизавету Петровну, графа Панина с маленьким Павлом Петровичем на руках, поспешающего в Зимний, где уже присягали его матери Екатерине. Теперь черные гиганты, скрипя, сшибаясь ветвями, раскачиваемые бурными порывами ветра, осеняли таинственные ряды солдат, тяжелый шаг которых, глухо отзывался на промерзлом грунте, в ночном безмолвии и мраке стремившихся к мрачной глыбе замка несчастного властителя.

Вдруг над Летним садом с криком поднялась туча бесчисленных ворон и галок, обычно там ночевавших.

Птицы носились над замком и неистово кричали. Взметнулись и вороны, спавшие на аллеях и боковых садах.

-- Преображенцы с той стороны идут, -- заметил один из гренадер. -- Возбудили воронье!

-- Дурная это примета! -- заметил другой.

И опять молча продолжали путь.

Молодой офицер, ведущий отряд последним в хвосте колонны, невольно вспомнил capitoлийских гусей, криком предупредивших ночной приступ врагов, пробудивших сторожей и спасших Рим. Что как и крики ворон пробудят императора и предупредят его об опасности? Раздраженные нервы молодого человека не вынесли этого таинственного и безмолвного шествия на опаснейшее предприятие. К тому же угрюмый вид молчаливых солдат внушал ему опасения, что они сомневаются в целях предприятия.

-- Дурная ли примета, или нет, -- сказал он, -- а идти надо и все исполнить до конца. Наше дело, ребята, правое! Отечество требует, и мы должны идти!.. Император болен и не может править государством. Поступки его стали неладные, и цесаревич принужден взять в свои руки правление. При Александре всем будет свобода. Это -- ангел. Вы его знаете, ребята.

И, полагая, что солдаты лучше поймут его, если он станет говорить с точки зрения материальных интересов, офицер стал объяснять солдатам, что император объявил войну Англии и запретил с ней торговать. "А разрыв с Англией наносит неизъяснимый вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями мануфактурными и колониальными за сырые произведения нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекало все для нас необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместий, отпуская за море хлеб, корабельный лес, мачты, сало, пеньку, лен. Теперь это все на руках останется. А купцы без товаров. Сие грозит разорением государству. Александр отменит все сие, ребята".

-- Что лясы томить, ваше благородие, -- сказал старый гренадер, когда офицер кончил объяснения. -- Павел, Александр, нам это едино. Хоша, конечно, лучше отца Александр не будет. Однако, что ни поп, то батька.

-- Нам, ваше, благородие, до помещиков и купцов дела нет, -- сказал другой, помоложе, с серьгой в ухе. -- Мы, кроме солдатской службы, ни на что не гожи. У нас каждая жила вытянута, каждый сустав вывихнут. А свое мы получили.

И, достав кисет, солдат позвонил золотом, лежавшим в нем.

-- Слышь, англичанка-то из клуба три бочонка золота на эфто дело выкатила! -- ввернул молодой солдат. -- Один бочонок господам енералам, другой -- офицерам, а третий уж нашей братии, солдатикам.

В это время передний отряд остановился перед решеткой замерзшего рва:

-- Смирно! Не дышать! -- прошла команда от головы до хвоста колонны.

Солдаты стали соскакивать на лед, переходить на другую сторону и строиться на коннетабле, где возносился на коне своем недвижимый медный гигант.

В то же время со стороны Рождественских ворот генералы Талызин и князь Вяземский и полковник Запольский вводили третий и четвертый батальоны Преображенского полка. Войска окружили замок. На колокольне медленно и заунывно куранты под музыку и перезвон стали бить полночь.

Стаи галок и ворон продолжали тучей носиться над замком и садами, неистово каркая.

Но ни единого луча, ни единой искры и ни единого звука не исходило из громады императорского мавзолея.

XIV. Потайная лестница

Таинственное шествие в ночном безмолвии и темноте по аллеям Летнего сада при зловещем карканье пробужденных птиц, движение угрюмых войск, команда, отдаваемая вполголоса -- все укротило легкомысленное возбуждение тех заговорщиков, которые следовали за Бенигсеном и Зубовым. Холодный ветер обдул к тому же их головы и протрезвил. По мере того, как они приближались к темной громаде замка, предприятие, на которое они двинулись столь беззаботно, стало представляться им в истинном свете. В воображении рисовались тысячи опасностей, непредвиденных осложнений, которые могут погубить все и привести их вместо первых мест в государстве на виселицу. Уже они страшились измены и не доверяли друг другу. И с какой легкостью устремлялись на предприятие, с такой же теперь изыскивали в уме способы уклониться в последние минуты, как-нибудь вывернуться и, если уж возможна измена, предупредить других в этом отношении. Но придумать ничего не могли. И шли, как приговоренные.

У пешеходного мостика, который вел из сада к замку, на другой стороне рва их поджидал флигель-адъютант императора Аргамаков. Он

самолично спустил мостик, и вся банда перешла. Аргамаков имел при себе глухой фонарик. Открыв фонарь, он осветил последовательно лицо каждого переходившего по мостику. В это время войска уже окружали замок.

-- А где же военный губернатор Пален? Разве он не с вами? -- с удивлением спросил Аргамаков, когда последний из банды перешел мостик.

-- Он идет с Депперадовичем и семеновцами, -- отвечал князь Зубов.

-- Странно. Он говорил мне, что пойдет с нами в кабинет императора, -- сказал Аргамаков.

-- Нет, он с частью батальона займет главный вход дворца, -- сказал Бенигсен.

-- Как! А кто же будет в прихожей государыни?

-- Никого, -- отвечал Бенигсен.

-- Но ведь в таком разе император может спастись, выйдя через дверь, которая ведет из его спальни в эту прихожую?

-- Все выходы и внутри и снаружи будут заняты нашими.

-- В стенах замка есть потайные лестницы, которые ведут в подземные ходы. Даже я не знаю всех лазеек замка.

-- Постараемся подойти так, чтобы не испугнуть зверя, -- улыбаясь, сказал Бенигсен.

-- Но мы даже не можем быть уверены во всех служащих дворца и караулах. Первый батальон преображенцев предан государю. Ему только стоит им показаться, и наше дело пропало.

-- Нам некогда теперь размышлять! -- сказал Бенигсен. Отступить поздно. Идите вперед, Аргамаков.

-- Да, станешь рассуждать, когда дело идет о петле! Если Пален стал непредусмотрителен, то мы шеей рискуем, -- слышались голоса.

-- Всего предусмотреть невозможно, -- решил Николай Зубов. -- А риск - святое дело. Веди нас, Аргамаков!

Аргамаков пожал плечами и пошел вперед, не закрыв фонарика, которым на ходу раскачивал. Фонарик бросал слабый, мерцающий свет на землю и гранитную облицовку замка. Вступив под Рождественские ворота, заговорщики затем толпой двинулись вверх по лестнице, ведущей в покои, прилегающие к библиотеке и спальне императора. Сам же Аргамаков, как было условлено заранее, пройдя треугольный внутренний двор, вступил в сводчатые катакомбы нижнего, служительного этажа. Мрачная пасть входа этого лабиринта открывалась в одном из углов двора. Сырость капала со сводов, и ветер завывал в катакомбах. Пройдя несколько, Аргамаков осветил фонарем в одном месте мокрую, покрытую пятнами плесени стену и надавил железную скобку в ней... Стена вдруг легко отошла, открыв винтовую каменную лестницу. Аргамаков, оставив открытым вход, стал подниматься вверх. Это была одна из потаенных лестниц замка -- l'escalier dérobé, устроенная в толще капитальной стены, выведенной вдвойне, так что получался промежуток, шедший через все этажи. На первую площадку лестницы, которой достиг Аргамаков,

выходили две двери. Одна вела в квартиру фаворитки императора, княгини Гагариной, другая -- в помещение обер-штальмейстера графа Кутайсова. Затем лестница вновь продолжалась вверх, в апартаменты его величества. Но Аргамаков туда не пошел. Он поставил фонарик на ступеньку лестницы, а сам прислонился к стене и несколько мгновений пребывал в глубоком раздумье. Потом вдруг решительно отворил дверь в квартиру Кутайсова и вступил в темную проходную комнату.

-- Кто там? -- раздался голос Кутайсова.

-- Это я, граф, -- отвечал Аргамаков.

-- Ах, это вы, Аргамаков? Войдите. Что случилось? -- Аргамаков прошел в спальню Кутайсова, который сидел в вольтеровских креслах, в теплых плюсовых сапогах и шлафроке на кошачьем меху, с колпаком на голове и читал томик французского романа при свете сальной свечи. Комната была жарко натоплена и вся обита бухарскими коврами.

-- Что случилось? -- повторил Кутайсов.

-- В замке неблагополучно, -- сказал адъютант императора.

-- Что такое? Что такое? -- встревожился Кутайсов. -- Уж не пожар ли?

-- Революцию, конечно, можно уподобить пожару, -- сказал Аргамаков.

-- Революцию? Что хотите вы этим сказать? -- изумился Кутайсов.

-- Ужели вы ничего не знаете? Но, очевидно, не знаете, если я вас застаю спокойно сидящим в шлафроке. Почему вы не у госпожи Шевалье?

-- Сегодня такой ветер и... холод... я боялся простудиться... А я дурно себя чувствую... -- растерянно говорил Кутайсов, начиная дрожать от головы до ног.

-- Ужели вы не нашли на вашем столе сегодня траурного письма?

-- Траурное письмо?.. Я столько получаю писем... Ба! Я и забыл о нем... Я положил его в карман этого Шлафрока... Да, вот оно...

И Кутайсов достал из кармана измятый траурный куверт.

-- Оно даже не распечатано? -- вскричал Аргамаков, -- Итак, вы ничего не знаете?

-- Ничего! Видит Бог, ничего.

-- Составлен заговор. Император будет низложен. И вы ничего не знаете об этом? Весь город это знает.

-- Я слышал, да, слышал что-то... Но ведь это по должности Палена, -- бормотал Кутайсов.

-- По должности Палена! Но он во главе заговора. Император будет низложен. На престол возведут Александра. И ваша роль при дворе кончена. И это наилучшее, что вас ожидает, а могут быть крепость, пытка, Сибирь или яд и веревка!

-- Когда же произойдет переворот? -- в ужасе вскричал Кутайсов.

-- Когда! Он сейчас происходит. Если бы вы своевременно прочли письмо наших доброжелателей, то знали бы это. Замок окружен войсками. Все входы и выходы заняты. Заговорщики в эту самую минуту идут в покои императора.

-- Но... вы же на чьей стороне? -- спросил трепещущий Кутайсов.

-- Я участвую в заговоре. Сейчас я должен подняться наверх, чтобы отворить заговорщикам дверь. Но успокойтесь, соберитесь с силами и выслушайте меня. Предприятие мне кажется сомнительным. Пален и Бенигсен мне подозрительны. Я намерен спасти государя. Я выведу его по потайной лестнице сейчас, а потом, через катакомбы и обычным путем к Фонтанке. Но пока я буду этим занят, оденьтесь скорее и ступайте к великому князю Константину, Он не посвящен в заговор. Вы знаете, как пройти к нему, миновав часовых. Вы сообщите ему об опасности и попросите дать вам записку на имя Саблукова с приказом немедленно вести свой эскадрон к замку. И потом с этой запиской бегите из замка нашим путем в казармы конной гвардии. Отдайте Саблукову записку. Слышите? Поняли? Торопитесь. А у меня нет больше ни минуты времени. Если все устроится, помните мою услугу.

И Аргамаков кинулся вон из комнаты.

Оставшись один, Кутайсов кинулся одеваться. Но сейчас же бросил на пол взятую в руки часть одежды, махнул рукой и, схватив сальную нагоревшую свечку, как был в колпаке и шлафроке, забыв о своем господине и его благодеяниях, побежал на потайную лестницу, спустился вниз в лабиринт и пустился по сводчатым ходам. При этом свечка потухла. Он бросил ее и ощупью, по хорошо знакомой дороге, оступаясь и падая, однако, не раз и натываясь на углы и столбы, подпиравшие стены катакомб, выбрался, наконец, из замка на набережную Фонтанки. Спустившись на лед, Кутайсов перебрался на другую сторону и пустился по пустынной улице, пронизываемый ледяным ветром.

XV. Меж двух смертей

Аргамаков быстро поднялся по витой лестнице. Двойная стена оставляла довольно широкий промежуток между спальней императора и прихожей. Таким образом, потайная лестница вела в простенок между двумя дверями. Аргамаков по условию должен был отворить заговорщикам дверь в прихожую, а в дверь спальни императора постучать и просить отворить ее под предлогом пожара в замке. Так как в прямые обязанности Аргамакова входило днем и ночью первому предупредить самого императора лично о всех чрезвычайных событиях в замке, то император должен был отворить ему.

Едва Аргамаков очутился в простенке, как дверь в спальню императора распахнулась настежь. На пороге стоял сам император. Он был в том костюме, в котором ужинал, в чулках, башмаках и французском кафтане.

-- Это ты, Аргамаков, -- сказал он. -- Что случилось?

-- В замке неблагополучно, ваше величество, -- едва проговорил растерявшийся от неожиданного появления государя адъютант.

-- Неблагополучно? Войди. В чем дело?

Император отступил вглубь покоя. Аргамаков вошел.

-- Ваше величество, в замке неблагополучно, -- повторил он опять.

-- Я это уже слышал. Ну? -- спокойно сказал император.

-- Составлен заговор против вашего величества. Готовится переворот. Хотят низвести вас с престола и передать власть царевичу Александру.

-- Кто же заговорщики? -- столь же спокойно спросил император.

-- Пален, Бенигсен, Зубовы и с ними многие. Государь, переворот готовится даже сейчас. Замок обложен войсками. Все входы заняты. Караулы вам изменили. Прислуга подкуплена.

-- Как! А мой первый батальон преобразенцев?

-- Увы, государь, батальон на две трети пополнен людьми из раскассированного вами князя Ливена полка. И офицеры в заговоре. Государь, вы в величайшей опасности! Именно в самую сию минуту, что я говорю с вами, заговорщики толпой идут к вам со стороны библиотеки.

-- Но графа Палена нет с ними?

-- Нет, государь, но не медлите! Каждая секунда дорога!

-- Ты застал меня, против ожидания, бодрствующим и одетым, -- сказал с величавым спокойствием император. -- Значит, я не был так неосведомлен в сем злодейском предприятии, как ты полагал. Но ты-то сам, Аргамаков, какую роль в комедии играешь?

-- Помилуйте меня, государь! -- воскликнул Аргамаков, бросаясь на колени, -- злая сила обуяла и меня. И я был с ними. Но в последнюю минуту опомнился. Всей жизнью готов я загладить мое гнусное деяние. Я спасу вас, государь!

-- А, и ты был с ними! Но как же ты меня спасешь?

-- Путь по потайной лестнице и дальше, в катакомбах, до набережной Фонтанки свободен, государь! Спасайтесь. Не медлите ни минуты!

-- Но почему я должен верить тебе, Аргамаков? Если ты обманул и предал своих товарищей, можешь предать и обмануть и меня? Могу ли на тебя положиться?

-- Государь! Я -- злодей! Я -- преступник! Но, клянусь, то было мгновенное затмение! Всю жизнь я буду оплакивать его.

-- Ты будешь горько оплакивать свой поступок, Аргамаков. Ты говоришь истину. Нет прощения тому, кто восстал против своего законного монарха и Божия помазанника. Итак, если бы даже тебе удалось меня спасти, это не спасло бы тебя, и я поступил бы с тобой по всей строгости законов. А ты знаешь, что в таких случаях российские законы неумолимы. Все: и действители, и укрыватели, и попустители, и даже токмо злоумышлявшие или знавшие, но не донесшие об умысле, -- все подлежат мучительной смерти -- казни четвертованием. Хочешь ли, зная сие и непоколебимость мою в таковом случае и участь, тебе уготованную, спасти меня?

Мертвенно бледный, растерянный, Аргамаков не знал, что ему ответить.

-- Вот видишь ли, друг, -- выждав мгновение, спокойно промолвил император, -- ты сказал, что злая сила тебя обуяла. Но если бы ты был истинно честный человек, а не красивый плод, внутри полный гнили, ничто бы тебя не обуяло. О, если бы ты сейчас, не колеблясь, ответил мне! Но где вам, предателям, льстецам и рабам, познать истинное благородство души.

-- Они идут сюда, государь! Умоляю вас! Спасайтесь! -- вскричал Аргамаков, опомнившись.

-- Клянусь спасением моей души и всем священным на земле и на небе, клянусь торжественно! -- вскричал император, -- я встречу опасность лицом к лицу и не побегу, как жалкий трус! И что ты знаешь? Может быть, у меня есть сокровище в этих стенах, верные слуги, которые защитят меня! А если земные слуги меня не защитят, святое помазание, которое на мне, спасет меня. Ступай, Аргамаков, отвори двери твоим товарищам. Пусть идут. Я поговорю с этими молодцами и, может быть, они образумятся. Я приказываю тебе.

И Павел Петрович сиповато запел:

-- Князи людстии собравшася вкупе на Господа и на Христа Его!

-- Я не могу, государь! О, спасайтесь, государь! -- восклицал Аргамаков.

-- Спасайся лучше сам. Ведь ты теперь между двух смертей стоишь.

В эту минуту громкий вопль раздался в прихожей.

-- Ах, мои верные служители! Они убивают их! Отворяй сейчас дверь, мерзавец, и предупреди дальнейшие преступления. Скорей отворяй! Из-за твоего промедления, может быть, честный человек погиб!

XVI. Послы Отечества

Во время прохождения по залам и гостиным замка толпа заговорщиков, окружавшая Бенигсена и Зубовых, все убывала, а перед передней императора отстал и Николай Зубов, сказав, что соберет и приведет "этих подлецов". Таким образом в переднюю вошли только Бенигсен, князь Платон Зубов и четверо офицеров. Из дежуривших у дверей спальни служителей-гусар при шуме шагов банды трое скрылись через библиотеку. Остался только один. Он сидел на полу, прислонившись спиной к жарко истопленной печке, и крепко спал..

Вместо того, чтобы вести себя тихо, один из офицеров набросился на спавшего лакея и ударил его набалдашником толстой и короткой трости по голове. Издав громкий вопль, несчастный без чувств упал на пол и из разбитой головы его хлынула кровь.

-- Что вы сделали! -- вскричал Платон Зубов. -- К чему этот шум! Теперь общая тревога разнесется по всем комнатам.

Вдруг дверь распахнулась, и вошел Аргамаков, мертвенно бледный и трепещущий.

-- Идите к императору! Он вас приглашает! -- проговорил Аргамаков, сам, очевидно, не отдавая отчета в произносимых словах.

Увидев поверженного и текущую кровь, Аргамаков всплеснул руками и, кинувшись к нему, стал поднимать.

-- Господа, -- обратился Бенигсен к офицерам, стоявшим как бы в остолбенении. -- Помогите Аргамакову перенести раненого куда-нибудь на диван и окажите ему первую помощь. А мы с князем пойдем к императору, -- и, взяв твердо за руку Зубова, генерал Бенигсен посмотрел ему в глаза, сказав, -- Идем!

пристойное содержание вам гарантируются вашим сыном и государством].

Зубов прочел и стоял молча, опутив глаза.

-- Так вот в чем верноподданнейшая просьба ваша, господа патриоты! -- насмешливо сказал император. -- Они предлагают мне отказаться от престола, потому-де, что я сумасшедший. Они предлагают мне это именем отечества! Они посадят меня на цепь, но будут содержать пристойно! Государство и мой сын гарантируют мне безопасность! Надо думать так же, как и моему отцу. Но у меня два сына -- Александр и Константин. Не мешало бы сенатору Трощинскому обозначить, какой из сыновей мне гарантирует безопасность и покойную квартиру в безумном доме!

-- Государь, надежды отечества покоятся на великом князе Александре!.. -- смиренно сказал Зубов.

-- Так! Но послушай, Платон Александрович, ты ведь все-таки человек умный. Неужели ты не сознаешь, сколь непристойна, нагла, глупа и бессмысленна прочитанная тобой бумага?

Зубов молчал.

-- Молчишь?.. А, презренные! -- распаляясь, вскричал император. -- Неблагодарные рабы! Они меня провозгласили умалишенным. Но где сему доказательства? Потомство оценит мои дела и признает, что благо отечества было единой целью моих неусыпных забот и трудов. Я скажу вам, почему я в ваших глазах безумен. Потому, что всякого честного человека, пожелавшего прекратить ваше беспутство, вы ославите сумасшедшим. С вами надо поступать, как с собаками, но вы хуже собак! Почему вам угоден и нужен Александр? Потому, что вы знаете его двоедушие, его слезливость, его женолюбие. И потому, что он юн и вы надеетесь его развратить, окружить непотребными бабами и через них править! Вы привыкли к женскому правлению, дармоеды, интриганы, лентяи, развратители и губители всякой святыни! Почему вы ополчились на меня? Потому, что я прекратил разврат в гвардии, обуздал роскошь, заставил работать сенаторов, чиновников, хотя не вовсе уничтожил, но ограничил знатно воровство и плутовство по дворцовым подрядам! А, бездельники, моты, развратники! Вы за то меня безумцем славили, что пробудил тунеядцев-гвардейцев из прежнего их дремания и сна, неги и лени, да приучать начал быть до света еще в мундирах, перестать кутаться в шубы и муфты да разъезжать в каретах! Я сказал: послужи да поэкзерцируй в мундирчике одном, да потрудишься, да будь солдат! Восхотел пробудить и сих господ, что жили по деревням своим в праздности и не о службе, а о том только помышляли, как бы им вертопрашить, мотать, буянить да рыскать с собаками! Вот почему я безумный! Именем отечества пришли вы требовать от меня, законного своего монарха, отречения от престола! Но кто вы? Тля гвардейская! Отечество и не знает, что вы на свете суть. Я -- монарх милостию Божию и самодержец! Шайке ли вертопрахов, интриганов и распутников лишить

меня власти! Народ мой любит меня! Говори, кто послал вас? Кто уполномочил?

-- Государь, как мы мыслим, -- мыслят все дворяне, не только в столицах, но и повсеместно в России, -- сказал Зубов. -- Правление ваше для всех стало чрезмерно сурово и нестерпимо. Но если бы ваше величество ограничило свое самовластие некоторыми аристократическими институциями из свободно избранных первенствующего сословия, то благородное дворянство согласилось бы охотно видеть и далее вас на престоле предков, в рассуждении крайней молодости и неопытности великого князя Александра.

-- Дворяне! -- крикнул, топая ногой, император. -- В России тот дворянин, кто со мною говорит и лишь пока он говорит со мною! А народ что скажет, когда отдам себя в руки развращенного сословия дворян?

-- Что может значить голос черни и холопов в вопросах государственных? -- сказал, пожимая плечами, Зубов.

-- А! Народ у вас в крепости. Вы крестьян подданными своими называете. Но они мои подданные, а не ваши. Не даром я повелел и крепостным вашим присягать мне! Это вы мне тоже виной ставите, я знаю! Имея под собою крепостных, вы стали царями и теперь хотите связать монарху руки. Но довольно. Веди остальных сюда! Хочу я посмотреть, кого еще послало мне отечество, и глазами моими убедиться, кто именно сии господа патриоты, столь властно распоряжающиеся короной и судьбами России!

Князь Платон Зубов низко поклонился императору и вышел из кабинета, не оборачиваясь лицом к двери.

XVII. Голгофа

Император подмигнул Бенигсену и разразился хохотом, потирая руки.

-- C'est excellent! -- воскликнул он. -- Какова наглость, а? Пусть пожалуют сюда голубчики. Мы их накроем, как стаю дроздов сетью. Пален там? -- спросил император, указывая на дверь за ковром.

-- Ваше величество, графа Палена там нет, -- угрюмо ответил Бенигсен.

-- Как нет? Что вы говорите? -- встревожился император. -- Но ведь именно условлено было, что он будет там ожидать моего знака? Что помешало ему выполнить мое повеление?

-- Палена нет за этой дверью. Он с батальоном охраняет главный вход замка. За этой дверью никого нет, ваше величество. Но я здесь.

И, говоря это, генерал Бенигсен обнажил шпагу.

-- Измена! Караул, вон! -- закричал император, бросаясь к двери.

Но Бенигсен поднял шпагу и приблизил ее конец к груди императора.

-- О, я погиб! Меня предали! Мне подло изменили! О, Пален! Пален! -- простонал в тоске император.

-- Ваше величество, жизнь ваша в моих руках, -- сказал Бенигсен по-немецки, -- но именно потому она в безопасности. Если только захотите сами спасти себя! Выслушайте меня и оставайтесь спокойно на месте.

Ибо при малейшей вашей попытке двинуться моя шпага пронзит вам сердце. Клянусь Архитектором вселенной!

И Бенигсен начертал знак в воздухе концом своей шпаги. Император в ужасе отступил, уставя взор на конец шпаги.

-- Император Павел Первый! -- торжественно сказал Бенигсен, -- почему отступаешь ты в ужасе пред священным знаком, мною начертанным? Или ты вспоминаешь клятвы юности, принесенные тобою в священном собрании строителей храмины блаженства человеческого? Воззри на изображения сего ковра и приведи на память твои поступки. Исполнил ли ты клятвы, тобою принесенные!

-- Проклятие вам, демоны и человекоубийцы! -- вскричал император. -- Проклятие вам, лжецы и лицемеры, губители царей и народов! Вы, завлекающие неопытных, развратители невинных, слуги тьмы, одевающиеся в облачения ангелов света! Да поразит вас небесная молния! Ко мне, Иисусе! Иисусе! -- возопил, ломая руки, император. -- Ты, чьи святые Страсти я носил на себе! Спаси, спаси своего помазанника!

-- Напрасно призываешь Галилеянина, он тебе не поможет, -- с адской усмешкой сказал Бенигсен. -- Император Павел Первый! Я прислан свершить приговор над тобою. Но еще могу спасти тебя. Есть средство к тому. Подпиши сейчас бумагу, которую дам тебе.

-- Бумагу? Какую? Что еще требуют они от меня?

-- Ваше величество, -- меняя тон и обращение, сказал Бенигсен, -- подпишите мир с Англией, восстановление торговых договоров, уничтожение эмбарго, наложенного на английские товары, отказ от острова Мальты и от права держать флот свой в Средиземном море, отозвание войск, идущих походом для соединения с войсками Наполеона Бонапарта и нападения на индийские владения Британии, отказ от союза с нейтральными морскими державами и вступление Российской империи в коалицию держав против Франции. Пошлите сейчас вернуть курьера, вами сегодня посланного с распоряжениями о занятии Ганновера. И вы будете спасены. И будете спокойно царствовать. Я проведу вас к Палену, а вся шайка продажных мерзавцев, изменивших вам, будет арестована. Ваше величество, согласитесь подписать бумагу, ибо, кроме блага человечеству, сие ничего не принесет. Наполеон Бонапарт есть исчадие безбожия и бунта. Можете ли вы, монарх законный, что общее иметь с сим узурпатором? Именем свободы, истины, разума и добродетели умоляю вас согласиться и поспешить исполнить предлагаемое вам требование!

-- Подписать отречение от всех прав, от всего будущего моего народа и моей страны в пользу Англии? Никогда! Клянусь святейшими язвами Спасителя моего, никогда! -- восторженно и с невыразимым величием произнес император. -- Ценою такого предательства не куплю жизни и престола.

-- Умри же, несчастный! -- проскрежетал Бенигсен. -- Вот сейчас войдет к тебе брат-палач и шайка пьяных убийц!

-- Гнусный предатель, -- сказал император, -- или ты думаешь, что я боюсь смерти и дорожу сею юдолью скорби и плача! С юных лет испытал я единую токмо горечь, всюду видел низость и змеиную измену. Я познал людей и всю черноту их сердец. И без сожаления покину землю. Но ужасно думать мне, что невинная кровь моя падет на народ мой, что он искупит ее великими страданиями! Кровь рождает кровь. Я принял престол мой оскверненным и окровавленным, и сын мой, -- о, горе! восставший против родного отца! -- взойдет на этот престол, обагрив его отцовской кровью. Отцеубийство! Цареубийство! О, ужас! О, мрак ночи смертной! Я вижу Россию опустошенной, завоеванной, разделенной! Я вижу Россию в огне пожаров, загроможденную ужасно истерзанными телами мужей, жен и детей! Я вижу... Боже, скрой от меня грядущее! Затми мне ум!

Тут донесся гул шагов многих людей, приближавшихся к спальне.

-- Кончено. Я уже не могу спасти вас. Молитесь, ваше величество, -- вложив шпагу в ножны, сказал генерал Бенигсен.

Тогда император Павел Первый, самодержец всероссийский, поднял очи и произнес нижеследующее:

-- Боже духов и всякие плоти! Ты, предающий меня на смерть, покажи народу моему невинности мою и правду! Боже миров, если Ты есть, обличи клеветников моих! Восстанови светлую память обо мне в стране моей. Боже, прости сына моего и не вмени народу моему преступление его и невинную кровь мою!

Тут с шумом вошли в спальню убийцы и впереди их граф Николай Зубов. Наклонив безобразную голову на бычьей шее и голиафовом туловище, с налившимся кровью лицом, как мясник, шел он на убийство, пьяный не столько от множества поглощенной им водки, пунша и вина, сколько от годами скопленной злобы и ненависти.

Подойдя к императору Павлу, он размахнулся и кулаком, в котором зажата была выставленная углом большая, жалованная, золотая табакерка, со всего плеча нанес удар в висок императору.

Сраженный ударом, император упал, захрипел, и кровавая пена клубом забила из уст его.

-- Тащите его на кровать! Тащите на кровать! -- закричал князь Яшвиль.

Множество рук протянулось и вцепилось в маленькое тело императора. Они потащили и понесли его вглубь покоя и, положив на узкую походную кровать, все столпились над ним.

Тогда генерал Бенигсен задернул тяжелую занавесь в арке, так что там стало совершенно темно.

Повернувшись затем к стене, Бенигсен заложил руки за спину и стал рассматривать висевшие пейзажи.

За занавесью сначала слышались проклятия, ругательства и почти звериное рычание, слышалась возня, глухие удары по мягкому и вдруг на несколько мгновений сделалась полная тишина.

Бенигсен сложил руки, как делают лютеране, когда молятся, и благоговейно прошептал немецкую молитву.

Вдруг рванули занавесь. Гвардейцы один за другим выходили, растрепанные с воспламененными лицами, дико блуждающими глазами.

-- Мы с ним покончили! -- с ужасной усмешкой сказал поручик Измайловского полка Скарятин. -- Не будет нас больше мучить на вахтпарадах!

XVIII. Что скажет Александр?

Часть офицеров не решилась войти в кабинет императора. Они дожидались развязки в прихожей и библиотеке. Между ними находился и Аргамаков.

Вдруг граф Николай Зубов, князь Яшвиль и еще некоторые шумно вышли. Было около часа ночи.

Теперь, когда все было кончено, буйная радость охватила цареубийц. Нервное возбуждение, дошедшее до высшей степени, сменилось расслаблением рассудка, винные пары вновь ими овладели. Шатаясь, ухмыляющиеся, они ликовали. Тот, чью грозу над собой имели они четыре года, не существовал. И они чувствовали себя победителями, царями. Им казалось, что судьбы империи теперь в их руках.

-- Ну, мы с ним покончили! -- показывая руками, сказал Скарятин. *Il est achevé!*.. -- И вся ватага прошла шумно дальше. Услышавшие это известие офицеры молчали, пораженные ужасом.

Вслед за первой бандой в прихожую поспешно вышли генерал Бенигсен, князь Платон Зубов и все остальные.

-- Господа офицеры! -- громко объявил Бенигсен, -- волей Божию император Павел Первый сию минуту скончался от апоплексического удара. Прошу вас поспешить известить о сем генерала графа Палена и генерала Талызина. Должно приставить караул к обеим дверям спальни покойного монарха и немедленно пригласить во дворец для осмотра тела и составления надлежащего акта лейб-медиков баронета Виллие, Греше, Роджерсона и Бека.

Несколько офицеров поспешно кинулись к Палену и Талыzinу.

Извещенные о совершившемся, Пален и Талызин сошлись с Бенигсеном и Платоном Зубовым посреди одной из парадных комнат императорских апартаментов.

Талызин почти бежал и едва поравнялся с Бенигсеном, вскричал:

-- О, гнусное, зверское преступление! Что я скажу Александру! О, что я скажу Александру!

-- Генерал! -- сказал Бенигсен, -- все очевидцы события твердят, что я не принимал участия в печальной кончине государя. Я находился в смежной комнате, и, конечно, я не согласился бы войти и в нее, если бы знал, чем кончится наша попытка мирно отстранить от власти несчастного, безумие которого уже стало кровожадным. Мне нечего краснеть за то участие, которое я принимал в сей революции. Не я составлял план ее. Я даже не принадлежал к числу тех, кто хранил эту тайну. Это вам, генерал, очень хорошо известно, потому что вы присутствовали при том, как князь

Платон Александрович сегодня за три часа всего до события посвятил меня в тайну. Итак, я не был извещен о революции до самого момента осуществления переворота, когда все уже было условлено и решено. И я даже спрашивал, прилично ли мне, иностранцу и ганноверцу, в рассуждении того, что на троне Англии король из ганноверского дома, вступать в сие патриотическое русское предприятие, дабы не подать повода к нареканиям.

-- Я не обвиняю лично вас, Бенигсен, -- отвечал Талызин, молча слушавший эту речь, с выражением глубочайшего отчаяния и подавленности. -- Но вся душа моя возмущается против зверской расправы с несчастным больным! Клянусь, никогда бы не принял я участия в этом заговоре, если бы ожидал такой кровавой развязки! Решено было только арестовать императора, перевезти в крепость, где и потребовать подписания отречения от престола. А что же сделали! Несчастный великий князь! Что мы скажем ему? С какими лицами к нему явимся? Мы обагрили ступени трона кровью родного отца его, и он должен перешагнуть через эту кровь! Мы -- цареубийцы. И мы сделали несчастного неопытного юношу, доверившегося нам, отцеубийцей!

-- Ужасно! О, ужасно! -- повторил Талызин, закрывая лицо руками.

-- Великий князь никоим образом не причастен к сей прискорбной случайности, -- сказал князь Платон Зубов. -- И мы можем свидетельствовать пред ним, что несчастный родитель его был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции, которая являлась необходимой.

-- Идя на такое дело, надо было ожидать всего, -- сказал Пален. -- Революции совершаются не так, как заря, с церемонией или вахтпарад в экзерциргаузе. Что произошло, то произошло. "И сами боги не могут совершившееся сделать несовершившимся", -- говорили древние. Мы избавились от тирана и безумца. Мы явились освободителями отечества от самовластия кровожадного помешанного. Этим все сказано. Будем ли мы охать и ахать над трупом того, кто безжалостно истязал нас и всю Россию четыре года?

-- Голос крови несчастного вопиет к небу! -- вскричал Талызин. -- Совесть потрясается и возмущается чудовищностью совершенного злодеяния!..

-- Что же, вы хотели бы вернуться к прежнему царствованию? Ну, и дождались бы того, что вся императорская фамилия была бы ввержена в крепость, а сами бы вы отправились в ссылку, в Сибирь!

-- Но Александр! Что мы скажем Александру? -- в отчаянии повторял Талызин.

-- Александр поплачет и утешится, -- сказал Пален с цинической усмешкой. *Pour manger une omelette il faut commencer par casser les oeufs!* А когда эта "omelette" -- власть над многомиллионной величайшей империей, то грусть по родителю скоро уляжется!

-- Вы по себе судите о всех, -- с отвращением сказал Талызин, -- не все способны на подлость. Я знаю чистое, великодушное сердце юного Александра! Он не перенесет этого удара!

-- Я не белоручка, правда, -- сказал Пален. -- К тому же государственная необходимость часто требует сильных средств. Что же касается подлостей, то я не знаю, кто на что способен, а только мы вместе с вами, генерал, охраняли дворец, когда князь Платон Александрович беседовал с покойным властителем.

-- Покойный! Ух, гора с плеч! -- громко и радостно сказал один из офицеров, не бывший в кабинете. -- Только вслушайтесь в это слово -- "покойный"! Даже все как-то не верится! Все жду, что вот он войдет и раздастся его сиповатый голос! Нет, царство небесное императору Павлу Первому, -- перекрестившись, заключил офицер, -- но да будет же он и последний, и да избавит нас Бог от второго такого.

-- Amen! -- сказал Пален. -- Но долго ли мы будем тратить драгоценное время на пустые разглагольствования? Надо обсудить, как нам теперь быть. Я полагаю, что без обуздания самовластия какою-либо конституцией невозможно обойтись. Не взяв записи с Александра, мы сделаем только половину дела.

-- Конституция! Конституция! -- закричали офицеры.

-- набросок сенатора Трощинского, -- сказал князь Платон Зубов, -- в коем он излагает план аристократических институций и политических вольностей благородного дворянства, имеется при мне.

-- Да почему Александр нами должен править? И почему вообще такое предпочтение одному семейству этих немцев? -- крикнул полковник Бибилов Измайловского полка, пользовавшийся репутацией превосходного офицера и хорошо принятый в самых знатных семьях столицы. -- Восстановим древнее народоправие!

-- Нет, конституцию! Конституцию! -- закричали другие.

-- Этого я не допущу! -- вдруг решительно сказал Талызин. Пользуясь юностью и неопытностью монарха, пред глазами которого поставили ужас кровавой расправы с его отцом, которого запятнали мнимым соучастием в сем злодеянии, вы хотите связать его волю и править Россией, как вам заблагорассудится! Нет, этого не будет! Я сейчас иду к Александру, уведомя его обо всем происшедшем и употреблю все мое влияние, чтобы он не связывал себя никакими обязательствами и оставался самодержцем, доколе не уничтожит в России рабство, не освободит миллионы крестьян от крепостной зависимости и тогда свободному народу, по сердцу бабки своей, даст свободные, истинно народные учреждения.

И Талызин поспешно пошел к великому князю.

Все промолчали.

-- Надо идти вслед за ним и предупредить! -- сказал наконец Зубов.

-- Оставьте его, -- возразил Пален. -- Являться первым с таким известием не особенно благодарная роль. Пусть этот осел подготовит Александра. А самодержцем он никогда не будет. Я держу его в руках. Я

могу возвести на престол и низвести кого мне угодно. Но мне надоел этот дурак Талызин. Не мешало бы его убрать.

-- Да, но как это сделать? -- задумчиво сказал князь Платон Зубов.

-- Я его знаю и сумею забрать в замшевые руки, -- отвечал Пален. -- На днях я устрою обед для совещания и объединения всех нас, освободителей России. Я устрою так, что он не откажется, придет. А тогда, -- с ужасающей гримасой заключил Пален, -- мы угостим его винцом, от которого у него кишки выйдут через горло. Но это, конечно, между нами, господа?

-- Я решительно протестую против этого нового преступления, -- возмутился полковник Бибиков.

-- О, я пошутил, полковник! Я только пошутил! -- сказал граф Пален. -- Неужели вы считаете меня способным на такие дела?!..

XIX. Междуцарствие

Пален и Бенигсен медленно и торжественно направились в апартаменты великого князя Александра Павловича.

Князь Платон Зубов пошел туда же, но другим путем -- со стороны покоев Елизаветы.

У дверей залы антиков, через которую надо было пройти Зубову, стояли часовые. Они не остановили Зубова, но при виде его вдруг почему-то стали дрожать всем телом.

Он прошел мимо и вступил в залу, где статуи белели толпой призраков и при сиянии взошедшей луны, лившей в окна свет, казались оживленными и двигающимися.

Жуткое чувство охватило здесь и Зубова. Навстречу ему вдруг пробежали два истопника. Лица их выражали ужас. Переговариваясь и оглядываясь, как будто за ними была погоня, они пробежали, толкнув Зубова и даже не заметив его.

Зубов миновал залу, вступил в великолепную, но совершенно необитаемую, дышавшую холодом и сырой плесенью парадную спальню великой княгини Елизаветы, прошел уборную и прихожую и вошел в обитаемые покои -- именно в кабинет Елизаветы Алексеевны. Она не раздевалась и не ложилась в эту ночь так же, как и ее супруг. Александр просил ее об этом.

Посвященная во многие тайны, Елизавета Алексеевна не знала, однако, что именно произойдет в эту ночь. Угнетенное состояние Александра, на все ее расспросы отвечавшего тяжкими вздохами и неопределенными фразами, довело беспокойство Елизаветы до высочайшей степени, тем более, что супруг ее находился под домашним арестом. При нем был адъютант его, князь Волконский. Оба сидели в прихожей кабинета, за несколько покоев от великой княгини. За последние часы Елизавета раза два входила к супругу. Она заставляла обоих дремлющими в креслах. Это показывало ей, что оба чего-то ожидают.

Чтобы успокоить себя и провести время, Елизавета села к пяльцам. Работа отвлекла ее мысли далеко к предметам, чуждым действительности, ее окружавшей. В глубокой тишине она замечталась в то время, как ее прекрасные, искусные пальцы создавали изящные арабески художественного вышивания.

Вдруг шаги в соседней, озаренной только лунным светом комнате заставили ее вздрогнуть и поднять прелестную головку. В дверях обрисовалась фигура князя Платона Зубова.

-- Императрица! -- преклонив в дверях колено, сказал Зубов.

-- Князь Платон Александрович! Что нужно вам? Что говорите вы такое? -- поднимаясь, сказала Елизавета.

-- Императрица! -- театрально повторил князь Зубов. -- Раб и верноподданный у ног ваших!

Елизавета, как испуганная лань, отбежала вглубь покоя и безмолвно, расширенными глазами смотрела оттуда на коленопреклоненного Зубова.

Он поднялся и подвинулся с глубочайшим поклоном на три шага к ней.

-- Что это значит? -- проговорила, наконец, Елизавета.

-- Императора Павла нет более на свете, -- отвечал Зубов.

-- Император умер! -- простирая руки, словно защищаясь от дохнувшего на нее ужаса, вскричала Елизавета Алексеевна.

-- Император Павел волею Божию сейчас скончался от апоплексического удара! -- сказал Зубов.

-- Император Павел умер! -- потерянно повторила Елизавета.

-- Ваше императорское величество... -- начал Зубов.

-- Я вас прошу не называть меня так, -- громко прошептала Елизавета. -- Но если император скончался, то значит... О, ужасные подозрения! О, несчастный Александр! Его родитель убит и если Александр примет теперь корону, то станет соучастником ужасного злодейства!

-- Несчастливая случайность, каковая всегда возможна при переворотах, лишила жизни монарха, явное безумие и невыносимый произвол самовластия коего объединили всех честных патриотов в стремлении освободить, наконец, отечество от царства ужаса! -- сказал Зубов. -- Но могу уверить вас, государыня, что в планы руководителей сей революции не входило насилие над личностью императора Павла. Давно накопленная ненависть к тирану, его явное нежелание удовлетворить предъявленным требованиям, оскорбления и ругательства, которыми он встретил вошедших патриотов, случайно погасшая свеча и последовавший мрак, -- вот причины, что дни императора пресеклись. А если попросту и кратко сказать, матушка: дурак наш вздумал драться, мы его и порешили.

-- Ужасно! Ужасно! -- закрыв руками лицо и вся вздрагивая, повторяла Елизавета.

-- Успокойтесь, государыня! Помните, что вам грозила крепость и, быть может, тайная гибель в стенах каземата, если бы умалишенный император был жив!

-- Но предполагалось только отрешение от престола! Предполагалось регентство! Что же будет теперь? Я знаю чистое, прекрасное, ангельское

сердце Александра. Я знаю, что невозможно будет ему принять корону после этого. Знали и вы, что он откажется, дабы и тени соучастия его не было. Жажда власти заставила вас убить законного своего государя. Вы царствовали при Екатерине. Вы желаете царствовать вновь. Вот почему вы залили ступени трона кровью! Скажите, если, как я в этом уверена, зная Александра, зная, сколько раз он рвался сокрыться в частной жизни мирного гражданина от тягостей сана даже великого князя, от наружного ложного блеска и тайных терний, если он откажется, кого вы готовились возвести на трон?

-- Вас, всемилостивейшая государыня! -- вновь преклонив колена, сказал Зубов.

Казалось, Елизавета онемела от удивления, услышав слова Зубова.

-- Какая наглость! Какая непостижимая наглость! -- только прошептала она.

-- Для вас, для вас одной совершен мною этот переворот! -- продолжал Зубов, поднимаясь и прикладывая руку к сердцу, как итальянский певец на подмостках, играющий влюбленного. -- Для вас одной я попрал божеские и человеческие законы! И в сию минуту престол празден. Вы сами сказали, что Александр откажется. Почему же не быть императрицею вам? Все обожают вас, как прелестнейшее создание! Вы одарите Россию кротким правлением. А Россия привыкла к тому, что скипетр держит женская рука. Вы напомнили мудрую монархиню, мою благодетельницу. Но вы знаете, я не скрывал от вас еще при жизни монархини, чей образ наполняет мое сердце. Я не изменился в своих чувствах. Вы обвиняете меня в желании власти. Но я раб ваш!.. Или вам кажется невыполнимым то, что я предлагаю вам? После того, что совершилось в эту ночь, может ли быть что-либо почитаемо невозможным в России? А вспомните, что творилось у нас по смерти Петра Великого, когда Меньшиков с несколькими гренадерами выломал двери той залы, где главные государственные сановники совещались об избрании преемника, с обнаженною саблей провозгласил императрицей Екатерину Савронскую, вышедшую из черни и преданную ему совершенно еще с тех пор, как она была в его доме служанкою и наложницею его гостей. А Елизавета Петровна? Ей стоило только войти во дворец и, взяв из колыбели императора Иоанна, отдать его в руки гренадер, чтобы объявить себя царствующею! А сама великая Екатерина, моя благодетельница! Два гвардейских офицера, братья Орловы, в двое суток делают совершенный в правлении переворот, которому безмолвно покоряется все пространнейшее в мире государство без малейшего кровопролития. Вот примеры! В сей миг власть валяется на земле. Первый, кто ее поднимет, и будет править. Возьмите же ее! Скажите только одно слово, а я уже все устрою! Я ручаюсь вам за гвардию!

-- Нет пределов дерзости этого человека! -- содрогаясь, прошептала Елизавета. -- С окровавленными руками, цареубийца, он входит ко мне и что он мне предлагает? О, он даже осмелился мне напомнить свои ухаживания, на которые дерзал, даже не скрываясь от престарелой своей

госпожи! -- и вдруг, собравшись с силами, Елизавета топнула ногой и, пронзительно крикнув "Выйди вон, лакей!" -- бросилась к двери, ведшей в покои Александра.

-- Вам угодно отвергнуть мое предложение. Это, конечно, ваше дело, -- злобно и нагло поспешил сказать Зубов. -- Хотя прошу не забывать, что эта ночь еще не кончилась! Пока еще власть в наших руках, освободителей отечества. Возможно провозгласить и республику. Что касается вашего пренебрежения к моей личности, то, кажется, тот, кого избрала и любила Екатерина, более достоин внимания, чем полячок, который у меня же в приемной с братом пороги по целым месяцам обивал, когда отыскивал свои конфискованные имения.

В эту минуту поспешные шаги раздались в покоях, ведших к кабинету Александра. И вдруг он сам вбежал, заливаясь слезами, ломая руки и восклицая:

-- Мой отец! Мой бедный отец!

-- Плачь со мною, дорогая! -- продолжал Александр, подбегая к супруге и взяв ее за руки. -- Плачь! -- повторял он. -- Богу угодно было поразить нас ужасным испытанием! -- поднимая глаза, буквально лившие слезы струями, с бурными вздохами, говорил Александр. -- Моего несчастного отца более нет! Платон Александрович, и вы здесь! Как это случилось? Как могло это случиться?.. Ах, раздражительность, запальчивость характера развились в отце наконец до припадков, ослепляющих его неудержимыми порывами! Раздражительность его характера привела к этому несчастью... Пойдем ко мне, дорогая! Там генерал Талызин. Он не был при последних минутах родителя. Он в отчаянии! Платон Александрович, идите с нами!

И, обняв одной рукой Елизавету Алексеевну, согбенный горестью, все вздыхая и проливая слезы, Александр пошел в свои покои.

Платон Зубов с соболезнующей миной последовал за ними.

XX. Цесаревич Константин

Выслушав известие о кончине императора, Аргамаков поспешил незаметно проскользнуть на половину цесаревича Константина. В прихожей дремал его фельдъегерь и на торопливый вопрос Аргамакова, был ли полчаса тому назад у цесаревича граф Кутайсов, отвечал, что не был.

-- Цесаревич спит, -- сказал фельдъегерь.

-- Разбудите его немедленно, потому что государь внезапно тяжело заболел, -- сказал Аргамаков.

Едва он сказал это и фельдъегерь взгляделся в его бледное лицо, как сам стал дрожать и сейчас же бросился в спальню великого князя Константина и разбудил его.

Покои цесаревича были тесны и малы, и Аргамаков слышал его удивительно похожий на отцовский хриплый и недовольный голос:

-- Что там еще? Тревога? И поспать не дадут! Адъютант императора?! Ну, пусть войдет сюда.

Аргамаков позван был в спальню фельдъегерем. Цесаревич сидел на кровати с опухшим от сна лицом.

-- Что случилось?

-- Ваше высочество, несчастье, сказал Аргамаков. -- С государем худо, очень худо!

-- Ну?!..

-- Государь сейчас скончался.

-- Что ты говоришь! Батюшка скончался! Да видел ли ты его тело? -- спрашивал цесаревич.

-- Я не был при кончине государя, -- отвечал Аргамаков, -- не мог видеть и тела его, так как граф Пален и Бенигсен приставили караулы к обеим дверям.

-- Караулы?! -- переспросил цесаревич.

-- Так точно, караулы.

-- Пален и Бенигсен, говоришь ты? Так это переворот!

-- Да, ваше величество, это переворот.

-- Несчастный отец! -- сказал горестно цесаревич. -- Ты знаешь, что я много от него терпел. Я больше его страшился, нежели любил. Однако, если бы все знать, не пожалел жизни своей защитить его.

-- Я употребил все старания, чтобы спасти государя, но не успел в том, -- сказал Аргамаков. -- Также послал я к вам графа Кутайсова предупредить.

-- У меня никого, брат, не было. И я ничего точно не знал. В этой каше, что они заварили там, я -- сторона.

-- Подлец Кутайсов предпочел сам спастись, как, крыса с тонущего корабля, -- сказал Аргамаков. -- Но должно вашему высочеству принять меры.

-- Какие же меры? Пусть они там сами и расхлебывают, что заварили, а меня оставят в покое.

-- Ничего нельзя знать наперед. Заговорщики опьянены и вином, и успехом предприятия. Ходят теперь царями и говорят, что возведут на трон того, кого захотят. Предполагали поступить с родителем вашим, как поступили недавно с английским королем, а ранее с датским: там при оказавшейся в них болезни отставили мирно от трона для лечения на покое и назначили регентство. Так и наши хотели. А вышло другое. Кто же поручится, что и дальше не будет такой суматохи!..

-- Что же ты советуешь, братец? -- угрюмо спросил цесаревич. -- Брату гвардия присягала при восшествии на трон родителя. Я же только по званию цесаревич. Значит, меня не тронут.

-- Ничего знать наверное нельзя. Иные мыслят возвести императрицу, матушку вашу. А кричали и о республике.

-- Друг мой, -- горячо сказал Константин, -- после того, что случилось, пусть мой брат царствует, если хочет, или матушка, или кто хочет. Но

если бы сей окровавленный Трон предложили мне, то я наверное отрекся бы от него!

-- А все же меры примите, -- настаивал Аргамаков.

-- Что же ты советуешь? -- опять спросил цесаревич.

-- Напишите записку и пошлите с вашим фельдъегерем Саблукову, чтобы вел конногвардейцев к замку, -- сказал Аргамаков. -- Я знаю, что Преображенский батальон в сомнении. Поручик Марин еле унял роптание.

-- Гвардия меня терпеть не может, братец, -- сказал Константин. -- И я такой записки без крайности не пошлю. А пока вот что напишу... Подай перо и бумаги.

Аргамаков взял со стола и подал. В сильном волнении цесаревич беспорядочно, набросал следующие строки:

"Как можно скорее соберите полк, верхом и в полном вооружении, но без пожитков; ждите моих дальнейших распоряжений. Цесаревич Константин".

-- Позови моего фельдъегеря! -- приказал великий князь.

Аргамаков позвал. Цесаревич сказал ему:

-- Вот, братец, возьми ты сию записку и спрячь за обшлаг. А вот Аргамаков тебя выведет из замка какими сам ведает путями. И беги ты к Саблукову, передай ему записку, а на словах прибавь, что его высочество велели, мол, сказать вам, что дворец окружен войсками, и что вы должны приказать хорошенько зарядить ружья и пистолеты. Ступайте!

Оставшись один, двадцатилетний юноша-цесаревич погрузился, сидя на кровати, в угрюмые размышления, не считая нужным идти в спальню супруги и будить ее. С великой княгиней Анной он был в сварливых и неприятных отношениях, в особенности после того, как во время ее мигрени, желая досадить ей, позвал в соседнюю комнату двух барабанщиков и приказал им бить тревогу. Теряясь в печальных мыслях, цесаревич вдруг услышал шаги и громкие голоса.

-- Они идут, -- подумал в страхе юноша и, прикрывшись одеялом, притворился спящим.

Платон Зубов с пьяным, наглым лицом шумно вошел в комнату великого князя и, грубо дернув одеяло, сказал дерзким тоном:

-- Вставайте и ступайте к императору Александру. Он ожидает вас.

Цесаревич открыл глаза, делая вид, что только лишь проснулся и ничего не понимает.

Платон, зазнавшийся и пьяный, сильно дернул цесаревича за руку, чтобы заставить его встать.

Цесаревич молча надел брюки, сюртук и сапоги, и пристегнув польскую саблю, которую получил в подарок в Ковне от князя Любомирского, посмотрел вопросительно на Зубова.

Цареубийца оскалился, и без всяких объяснений взял великого князя за рукав и повел в покои Александра Павловича. Там в прихожей цесаревич увидел толпу шумных, возбужденных офицеров, пьяных от вина и успеха.

Уваров, пьяный, как и прочие, сидел на мраморном столе и болтал ногами.

Константин вошел в гостиную брата.

Александр лежал ничком на диване, обливаясь слезами и оглашая комнату громкими вздохами, Елизавета, как мраморная статуя античной богини, стояла возле него бледная, безмолвная и держала его руку в своих. В стороне сидел с мрачным лицом генерал Талызин.

-- Милый брат! -- обращая заплаканное лицо к вошедшему цесаревичу, сказал Александр. -- Какое ужасное испытание посылает нам Промысел!

И опять укрыв лицо в диванной подушке.

Елизавета оставила его руку и, подойдя к Константину, преклонила молча, с невыразимым красноречием скорби чело свое к груди потрясенного юноши.

Вдруг двери широко распахнулись. Тяжелым, торжественным шагом, высоко подняв голову, вошел граф Пален и с ним Бенигсен.

Подойдя к лежащему Александру, военный губернатор коснулся его плеча и сказал:

-- C'est assez faire l'enfant; allez régner! [*Довольно строить из себя ребенка, начинайте царствовать!*]

-- Чего от меня хотят? -- вскричал Александр, задрожав всем телом от прикосновения Палена, и, приподнявшись, сел на диван. -- Оставьте меня с моим горем! Делайте, что хотите! -- продолжал он.

-- Venez vous montrer aux gardes! [*Подите покажитесь гвардии!*] -- строго настаивал Пален.

-- Что я им скажу?! Что я могу им сказать!.. -- повторял Александр.

-- Ну, вы им только скажите, что батюшка скончался от апоплексического удара, а при вас все будет, как при бабушке, -- объяснил граф Пален, кривя рот едва заметной улыбкой. -- И они закричат "ура"!

-- Я не могу! Я не в состоянии! Мой отец! Мой бедный отец! -- восклицал Александр.

-- Я убедительнейше прошу вас в таком случае поручить команду всеми войсками дворца генералу Бенигсену, -- сказал граф Пален. -- Мне же поручите известить о всем происшедшем вдовствующую императрицу, матушку вашу.

-- Делайте, что хотите! Делайте, что хотите! -- вновь бросаясь на диван ничком и заливаясь слезами, отвечал Александр.

Два немца молча переглянулись и тем же торжественным тяжелым шагом важно и церемониально вышли из комнаты.

XXI. Ubi est cadaver?

Когда Пален и Бенигсен выходили из покоев Александра, им встретились доктора Виллие, Бек и Роджерсон. Их сопровождали офицер и два гренадера с примкнутыми штыками.

Хирург Семеновского полка баронет Виллие был посвящен в заговор и ожидал по близости дворца приглашения, но лишь затем, как ему было сказано, чтобы сопровождать больного монарха в Гатчину по добровольному его согласию временно удалиться на покой.

Лейб-медик тайный советник Бек ночевал во дворце. Доктора говорили между собой по-латыни. С ними был специалист по бальзамированию и двое гримеров императорской оперы.

-- *Ubi est cadaver?* (Где труп?) -- не кланяясь, сказал только, увидев Палена, доктор Роджерсон.

-- Я прошу вас, Бенигсен, проводить господ докторов в опочивальню усопшего для осмотра императорских останков и составления надлежащего акта, -- сказал граф Пален. -- Император Павел Первый в бозе почил от апоплексического удара, господа, -- обращаясь к докторам, внушительно прибавил Пален.

-- *Ubi est cadaver?* -- повторил с угрюмым равнодушием доктор Роджерсон.

Бенигсен молча повел докторов к спальне императора.

-- Вам не мало будет с ним хлопот, -- шепнул провожавший офицер хирургу Виллие. -- Он весь изуродован.

XXII. Коса и камень

Граф Пален один продолжал путь по пустынным покоям, колоннадам, дышавшим стужей великолепным залам, коридорам и лестницам. Уже белело в окнах; рассвет наполнял дворец желтоватыми сумерками и пепельными тенями. Снаружи доносилось покаркивание просыпающихся ворон и одушевленное чириканье воробьев. Попадавшиеся графу истопники и лакеи, занятые ранней уборкой покоев, отвешивали низкие поклоны. Часовые в разных местах отдавали честь графу. Он шел мерным, грохочущим под гулкими сводами шагом, надменный, огромный, злой, не обращая ни на что внимания. Спустившись в нижнее помещение, он вошел в покои статс-дамы императрицы, графини Шарлотты Карловны Ливен. Перед спальней ее к нему кинулась было камер-юнгфера, но Пален нетерпеливо оттолкнул ее и прямо вошел в спальню старухи, захлопнув за собою с шумом дверь перед изумленной камер-юнгферой и защелкнув ее на ключ.

-- Что такое? Кто это? -- просыпаясь и поднявшись на постели в ночном чепце и кофте, сказала Шарлотта Карловна, однако не проявляя испуга.

-- Графиня, это я, Пален, -- сказал военный губернатор.

-- Что вам надо, граф? -- гневно спросила старуха. -- Как вы смели так ворваться ко мне? Это неприлично!

Она напоминала ночную хищную птицу со своим горбатым носом, пронзительными, круглыми, тонувшими в складках век глазами, с загнутым подбородком, с седыми и, несмотря на сон, порядливо закрученными бровями, с лицом, окруженным кружевами чепца. Голос ее звучал повелительно и резко. Она привыкла и умела властвовать.

-- Чрезвычайные причины заставили меня так войти к вам, -- понизив тон, сказал Пален.

-- Что бы ни произошло, это неприлично. Вы должны подчиняться этикету, -- упрямо повторила старуха, зловеще смотря на Палена из-под чепца. -- Что случилось?

-- Император Павел скончался от апоплексического удара, -- сказал Пален.

Графиня молча продолжала глядеть на Палена, уничтожающе меря с ног до головы военного губернатора.

-- Его убили, -- наконец, проговорила она.

Пален пожал плечами.

-- Ну, да, конечно, -- сказал он нагло. -- Отечество и нация избавились от тирана.

-- Вы есть убийца вашего законного императора и клятвопреступник! -- сказала сурово графиня и подняла руку, как бы призывая небо в свидетели своих слов.

-- Государственная необходимость, польза отечества и единодушное стремление всех честных патриотов побудили покончить с тираном, правящим не как монарх, а как узурпатор, -- сказал граф Пален, начиная подергивать плечами под инквизиторским, пристальным, уничтожающим взглядом властной старухи. -- Павел как монарх законный не был тираном по приобретению власти -- *tyrannus absque titulo*, но по способу ее употребления -- *tyrannus quoad exercitium*. Иоанн Салисбурский говорит: "Истинный государь борется за права и свободу своего народа. Тиран не успокаивается до тех пор, пока он не поперет ногами все законы, а народ не обратит в рабов. Истинный князь есть отражение Бога. Тиран есть образ дьявола. Первого должно любить, уважать, почитать, второго, по большей части, надо убивать". Цицерон в книге "*De officiis*" приветствовал тех, кто убил Юлия Цезаря, поправшего республику. А Фома Аквинский прямо говорит: "Восхваляется и награждается тот, кто умерщвляет тирана ради освобождения своего отечества".

-- Вы есть цареубийца и клятвопреступник! -- упрямо повторила графиня, не спуская взора с Палена, и опять подняла руку к небесам.

Лицо Палена потемнело. Судорога прошла по его щекам. Он подошел к столику, на котором стоял графин с водой, стал наливать и жадно проглатывать стакан за стаканом, утоляя палящую жажду.

-- Мы не обязаны повиноваться царю, -- продолжал он затем, точно заливая свою совесть обилием слов, как заливал водой жажду. -- Мы не обязаны повиноваться тирану, повелевающему против Божия закона. Ибо всякая истинная власть приходит от Бога и согласна с Его волею. Наоборот, мы мятежники, если повинuemся тирану, поправшему правду Божию. *Ergo, non tenemur regi contra legem Dei quid imperanti obedire, verum etiam, si obediamus, rebelles sumus*. Подданные должны всегда повиноваться. Но Кальвин прямо говорит, что именно и обнаруживается Божие милосердие, когда оно избавляет покорные народы от господства тиранов при помощи особо избранных мужей -- братьев свободного духа,

предопределенных мстителей, исполненных ревности Финеесовой и Духа Святого.

-- Выйдите вон, я буду молиться о вашем господине, которого вы убили, -- сказала, складывая руки, графиня.

Пален как бы опомнился и злобно сверкнул глазами.

-- Графиня; помолиться вы еще успеете, -- сказал он повелительно, -- я же пришел к вам именем императора Александра просить вас довести поскорее до сведения императрицы о кончине ее супруга.

-- Именем императора Александра! -- повторила презрительно графиня. -- Давно ли Александр стал императором? И кто провозгласил его?

-- Вся нация, -- отвечал Пален.

-- Александр еще дитя. Давно ли я ему уши драла, -- сказала старуха. -- Какой он император! И кто спрашивал нацию? Кто нуждается в том, чтобы ее спрашивать! Нация! Русские -- рабы и свиньи. Они повинуются палке и железной руке.

-- В сию минуту синод, сенат и весь генералитет уже собираются в Зимнем дворце и только ждут прибытия Александра, вдовствующей императрицы и прочих членов императорского дома и удостоверения в кончине Павла, чтобы присягнуть его законному наследнику.

-- Вы клялись Александру сохранить жизнь императору Павлу, только низложить его и учредить регентство. Вы клятвopеступник. Государственные чины тоже ожидают регентства.

-- А, вы знаете, что я клялся Александру. Но вольно же ему было требовать с меня такую явно неисполнимую клятву! Клялись мои уста. Сердце мое свободно от клятвы, ибо в уме я прибавил оговорку.

-- Несчастливая императрица! Несчастный Александр! Бедный мальчик! Что-то переживает он? -- поддаваясь смягчающему влиянию скорби, сказала старуха. -- Вы не смели проливать кровь его отца!

-- А вы думали, что революции совершаются на честное слово! Ха-ха! -- свирепо осклабился Пален.

-- Государственные чины предполагали регентство, а не царубийство, -- сказала с отвращением графиня.

-- О, им не в первый раз! Они спокойно перешагнут и через эту кровь. Провидение показывает явное милосердие России и русскому народу, чисто и быстро чрез предопределенных мужей истребляя тиранов нации. Революция, лишившая империи Иоанна VI, окончилась через четыре часа! Революция, жертвой которой пал Петр III, продолжалась 24 часа! Эта революция, в которой погиб Павел, длится уже три часа. Чем скорее мы ее кончим, тем лучше. Вставайте, графиня! Идите к императрице и возвестите ей волю императора Александра -- немедленно ехать в Зимний дворец для принесения ему присяги.

-- Я знаю, Пален, что в груди вашей сердце тигра, -- сказала старуха, без церемонии откидывая одеяло и сходя с постели, в ночном туалете. -- Вы смелый, отчаянный разбойник! Но и я не сахарная и знаю свои

обязанности. Александр родился еще тогда, когда бедный Павел Петрович был всего только великим князем.

Говоря это, старуха надевала верхнюю юбку на теплую байковую, в которой спала, плисовые сапоги и бархатную телогрейку с шифром.

-- Что вы этим хотите сказать, графиня? -- спросил Пален, вновь принявшийся за графин с водой.

-- То, что истинный отпрыск крови императорской, истинный наследник есть малолетний князь Михаил, первый в России родившийся от императора со времени провозглашения таковым Петра Великого, потому что он имеет по времени рождения уже по коронованию и помазании его отца высшие права на трон, чем трое других великих князей, которые были только сыновья великого князя.

["Le 28 janvier naquit le grand due Michel. Ce fut un grand événement à la cour parce que c'était le premier fils de l'Empereur, fils d'empereur, qui naquit en Russie et que les discussions à ce sujet furent sans nombre. Je me souviens distinctement d'une personne qui demanda si, en sa qualité de fils d'empereur, le nouveau-né n'avait pas des droits autrône fort supérieurs à ceux des trois princes, ses frères aines qui n'étaient que fils de grand due et que la galerie fut partagée dans ses avis".

Comte Fédor Golovkine. La cour et le regne de Paul I Paris, 1905, p. 168.]

Объясняя это, графиня заменила ночной чепец парадным током, взяла натуральную вязовую клюку и обеими руками уперлась на нее, все не спуская глаз с Палена.

-- Но Александру, как наследнику престола, присягала гвардия при воцарении его отца. Наконец, изданный покойным императором закон о престолонаследии...

-- Александр, как все же замешанный в убийстве отца, благодаря вашему клятвопреступлению, Пален, да! -- кивая зловеще головой, говорила старуха. -- Александр не решится принять корону и занять окровавленный трон. Он устрашится тени отца, которая будет тогда преследовать его. Что делает Александр?

-- Лежит на диване у себя и плачет. Однако не выказал даже никакого желания видеть останки родителя. И... вы плохо знаете этого юношу, графиня! -- заключил Палец.

Но он говорил теперь совсем уже иначе, почтительно склоняя высокий свой стан перед старухой, которая с клюкой своей казалась волшебницей, распоряжающейся судьбами императорского семейства.

-- Вы не знаете Александра! -- повторил он.

-- Я Александра за уши драла, -- сказала опять старуха. -- Должно быть регентство и вдовствующая императрица регентшей, -- решила она и пожевала губами, усиленно соображая.

-- Что же, и эта комбинация недурна. Я не возражаю, -- с ужимкой сказал Пален.

-- Я вас знаю. Вам бы только сохранить власть, -- сказала старуха.

-- Странно было бы мне теперь уничтожиться, если я умел служить при таком государе, как покойный! Я похож вообще на те фигурки, которые каждый раз поднимаются на ноги, сколько их ни роняй.

-- Вы бы и сами не прочь поцарствовать. Пален, а? -- подозрительно спросила старуха.

Пален засмеялся, не раскрывая рта.

Un soldat tel que moi peut justement prétendre
A gouverner l'Etat, quand il l'a su détendre.

[Солдат, подобно мне, может справедливо предъявлять права на управление государством, когда он знает, как его защищать.

Вольтер. "Мероп".]

-- продекламировал он.

-- Кто командует войсками дворца? -- спросила старуха.

-- Генерал Бенигсен, -- отвечал Пален.

Они мгновенно молча воззрились друг на друга.

-- Я пойду к императрице, -- сказала графиня Ливен.

-- Вам должно узнать пароль и лозунг. Часовые не пропустят вас без этого, -- сказал граф Пален.

-- Посмотрю я, как это они меня посмеют не пропустить! -- поднимая надменно голову и ударив клюкой об пол, сказала графиня Ливен. -- А как? -- подумав, прибавила она.

-- Золотой овен и... граф Пален! -- запнувшись, сказал граф Пален.

-- Вы дурак, Пален! -- гневно сказала графиня Ливен. -- Отворите мне дверь. С чего это вы ее на ключ заперли? Моя камер-фрейлина может Бог знать что подумать.

Граф Пален поспешил отворить дверь настежь и с низким поклоном пропустил вперед старуху.

Она вышла, стуча клюкой, и быстро направилась в апартаменты императрицы.

Сторожевой пост, расположенный внизу лестницы, скрестил штыки. Графиня властно потребовала пропуска. Штыки опустились. В каждой зале она натыкалась на часовых и все ей безропотно покорялись. В последней зале, которая открывала доступ с одной стороны к апартаментам императрицы, а с другой -- к покоям императора, запрет следовать дальше был выражен безапелляционно -- стража тут была особенно многочисленна и решительна.

-- Как вы смеете меня задерживать? -- грозно крикнула графиня. -- Вы головой за это ответите! Я иду к государыне с докладом и вы не смеете мне мешать в исполнении моих обязанностей!

Дежурный офицер после некоторых колебаний пропустил властную старуху.

XXIII. Императрица не может царствовать

Не прошло и четверти часа после входа графини Ливен к Марии Федоровне, как императрица в невыразимом волнении, в полубезумии, с распущенными волосами, босая и в одной рубашке вскочила с постели и выбежала из спальни с воплем:

-- Я хочу его видеть! Что они с ним сделали? О, что они с ним сделали?!

Поспешавшая за ней, испуганная и недоумевающая графиня Ливен едва успела накинуть на плечи императрицы соболий салоп.

С криками и рыданиями императрица побежала парадными покоем своих апартаментов к спальне супруга.

Дежурный офицер осмелился было коснуться ее руки, убедительно представляя, что он имеет формальное строжайшее приказание решительно никого не пропускать в опочивальню к усопшему.

Императрица рванулась от него с воплем:

-- Прочь, убийца! -- и устремилась вперед.

Старуха Ливен, неодобрительно покачивая головой, пошла вслед за ней.

В прихожей, около запертых дверей опочивальни императора находился пикет семеновцев под командой капитана Александра Волкова. Этот офицер был лично известен императрице и пользовался особым ее покровительством.

Императрица бросилась к дверям, восклицая:

-- Пустите меня! Пустите меня.

Но гренандеры скрестили штыки.

-- Государыня, успокойтесь ради Бога! -- умолял Волков. -- Мы не можем вас пропустить.

-- Волков! Пустите меня! Заклинаю вас всем святым! Пустите! -- повторяла императрица, с безумно блуждающим взором, простирая к нему обнаженные руки. -- Пустите меня к моему милому другу, если только в груди вашей человеческое сердце!

-- Государыня, невозможно! Невозможно, государыня! -- сам теряя голову и ломая руки, повторял Волков.

-- Солдаты! Пустите вашу императрицу! Я умоляю вас на коленях!

И Мария Федоровна встала на колени перед гренандерами, все державшими штыки скрещенными.

Слезы потекли по грубым лицам старых гренандер.

-- Государыня, матушка ты наша! -- рыдающим голосом сказал один из них. -- Понимаем мы горе твое, родимая! Чувствуем мы! Да не приказано нам!

-- Так убивайте же и меня! -- вскричала императрица и грудью надвинулась на штыки, так что гренандеры едва успели принять их.

Но в это время под одну руку ее подхватила подоспевшая Шарлотта Карловна Ливен, а под другую -- извещенный о происшедшем и прибежавший ближайший друг императрицы шталмейстер Сергей Ильич Муханов. Они подняли императрицу, оба убеждая ее успокоиться, Ливен по-немецки, а Муханов по-французски, представляя ей доводы бесполезности ее попытки в данную минуту проникнуть в опочивальню усопшего супруга. Императрица разразилась рыданиями, проливая потоки

слез и, обессиленная, дала себя увести. В соседнем покое императрицу встретили две фрейлины с чулками и туфлями, в которые и поспешили облечь окоченелые ее ножки. Потом они увели императрицу в собственные апартаменты. Муханов поспешил за лейб-медиком Бекком. Вслед за ним, все неодобрительно покачивая головой, вышла и обергофмейстерина Ливен. Им навстречу шел генерал Бенигсен.

-- Что здесь происходит? -- спросил он.

-- Императрица в ужасном состоянии, -- сказал Муханов. -- Она рвется в опочивальню супруга.

-- О, невозможно! Сейчас совершенно невозможно! -- сказал генерал Бенигсен.

-- Позовите хотя бы Бека! Ей необходимо пустить кровь! -- просил Муханов.

-- Доктор Бек с прочими prepares тело к выставлению. Работа очень трудная! Покойный сильно обезображен, -- объяснил Бенигсен. -- Вот почему невозможно допустить императрицу в опочивальню.

-- Ее величество изволили справляться, кто командует дворцовыми войсками -- сказала графиня Ливен, -- и, узнав, что вы, приказывает вам к ней явиться.

-- Я к услугам ее величества! -- отвечал Бенигсен.

-- Как только императрица будет одета, вас позовут, -- сказала сурово статс-дама и величественно удалилась в покои императрицы.

Но, входя в них, старуха, тяжело стучая костылем, пробормотала себе под нос по-немецки:

-- Нет, она не хочет, не может и не должна царствовать!

XXIV. Под арестом

Через полчаса генерал Бенигсен был позван к вдовствующей императрице. Государыня, спокойная и холодная, как мраморная статуя, в глубоком трауре, закутанная черным крепом, сидела в креслах.

По знаку ее графиня и фрейлины удалились.

-- Вам ли поручено командовать здешними войсками? -- спросила императрица.

-- Так точно, ваше императорское величество! -- почтительно отвечал генерал Бенигсен.

-- Значит, я вами арестована? -- спросила, с кротостью поднимая глаза к небу, императрица.

-- Совсем нет. Возможно ли это? -- отвечал Бенигсен.

-- Но кругом караулы!

-- Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять некоторые меры предосторожности для безопасности императорской фамилии.

-- Следовательно, ей угрожает опасность?

-- Здесь никакой. Но можно было ожидать беспорядков вокруг замка. Все обошлось, однако, благополучно. Все спокойно. И все мы находимся здесь, чтобы охранять особу вашего величества!

-- Все спокойно! О, как ужасно это спокойствие! -- прошептала императрица, склоняя голову на поднятую руку. -- А впереди еще жизнь! Жить! После этого жить!

Наступило молчание.

Генерал Бенигсен кашлянул в руку и начал:

-- Император Александр поручил мне...

-- Император! -- вскричала Мария Федоровна, -- Александр -- император! Но кто провозгласил его императором?

-- Голос нации, -- сказал Бенигсен.

-- Как он мог согласиться принять трон? Кровь отца...

-- Благо скорбного отечества заставило великодушного императора подавить сыновние свои чувства, -- прервал слова императрицы Бенигсен важно.

-- Ах, я не признаю его! -- сказала императрица. И, понизив голос, прибавила, -- прежде, чем он не отдаст мне отчета в своем поведении.

-- В настоящую минуту, -- продолжал Бенигсен, -- склонившись на доводы рассудка, подавив скорбь свою, движимый любовью к отечеству, молодой государь наш проявил самоотверженное великодушие. Он явился войскам гвардии, находящимся во дворце, и затем, сев в карету, отправился в Зимний дворец, где уже собрался синод, сенат и генералитет для единодушного провозглашения императором Александра. Кроме того, в Лондон уже послан курьер для возвещения, что новый император прекращает враждебные Англии действия, -- понижая голос, заключил Бенигсен.

-- Но что еще скажут в Берлине! -- как бы про себя сказала императрица.

-- Должно повиноваться обстоятельствам.

-- Что вы мне говорите? Не мне повиноваться.

Императрица встала, взяла Бенигсена за руку и, увлекая к дверям, сказала:

-- Приказываю вам отворить мне опочивальню покойного супруга моего! Я желаю видеть его тело! Я посмотрю, как вы меня слушаетесь!

-- Это невозможно, -- холодно сказал Бенигсен. -- До прибытия императора Александра из Зимнего дворца и выставления тела для общего поклонения я не могу вас допустить в опочивальню покойного. Теперь я даже не могу вас выпустить из этих покоев!

-- Я вам приказываю! -- настаивала императрица.

-- Это невозможно, -- прислонясь к дверям спиной и складывая руки на груди, сказал Бенигсен.

Императрица, шепча что-то по-французски и подняв полные слез глаза к небу, отошла от него и села опять в кресло.

Наступило молчание. Бенигсен отошел от двери.

Хладнокровие Бенигсена начинало раздражать императрицу. Она рвала конец плерезы. Потом опять порывисто встала и, схватив Бенигсена за руку, подвела к двери.

-- Приказываю вам пропустить меня! -- топая ногой, сказала она.

-- Повиноваться вашему величеству не в моей власти. Но желание ваше скоро будет удовлетворено, однако под одним условием, -- почтительнейше ответил Бенигсен.

-- Какое это условие? -- нетерпеливо спросила императрица.

-- Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться, -- с поклоном отвечал Бенигсен.

Это вывело из себя императрицу.

-- Не вам предписывать мне условия! -- сказала она резко. -- Ваше дело повиноваться мне! Я желаю видеть тело моего супруга. Велите сейчас отворить двери опочивальни!

Бенигсен не отвечал. Императрица опять села в кресло.

-- Это невыносимо! Это невыносимо! -- повторяла она. -- О, я заставлю вас в этом раскаяться!

И она грозила Бенигсену пальцем.

Время шло. Вдруг брякнули ружья часовых за дверь. Она широко распахнулась, и вошел граф Пален.

-- Ваше величество желали поклониться телу скоропостижно скончавшегося от апоплексического удара императора, супруга вашего, -- сказал он. -- Теперь это можно. Пожалуйста.

XXV. Дней александровых начало

Императрица призвала графиню Ливен, фрейлину, шталмейстера Муханова и приказала изготвиться к выходу в опочивальню покойного императора.

Явились в траурных белых коленкоровых платьях великие княжны Анна и Екатерина. Они, разразившись рыданиями, бросились на колени перед сидящей императрицей, обнимали ее ноги и целовали руки.

Рыдающая императрица привлекла их в объятия; их слезы и вздохи смешались.

Затем императрица встала и, опершись на руку шталмейстера Сергея Ильича Муханова, медленно двинулась парадными покоем к опочивальне супруга, сопровождаемая великими княжнами, Шарлоттой Карловной, которую вел под руку генерал Бенигсен, фрейлинами и прочими особами свиты.

По пути через залы императрица, обессиленная скорбью, несколько раз садилась отдыхать, восклицая при этом:

-- Gott helfe mir ertragen! [*Боже, помоги мне перенести!*]

Стоявшие у всех дверей часовые отдали честь.

А когда шествие приблизилось к спальне, капитан Волков скомандовал:

-- Вон!

И усиленный караул выстроился. Повитые крепом, слабо спущенные барабаны глухо загрохотали, императрица уронила голову на грудь, почти теряя чувство, так что шталмейстер Муханов поддерживал ее за талию обеими руками. Вступили в опочивальню. На выдвинутой походной кровати между теплившимися бледным пламенем свечами в высоких церковных подсвечниках, лежало маленькое тело почившего императора Павла Первого, облеченное в гвардейский мундир и осененное огромной треугольной шляпой. Бриллианты розетки сверкали на ней, как слезы.

Около стоял доктор Роджерсон.

Едва императрица увидела тело супруга, громкий вопль излетел из груди ее.

Шталмейстер Муханов и доктор Роджерсон поддержали Марию Федоровну. Великие княжны тихонько заплакали.

С минуту все стояли неподвижно. Страшная тишина была вокруг мертвеца.

Тогда императрица стала приближаться к телу. Колени ее медленно сгибались, и она поникла, целуя маленькую, изящную, уже пожелтевшую, восковую руку императора.

-- Ах, друг мой! -- могла она только проговорить.

Вдруг загрохотали барабаны караула, стоявшего с другой стороны опочивальни.

Вошли Александр и Елизавета, сопровождаемые графом Паленом и князем Платоном Зубовым.

Златокудрый, юный Александр, несмотря на всю скорбь свою, проехавшись в Зимний и обратно, овеянный весенним дыханием солнечного, прелестного утра, получив уже множество знаков беспредельного обожания со стороны государственных чинов, гвардии и толпившегося на улицах радостного народа, входя в опочивальню, внес с собой струю жизни и отражение блеска ее на нежных алых устах, чуть опущенных ланитах и на прекрасных очах своих.

Но когда он впервые увидел изуродованное лицо своего отца с надвинутым на проломленный висок и зашибленный глаз краем шляпы, накрашенное и подмазанное и все же, несмотря на гримировку, обнаруживавшее ужасные синие кровоподтеки, тогда юноша впервые ясно понял и представил себе, что произошло с несчастным родителем его. Пораженный, немой, побелев, как полотно, недвижно остановился он, вперив широко раскрытый, полный ужаса взор на страшные останки самодержца.

Императрица-мать на шум обернулась к входящим.

Несколько мгновений она переводила взор с сына на мертвого мужа и обратно.

Затем, отступив от тела, она сказала сыну, негромко, но отчетливо, с выражением глубочайшего горя и совершенного достоинства.

-- Теперь вас поздравляю: вы -- император.

При этих словах император Александр, как сноп, рухнул во весь рост без чувств.

Никто не успел поддержать его.

И слышно было, как античная, златокудрая голова его звонко ударилась об пол.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла под руку шталмейстера Муханова и, поддерживаемая им и графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты.